

Швейцер Петер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск, 1995.

Петер Швейцер, автор сенсационного бестселлера «Победа», раскрывает тайную стратегию США, разработанную президентом Р. Рейганом и директором ЦРУ У. Кейси и направленную на развал советской империи.

Используя тайную дипломатию, администрация действовала по трем направлениям: на нефтяном рынке, в Афганистане, а также в Польше.

В качестве документального материала в книге приведены эксклюзивные интервью с основными участниками разработки и проведения разрушительной политики из окружения Рейгана, а также с официальными лицами из КГБ, Политбюро и правительства СССР.

Моим родителям Эрвину и Керстен Швейцер посвящается

От автора

Автору хотелось бы поблагодарить всех тех, кто согласился с ним беседовать на поднятые в этой книге темы, а именно: Каспара Уайнбергера, Билла Кларка, Джорджа Шульца, Дональда Ригана, Роберта Макфарлейна, Джона Пойндекстера, Ричарда Аллена, Герберта Мейера, Генри Роузена, Уильяма Шнэйдера, Фреда Айкла, Гленна Кемпбелла, Эда Миза, Роджера Робинсона, Джона Ленчовски, Стефа Галпера, Алана Фирса, Дэвида Вигга, Девей Клэриджа, Алана Уайтгэкера, Джералда Поста, Евгения Новикова, Олега Калугина, Мохаммада Юсефа, Чарльза Уика, генерала Джека Чейна, Винсента Каннистраро, Мартина Андерсона, Олега Тикова, Владимира Кутинова, а также всех тех, кто пожелал остаться инкогнито. Несколько моих собеседников были настолько любезны, что прочли рукопись и сделали весьма ценные замечания.

Создавая эту книгу, автор пользовался документами, великодушно предоставленными ему Институтом Гувера в Стенфордском университете. Огромную помощь ему оказали также доктор Том Хенриксен, человек огромного аналитического ума, и Венди Минкин. Автор часто обращался и к помощи Левиса Ганна и Петера Робинсона, которая оказалась незаменимой. Стипендиальная посредническая программа Института Гувера была очень важна с точки зрения любого писателя.

В процессе написания этой книги меня поддерживало много людей. Я очень благодарен моей жене Рейчел, неизменно помогавшей как редактор, слушатель, ассистент и утешитель. Книга эта была создана во многом благодаря ее стараниям. Мои родители, которым я посвятил книгу, служили мне опорой, ободрением и любовью. Эвелин Руэб всегда помогает мне видеть вещи в нужном аспекте, привнося в мою жизнь здравый рассудок. Ричард Руэб стал моим близким другом. Я всегда могу рассчитывать на Джо и Мери Даффус, на их помощь словом и делом.

Благодаря моим прекрасным друзьям мне было легче жить и работать. К счастью, их у меня много, и мне также хотелось бы их здесь перечислить: Рон Робинсон, Герман Пирчнер, Джеймс Тэйлор, Джим и Карен Мельник, Поль Вивиан, Джим и Лесли Линдсей, Билл и Джилл Маттокс, Дуайт и Адриен Шимода, Наоми Руэб, Бред и Рита Руэб, Дэвид Риденауэр и доктор Фриц Г. А. Крамер.

Выражаю также сердечную благодарность моим агентам: Джо и Дженис Уолли, а также Моргану Энтрекину и Колину Дикерману из «Atlantic Monthly Press». Морган - это издатель, которому я обязан несколькими наиболее захватывающими и обличительными книгами последних лет.

Ответственность за содержание этой книги автор полностью берет на себя.

«И познаете вы истину, и истина сделает вас свободными».

Евангелие от Иоанна, глава VIII, стих 32.

(Надпись в вестибюле штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли).

Вступление

«Американская политика 80-х годов явилась катализатором краха Советского Союза», - говорит Олег Калугин, бывший генерал КГБ. Евгений Новиков, когда-то принадлежавший к высшему эшелону власти ЦК КПСС, утверждает, что политика правительства Рейгана была решающим фактором, приведшим к агонии советской системы социализма. Вышедший советский министр иностранных дел Александр Бессмертных на конференции в Принстонском университете сообщил, что такие программы, как Стратегическая оборонная инициатива - СОИ Strategic Defense Initiative - SOI ускорили развал Советского Союза.

Советский Союз исчез с карты мира отнюдь не в результате процесса реформ или вследствие сложных дипломатических переговоров и заговоров. Он просто не мог дольше существовать. Историки еще не одно десятилетие или даже столетие будут дебатировать о том, что же явилось основной причиной краха советской системы. Банкротство государственной идеологии? Неизбежный провал из-за того, что коммунизм противен человеческой природе? Или, может, просто одряхлевшая и заржавевшая советская экономика в конце концов рухнула под собственной тяжестью, как проваливается крыша под тяжестью снега?

Можно коротко ответить: да, эти причины сыграли важную роль, но были и другие. Без сомнения, одной из хронических проблем Кремля, наиболее заметной в последнее десятилетие существования государства, был кризис ресурсов. До 70-х годов социалистическая система могла худо-бедно как-то ковылять. Да, в Советском государстве всегда были трудности с продуктами питания.) Производительность промышленности была низка, но с началом 80-х годов экономические возможности стали весьма ограничены. С этими-то фундаментальными проблемами и пытался справиться Михаил Горбачев с помощью гласности и перестройки. Он никогда бы не избрал этого пути, если бы не многолетний кризис советской системы.

Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делаются попытки изучить обстоятельства данной смерти. Но даже если жертва была больна неизлечимой болезнью, следователь обязан изучить все возможное. Что явилось причиной смерти? Дали жертве лекарства, которые в нужное время могли бы ей помочь, или не дали? Не было ли каких-либо необычных обстоятельств, сопутствовавших этой смерти, или каких-то непривычных вещей, с ней связанных.

Тот факт, что крушение и похороны Советского Союза произошли после восьмилетнего правления самого яркого антикоммунистического президента в истории Америки, ни о чем не говорит. И все же это требует весьма пристального рассмотрения, по крайней мере в свете обстоятельств и доказательств, появившихся лишь недавно. Хотя на сегодняшний день связь между политикой Рейгана и крахом Советского Союза мало изучается. Исследования в основном сосредоточены на политике Горбачева. Это напоминает изучение причин поражения Южных штатов Америки во время Гражданской войны с учетом лишь одной политики генерала Роберта Ли без рассмотрения политики, проводившейся генералом Улиссом С. Грантом.

Некоторые считают, что между американской политикой 80-х годов и крахом Советского Союза существует незначительная связь или ее почти не существует. Вот как это сформулировал в телепрограмме «В Вашингтоне» Штроб Тальбот: «С точки зрения Кремля разница между консервативной республиканской администрацией и либеральной демократической администрацией была не так уж велика. Советский Союз распался - и «холодная война» почти сразу же закончилась в результате внутренних противоречий или трений в самом Советском Союзе и всей социалистической системе. Вероятнее всего, это произошло бы и в случае, если бы на выборах снова победил Джимми Картер, а вместе с ним и Уолтер Мондейл».

Бывшие советские политики не разделяли этой точки зрения. Политика администрации Рейгана по отношению к Советскому Союзу во многом радикально отличалась от прежней. Ирония точки зрения тех, кто сегодня считает незначительным влияние американской политики на внутренние дела Советского Союза, в том, что в 70-е, 80-е годы они предлагали вести по отношению к Кремлю политику уступок. Рейгана

называли «лихим ковбоем», который мог нас всех привести к краю атомной пропасти.

Самое значительное после Второй мировой войны геополитическое событие, имевшее место после восьмилетнего правления президента Рональда Рейгана, называли «дурной удачей». Но, может, лучше было бы все же вспомнить слова Наполеона, произнесенные им, когда его офицеры назвали победу нелюбимого ими коллеги «дурной удачей». Он тогда сказал: «Дайте мне сюда побольше генералов, имеющих «дурные удачи».

Кризис ресурсов, перед которым встало советское руководство 80-х годов, возник вовсе не из-за американской политики в 80-е годы; он неизбежно вытекал из самой системы. Однако Соединенные Штаты Америки, как об этом стало недавно известно, проводили всестороннюю политику, усиливавшую этот кризис. Такая политика проводилась по-разному: с помощью закулисных дипломатических приемов, тайных сделок, гонки вооружений, в ходе которой достигался все более высокий технический прогресс. Все это, а также многие другие акции имели своей целью подорвать основы советской экономики. Кроме того, Вашингтон делал высокие ставки на то, чтобы отделить советские периферии, остановить развитие коммунизма не только в странах «третьего мира», но также и в сердце империи.

Без сомнения, Рональд Рейган не пылал любовью к марксизму-ленинизму и советскому «эксперименту». Он верил, что коммунистическое правление вовсе не «всего лишь другая форма правления», как это назвал Джордж Кеннан, но чудовищное заблуждение. «Президент Рейган был глубоко убежден, что Советский Союз не выживет, что он не сможет выжить, - вспоминал Джордж Шульц. - Это убеждение вовсе не вытекало из глубокого знания проблем Советского Союза, а лишь было чисто интуитивным». ¹ Это мнение высказано вовсе не постфактум, а вполне объективно. ¹

Рональд Рейган - тупица, по мнению многих американских интеллектуалов, - удивительно точно оценивал состояние здоровья советского режима. «Ближайшие годы будут прекрасны для нашей страны, свободы и цивилизации, - говорил он студентам Нотрдамского университета в мае 1981 года. - Запад не будет сдерживать коммунизм,

¹ Значок «\» стоит перед ссылкой на номер источника, список которых приводится в конце каждой главы.

он его превзойдет. Не будем осуждать его, мы просто забудем о нем, как о печальной, странной главе истории человечества, последняя страница которой пишется именно сейчас». В июне 1982 года Рейган так высказался в английском парламенте: «В ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы являемся свидетелями большого кризиса революционного характера, кризиса, в котором требования экономического порядка противоречат требованиям порядка общественного. Но только кризис этот развивается не на свободном, немарксистском Западе, а в колыбели марксизма-ленинизма, в Советском Союзе... Мы видим здесь политическую структуру, не имеющую связи со своей экономической базой, общество, производительные силы, которого связаны политическими силами»; Рейган утверждал, что марксизм-ленинизм останется «на свалке истории», и предвидел, что в Восточной Европе и в самом Советском Союзе дело дойдет до «повторяющихся протестов против репрессий». 8 марта 1983 года в знаменитой речи о пресловутой «империи зла» Рейган еще раз сказал: «Я верю, что коммунизм - это очередной печальный и странный раздел истории человечества, последняя страница которого пишется сейчас».

Попробуем сравнить эти заявления со взглядами выдающихся американских интеллектуалов. После визита в Москву в 1982 году Артур Шлезингер сообщал: «Я видел в магазинах больше товаров, больше продуктов на базарах, больше машин на улицах, - всего больше, за исключением икры, неизвестно, по какой причине». Направляя свою критику в адрес администрации Рональда Рейгана, он писал, что «те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, - занимаются самообманом». Шлезингер сравнивал таких американцев с советскими сановниками, утверждавшими, что являются свидетелями последнего этапа существования капитализма. Вместе с тем он отметил, что они в обоих лагерях находятся «люди, считающие другие общества менее стабильными, чем они являются в действительности. У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной».

Известный экономист Джон Кеннет Гелбрайт в 1984 году дал похожую оценку состоянию дел: «Русская система сдает экзамен, поскольку в отличие от западной промышленности она полностью

использует человеческие ресурсы». Известный советолог Северин Биалер из Колумбийского университета в статье в «Foreign Affairs» (1982) занял следующую позицию: «Советского Союза ни сейчас, ни в ближайшие десять лет не коснется настоящий кризис системы, потому что он является гордым властелином огромных неиспользованных ресурсов, которые могут обеспечить ему политическую и общественную стабильность и позволить пережить даже самые большие трудности». Лауреат Нобелевской премии Поль Сэмюэльсон в учебнике «Экономика» (1981) определил это еще более четко: «Это упрощение - предполагать, что большинству людей в Восточной Европе плохо живется». А профессор Лестер Туров из Массачусетского Технического института еще в 1981 году утверждал в своем учебнике «Проблемы экономики»: «Может ли решение вопросов народного хозяйства в значительной мере ускорить экономический прогресс? Огромный прогресс Советского Союза доказывает, что это может стать фактом. В 1920 году Россия немного значила на экономической карте мира. Сегодня это государство, достижения которого в области экономики можно сравнить с достижениями Соединенных Штатов!».

Штроб Тальбот, после того, как еженедельник «Тайм» объявил Михаила Горбачева «Человеком десятилетия», напечатал статью, в которой заявил, что «голуби» в длинном, тянущемся уже сорок лет споре, были совершенно правы. Он утверждал, что антикоммунисты в администрации Рейгана основывали свои взгляды на «гротескно преувеличенном представлении о могуществе и возможностях Советского Союза. Считалось, что он располагает огромной силой, которая включает также веру в себя, отвагу и средства, дающие возможность ведения тотальной войны». Однако, как показала история, все было наоборот. Именно левые либералы последовательно переоценивали силу советского режима. Как признавал левый либерал, экономист Роберт Хейлбронер, в «Dissent»: «Чем дальше смотреть вправо, тем более точным оказывался исторический прогноз, чем левее - тем ошибочнее он был». 15

Убежденность Рейгана в изначальной слабости советской системы проявилась не только в его выступлениях. Это нашло свое выражение в проводимой им политике. Администрация Рейгана хотела использовать слабости Советского Союза в собственных стратегических целях. Коммунизм разрывали противоречия, которые несли в себе смертельную угрозу. У него были милитаристские и всемирные амбиции, и вместе с

тем он стоял перед лицом внутренних экономических проблем и отсутствием ресурсов. Если бы можно было оказать на Кремль достаточно мощное давление, он был бы вынужден выбирать между сохранением статуса мировой империи и решением внутренних проблем.

В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, - вспоминает Каспар Уайнбергер, - была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств». 16

Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже вглубь самой Страны Советов.

Цели и средства этого наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах, - официальных документах президента, направленных советникам и департаментам, касающихся ключевых проблем внешней политики. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка. Подписанная в марте 1982 года «NSDD-32» рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Принятая Рейганом в ноябре 1982 года «NSDD-66» в свою очередь объявляла, что цель политики Соединенных Штатов - подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т.е. на базовые средства, считавшиеся основой советского народного хозяйства. Наконец, в январе 1983 года, Рейган подписал «NSDD-75», в которой Соединенным Штатам рекомендовалось не только сосуществование с советской системой, но и фундаментальные ее изменения. Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение экономической войны, или войны за ресурсы. Рейгановская администрация не спровоцировала кризис советской системы, а лишь усугубила его.

Если говорить о реализации стратегии, то задачи были очень просто разделены. Не вдававшийся в детали Рейган принял решение, куда должен вести этот путь. Совет национальной безопасности прокладывал рельсы, а Уильям Кейси и Каспар Уайнбергер следили за тем, чтобы поезд достиг станции назначения.

Поскольку значительная часть этой стратегии основывалась на ведении тайных операций, директор ЦРУ Кейси стал одним из главных руководителей. Он был самым могущественным директором ЦРУ в истории Америки и имел круглосуточный доступ к президенту. Поскольку существовала необходимость ведения тайных операций, Кейси мог позволить себе вмешиваться во внешнюю политику, что по давней традиции принадлежало другим членам кабинета. «У Кейси словно был свой собственный государственный департамент и департамент обороны, - вспоминает Гленн Кемпбелл, возглавлявший президентский Совет по делам разведки в восьмидесятые годы. - Он был везде, занимался всем. «Директор ЦРУ» - это лишь название должности, ничего не говорящее о том, как на практике действительно осуществлялись функции Кейси». 17

Большая часть деятельности Кейси была покрыта тайной, - даже для отдельных советников самого президента. «Мы никогда не знали, что в данный момент предпринимает Билл Кейси, - вспоминал Ричард Аллен, являвшийся главным советником Рейгана по национальной безопасности. - У него был свой неуловимый черный самолет, в котором он мог жить. Он летал по всему миру, делая все, что только можно себе вообразить. Порой даже президент не знал, где он находится в настоящий момент».

Именно Кейси держал в руках приводные ремни главных действий, связанных со стратегией Рейгана, включая тайные операции в Польше, Чехословакии, Афганистане. «Он делал все, что мог, чтобы досадить Советам,

- вспоминает Дональд Риган, хорошо его знавший, который тогда был министром финансов в правительстве Рейгана, а также руководителем аппарата Белого дома. - Он постоянно думал об этом, он был просто помешан на этом».

Этот «пунктик» у Кейси был не так уж нов. Он имел свои корни в событиях Второй мировой войны, когда Кейси работал в Ведомстве стратегических служб (Office of Strategic Services). По глубокому убеждению Кейси, советский коммунизм являлся не столь уж новой

угрозой, он был весьма подобен тому режиму, который создали гитлеровцы. «Своей задачей он считал продолжение всего того, что ему не удалось свершить после Второй мировой войны, - говорил Алан Фирс, в течение долгого времени (до середины восьмидесятых) принимавший участие в операциях на Аравийском полуострове, после чего был переведен в Центральную Америку. - Смысл своей деятельности на посту директора он видел лишь в продолжении борьбы».

Существенную роль в описываемых событиях сыграл Каспар Уайнбергер, многолетний сотрудник и друг Рейгана. Уайнбергер очень ценил технические новшества и не любил коммунизм. В его представлении достижения в развитии техники давали Америке явное преимущество, которое нужно было использовать с целью ослабления советского народного хозяйства. «Замысел заключался в том, чтобы делать ставку на нашу силу и их слабость, - вспоминал Уайнбергер. - А это означало - делать ставку на экономику и технологию». Это означало также смену приоритетов в военном соперничестве Восток-Запад, делая ставку не на количество, а на качество. Уайнбергер верил, что американский технический прогресс в области вооружений, если его не сдерживать, не даст Москве никаких шансов. В строго секретных документах Пентагона Уайнбергер писал об этом, как о форме экономической войны. Он знал слабые места советской системы и хотел это использовать.

Систему вооружений Уайнбергер планировал строить не на простом увеличении ее финансирования. Не менее важным было то, как будут использоваться деньги, а не только то, сколько их будет потрачено. Как считал генерал Махмут Ахматович Гареев, Москву беспокоило то, что рост вооружения «неожиданно стал интенсивнее... в доселе невиданных темпах и формах». \12

Уайнбергер также полагал, что Советский Союз не выживет без кредитной и технической помощи Запада. При каждом удобном случае он нажимал на то, чтобы как можно эффективнее ограничить связи между Западом и Востоком.

Кейси и Уайнбергер были двумя выдающимися фигурами, реализовавшими стратегию Рейгана. Они были членами первого кабинета Рейгана и остались с президентом на второй срок его полномочий. Наиболее значительную роль в формулировании стратегии сыграл Совет национальной безопасности. Советник по делам

национальной безопасности, многолетний друг Рейгана Уильям Кларк, не имел права принимать решений в вопросах иностранной политики, но имел к ней доступ и курировал создание проектов наиважнейших элементов стратегии. Члены Совета национальной безопасности Джон Пойндекстер, Роберт Макфарлейн, Роджер Робинсон, Ричард Пайпс, Билл Мартин, Дональд Фортъе и Винсент Каннистаро сыграли решающую роль в формулировании принципов стратегии. Макфарлейн и Пойндекстер, принявшие после Кларка на себя руководство делами национальной безопасности, во время второго срока полномочий Рейгана воплощали в жизнь важнейшие элементы стратегии в неизменной форме.

Стратегия была создана и стала проводиться в жизнь в самом начале деятельности Рейгана на посту президента, а закончилась в 1987 году из-за тяжелой ситуации, создавшейся в результате иранских событий, из-за ухода с ключевых постов отдельных деятелей и разногласий в самой администрации. Стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

- тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи;
- значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;
- кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничение экспорта советского природного газа на Запад;
- всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;
- комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;
- широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

- рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов,

Проектом стратегии и его внедрением занималось всего несколько членов Совета национальной безопасности и кабинета министров. «Немногие из этих инициатив обсуждались на заседаниях кабинета, - вспоминал Кларк. - Президент принимал решение в присутствии двух или трех советников». Например, секретарь Госдепартамента Джордж Шульц узнал о СОИ всего за несколько часов до ее обнародования. То, что Соединенные Штаты оказывали тайную помощь «Солидарности», было известно лишь нескольким членам Совета национальной безопасности. Важное решение о помощи моджахедам, которая должна привести к военным действиям на территории Советского Союза, никогда не обсуждалось членами кабинета. Президент посоветовался лишь с Кларком и Кейси и затем принял решение.

Большая часть литературы на тему американской политики и конца «холодной войны», включая также «The Turn» Дона Обердорфера и «At the Highest Levels» Майкла Бешлосса и Штроба Тальбота, посвящена почти исключительно тонкостям дипломатии. Такой подход больше говорит об авторах данных книг, чем об администрации Рейгана. Сам Рейган вовсе не считал, что соглашением о контроле над вооружением или международными договорами можно измерить успехи его внешней политики. Он посвящал не так уж много времени большинству соглашений о контроле над гонкой вооружений; сражение между Востоком и Западом ему виделось как великая битва между Добром и Злом.

В этой книге не делается попытка вновь углубиться в описание дипломатии и контроля над гонкой вооружений в период, опережающий окончание «холодной войны». Здесь также не будет описания отношений Соединенных Штатов и Советского Союза в критический период. Хотелось бы лишь рассказать о тайных мерах наступления на экономическом, геополитическом и психологическом фронте, имевших своей целью подрыв и ослабление советского могущества.

Хотелось бы, однако, сделать все же и такое замечание. Как писал Кен Аулетт: «Ни одному репортеру не удастся со стопроцентной точностью восстановить события прошлого. Память участников тех событий выкидывает разные штуки, особенно, когда они смотрят на те события, заранее зная об их развязке. Репортер старается избежать

неточностей в подаче материала, пользуясь многими источниками информации. И все же было бы хорошо, если бы и читатели, и автор были снисходительны к этим недостаткам журналистики».

1. Олег Калугин. Разговор с автором в Институте Гувера.
2. Евгений Новиков. Разговор с автором.
3. Александр Бессмертных. Замечания на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 23 февраля 1993 г.
4. Джордж Шульц. Разговор с автором.
5. Роберт Хейлбронер. «Dissent», осень 1990 г.
6. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
7. Гленн Кемпбелл. Разговор с автором.
8. Ричард Аллен. Разговор с автором.
9. Дональд Риган. Разговор с автором.
10. Алан Фирс. Разговор с автором.
11. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
12. Махмут Ахматович Гареев. «M.VPrunze: Military Theorist», McLean. VA: «Pergamon-Brassey's», 1988, с. 395.
13. Уильям Кларк. Разговор с автором.

Глава 1

Январь 1981 года был в Вашингтоне особенно лют. Сыпал колючий снег, от реки Потомак дул резкий ветер. Однако в столице царило довольно горячее оживление, всегда сопровождавшее ожидание смены правительства. Чуть ли не через два дня после своей инаугурации в качестве президента, Рональд Рейган вызвал в Овальный кабинет Уильяма Кейси, назначенного на должность директора ЦРУ. Это было по многим причинам весьма необычно, что он встречался с президентом тет-а-тет сразу после восхождения того на свой пост. Кроме всего прочего, еще не был утвержден бюджет и сделаны не все назначения. Новое правительство ставило в центр своего внимания экономику. Рональд Рейган, однако, встречался теперь не просто с директором департамента разведки, а с близким советником, которому доверял.

Это доверие находило свое выражение во время всей предвыборной кампании. Когда комитет по выборам Рейгана развалился и в нем воцарился хаос, эту кампанию в январе 1980 года возглавил именно Кейси. «Многие забывают, что начало 1980 года было для Рейгана не самым выигрышным, - вспоминает Ричард Аллен, советник Рейгана по национальной безопасности. - Билл Кейси помог переломить ход событий». Во время всей кампании Рейган прислушивался к советам Кейси. Теперь он отдавал себе отчет, что своим присутствием в Овальном кабинете он обязан менеджерским талантам и политической смекалке Билла Кейси. «Рональд Рейган чувствовал себя должником Билла Кейси, так же как и каждый победивший лидер чувствует себя должником тех, кто обеспечил ему победу», - сказал Мартин Андерсон, советник Рейгана во время предвыборной кампании. Однако по прошествии нескольких недель после выборов 1980 года, когда все лучшие места были заняты, Кейси почувствовал себя, пожалуй, разочарованным. Ему казалось, что доверие и то, что их связывало, принесет ему, как минимум, должность госсекретаря, о которой он мечтал. Но Рейган выбрал Александра Хейга, бывшего главнокомандующего НАТО, умевшего чувствовать пульс событий, человека быстрого, дисциплинированного ума. Хейг не принадлежал к близкому окружению Рейгана и не сыграл в его предвыборной кампании никакой роли. Он также не был ни его другом, ни почитателем. Однако он располагал необходимыми для этой должности качествами: опытом и представительностью.

Когда в конце ноября президент наконец вызвал Билла Кейси и предложил ему должность директора ЦРУ, то стало ясно, что надежды бывшего руководителя избирательной кампании не оправдались. Как правило, директор ЦРУ реализовывал принципы политики, сам не будучи ее создателем. Он редко становился членом узкого правительственного совета. Как правило, он никогда не был на вершине власти. Директор ЦРУ обычно лишь исполнял то, что было непосредственно связано с работой разведки. Так что, когда Рейган предложил ему эту должность, Кейси ответил: «Подумаю и дам ответ».

Чем больше он раздумывал над этим, тем более неприемлемой казалась предложенная ему должность. Он был от нее отнюдь не в восторге. У него была бездна планов и проектов, вместе с тем он знал, что в возрасте шестидесяти восьми лет у него, пожалуй, больше не будет шанса еще раз оказаться в высоких правительственных кругах. Однако он решил как можно лучше использовать шанс, данный ему Рейганом, и войти в круг людей, принимающих политические решения.

Через несколько дней после сделанного ему предложения Кейси позвонил президенту и сообщил, что согласен принять эту должность, но при трех условиях, прибавив, что эти условия не подлежат обсуждению.

Во-первых, он желал получить ранг члена кабинета и участвовать в заседаниях, принимающих решения по внешней политике.

Вторым условием было выделение для него кабинета в Белом доме. Ему хотелось иметь легкий и быстрый контакт с персоналом Белого дома и президентом, а не жить в изгнании в Лэнгли. В политике, так же как и в торговле недвижимостью, важнее всего локализация. Он мог бы тогда без предупреждения входить в Овальный кабинет и иметь неофициальное влияние на политику. Однако кабинет в Белом доме был нужен ему еще по одной причине. Вот что говорит обо всем этом Мартин Андерсон, член президентского Совета по делам внешней разведки: «Собственный кабинет и секретарша на третьем этаже Old Executive Office Building (ОЕОБ) означали, что Кейси мог легко вести тайные беседы с любым членом Совета национальной безопасности. Он также мог использовать свой кабинет для встреч втайне от собственного персонала. Телефонные разговоры, которые он вел из Белого дома, - и тогда, когда он звонил сам, и тогда, когда звонили ему, - имели характер личный и никогда не прослушивались и не регистрировались, в отличие от разговоров, которые велись из здания ЦРУ».

Третье, и последнее, условие - «открытая дверь». Кейси просил президента гарантировать ему непосредственный доступ в Овальный кабинет в любой момент. «Ему не нужно было чье-либо посредничество, чтобы разговаривать с президентом, - говорит Герб Мейер, специальный ассистент Кейси в ЦРУ. - Он сам хотел звонить президенту и лично встречаться с ним в любой момент».

Рейган сразу же согласился на условия Кейси. В то же мгновение родился самый влиятельный директор ЦРУ в истории Америки. Как официально, так и неофициально, он оказался в центре внешней политики. Согласие президента гарантировало ему место в кабинете, так же как и членство в очень немногочисленном Совете национальной безопасности. А важнее всего было то, что он стал членом Рабочей группы по делам национальной безопасности (National Security Planning Group, NSPG), которая вскоре была сформирована. Эта группа обладала реальной властью в области внешней политики. В состав NSPG входил президент, вице-президент, руководители Госдепартамента и министерства обороны, а также советник по делам национальной безопасности. Ее членом должен был стать также Уильям Кейси.

Но кроме власти в правительстве, которой он должен обладать, и кабинета в Белом доме, Кейси располагал еще одним важным атрибутом, благодаря которому мог стать самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки, - близкие отношения с президентом. Эта деталь должна была оказать самое значительное влияние на карьеру Кейси. «Это было родство душ, - говорил Герб Мейер. - Американцы ирландского происхождения, пережившие Великий Кризис, имевшие одинаковое мировоззрение, они встречались по два раза в неделю в течение всего срока президентства Рейгана, и, как правило, с глазу на глаз. Часто разговаривали по телефону. Советники по делам национальной безопасности приходили и уходили, а Билл Кейси по-прежнему прочно сидел в своем кресле. Он был самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки». Кейси, Аллен, Уайнбергер при поддержке президента и решили бросить вызов Советскому Союзу.

После знакомства со штабом в Лэнгли, Кейси нырнул на заднее сиденье темно-синего, пуле- и бомбонепробиваемого «Олдсмобилей-98» без номеров, выделенного ему ЦРУ для этой встречи с президентом в конце января. Машина была набита охраной. У сидящего рядом с водителем охранника был короткий карабин и револьвер магнум. Под рукой у Кейси было несколько телефонов, соединявших его со штабом в

Лэнгли, Белым домом, телефон для прочих разговоров с противоподслушивающим устройством. За «Олдсмобилем» ехала машина службы безопасности с четырьмя охранниками, вооруженными самозарядными револьверами магнум и автоматическими пистолетами узи, спрятанными в больших сумках. Проехав два квартала от перекрестка Шестнадцатой стрит с Авеню Пенсильвания, водитель позвонил охране Белого дома, предупреждая, что «Барон» (такой псевдоним был у Кейси) скоро прибывает.

Не желая опаздывать на встречу с президентом, Кейси поспешно поднялся в Белый дом через черный вход. Он шел слегка наклонясь, размахивая руками. Под мышкой у него было несколько папок, в руке - вечное перо. Охранники старались не отставать от него. Он быстро вошел в Белый дом. Часть персонала служб безопасности лишь теперь имела возможность увидеть главного шпиона Рейгана. Пряди белых волос на лысоватой голове, очки в металлической оправе, обезоруживающее милое лицо пожилого человека, находящегося на пенсии. Он просто не вписывался в свою роль. Но его внешний вид лишь на минуту мог обмануть как друзей, так и врагов. Лишь только он открывал рот, все могли убедиться, что имеют дело с быстрым и острым как бритва интеллектом. После короткого разговора с Ричардом Алленом и советником президента Эдвином Мизом, Кейси пошел на встречу с Рейганом.

В Овальном кабинете он крепким пожатием руки поздоровался с президентом. Они обменялись любезностями, а также парой ирландских анекдотов и быстро перешли к делу. Рейган, плохо слышавший на одно ухо, напрягавший слух даже с отчетливо разговаривающими собеседниками, часто просил, чтобы они говорили громче. Можно себе представить, сколько у него было проблем с Кейси с его невыразительной речью и странным говорком! (Рейган часто шутил, что Билл Кейси - первый директор ЦРУ, чьи доклады не нужно кодировать). Во время предвыборной кампании Кейси научился одной очень важной вещи, и это чрезвычайно пригодилось ему позже. А именно: он всегда старался держаться как можно ближе к президенту, чтобы тот мог его слышать.

Проблемы Рейгана со слухом и невнятная артикуляция Кейси стали позже предметом для многочисленных сомнений, действительно ли президент понимал все то, что говорил ему Кейси. Один из бывших советников по делам национальной безопасности вспоминает: «Порой

мы задумывались, а все ли понимает президент из того, что говорит Билли, и перед какими решениями ставит страну одним кивком головы».

Папки Кейси лопались от карт и чертежей, приготовленных для нового руководителя. Он также принес отчеты разведки о советской экономике. «Господин президент, - сказал Кейси, - хочу посвятить это время новой информации о положении русских. У них там тяжелая ситуация и постоянная борьба с трудностями». Он дал президенту данные о самых наибольших трудностях, тормозящих развитие производства, дефицитах, а также анекдотическую информацию, извлеченную из разведывательных рапортов. Он также предоставил диаграммы роста и уменьшения поступлений твердой валюты в Советский Союз. «Ситуация хуже, чем мы себе представляли, - сказал он. - Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос. В Польше восстание. Они застряли в Афганистане, Кубе, Анголе и Вьетнаме; для них самих империя стала грузом. Господин президент, у нас есть исторический шанс - мы можем нанести им серьезный ущерб. Я хочу еженедельно представлять вам материалы разведки - неотфильтрованные, о том, что там происходит. Я также готовлюсь к более широкомасштабному исследованию относительно наших возможностей и того, как мы можем их максимально использовать».

На протяжении всего времени, когда он был директором ЦРУ, Кейси каждую пятницу представлял президенту обещанные материалы. Эта практика имела огромное влияние на отношение Рейгана к Советскому Союзу. Регулярное ознакомление президента Соединенных Штатов с материалами разведки было беспрецедентным. Этот факт имел решающее значение для формирования его мнения о слабых местах Советского Союза. Когда в 1982 году советником по национальной безопасности стал Уильям Кларк, поток разведывательной информации возрос еще больше. «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве, - вспоминал Джон Пойндекстер. - Особенно их анекдотическую часть, о заводах, простаивавших из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания. Это его интересовало больше всего, а также помогало утвердиться во мнении, что у советской экономики огромные проблемы». Это мнение подтверждают и записи в личном дневнике

Рейгана. Запись от 26 марта 1981 года гласит: «Информация о советской экономике. Советы в очень плохом положении. (Если мы воздержимся от кредитов, они будут просить помощи у «дяди», потому что в противном случае умрут с голода»). Рапорты разведки подбирал лично Кейси и работники Совета национальной безопасности, после чего материалы передавались президенту.

Президент слушал Кейси около двадцати минут, потом сказал: «Билл, может, ты выскажешь свое мнение на заседании Рабочей группы по делам национальной безопасности?». Так впервые на собрании группы 30 января обсуждалась тема тайных наступательных операций против Советского Союза. Членами группы в то время, кроме президента, были: вице-президент Буш, Каспар Уайнбергер, Александр Хейг, Уильям Кейси и Ричард Аллен. Советский Союз все больше увеличивал воинский контингент в Афганистане: там в то время находилось 89 тысяч солдат. Многочисленные советские дивизии окружали Польшу, создавая угрозу вторжения. Западная Европа, казалось, совсем этим не интересовалась и выделяла Москве кредиты на строительство огромного газопровода.

Вся Рабочая группа по делам национальной безопасности единодушно признавала, что существует необходимость увеличения бюджета на повышение обороноспособности страны. Именно это направление избрало еще правительство Картера после советского вторжения в Афганистан. «Все были согласны, что основная задача - усиление нашей мощи, - вспоминает Уайнбергер. - Нужно было теперь принять решение о том, каковы наши цели». 18

На встрече председательствовал Аллен, давно считавший, что политика Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу ошибочна. Вначале обсудили вопросы бюджета, а потом Аллен стал высказывать свое мнение о масштабных целях Соединенных Штатов. «Дискуссия была очень оживленной, - вспоминал Уайнбергер. - Именно тогда мы решили, что существует необходимость занять твердую позицию по вопросу о Польше. Не только для того, чтобы воспрепятствовать вторжению, но и чтобы найти возможность ослабить советскую власть в Польше». 19

Относительно общей политики США по отношению к Советскому Союзу тогда еще не было принято никакого решения. Госсекретарь Хейг красноречиво высказался за «жесткую политику разрядки напряжения», которая должна заставить Советы вести переговоры на условиях,

которые бы устроили Соединенные Штаты. Благодаря перевооружению армии и ведению переговоров с позиции силы, утверждал Хейг, должны быть соблюдены интересы США, что означало усиление предупредительной тактики по отношению к врагу. Эта тенденция была характерна для американской внешней политики с 1947 года, пожалуй, лишь за исключением нескольких лет во времена администрации Форда и Картера, когда Америке, жившей в тени вьетнамской войны, не хватало силы духа. Кейси, при мощной поддержке Уайнбергера и Аллена, утверждал, что существует серьезная опасность и в связи с этим нужно предпринять решительные действия. Относительной мощи Америки недостаточно. Нужно иметь в виду силу и состояние здоровья советской системы, - наращивание мощи Америки не воспрепятствует угрозе, а может лишь только приостановить ее. Целью Соединенных Штатов не должно быть увеличение соответствующей американской мощи, а сокращение советской мощи в абсолютном смысле. Когда демократия сражается с тоталитарным режимом, сказал Аллен, то она находится в явно худшем положении. Мы должны сделать ставку на нашу силу, а не на слабость.

Дискуссия длилась почти двадцать минут и закончилась горячей речью Кейси. «Господин президент, мы на протяжении последних тридцати лет играли на нашей территории, избегая перенесения игры на их поле. Таким образом трудно выиграть. Когда они в безопасности и находятся у себя, то на них трудно повлиять. Их поведение изменится только тогда, когда изменится наш образ действий».

Президент также чисто инстинктивно склонялся к проведению Америкой более агрессивной политики. Во время своей избирательной кампании он составил список стран, которые со времен вьетнамской войны попали в сферу влияния Советов. И сейчас, после минутного молчания, он в конце концов сказал: «Я считаю, что концепция Аллена имеет шанс на успех на международной арене - мы получим помощь от наших союзников. Но концепция Билла кажется мне наиболее осмысленной со стратегической точки зрения».

Советский Союз, казалось, понимал эти разногласия в администрации Рейгана. Вот что позднее сказал советолог Северин Биалер: «Советские специалисты-аналитики наверняка видели эту разницу взглядов в администрации президента, хотя вначале не придавали ей слишком большого значения. Например, они отделяли антисоветскую позицию бывшего госсекретаря Хейга и Госдепартамента в целом от

антисоветской и антикоммунистической позиции департамента обороны и Белого дома, утверждая, что те, первые, отстаивают стратегию противодействия экспансии Советского Союза в рамках реальной политики. А вторые идут намного дальше, призывая к крестовому походу против Советского Союза».

Эта дискуссия ограничилась лишь обсуждением концепции, но для начала было достаточно и этого. Президент склонялся к более решительной политике, которая не только не позволит Советам действовать на чужой территории, но и поможет перенести игру на их собственное поле.

На этой встрече Рабочей группы по национальной безопасности было также решено, что администрация должна начать тайную психологическую операцию, которая использовала бы слабые места русских. Советы боялись Рейгана, считая его «лихим ковбоем». Ричард Аллен в период формирования правительства встретился с советским послом Анатолием Добрыниным. «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим, - вспоминает Аллен. - И были смертельно испуганы».

Новая администрация полагала, что нужно поддерживать этот образ, по крайней мере по отношению к Кремлю. «Держать Советов в уверенности, что Рейган слегка не в своем уме, - было его стратегией», - говорит Аллен, Это была идея, выдвинутая уже покойным футурологом Германом Ханом. Он сравнивал битву сверхдержав с опасной игрой, в которой две машины идут на таран. Ни одна, ни вторая сторона не хотят столкновения, но ни одна, ни вторая не хотят свернуть. Но в конце концов кто-то должен это сделать, чтобы избежать катастрофы. Хан достаточно лаконично сформулировал: «Никому не захочется играть во что-то подобное с сумасшедшим». Таким образом, образ ковбоя с точки зрения стратегии был весьма кстати. На встрече были обсуждены детали неофициальной, широко спланированной и подогнанной во всех деталях операции психологического давления (PSYOP).¹²

Ее целью было так повлиять на образ мысли Кремля, чтобы тот ушел в оборону, и таким образом менее всего склонялся бы к рискованным действиям. Она включала также некоторые военные акции на приграничных с Советским Союзом территориях. «Это было весьма тонким делом, - вспоминает бывший заместитель министра обороны Фред Айкл. - Не делалось никаких записей, чтобы не оставить следов».

«Порой мы посылали бомбардировщики на Северный полюс, чтобы советские радары смогли их засечь, - вспоминает генерал Джек Чейн, командовавший военно-воздушными силами стратегического назначения. - А порой запускали бомбардировщики над их приграничными территориями в Азии и Европе». В критические периоды эти операции включали по несколько таких маневров еженедельно. Они проводились с разными интервалами, чтоб эффект был еще более пугающим. Затем серия таких полетов прекращалась, чтобы через несколько недель повториться снова».

«Это и в самом деле приносило результаты, - вспоминает доктор Уильям Шнэйдер, заместитель госсекретаря по делам помощи и военной техники, видевший рассортированные «протоколы после акции», в которых были зарегистрированы воздушные полеты авиации Соединенных Штатов. - Они не знали, что это все значит. Эскадрилья направлялась в воздушное пространство Советского Союза, ее засекали радары, объявлялась боевая тревога. А потом в последний момент эскадрилья поворачивала и летела домой». Первые акции по линии PSYOP начались в середине февраля и сначала имели своей целью вызвать чувство неуверенности, а также заставить Советы воздержаться от вторжения в Польшу. Эти методы применялись и позже, в течение всего периода президентства Рейгана и оказались вполне успешными, если иметь в виду их психологическое воздействие на Кремль.

Какое-то время спустя после этой встречи NSPG, Кейси собрал свой оперативный отдел. Секретные операции должны были сыграть немаловажную роль в политике, планируемой правительством, поэтому ему хотелось изучить возможности организации таких акций через ЦРУ и достижение с их помощью максимального эффекта. Он поручил сотрудникам составить рапорт-отчет о деятельности Управления. На его основании сделал вывод, что ЦРУ сейчас является вялой и неэффективной организацией. Кейси считал, что тайные операции вообще недооцениваются как действенное и стратегическое средство во внешней политике, хотя это был довольно спорный взгляд.

Было ясно, что и в его организации существуют определенные барьеры. Джон Макмагон был начальником оперативного отдела, но в отличие от Кейси был человеком вполне осторожным. «Из слушаний в конгрессе в семидесятые годы он вышел травмированным, - говорил Винсент Каннистраро, бывший начальник оперативного отдела. - Риска

он не любил. Почти во всем, что мы должны были делать, он выискивал проблемы, которые могли бы нас позже преследовать как видения».

Одной из главных тайных операций в то время должна была быть поддержка моджахедов в их борьбе против советского вторжения в Афганистан. Через какое-то время после вторжения, происшедшего на Рождество 1979 года, по просьбе президента Картера Стэнфилд Тэрнер разработал программу, которая могла иметь лишь второстепенное значение в поддержке сопротивления. ЦРУ закупило оружие в Египте и переправляло его через Пакистан при помощи пакистанской контрразведки. Стоимость этого оружия в те годы (1980-1981) составляла приблизительно 50 миллионов долларов. Целью США являлось проведение надежной программы «изматывания» Советской Армии. Саудовская Аравия решила противопоставить советской авантюре в этом регионе материальную помощь, согласившись к каждому американскому доллару добавлять доллар со своей стороны.

Вашингтон хотел, чтобы все доставляемое движению сопротивления оружие было советского производства, что позволило бы ему благополучно уйти в сторону, если бы Советский Союз стал жаловаться на это. ЦРУ выбрало дорогу через Египет по нескольким причинам. Каир с пониманием подходил к борьбе своих мусульманских братьев в горах Афганистана. Кроме того, у него были запасы советского оружия, оставшиеся здесь с шестидесятых - конца семидесятых годов, когда он вел с Москвой военное сотрудничество. К тому же по советской лицензии такое оружие производил Китай. По этой причине в данной операции в них видели потенциальных участников.

Ящики с оружием переправлялись в назначенный район. Однако это оружие оставляло желать лучшего. ЦРУ платило за него как за хорошее оружие, которое должно было значительно ослабить советские войска. Но моджахеды получали старые карабины, старую амуницию и заржавевшую технику. «Египтяне требовали самую высокую цену, а взамен давали лом, - вспоминает один из сотрудников. - Этим оружием можно было лишь слегка поугагать Советам». \17

В течение долгих месяцев командиры моджахедов в разговорах со связными из ЦРУ жаловались на плохое качество оружия. Но особняк в Лэнгли никаких усилий в этом направлении не предпринимал, опасаясь, что конфронтация с Египтом может сделать очевидным участие США в операции. В первые же дни своей работы в Управлении Кейси прочел

несколько телеграмм, курсировавших между Каиром и Лэнгли, и страшно разозлился.

На этом утреннем заседании новый директор внимательно слушал Макмагона и его сотрудников, сидевших вокруг стола. После короткого вступления с объяснением некоторых тайных операций разговор перешел к Афганистану. Макмагон сказал Кейси, сколько оружия было послано моджахедам, и заверил, что Советы платят высокую цену за свою оккупацию. Когда он закончил, Кейси сразу же сказал: «То, что мы доставляем - это лом. Мы должны дать им настоящее оружие. Скажи своим людям в Каире, чтобы они все уладили. А если это не удастся, я договорюсь с Садатом, когда приеду туда в апреле. Нужно, чтобы Советы дорого за это заплатили. Мы должны поддерживать сопротивление намного лучше! Я хочу, чтобы мы это делали также во всем мире, чтобы нанести им поражение и убрать оттуда совсем. Находящиеся под их ярмом народы - наши лучшие союзники. Дадим прикурить коммунистам. Мы должны пустить им кровь. Но чтобы сделать это, нам придется изменить кое-что здесь, у нас в центре». Макмагон взволнованный покинул это собрание. Сторонник вполне безопасных операций столкнулся с «крестonosцем».

На протяжении всего времени пребывания на посту директора, а особенно в первый год, Уильям Кейси реорганизовывал, оживлял и переориентировал ЦРУ. Ему досталась со времен его предшественника Стэнсфилда Тэрнера раздробленная организация. К приходу Кейси в Управление было 14.000 сотрудников, с бюджетом около 1 миллиарда долларов. Это означало, что организация не могла вести слишком активную деятельность. Тэрнер был технократом, глубоко верившим в шпионские спутники и электронную разведку. Он очень скептически относился к успешности и целесообразности участия людей в акциях, а также к тайным операциям. За четыре года своего директорства он ликвидировал около 820 тайных должностей. Нравственное состояние действующих агентов было очень низким. Несмотря на то, что ЦРУ слыло всемогущей организацией, в начале 1981 года это была слабая и нерезультативная структура. «Там, где нам нужны были первоклассные агенты, мы их совсем не имели, - вспоминал один из сотрудников. - Мы не могли проводить секретных операций даже за углом в магазине, а не то что там, за «железным занавесом».

Джон Пойндекстер вспоминает: «В те давние годы нам была известна общая мощь Советской Армии, но мы не имели понятия о том, что

происходит в Политбюро. У нас также были малые возможности заниматься тайными операциями».

По мнению Кейси, за эту ситуацию отчасти был ответственен конгресс. Во время слушаний 13 января Кейси напрямую сообщил Сенату, что планирует свести к минимуму ограничения, наложенные на ЦРУ. «С какого-то момента жесткая подотчетность может помешать исполнению задач», - сказал он. Когда Кейси вышел, лишь немногие сомневались, что страна перешагнула Рубикон. (К началу лета Кейси значительно сократил число сотрудников управления, чьей задачей являлось информировать конгресс о деятельности ЦРУ). \21

Оставались моральные проблемы. На счету ЦРУ был ряд достаточно позорных акций, таких, как допросы Комиссии церквей, чистки времен Тэрнера, программа «Феникс» во Вьетнаме, неудачные попытки покушения на Фиделя Кастро, слежка за противниками войны во Вьетнаме. Уильям Кейси хотел, чтобы в активе Управления больше таких дел не было. «Трудности последних десяти лет уже позади, - написал он памятку для своих сотрудников в начале 1981 года. - Пришло время ЦРУ вернуться к традиционной секретности при проведении своих операций».

Новый директор был удивлен, что ему в наследство достались столь немногочисленные источники разведанных. «Билл был поражен, - вспоминает его ассистент Герб Мейер. - Ведь мы все же были лидерами свободного мира, но не располагали ни одним агентом высокого класса там, на месте, в Советском Союзе. Помня свой опыт в Управлении стратегических служб, он не принимал никаких объяснений, почему дело дошло до такого состояния». \3

Военные годы оказали значительное влияние на взгляды Вилла Кейси, касающиеся методов ведения соревнования между народами, экономических войн, а также успеха секретных операций. В 1944 году войска союзников готовились к наступлению на немцев. Проблема заключалась в том, что они располагали немногочисленным отрядом разведчиков на немецкой территории. У них были агенты в Италии, Франции, Северной Африке и даже в Центральной Европе, поставлявшие немало ценной информации, спасавшие жизни сотен и тысяч людей и помогавшие союзникам в их войне против немецкой армии. Но в самой Германии их агентурная сеть была более чем скромной. У них там не было агентов и даже перспективы создания шпионской сети. Командование союзников обратилось с этой проблемой

к «Дикому Биллу» Donovanу, директору Управления стратегических служб. К их удивлению, он поручил проведение этой очень важной и тонкой операции тридцатидвухлетнему бывшему лейтенанту военно-морского флота по имени Уильям Кейси. Лейтенант в 1943 году стал консультантом Управления по вопросам экономической войны. По словам самого Кейси, его работа заключалась «в точном определении наиважнейших хозяйственных арсеналов Гитлера и в поисках способа блокады, выкупа и прочих методах экономической войны». Эта работа казалась Кейси достаточно интересной, но он мечтал о большей активности. Так в 1943 году после предварительного разговора с полковником Чарльзом Вандербилем, сотрудником Управления стратегических служб, он подписал с ним договор и через год был назначен Donovanом руководить разведкой в Европе.

Это назначение было для Кейси лестным, но его положение - незавидным. Морской лейтенант, воспользовавшись удобным случаем, погрузился в пучину своей работы. Благодаря творческой смекалке (а также состряпанным в последний момент директивам), Кейси создал шпионскую сеть в тылах врага. Это было огромным достижением разведки. Как пишет Джозеф Персико в книге «Piercing the Reich», Кейси смог завербовать две сотни агентов, которые проникли в сердце гитлеровской твердыни; они настолько хорошо подделывали документы, что те не возбуждали никакого подозрения, печатали такие удостоверения личности, которые успешно обманывали всеведущее гестапо, создали очень сложную, но успешно действовавшую систему радиоперехвата, сбора информации, наблюдения и анализа всего этого прямо на месте.

Уильям Кейси своей подрывной работой против немцев доказал, что он многое может сделать. Зная, что переброска американцев на территорию врага будет плохим выходом, он набрал волонтеров из отрядов антинацистски настроенных военнопленных. Его агенты говорили по-немецки, хорошо знали Берлин, так что были в полном порядке. Тот факт, что он, используя военнопленных, нарушал Женевскую конвенцию, не остановил молодого шпиона. Такие уж были времена.

К февралю 1945 года Кейси внедрил первых двух своих агентов в Берлине. В марте действовало уже тридцать групп. Через месяц на территории всей Германии у него было 55 групп. Методы их работы были очень творческими. Одна из берлинских групп, действовавших под

псевдонимом «Группа шофер», пользовалась проститутками в качестве шпионов.

Военные годы Кейси, когда он жил как рыцарь плаща и шпаги, на всю жизнь отпечатались в его памяти. Весь этот опыт отложился глубоко в сознании и сформировал представление о том, что такое борьба между врагами и насколько необходимы здесь смелые методы. Все эти уроки касались также и советского коммунизма, равно как и немецкого народного социализма. В книге «Тайная война против Гитлера», изданной после его смерти, Кейси писал: «Я считаю, что в наше время очень важно понять, насколько нужны разведка, тайные операции и организованное движение сопротивления. Благодаря этим методам борьбы с Гитлером, борьбы, которая закончилась победой, было спасено множество человеческих жизней. В будущем, в кризисных ситуациях, эти методы могут оказаться более результативными, чем снаряды и спутники. Их успешность подсказывает нам использование диссидентов против мощных центров и тоталитарных правительств». \26

Однако Стэпсфилд Тэрнер оставил Кейси ценный разведывательный актив. Один из агентов американской разведки, офицер польского генерального штаба Куклинский, находился на самой вершине советского альянса. Он весьма смело предоставлял ЦРУ постоянную информацию о планируемых советских акциях в Польше. В его тайных рапортах была также информация об организации вооруженных сил Варшавского договора и планах операций в Европе. Куклинский был настолько засекреченным агентом, что его рапорты Тэрнер подавал лишь самому высокому руководству. Доступ к ним имели лишь лица из особого списка BIGOT. В Белом доме во время президентства Картера в списке BIGOT находились лишь президент, вице-президент Мондейл и советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

Во времена Кейси список BIGOT также был невелик. Мало кто знал о Куклинском. Кейси, однако же, мечтал располагать десятком таких Куклинских в советском блоке. Ему также хотелось развернуть тайные методы и свершать тайные операции. В начале марта 1981 года он отправился в двухнедельное путешествие на Дальний Восток. (За всю свою бытность на посту директора ЦРУ Кейси провел в пути больше времени, чем любой из его предшественников). Ему хотелось встретиться с теми, кто работал на передней линии фронта, и узнать их точку зрения. ЦРУ уже давно не работало в таком стиле. Когда Тэрнер

был директором, то, как заметил один из его сотрудников, Уильям Гейтс: «ЦРУ раскорячилось в оборонительном раболепстве».

Кейси не мог принять такую ситуацию. Он все время говорил своим сотрудникам: «Работа в разведке всегда связана с риском. Я надеюсь, мы сживемся с ним. А избегать мы должны лишь одного - ненужного риска».

Итак, Уильям Кейси прибыл в Вашингтон и вскоре стал самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки. Благодаря своим личным контактам с президентом, а также своей официальной власти члена администрации, он стал ключевой фигурой, формирующей внешнюю политику США. «Билл Кейси обожал свою работу. Он был великолепен в этой должности, - утверждал Дэвид Вигг, многолетний сотрудник Кейси в бизнесе, какое-то время бывший связным ЦРУ с Белым домом. - Трудно переоценить его влияние на политику».

Таким образом в начале 1981 года Кейси вернулся к тайным операциям как к проверенному виду деятельности. Они проводились в жизнь в рамках стратегии Совета национальной безопасности, изменив ход «холодной войны» и превратив ее в ускоренный развал Советского Союза.

1. Ричард Аллен. Разговор с автором.
2. Мартин Андерсон. Разговор с автором. См. также его «Revolution», «Hoover Institution Press», 1993.
3. Мартин Андерсон. Разговор с автором.
4. Герб Мейер. Разговор с автором.
5. Герб Мейер. Разговор с автором.
6. Разговор с автором.
7. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
8. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
9. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
10. Присутствовавшие на встрече государственные служащие. Разговор с автором.
11. Статья, впервые появившаяся в «Foreign Affairs», повторно опубликованная в книге Северина Биалера «Советский парадокс». Лондон, «I.V.Taurus», 1986, с.319.
12. Ричард Аллен. Разговор с автором.
13. Фред Айкл. Разговор с автором.
14. Джек Чейн. Разговор с автором.

15. Уильям Шнэйдер. Разговор с автором; также Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
16. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.
17. Разговор с автором.
18. Разговоры с сотрудниками американской разведки; подобные отчеты появились в книге Джозефа Персико «Кейси: Жизнь и тайны Уильяма Кейси». Нью-Йорк, «Penguin», 1991.
19. Разговор с автором.
20. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
21. «Вашингтон пост», 14 января 1981; «The Economist», 4 июля 1988.
22. «The Economist», 4 июля, 1981.
23. Герб Мейер. Разговор с автором.
24. Уильям Кейси. «Тайная война против Гитлера». Вашингтон, «Regnery», 1988, с. 4.
25. Джозеф Персико. «Piercing the Reich». Нью-Йорк, «Ballantine», 1979.
26. У. Кейси. «Тайная война против Гитлера».
27. Д. Персико. «Кейси», с. 213.
28. Правительственный служащий. Разговор с автором.
29. Дэвид Вигг. Разговор с автором.

Глава 2

После прихода в Белый дом новой администрации. Кремль с интересом стал наблюдать за развитием событий в Вашингтоне, Москва в 70-е годы воспряла духом. Ее влияние в мире росло, американское же могущество убывало. В 1979 году Леонид Брежнев публично огласил, что развитие событий от Вьетнама до Ирана положило начало новой эре, в которой «положение дел складывается не в пользу капиталистов». Америка, угнетенная событиями во Вьетнаме, по-прежнему хранила осторожность, в то время как Москва проявляла смелость и агрессивность. Серия ее дипломатических маневров принесла свои плоды в Северной Африке. У нее были потенциальные союзники в Центральной Америке. В декабре 1979 года Кремль, чувствуя себя уверенно (и даже слишком уверенно), был убежден, что может диктовать ход событий во всем мире. В результате этой убежденности и произошло вторжение в Афганистан, у которого жестокая война отняла почти все силы.

Советские идеологи, такие, как Сулов, публично утверждали, что избрание Рейгана президентом доказывает, что Америка «находится в состоянии кризиса». «Правые, стремящиеся к войне, - это признак приближающегося упадка Америки». Однако на самом деле советское руководство опасалось новой Вашингтонской администрации.

«В Центральном Комитете побаивались Рейгана, - вспоминал Евгений Новиков, в то время работавший в международном отделе ЦК КПСС, - его менее всего хотели видеть в президентском кресле». 11

Олег Калугин, тогдашний генерал КГБ, отвечавший за контрразведку, подтверждал это. «Рейган и его взгляды настолько беспокоили советское правительство, что оно было близко к истерии. Кружили сообщения о приближении кризиса. В Рейгане видели серьезную угрозу».

Кремль не без оснований боялся Рейгана. Во время выборов 1980 года КГБ и разведка кремлевских союзников собирали материалы о Рейгане и его сотрудниках. Характеристика, данная Рейгану в докладной Восточно-германской разведки ШТАЗИ, гласила, что Рейган был «крайних антисоветских и антикоммунистических взглядов», уделяя основное внимание созданию военного превосходства, «вел кампанию по изгнанию прогрессивных деятелей из киноиндустрии и профсоюзов», что он жаждал «уничтожить завоевания революции», будучи сторонником «экономической войны» с Москвой и ее союзниками. Все

это беспокоило советское руководство. Собранные о Рейгане материалы включали также цитату из его выступления во время избирательной кампании: «Никто не хочет пускать в ход атомную бомбу, но враг должен ложиться спать в полной убежденности, что мы можем выпустить ее». Развернувшаяся операция PSYOP подливала масла в огонь.

Кроме его идеологической характеристики, разведка располагала разнообразной информацией о подробностях личной жизни президента и его привычках, - что он любит озадачивать подчиненных, не пьет, не курит, бескомпромиссен в идеологии, его жена Нэнси имеет на него большое влияние. Были даже рапорты о том, что Рейган регулярно читает гороскопы.

Донесения также содержали и тревожные данные об увеличивающихся расходах на оборону, за что был ответственен Каспар Уайнбергер. (Бывший советский министр иностранных дел Александр Бессмертных вспоминает: «Читая доставляемые ему сообщения, политическое руководство пришло к выводу, что после некоторого периода, когда расходы на вооружение не повышались (70-е годы), с приходом к власти нового президента, Рейгана, США решили сменить оборонную политику на вооружение. Вся утечка информации и рапорты от нашей разведки в США... говорили о том, что Вашингтон серьезно подумывал об уничтожении Советского Союза с первой попытки». 14 А в США тем временем продолжались приготовления к этому.

В начале февраля 1981 года Уильям Кейси сидел в своем кабинете в особняке ЦРУ, играя галстуком и поглядывая в огромное окно на реку Потомак, зеленое ожерелье, темневшее вдоль ее берегов. В кабинете были также Джон Бросс, Стенли Споркин и еще два сотрудника. Кейси знал, что многие сотрудники Управления не разделяли его взглядов на активное, энергично действующее ЦРУ. Предварительные встречи с Джоном Макмагоном и его сотрудниками из оперативного отдела были не столь уж плодотворными, но все же дали ему возможность правильно оценить ситуацию. «Макмагон постоянно был занозой, торчащей в боку у Кейси, - вспоминал один из бывших членов Совета национальной безопасности. - В течение всего срока пребывания Кейси в этой должности Макмагон саботировал многие его инициативы, игнорировал просьбы, не выполнял поручения, не писал вовремя рапорты». 15

В руководстве оперативного отдела доминировала элита из Гарварда, Принстона, Йелля. Это были агенты в накрахмаленных воротничках, с

невысокими творческими способностями, нервные и чуткие люди. А в представлении Кейси хорошим агентом был тот, кто не боялся иной раз преступить законы. Такова уж природа шпионской деятельности. По крайней мере, война его научила и этому. Поэтому Кейси хотелось иметь своего человека - заместителя начальника оперативного отдела, кто развалил бы эту элиту и был бы абсолютно лоялен по отношению к нему, Кейси, к тому же бескомпромиссен и не похож на своих апатичных коллег. Это должен быть человек, которого можно легко проконтролировать, кто не слишком много знал о том, как действует Управление, и не был слишком независим. Короче говоря, таким человеком оказался Макс Гугель.

Когда была выдвинута его кандидатура, то Вросс, так же как и Споркин, высказали сомнения. Гугель был бизнесменом, участвовал в кампании Рейгана, но в разведке до этого не работал. Именно поэтому Кейси хотелось заполучить его. Гугель был сладкоречивым человеком бизнеса и мог, по мнению Кейси, помочь свалить бюрократов, потому что те мешали проведению тайных операций. «Биллу импонировала его жесткость, - вспоминал сотрудник оперативного отдела. - Кейси представлял, как Макс победит высших чиновников оперативного отдела и контроль за ходом операций Кейси возьмет на себя». Он надеялся, что Гугель поможет ему создать коммерческое прикрытие для агентов и вне территории страны. Гамбит мог бы быть удачным, но Гугель, оправдываясь деловыми интересами, в июле отказался от этой должности. На его место пришел рядовой сотрудник. В начале 1981 года Уильям Кейси предпринял несколько других шагов, имевших цель - консолидацию контроля над секретными операциями и сохранение вокруг них секретности. В середине февраля он попросил президента о радикальном изменении структурного контроля над процессом консультаций по секретным операциям. Согласно традиционной процедуре, в них принимали участие сотрудники соответствующих ведомств и департаментов правительства. Они собирались с целью контроля над предложенными и проводимыми операциями. С шестидесятых годов руководителем группы был советник президента по национальной безопасности. Среди членов консультативного совета был и заместитель министра обороны, заместитель госсекретаря по вопросам политики, председательствующий Соединенного комитета начальников штабов, а также ассистенты госсекретаря, если операция проводилась по их тематике. Теперь же Кейси предложил, чтобы контроль над

операциями вела лишь Рабочая группа по делам национальной безопасности (NSPG). «Каждый раз, когда мы хотим что-то предпринять, - сказал он президенту, - вся информация утекает как сквозь сито. Я же хочу проводить секретные операции, которые действительно секретны».

Рейган тотчас согласился. Новый порядок гарантировал секретность, NSPG не нужно было заранее оповещать, в какой день будет обсуждаться секретная операция. Записи, которые сотрудники Кейси делали во время совещания, нужно было оставлять в конце совещания на столе. Решения должны были принимать непосредственно члены Группы, без участия персонала. Директор по делам Советского Союза и восточноевропейских стран Джон ЛенчОвски вспоминает: «Мы мало знали о тайных операциях. Кейси вел эти дела сам и мы их редко обсуждали. Боялись утечки информации».

Такая ситуация вполне устраивала Кейси. Много говорило о том доверии, которого удостоивал директора ЦРУ Рейган, и о том, какую власть будет иметь Кейси в принятии решений касательно политики секретных операций. А в Лэнгли Кейси тряс дирекцию разведки, так же как и дирекцию оперативного отдела. Ему нужна была точная информация по Москве. В конце февраля он провел первую встречу с руководителями дирекции разведки. Председательствовал Брюс Кларк, чья работа не устраивала Кейси. Правда, тот доставлял Кейси много рапортов с оценкой деятельности разведки (NIEs), экономических рапортов по международным вопросам, но большинство из них, по мнению Кейси, были совершенно бесполезны. «Билл считал, что большинство рапортов NIEs было абсолютной белибердой и ничего общего с нашими проблемами не имело, - вспоминает Генри Роуэн, позже возглавивший Совет по делам разведки, - и даже те, которые имели что-то общее с нашими проблемами, тоже оказывались бесполезными, - там всегда были замечания типа: с одной стороны это так, но с другой стороны...».

Аналитики Управления слишком полагались на компьютерные данные и их распечатки, которые скорее развивали мысль, чем служили оружием. «Факты могут подводить. Ложный взгляд не стоит тысячи слов», - было любимой поговоркой Кейси, которую он часто адресовал дирекции разведки. «Труднее всего доказать очевидное», - было еще одной его любимой поговоркой. Кейси говорил Кларку, что хотел бы, чтобы дирекция разведки с большим вниманием подходила к проектам, требующим напряжения мозга. Он также хотел, чтобы дирекция

концентрировалась на более существенных проблемах в традиционных темах. Недостаточно было знать, сколько зарабатывает Москва на экспорте нефти. Кейси хотел знать, насколько это важно для нее. Одна из целей Кейси

- размещение всюду своих людей, разделявших его взгляды, - антикоммунистов, ценивших экономию и стратегию. Они могли улучшить дело в работе разведки, внося новую струю. Как он заметил в своей записке сотрудникам, система написания рапортов стала «медлительной, обременительной и противоречивой, если вопрос касается реализации его цели, т.е. передачи принимающим решения актуальных, обоснованных прогнозов с гибкими альтернативами».

Одной из важнейших сфер деятельности Кейси была советская экономика. Правда, дирекция разведки сочиняла ежегодно тысячи страниц рапортов на эту тему, но в них было мало информации, действительно связанной с нужной темой. Поэтому-то Кейси и старался ввести в Управление новых талантливых людей. Для того, чтобы проводить активную стратегию, направленную против советской экономики, ему нужно было иметь вокруг своих людей, которые давали бы необходимую информацию.

Ему удалось уговорить бывшего председателя «Rand Corporation» Генри Роузена возглавить национальный Совет по делам разведки, взяв в качестве своего ассистента по специальным делам редактора журнала «Фортуна» Герба Мейера. Оба они были экспертами по советской экономике. Своим связным с Белым домом он взял Дэвида Вигга, экономиста, создавшего систему контроля поступлений твердой валюты в Советский Союз и ее экспорта. Специализация людей, которыми окружил себя Кейси, говорила о его заинтересованности.

С 50-х годов ЦРУ было на Западе главной организацией, проводившей исследования советской экономики. Год за годом рапорты сообщали, что она продвигалась вперед на 3 процента в год. Но обычная информация без компьютерной обработки не подтверждала этого. Кейси верил, что Советы переживают трудности и попросил Мейера сделать собственный анализ. Базой оценок в ЦРУ была компьютерная система SOVMOD, использовавшая опубликованные советские статистические данные, обработанные с помощью различных математических методов. Ознакомившись с оценками, Мейер сообщил Кейси: «SOVMOD - это наживка для наивных».

«ЦРУ видело советскую экономику в таких же радужных тонах, как и сам Кремль, - вспоминал Мейер, - А в действительности люди стояли там в долгих очередях за продуктами питания. Росла нищета, дефициты. Резко увеличивались военные расходы. Многие аргументы подтверждали то, что советская экономика не развивается». Кейси поручил Мейеру провести секретные исследования советской экономики, которые могли бы использовать американские политики. Это должна была быть оценка слабых пунктов, строго секретные отчеты, данные для которых Мейер извлекал бы из материалов разведки и обрабатывал с точки зрения подбора способов оказания нажима. В одном из докладов он утверждал, что в советской «экономике очень много слабых пунктов... Использование их должно стать делом высшей государственной политики». Проект этот должен стать во многом переломным для ЦРУ, деятельность которого до сих пор главным образом концентрировалась на сильных сторонах Советского Союза: его военном могуществе, резервах золота и помощи зарубежным союзникам. Кейси хотел изменить это. «Билл считал, что мы всегда концентрировались на их сильных сторонах, но никогда на слабых, - вспоминает Мейер. - Если разведка и в самом деле должна быть орудием политики, то политики должны знать и слабые стороны Москвы, чтобы их использовать». Директор ЦРУ читал многие рапорты. По словам Мейера, Кейси ежедневно один час читал рапорты о советской экономике. «Замысел ведения Америкой экономической войны против Советского Союза родился в голове у Кейси практически во время Второй мировой войны. Так что никого не должно удивлять то, что он надеялся разорить Советы».

Кейси полагался не только на своих советников. Он постоянно «висел на телефоне», обсуждая со стратегами и аналитиками вне Управления информацию о советской экономике. «У Билла было достаточно личных контактов, - говорит Мейер, - он знал многих крупных банкиров и бизнесменов. Он постоянно разговаривал по телефону, требовал информацию, имел проверенные, надежные данные, просил о разных услугах». 11

С первых же дней директорат ЦРУ неудовлетворительно воспринял волевые решения Кейси, Роузена и Мейера. И русский отдел также не очень-то был расположен принять на себя новые функции, навязываемые ему такими темпами. Еще в июле Кейси решил отрезать его от Управления и переместить в предместье Вашингтона Венну. Он

надеялся, что перемещение ограничит влияние людей, анализирующих советскую экономику по старинке, и создаст для его группы более приемлемые условия работы.

Еще одной важной, но запущенной была группа психологических исследований. Психологи и психиатры уже много лет писали по заданию ЦРУ характеристики зарубежных политиков. Чаще всего свои материалы они черпали из биографических публикаций и отчетов встречавшихся с ними лиц, но Уильям Кейси потребовал для президента что-то более существенное. Он хотел знать, какой Советский Союз видит Америку. Чего боится Москва? Какова ее способность восстанавливать силы? Как быстро она оправляется после поражения? Можно ли поколебать ее уверенность? «Еще раньше были сведения о том, что их руководство испытывает определенные трудности, - вспоминает профессор Алан Уайттэкер, психолог, по заданию Управления обрабатывавший портреты советских политиков. - Но ничего конкретного мы не знали. Мы надеялись собрать больше информации, которую могли бы использовать политики». Кейси хотел, чтобы отдел в первую очередь занялся экономикой СССР, Польшей и Афганистаном.

В марте произошла следующая встреча NSPG, и Уильям Кейси выступил с новым предложением. Опираясь на решение президента о переходе к наступательной стратегии, он хотел начать реализацию секретных операций в развивающихся странах. (Кейси считал, что конкуренция сверхдержав на полях «третьего мира» отнимает слишком много энергии. «Советы вторгаются к нашим союзникам везде, - сказал он. - Почти на каждом континенте они создали основы своей власти. У нас есть возможность положить этому конец. В странах «третьего мира» такая разруха, как при антиколониальном движении 50-60-х годов, а потом при коммунистических режимах 60-70-х. Только сейчас там начались антикоммунистические восстания. Мы должны поддержать эти движения финансово и политически. Если нам удастся заставить Советы вкладывать все больше средств для сохранения своего влияния, то это в конце концов развалит их систему. Нам нужно еще несколько Афганистанов».

Так возникла доктрина Рейгана - план финансирования и поддержки антикоммунистических восстаний во всем мире. Этот замысел понравился Каспару Уайнбергеру, Ричарду Аллену и Александру Хейгу. Рейган попросил, чтобы Кейси вплотную занялся этим делом и назвал те движения, которые нужно поддержать.

1. Евгений Новиков. Разговор с автором.
2. Олег Калугин. Замечания, высказанные в Институте Гувера.
3. Из подшивок в библиотеке Рейгана.
4. Александр Бессмертных. Замечания, высказанные в Принстонском университете на конференции «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 3 мая, 1993 г.
5. Разговор с автором.
6. Разговор с автором.
7. Джон Ленчовски. Разговор с автором. «Нью-Йорк таймс», 11 июня, 1984.
8. Генри Роуэн, Разговор с автором.
9. Герб Мейер. Разговор с автором.
10. Герб Мейер. Разговор с автором.
11. Герб Мейер. Разговор с автором.
12. Алан Уайттэкер. Разговор с автором.

Глава 3

В начале апреля 1981 года Уильям Кейси отправился в трехнедельное путешествие на Ближний Восток и в Европу. В таких местах, как Ближний Восток, его самолет приземлялся, как правило, в сумерках. Огромный черный С-141 «Starlifter» вырулил на изолированную полосу аэродрома. Персонал американского посольства его не встречал и не провожал.

По дороге из Вашингтона самолет этот вообще нигде не приземлялся. Если было нужно, горючее дозаправлялось прямо в воздухе с воздушного танкера КС-10. Экипаж был одет в гражданскую одежду, пассажиры также. На самолете не было опознавательных знаков. Внутри он был оборудован как летающий отель с центром связи. Передний салон, предназначенный для высокопоставленных лиц, был обставлен очень роскошно: диваны, кресла, кровать и все другие удобства. В задней части находился ультрасовременный центр связи, откуда директор ЦРУ имел возможность, ничего не опасаясь, говорить с Вашингтоном или с любым другим местом. Будучи по другую сторону земного шара, он мог связаться с резидентами ЦРУ и даже с отдельными агентами, снабженными соответствующей аппаратурой. Самолет располагал новейшими средствами электронной защиты и радаром, сигнализирующим о приближающейся ракете. Экипаж был вооружен и находился в самолете круглосуточно. Никто кроме него не имел доступа на борт самолета. Когда после приземления он стоял на аэродроме, около него находилась вооруженная охрана.

Во время этого перелета через океан Кейси получал новейшие данные по многим вопросам. Ситуация в Польше быстро менялась. Он поговорил с Каспаром Уайнбергером о военной помощи США для моджахедов и Ближнего Востока. Ему были даны советы, как нужно разговаривать с Саудовской Аравией. В Египте он прежде всего должен был заняться вопросом пересылки через эту страну моджахедам негодного оружия.

В Каире было грязно и многолюдно. Атмосфера напряжена. Кейси прилетел на два дня, чтобы провести с Садатом переговоры и дать ему понять, что прежние условия поставки оружия моджахедам неприемлемы. Он сообщил, что посланное оружие - это лом, хотя за него платит также Саудовская Аравия, которая будет не в восторге, когда

узнает, как Каир тратит эти деньги. Тем более, что Саудовская Аравия также поддерживает правительство Садата.

Уайнбергер был уже довольно опытен, когда попал в Аравию. Он много лет выполнял по поручению суперкорпорации «Бехтель» довольно деликатные операции. Его всегда хорошо принимали в королевской семье. Кейси хотел по поручению президента поговорить в Каире о дальнейшей поддержке движения сопротивления в Афганистане. Уайнбергер еще раз напомнил ему, что королевская семья очень антисоветски настроена и очень реагирует на любое советское влияние в Персидском заливе.

В Саудовской Аравии также всегда хорошо принимали вице-президента Джорджа Буша, особенно шеф внешней разведки, ныне принимавший Кейси, шейх Турки аль-Файси. Буш какое-то время, когда был директором ЦРУ, сотрудничал с Турки, и они оба с удовольствием вспоминали то время. Когда позже, в 70-е годы, Буш стал частным лицом, он по-прежнему поддерживал знакомство с шефом разведки Саудовской Аравии. Буш любил его, а кроме того, принимал участие в бизнесе, связанном с нефтью. Перед тем как Кейси отправился в путешествие, Буш дал ему несколько советов относительно Турки. Сейчас, уже на месте, Кейси мог убедиться, что они были кстати. Перед отлетом Кейси из Вашингтона Буш выслал шейху короткое письмо с уверениями в дружеских отношениях к нему Кейси, прекрасно понимающего проблемы, вытекающие из геополитического положения Саудовской Аравии, 865.000 квадратных миль которой занимают пустыни, и все богатства укрыты глубоко под землей.

Большие запасы нефти в Саудовской Аравии имели большое значение для Запада. Но сама страна была довольно уязвима. Население ее едва насчитывало 9 миллионов человек, и она была окружена врагами, располагавшими мощными, хорошо оснащенными армиями. Королевская семья была изолирована от народа. Здесь же, на севере, Иран и Ирак вели кровопролитную войну. Аятолла Хомейни в своих провокационных выступлениях внушал правоверным, насколько коррумпирован королевский дом в Саудовской Аравии. Если иранцам удастся перейти границы Ирака, то мог бы прийти и черед Эр-Рияда.

Радикальная мусульманская идеология Хомейни возбуждала симпатию многих в Саудовской Аравии, особенно среди недовольных экономическим и политическим порядком. После кровавых событий в Мекке в 1979 году власти усилили предосторожность, но опасность не

была полностью исключена. Больше беспокойство Аравии причиняло не столько государство Израиль, сколько братья-мусульмане в Иране.

Кроме того, саудовцы стояли перед лицом иной, весьма близкой опасности. В Южном Йемене, северном соседе Аравии, к власти пришло радикальное промарксистское правительство. Как считали арабы, Южный Йемен имел два веских основания, чтобы стремиться к свержению монархии в Саудовской Аравии: во-первых, соображения идеологического порядка, а во-вторых, из-за нехватки нефти. К тому же между этими двумя странами не было четкой границы. Аден охотно приветствовал советских военных советников, присутствие которых там беспокоило саудовцев. Вот как выразился один из членов королевской семьи в интервью для «Нью-Йорк таймс»: «Присутствие советских войск на Кубе не представляет такой угрозы Западу, как советское военное присутствие в районе Персидского залива и на северных территориях Африки».

Советское вторжение в Афганистан тоже расценивалось Саудовской Аравией как шаг в сторону Персидского залива, сделанный в надежде, что в результате удастся перехватить богатые нефтяные источники на Аравийском полуострове. Шеф саудовской разведки ясно изложил, каковы советские интересы в этом районе: «Ответ прост: наша нефть. Пока мы не опасаемся вторжения, но ожидаем, что Советы применят силу, чтобы создать для себя такую ситуацию, которая гарантировала бы им поставки нефти».

В королевстве существовало несколько конспиративных групп и организаций, оппозиционных королевской семье. Такие организации, как Союз демократической молодежи, Социалистическая рабочая партия, а также Организация исламской революции для освобождения Аравийского полуострова, в которой доминировали шииты, - пользовались поддержкой Сирии и Ирана.

С точки зрения Кейси, опасения Саудовской Аравии относительно советских намерений могли стать основанием для установления крепкого союза с США. Нефть была молоком матери-кормилицы для индустрии. Западу требовались постоянные и надежные поставки - лишь тогда можно было бы говорить о экономическом восстановлении. В 1970 году, когда арабские нефтяные магнаты были враждебно настроены против Запада, цена нефти перешла все разумные пределы. В 70-е годы ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти) потерял монополию на нефтепродукты, но по-прежнему имела власть и влияние. Уайнбергер

высказал мнение, что в течение двух предыдущих лет многое изменилось, и это может повлиять на отношение Саудовской Аравии к Соединенным Штатам, т. е. эта страна может быть более уступчивой. Важная цель администрации - снижение цен на нефть, что очень помогло бы американской экономике.

Гигантская черная птица вырливалась на полосу в направлении расположенного в стороне ангара в северной части летного поля. Там самолет поджидали службы безопасности американского посольства и двое из местной резидентуры США.

Резидентская сеть ЦРУ в Саудовской Аравии была очень мала и деморализована. К этому привели не только ограничения и урезания времен Тэрнера, но и меры предосторожности из-за иранской революции. Когда радикальные иранские студенты совершили в Тегеране налет на американское посольство, резидентура ЦРУ была застигнута врасплох, в результате в руках экстремистов оказались тысячи страниц рапортов и телеграмм ЦРУ. Конечно, в некоторых телеграммах содержались сведения и о резидентуре в Эр-Рияде.

Для Кейси это была ознакомительная встреча. Он хотел встретиться со своими сотрудниками на их поле сражений, убедиться, насколько они справляются со своим делом, узнать, что их вдохновляет, а что сдерживает. В свою очередь сотрудники имели возможность познакомиться с шефом, рассказы о котором опередили его прибытие. По мнению Кейси, саудовский отдел ЦРУ давно находился в запущенном состоянии. Из-за той огромной роли, которую играл в 70-е годы Эр-Рияд как производитель нефти, госдепартамент и департамент торговли значительно усилили там свое присутствие. В то же время резидентура Управления - нет. Было бы ошибкой следовать здесь задачам, поставленным прежним руководством Управления. Саудовцы, с их богатством, тайные и явные антикоммунисты, могли бы стать критическим компонентом в наступательной стратегии против советского блока. «В семидесятые годы Саудовская Аравия была для нас главным союзником, - вспомнит Алан Фирс, который в те годы проводил по поручению Управления операции на Аравийском полуострове. - Мы поддерживали с ней всесторонние и тесные контакты. Она по многим причинам была для нас исключительно важна».

Из приготовленных резидентами коротких рапортов Кейси узнал, что через несколько недель кувейтцы должны с поклоном прибыть в Москву. Эмир маленького нефтяного королевства начинал бояться.

Вокруг его границ кипела иракско-иранская война. Иранская революция, советское вторжение в Афганистан, а также присутствие сотен радикально настроенных палестинцев в стране, поджигаемых фанатичными исламскими группировками, - все эти события вызывали беспокойство кувейтского правительства. В конце апреля министр иностранных дел Кувейта шейх Сабах, отправился в Москву на консультацию о ситуации в районе Персидского залива. Источники сообщали из Кувейта, что шейх имеет намерение дать понять Москве, что опасность для залива представляет не Советский Союз, а Соединенные Штаты. Кувейт заискивал перед Москвой, потому что чувствовал себя в Опасности. Министр иностранных дел Кувейта старался также убедить саудовцев занять подобную позицию и сотрудничать с его страной, чтобы остановить американское влияние в этом регионе. Может ли его позиция соблазнить Саудовскую Аравию?

Как информировали рапорты, саудовцы не склонялись к такому решению. Администрация Рейгана предлагала им продать самолеты с системой электронного наблюдения (АВАКС) и боевые самолеты, но Саудовская Аравия по-прежнему не была уверена, насколько ей можно полагаться на Америку. Уайнбергер объяснял это Кейси.

Король Саудовской Аравии, а также шейх Турки были заведомо настроены в пользу Запада. С одной стороны, они публично возражали против американской помощи Израилю, а с другой - еще больше ненавидели московскую антимусульманскую пропаганду в советской Средней Азии и агрессию в Афганистане. Кейси был одним из первых высших государственных чиновников, посетивших Саудовскую Аравию. В дипломатических кругах этой страны его антикоммунистические взгляды были хорошо известны.

В этот день, когда кавалькада машин подъехала к запасному въезду в посольство США, на встречу с новым директором ЦРУ прибыл лично шейх Турки аль-Файси с несколькими офицерами охраны. Шейх и Кейси обменялись рукопожатиями и сели в лимузин. Кавалькада снова двинулась в путь. Правители страны приготовили Кейси сердечный прием.

Турки был обаятельным человеком с острым умом, сильно ненавидевший марксистов и атеистов, восприимчивый к западным взглядам, и при всем том - правоверный мусульманин. Он отлично понимал Кейси, хотя тот был католиком. Турки следил за тем, чтобы тот в каждый свой приезд в Эр-Рияд мог принимать участие в личной тайной

мессе. Это был необыкновенный жест с его стороны, учитывая то, что в этой стране было запрещено даже иметь Святое Писание. Для космополитичного Турки Кейси был человеком иной веры, но тех же взглядов на Советский Союз.

Они подъехали к воротам одной из резиденций, расположенных за Эр-Риядом. Вокруг росли финиковые деревья и прочие экзотические растения, выглядевшие на фоне пустыни весьма необычно. Они вошли в малый конференц-зал, шейх и Кейси впереди, а за ними и все остальные сотрудники. На стенах висели арабские ковры. Кейси спросил о них. Он разбирался в этом, потому что в 70-е годы занимался продажей боснийских ковров в США.

Первостепенной заботой шейха Турки было «окружение Саудовской Аравии Советским Союзом». В Южном Йемене находилось около 1500 советских военных советников, в Северном Йемене - 500, в Сирии - 2500, в Эфиопии - 1000, в Ираке - 1000. В Афганистане насчитывалось 100.000 советских солдат. Турки придерживался мнения, что нужно ожидать советской экспансии в Персидском заливе. Он сказал Кейси, что Советы легко могут проникнуть через Баристан-Велуджистан к теплым водам Персидского залива.

Кейси ответил, что президент и он отлично понимают намерения коммунистов. Он процитировал слова министра иностранных дел Молотова, сказанные в 1939 году послу гитлеровцев в Москве: «Южный регион от Батуми и Баку, в направлении Персидского залива, является главным регионом устремлений Советского Союза». «Ничего не изменилось и поныне», - сказал он.

Кейси продолжал, что им нельзя было допускать свержение шаха Ирана. Если бы он по-прежнему находился у власти, ситуация выглядела бы значительно лучше. Он проинформировал шейха, что Вашингтон планирует вскоре оказание помощи Пакистану. Добавил о своих намерениях настаивать, чтобы США увеличили свою помощь моджахедам с целью обескровить Советский Союз и дать ему хороший урок. Поблагодарил шейха за поддержку американской помощи Афганистану. Пересказал ход своих переговоров в Каире насчет качества посылаемого оружия и заключил, что всю эту операцию нужно разворачивать в более широком масштабе.

Турки предложил всестороннюю поддержку этой программе и согласился внести такой в нее финансовый вклад, как и Америка. Заверил, что король считает Среднюю Азию весьма слабым местом

советской империи. Поэтому он намерен увеличить радиус и качество религиозного и антикоммунистического вещания на Афганистан и Среднюю Азию. Король чувствует себя ответственным за наших мусульманских братьев под русским ярмом, сообщил он. Саудовская Аравия намерена развернуть широкомасштабную контрабанду Корана в Афганистан, а затем и в советскую Среднюю Азию. Как он утверждал, это был способ борьбы с Советами на идеологической почве. «В этом с нами аллах,» - заключил он.

Кейси идея понравилась, и он предложил собеседнику использовать в своих пропагандистских материалах информацию о зверствах Советов в Средней Азии после революции и Второй мировой войны.

Угроза, нависшая над Саудовской Аравией, реальна, утверждал Турки. Королевство намерено развернуть программу закупки оружия. Он напомнил, что Эр-Рияд уже несколько лет просит США продать новые самолеты, поскольку как Ирак, так и Иран каждую неделю нарушают воздушное пространство королевства, которое не располагает средствами защиты от них, и привел список этих инцидентов.

Турки прекрасно знал, что Кейси является не только директором ЦРУ, но и членом правительства, Совета национальной безопасности и Рабочей группы по национальной безопасности. Он был очень заинтересован в получении от Штатов тяжелого вооружения. Кейси заверил, что как президент, так и он, понимают положение Саудовской Аравии. Они намерены радикально изменить политику продажи оружия прежнего правительства. Пообещал, что в разговоре с президентом выскажет положительное намерение предоставления Саудовской Аравии такого оружия, которое необходимо для соблюдения безопасности. Шейх был доволен. Кейси также выразил согласие на проведение большего количества совместных разведывательных операций, чем это делалось при его предшественнике. Как это было заведено в его разговорах с иностранными партнерами, он достал несколько донесений.

Материалы касались Южного Йемена. Такого подарка шейх еще никогда и ни от кого не получал. Это были копии секретных сообщений, перехваченных Агентством национальной безопасности (NSA). Южный Йемен получил информацию о существовании группировок саудовских сепаратистов, которые обращались за поддержкой в низвержении королевской семьи. Йеменцы выразили согласие оказать такую поддержку. Обучение сепаратистов проходило в отдаленном уголке пустыни. Кейси подарил шейху данную информацию.

Затем он положил на стол еще несколько документов - копии строго секретных рапортов ЦРУ о производстве советской нефти. В них не было ничего особенного, шейх наверняка располагал большей информацией о производстве нефти в мире, но эти отчеты нужны были для Кейси, чтобы показать, что Москва финансирует свою империю на прибыли от экспорта нефти. Москва сколотила состояние в 70-е годы, когда цена на нефть подскочила сверх ожидаемого. С каждым разом, когда она возрастала на один доллар за каждый баррель, в кассу Москвы поступал миллиард долларов. Нельзя было дальше позволять такое.

Кейси старался внушить шейху очень важную мысль: ни один производитель нефти на свете не мог так существенно влиять на цены, как Саудовская Аравия. В свое время ее продукция составила 40 процентов продукции ОПЕК. Саудовская Аравия располагала огромными запасами нефти, регулируя ее добычу, можно существенно влиять на мировые цены на этот вид топлива. Большинство стран ОПЕК делало нажим на Саудовскую Аравию, чтобы она уменьшила экспорт и подняла цены с 32 долларов за баррель нефти до 36 долларов. На мировом рынке дело дошло до перепроизводства нефти.

Поднимая проблему цен на нефть и вместе с тем вопрос о безопасности в отношениях США и Саудовской Аравии, Кейси хотел подчеркнуть, что существует прямая связь между этими вопросами. То был один из элементов стратегии Рейгана. «Мы стремились к понижению цен на нефть, - вспоминает Уайнбергер. - По этой причине мы продавали им оружие».

Шейх поблагодарил Кейси за сведения и упомянул, что Эр-Рияд уже объявил о более умеренной ценовой политике относительно нефти. Шейх также заверил, что в интересах Саудовской Аравии желание развития американской экономики, которая должна быть сильна. Обещал не поддаваться нажиму, чтобы снизить производство нефти при одновременном повышении цен.

Встреча, проходившая в очень дружественной атмосфере, длилась три часа. Оба собеседника были удовлетворены. Турки имел дело с человеком, понимавшим его опасения и проблемы. Кейси же разговаривал с собеседником, разделявшим его антикоммунистические взгляды и выражавшим волю к сотрудничеству с США, что ранее не удавалось. Самым важным результатом встречи было решение сделать первый большой шаг к тайной войне с Советским Союзом. Саудовская Аравия, чувствуя себя неуверенно и опасаясь за свою безопасность,

искала поддержки у Соединенных Штатов. Вашингтон намеревался ее оказать взамен за политику служения его интересам на мировом рынке нефти. 15

Вечером того же дня черный самолет без опознавательных знаков, без фанфар, стартовал с военного аэродрома Эр-Рияда. Он летел на запад, в Тель-Авив. Когда он находился на высоте около 12 тысяч метров, Кейси заговорил со своими сотрудниками о Польше. Сказал им, что Москва боится поляков. Они вместе стали думать, что можно было бы сделать для поддержки «Солидарности».

Во время президентства Джимми Картера США проводила незначительную кампанию помощи «Солидарности» по части доставки литературы и множительной техники. Советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, поляк по происхождению, выполнял роль катализатора этой программы. Однако объем этой помощи был невелик. Деньги шли на штамповку на майках лозунгов в защиту «Солидарности», на оплату печатников, а также на распространение материалов в защиту «Солидарности».

Все делалось вне Польши. Казалось слишком рискованным заниматься этим непосредственно в стране. «Солидарность» была на сто процентов сформирована и организована в Польше, и обнаруженный какой-либо след о помощи извне мог бы бросить на это движение тень, что оно является орудием ЦРУ. Кроме того, Управление не имело никаких секретных контактов в самом движении.

Кейси пересмотрел все последние сводки по Польше, подготовленные дирекцией разведки. События развивались стремительно. В представлении Кейси дело должно было дойти до применения силы. Он часто разговаривал на эту тему со своими сотрудниками. Польское правительство начало поддаваться давлению «Солидарности», а Москва делала отчаянные усилия, чтобы воспрепятствовать опасности крушения коммунистического режима в Польше. В начале марта высшее руководство Польши было вызвано в Кремль, где Политбюро предъявило им ряд требований. 5 марта секретарь Польской Объединенной Рабочей партии Станислав Каня, премьер Войцех Ярузельский и два члена Центрального Комитета провели встречу с Леонидом Брежневым, председателем КГБ Юрием Андроповым, министром обороны Дмитрием Устиновым, министром иностранных дел Андреем Громыко и пятью другими высшими функционерами партии.

Встреча закончилась сообщением для Польского информационного агентства (ПАП).

Обе стороны единодушно решили, что существует необходимость «принятия незамедлительных мер», чтобы противодействовать угрозе социализму в Польше. Это сообщение выражало общее беспокойство Москвы о том, что целостность ее империи может быть нарушена, и что события в Польше должны стать предметом заинтересованности «всего социалистического содружества». Далее в сообщении говорилось о следующем: «Империалистические силы и силы внутренней реакции надеялись, что экономический и политический кризис в Польше приведет к изменению соотношения сил в мире, ослаблению социалистического сообщества и международного коммунистического движения. По этим причинам особенно важно дать решительный отпор всем опасным попыткам».

В конце авторы сообщения заявили: «Социалистическое содружество нерушимо. Его защита состоит не только в обороне интересов отдельных государств, но и всего содружества... Советский народ верит, что Польша была и будет нерушимым звеном в социалистическом содружестве».

Из Москвы раздавался непрерывный пропагандистский барабанный бой, который подтверждал лишь то, что санкции либо вторжение не заставят себя ждать. В советской прессе ежедневно публиковались сенсационные сообщения. Орган министерства обороны газета «Красная Звезда» обвиняла НАТО в попытках склонить Польшу к участию в западном блоке, «Солидарность» - в «эскалации антисоциализма». Она писала: «Ситуация развивается неудовлетворительно. Непохоже, чтобы правительство владело ситуацией». В феврале «Литературная газета» обвинила Запад в том, что он подстрекает к беспорядкам и руководит деятельностью «Солидарности». Газета утверждала, что «Голос Америки» и «Свободная Европа» являются источником передачи активистам «Солидарности» «приказов» относительно того, где и как раздувать пожар забастовок под знаменами «Солидарности». Это был старый, известный способ пропаганды, но он имел глубокое значение. Указывая на «опасность» из-за границы, Москва хотела оправдать свою военную интервенцию.

Каспар Уайнбергер, всецело занятый деталями бюджета Пентагона, все же внимательно приглядывался к ситуации в Польше. По-прежнему проводились скрытые вылеты американских самолетов-разведчиков, а

также полеты самолетов с системой АВАКС, которые следили за передвижением войск. Президент направил в Москву послание о том, что военная акция вызовет соответствующую реакцию Америки. Он не уточнял, какой будет эта реакция.

Когда самолет Кейси приземлился в Тель-Авиве утром 13 апреля, директора встретила охрана, которая сразу же отвезла американцев в особняк Моссада. Согласно условиям безопасности дипломаты не приезжали встречать Кейси - это привлекло бы слишком много внимания.

В Особняке Моссада Кейси встретился с генералом Исхаком Хоффи, начальником израильской разведки. Присутствовало также несколько его заместителей. Моссад - одна из самых представительных и квалифицированных разведок мира. Она успешно действовала не только на Ближнем Востоке, но также создала активную сеть в Центральной Европе. С помощью эмигрантов из Польши, Советского Союза и Венгрии, разведка создала каналы, ведущие от Албании к Польше, и дальше, вглубь СССР. Эту сеть составляли преимущественно еврейские диссиденты и духовенство. Канал активизировал деятельность в ситуациях, когда Израиль нуждался в конкретной информации, а также для нелегальной переправки людей или каких-то вещей, материалов в соцстраны и оттуда.

Этот канал с самого начала существования государства Израиль был прекрасно организован. Именно благодаря ему в 1956 году была доставлена из Москвы историческая речь Хрущева о десталинизации, произнесенная на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Если верить слухам, этот документ переправил один из участников съезда партии. Кейси хотел подключить к этому каналу и ЦРУ.

Первой темой для обсуждения была ситуация на Ближнем Востоке. Директор ЦРУ заверил своих собеседников, что новая Вашингтонская администрация действительно искренне предана делу защиты Израиля. Добавил, что сейчас можно рассчитывать на новую, очень активную деятельность ЦРУ. Управление в прошлом активно сотрудничало с Моссадом, но в конце 70-х это сотрудничество стало не очень надежным. Кейси подчеркнул, что намерен усилить деятельность своего Управления в сотрудничестве с Моссадом, так как сам стремится к этому.

Генерал Хоффи ответил, что ценит такие настроения. Моссад также охотно будет сотрудничать во всех областях. Управление ощущает нехватку денег. Возможна взаимопомощь в случае финансовых трудностей той или иной разведки.

Израиль со своей стороны нуждался в двух вещах: его интересовал больший доступ к материалам, касающимся Ирака и Сирии, передаваемым через американские спутники-шпионы. США располагали лучшей в мире спутниковой фотосъемкой этих стран, включая расположения иракских атомных центров, что было очень существенно для Израиля. Во-вторых, Моссаду нужны были средства для содержания своей разведки за пределами страны. Кейси без колебания ответил, что оба этих вопроса будут без труда решены, после чего приступил к обсуждению собственных проблем.

Он затронул тему Польши. Кейси нужно было восстановить сеть американской разведки за границей. В Польше у него имелись кое-какие источники, но не было доступа к оппозиции. В особенности его интересовала «Солидарность» и другие оппозиционные движения в Польше. «Можно ли использовать ваш канал?» - спросил он Хоффи. Собеседник утвердительно кивнул головой. Взамен за финансовую помощь Кейси получит доступ к сети Моссада. Они пожали друг другу руки. Дело было сделано.

Вечером 26 апреля черный самолет без опознавательных знаков стартовал вновь. На этот раз он летел на север. На следующий день Кейси должен был встретиться с агентами резидентуры в Риме. С самим резидентом он виделся в начале февраля в Париже, на встрече всех начальников резидентур с новым директором Управления. Но на этот раз у него было в Риме конкретное дело. Он и в самом деле был заинтересован в инспекции римской резидентуры, но еще больше в разговоре на две темы: терроризм и Польша. Первая тема была очень важной с той точки зрения, что римская резидентура насчитывала Много сотрудников и в ее задачу, кроме всего прочего, входило наблюдение за террористическими движениями на юге Европы и на Ближнем Востоке. В Италии существовало множество террористических организаций и очень активно действовали «Красные бригады», получившие доступ в Европу через Рим и Афины. Какой-то весельчак в Управлении назвал Рим городом международного терроризма.

Тема Польши привела Кейси в Рим потому, что именно там находилась одна из главных фигур, имеющих влияние на развитие

событий в Польше. Замысел обратиться к поляку по национальности Папе Римскому с просьбой о сотрудничестве в этом регионе исходил от Рональда Рейгана. Вот как вспоминает Ричард Аллен минуту, когда они вместе с Рейганом просматривали сообщения о визите Папы Иоанна Павла II в его родную страну в 1979 году. «Рейган постоянно повторял, что Папа является ключевой фигурой, решающей судьбу Польши. На него произвел колоссальное впечатление вид миллионов взволнованных поляков, вышедших приветствовать Папу. У Рейгана на глазах были слезы».

Кароль Войтыла родился в 1920 году недалеко от Кракова. Его занятия на гуманитарном факультете Ягеллонского университета были прерваны войной. Университет был закрыт немцами, профессоров пересажали. Молодой студент был вынужден зарабатывать на жизнь просто рабочим. В октябре 1942 года он вступил в подпольную семинарию, основанную кардиналом Адамом Сапегой, архиепископом Кракова. У него был опыт сопротивления по отношению к тоталитарной власти. Жизнеописание Папы произвело огромное впечатление на администрацию Рейгана. Кароль Войтыла не переставал интересоваться Польшей, даже когда в 1978 году он был избран Папой. Он и дальше намерен был действовать согласно своим убеждениям. Ходили слухи, что в декабре 1980 года он послал письмо Леониду Брежневу с предостережением, что если советский руководитель решится на вторжение в Польшу, то Иоанн Павел II вернется в страну и организует движение сопротивления.

Папа был страстным противником марксизма. В марте 1980 года в Мексике он произнес речь, в которой предостерегал об опасности освободительного богословия, ответвления радикальной католической мысли, соединявшей христианские мысли с марксизмом-ленинизмом. Папа говорил о том, что Ватикан будет решительно противостоять прокоммунистическим священникам в таких странах, как Никарагуа и Сальвадор, да и вообще во всей Латинской Америке. Взгляды Иоанна Павла II отнюдь не прибавили ему популярности в Москве. Кроме того, он был высшим моральным авторитетом не только в Польше, но и среди литовцев, язык которых он знал. Прекрасно помня об их положении, Папа в 1979 году объявил о тайном назначении находящегося в заключении литовского архиепископа кардиналом. Известие об этом молниеносно распространилось по Литве и стало огромной поддержкой для действовавшего в подполье костела.

Советская пресса писала о Папе как об опасности, которую нужно либо преодолеть, либо дать ей отпор. Взгляды и вера Иоанна Павла II были словно заразная болезнь. «Для нынешнего руководства в Ватикане объектом особого беспокойства является Украина. Ватикан старается по-прежнему использовать еще существующее там ядро костела католического как средство влияния на население республики».

В появившейся на Украине брошюре под названием «На службе неофашистов» высказывалась мысль: «Реваншисты и враги демократии и социализма надеются на помощь нового Папы... потому что его целью является объединение католиков во всем мире в одну общую антикоммунистическую силу. Это продиктовано не столько беспокойством за судьбы человечества, сколько желанием стать религиозным авторитетом на всей планете».

Персонал ЦРУ в Риме представил Кейси отчет о действиях террористов, а также передал информацию, которая могла быть полезной, потому что касалась оценки ситуации в Польше. Лидер «Солидарности» Лех Валенса совершил исторический визит в Рим в январе 1981 года и встретился с Папой. Его принимал Луиджи Скриччоло, представитель итальянской конфедерации труда. В 1980 году он совершил поездку в Польшу, чтобы оказать Валенсе помощь в организации «Солидарности», а также помог с доставкой печатных машин и множительной техники для членов этого движения. Но Скриччоло работал еще на кое-кого. Согласно сведениям итальянской разведки, он сотрудничал с болгарской разведкой, а его связником был сотрудник болгарского посольства. Такой агент мог передать советскому блоку необычайно ценную информацию, он был в центре событий, ему доверяли. Валенса подвергался опасности.

Кейси просил, чтобы резидентура помогла ему встретиться с кардиналом Агостино Казароли, госсекретарем в Ватикане. Казароли был советником четырех Пап. Как сторонник нормализации отношений с коммунистическими правительствами в Восточной Европе он проводил политику медленного, постепенного и взвешенного налаживания отношений между Ватиканом и коммунистическим блоком на межгосударственной основе.

Казароли заявил, что уже составленное расписание не позволяет ему встретиться с директором ЦРУ. Кейси догадался, что эта отговорка является отражением проводимой госсекретарем внешней политики. Перед этим Казароли встречался с левыми повстанцами из Сальвадора и

марксистскими вождями из Палестины. Поскольку это была не прямая просьба от президента о встрече, поэтому Казароли мог вежливо от нее уклониться. Он сказал, что с Кейси может встретиться его сотрудник, но, конечно, с сохранением полной конфиденциальности. Поскольку публичное заявление о такой встрече могло закончиться тем, что Советский Союз стал бы спекулировать на том, не плетет ли Церковь совместно с ЦРУ тайный заговор, который может привести к перевороту в Польше, Кейси, чья душа никогда не лежала к протоколам, согласился на предложение кардинала Казароли.

Встреча планировалась в Риме в прикафедральной канцелярии. Директор ЦРУ должен был войти через черный вход, а сотрудник кардинала - через парадный.

Все прошло без осложнений. Сотрудник кардинала с лицом херувима и быстрым взглядом был одет в обычную одежду священника. Он сердечно приветствовал Кейси и извинился за то, что Казароли не смог принять сам. Он чувствовал себя неловко. В конце концов, представителя Ватикана нечасто можно увидеть в обществе директора ЦРУ. Кейси попробовал разрядить атмосферу, сразу заговорив о том, что его интересует исключительно ситуация в Польше.

Сотрудник кардинала вздохнул с видимым облегчением и после этого почти два часа излагал Кейси свою точку зрения на этот вопрос. Кардинал Стефан Вышинский умирал от рака. Он, как ведущая фигура польской церкви, благодаря своему таланту и независимости, создал ситуацию, когда «Солидарность» могла развиваться. Кардинал Вышинский держал польское правительство в страхе, грозя широкими волнениями, если оно решится на репрессии по отношению к «Солидарности». Вместе с тем он просил придерживать наиболее радикальные элементы в движении, поскольку спровоцированное правительство могло бы решиться на применение силы или же попросить советских братьев об интервенции. Диссидент еврейского происхождения Адам Михник заявил, что благодаря кардиналу Вышинскому «церковь стала самым могучим противником тоталитарной системы». «Уход кардинала будет невосполнимой потерей», - сказал представитель Ватикана Кейси. Церковь все же намерена и дальше поддерживать «Солидарность» и противостоять репрессиям.

Папа был убежден, что рано или поздно репрессии наступят. Важно было лишь то, какую они примут форму и как к этому будут подготовлены церковь и оппозиция, поскольку углублялся

продовольственный кризис, участились забастовки. Церковь надеялась облегчить проведение реформ, но без «закручивания гаек». Но без Вышинского это будет нелегко сделать.

После двухчасовой встречи Кейси поблагодарил представителя Ватикана и спросил, будет ли Казароли располагать временем при следующем его визите в Ватикан. Сотрудник кардинала коротко ответил: «Нет». И добавил: кардинал считает, что в такой ситуации лучше всего не сотрудничать, это только обострит ситуацию. Кейси вовсе не был задет таким решительным отказом, поскольку высказанная информация и так во многом помогла ему. Из одного этого разговора он узнал больше о внутренней ситуации в Польше, чем из всех рапортов в Лэнгли.

Об услышанном он догадывался и раньше. В этом был готов содействовать и президент Рейган. «Мы в действительности не подписывали никаких договоров о сотрудничестве относительно разведывательной деятельности и ознакомления с ними друг друга, но Ватикан и так очень помог,» - вспоминал Джон Пойндекстер. События вскоре должны были привести Ватикан и США к более тесному сотрудничеству, особенно в польских делах. Через несколько недель после визита Кейси в Рим произошла попытка покушения на Папу. Президент, Каспар Уайнбергер и Уильям Кейси видели за этим актом невидимую руку Советского Союза. Папа также.

1. «Saudis, Stressing Regional Stability, See Soviet Threat», «Нью-Йорк Таймс», 8 февраля, 1980, сек. А, с. 6.
2. Там же.
3. Алан Фирс. Разговор с автором.
4. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
5. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
6. Ричард Аллен. Разговор с автором.
7. Из «Increasing Activity of the Ukrainian Catholic Church in Western Ukraine», RFE/RL Research Report, 119/83, 16 марта, 1983.
8. Н.О. Сафронова. «Униатская церковь и фашизм», Львов, 1981.
9. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
10. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

Глава 4

В мае 1981 года в Москве проходило важное совещание КГБ. Собирались высшее руководство разведки из всех управлений. Такие совещания проводились регулярно и являлись важным источником информации для партийного руководства. На основании их определялась текущая политика КПСС, готовились документы по важным проблемам, связанным с международной ситуацией, возникавшими перед Советским Союзом. С речами выступили Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев и председатель КГБ Юрий Андропов, содержание которых не получило широкой огласки. Затрагивались проблемы Латинской Америки, Афганистана и Китая, но темой номер один была новая администрация в Вашингтоне.

Генеральный секретарь усталым шагом первый поднялся на трибуну. Этот сановник, десятилетия занимающий кресло на вершине Политбюро, выглядел не лучшим образом. Кружили слухи о его близкой кончине. Он говорил по бумажке, на носу у него были очки с толстыми стеклами. Меркнувший патриарх партии говорил о том, что новое правительство в Вашингтоне «проявляет крайне реваншистские тенденции», ведет дело к «опасной дестабилизации в мире». Рейган проводит политику «дальнейшей эскалации гонки вооружений... и стремится к подрыву советской экономики». Новый президент «не заметил, что общая расстановка сил в мире не благоприятствует капитализму». Он хочет «нивелировать достижения международного социализма, используя методы провокации... и экономической войны».

Речь длилась сорок пять минут. Брежнев часто прерывался, чтобы найти нужное место в бумажке. Когда закончил, было видно, как он устал. Его тут же повезли домой.

Через несколько минут на трибуну поднялся Юрий Андропов. Он сам был не намного моложе Генерального секретаря, но был в лучшей форме, решителен, уверен в себе. Андропов показал образ Соединенных Штатов в еще более зловещих красках.

Довольно остро критиковалось правительство США. Андропов предполагал, что после своего появления в Овальном кабинете президент откажется от антисоветской риторики, но она продолжалась. Он процитировал присутствующим слова Рейгана, сказанные им во время первой пресс-конференции в Белом доме: «Они (Советский Союз) присвоили себе право свершать любые преступления, лишь бы

достигнуть своей цели... Таким образом, разрядка действует лишь односторонне, является дорогой с односторонним движением, которую Советский Союз использует в своих целях».

По мнению Андропова, значение слов Рейгана было вполне ясным. Настали «опасные времена». Запад организует структуры с целью «провокаций против социализма». Кроме того, Вашингтон готовится к первому атомному удару. Со времен кубинского кризиса советские руководители не высказывались так агрессивно и не рисовали таких ужасающих картин.

Андропов был неправ, утверждая, что Вашингтон готовится к первому атомному удару по Москве. Но ведение экономической войны было как раз в намерениях Уильяма Кейси и Каспара Уайнбергера. Где бы им ни приходилось бывать, они оказывали всяческий нажим, чтобы отрезать Советскому Союзу возможность торговать с Западом, а также получать его технологии и кредиты. А там, где им не удавалось таким образом повлиять на политику, Они старались внушить, что она была бы наиболее желательна.

9 мая Кейси находился на курорте в Хот Спрингс в Западной Виргинии. Он выступил с речью на совете по бизнесу. Кейси заявил, что советская экономика «становится все слабее», в стране «растет недовольство». Он не сказал напрямую, что США должны использовать эту ситуацию, но явно намекнул на это.

В частных разговорах с американскими бизнесменами Кейси приводил статистические данные, свидетельствовавшие о том, как Советы плохо хозяйствуют. Подчеркивал, что делать инвестиции было бы ошибкой, а если б он сам занимался бизнесом, то наверняка обходил бы Советский Союз далеко стороной. Ему нужно было убедить банкиров, чтобы они не давали займы СССР. За время пребывания в должности ему десятки раз приходилось высказываться подобным образом. Он не раз адресовал такие слова организациям, связанным с бизнесом. Не прекращал убеждать всех, что торговать с Москвой - скверное дело. Порой даже лично звонил руководителям предприятия, давая им указания, что нужно проявлять неуступчивость, либо передавая им секретную информацию о том, что данный проект идет вразрез с интересами Америки. Порой такое вмешательство давало положительный результат, порой - нет.

Самым большим советским экономическим предприятием был проект под названием «Уренгой-6». Он должен был стать наиболее серьезным

объектом в торговле Запада и Востока. У Кейси, как и у Уайнбергера, был свой «пунктик» на сей счет. Это должно было быть строительство подземного газопровода, тянущегося около 5.500 км из Уренгоя на севере Сибири до советско-чехословацкой границы. Там он соединялся с западноевропейской газовой системой, уходившей во Францию, Италию и Западную Германию. По первоначальному проекту газопровод имел две нити. Для страны, которая в то время имела доход всего 32 миллиарда долларов ежегодно, это предприятие имело первостепенное значение. «Для Москвы газопровод был основным экономическим вопросом. Трудно переоценить его значение», - вспоминал бывший член ЦК КПСС Евгений Новиков.

«Это была попросту дойная корова», - утверждал бывший заместитель министра обороны Фред Айкл.

Кремль, не располагая средствами и соответствующей техникой, в 1979 году обратился за западной помощью. Западная Европа, заинтересованная поставками газа не только из Средней Азии, начала переговоры с Москвой, предложившей гарантированные цены на газ на 25 лет. Так должны были исполниться мечты Кремля об улучшении финансовой ситуации. Как и раньше, западные банки выразили согласие на финансирование закупок оборудования, необходимого для строительства газопровода, а также самого строительства при пониженных процентных ставках, гарантированных их правительствами. Вместе с тем западные предприятия предложили продажу высококлассного оборудования за будущие поставки природного газа. Так же, как это было с проектом оренбургского газопровода, Москва использовала «Уренгой-б» для увеличения западных кредитов, в результате которых удалось бы получить двойное финансирование одного и того же проекта.

Проблему двойного финансирования, равно как существенную проблему средств безопасности при строительстве нового газопровода в Сибири, первым обнаружил Роджер Робинсон, вице-президент банка «Chase Manhattan», ответственный за пакет кредитов для Советского Союза, Восточной Европы и Югославии. Во время строительства газопровода из Оренбурга в конце семидесятых, он как-то завтракал с советским министром газовой промышленности. «Я спросил у министра, поддерживает ли он займы на рынке евродолларов на финансирование этого проекта, - рассказывал Робинсон. - Министр только рассмеялся и сказал, что никогда не берет таких займов, - все покрывают поставки

газа в Европу. Советский банк внешней торговли наверняка не проинструктировал его, что таким образом большая часть проекта, как показали более поздние анализы, будет вдвойне профинансирована. В то же время, будучи под влиянием Москвы, «International Investment Bank» собирал 2,2 миллиарда долларов на западных кредитных рынках в четырех больших синдикатах. Документы, связанные с кредитом, четко определяли, что это шло на финансирование поставок труб, компрессоров, турбин и т.д. Это была ошеломляющая самонадеянность».

Робинсон тайно сообщил ЦРУ о своем открытии. В начале февраля Уильям Кейси получил записку от Самнера Бенсона, старшего аналитика Управления. Проект газопровода у него также вызвал опасения. Западная Европа была бы под угрозой перекрытия газопровода Советским Союзом. Австрия, Берлин и Бавария на 99-100 процентов попадали в зависимость от советских поставок. Кроме того, на таких условиях невыгодно настраивать общественное мнение в пользу проекта. У одного американского банкира в 1980 году состоялся частный разговор с бывшим западногерманским министром экономики Отто фон Ламбсдорфом. Он признался, что немцы зависели бы от советских поставок газа не на 30 процентов, как везде писалось, а на все 60. «Но что толку говорить, - сказал Ламбсдорф, - немецкая общественность не будет информирована о действительных цифрах». Этот проект оказал бы весьма благотворное влияние на советскую экономику. В 1980 году в одном из рапортов Бенсон писал: «Энергетическая промышленность помогла Советскому Союзу развить производительность военной машины, пока решались серьезные экономические проблемы». Во время президентства Картера Бенсона мало кто слушал, администрация тогда больше занималась подсоединением Запада к разным источникам энергии, чем закручиванием гаек Советам. Но теперь Бенсон нашел благодарных слушателей в лице президента, Кейси и Уайнбергера.

В начале мая 1981 года, вскоре после получения копии сообщения Роджера Робинсона, Уайнбергер и Кейси провели в Пентагоне встречу, посвященную разным вопросам, в том числе ситуации в Польше и бюджету на оборону. Всплыла и тема газопровода. «Мы и в самом деле считали, что должны остановить осуществление проекта или хотя бы задержать его, - вспоминал Уайнбергер. - Иначе он дал бы им стратегическое преимущество и огромный приток средств».

В правительстве не было единодушия по этому вопросу. Госсекретарь Александр Хейг сопротивлялся предложениям оказать нажим на Европу

и свернуть проект. Он утверждал, что уже поздно. Под влиянием Уайнбергера он послал в поездку по Европе заместителя госсекретаря по экономическим вопросам Мейера Рашниша. Рашниш должен был заинтересовать Европу другими предложениями, чем газопровод, агитировать за американский уголь, синтетические виды топлива и норвежский подземный газ. Но Западная Европа не хотела к этому прислушаться. Если говорить о Хейге, то для него проблема была решена. Но для Кейси и Уайнбергера вопрос о газопроводе был принципиальным и они не хотели легко сдаваться. США были не просто партнером, а лидером свободного мира. Кейси и Уайнбергер поручили аналитикам искать другие решения.

В департаменте обороны за их усилиями наблюдал помощник министра Ричард Перл, хитрый интеллектuala, во всем державший твердую антисоветскую позицию. Он пригласил Бенсона в свой департамент и стал набирать консультантов, от которых требовалось найти иные решения, чем газопровод. Некоторые из замыслов были абсурдны. Один из консультантов утверждал, что у голландцев огромный запас газа, благодаря которому Европа может быть им обеспечена. Другие предлагали строительство газопровода из Алжира. Еще кое-кто - из Ирана через Турцию и Грецию. Кейси поручил своим аналитикам просчитать разные аспекты этих замыслов. Бюро анализа СССР сконцентрировало основное внимание на выгодах, которые получил бы Советский Союз из поступлений твердой валюты и кредитов на выгодных условиях, а также на возможностях построить газопровод без помощи извне.

В конце мая в Белом доме собралась Рабочая группа по делам национальной безопасности. Президент Рейган уже оправился после произведенного на него в конце марта покушения и снова сосредоточился на перспективах советской экономики. Он уже видел сообщение Робинсона.

Хотя в повестке дня было много пунктов, важнее всего был предстоящий саммит в июле в Оттаве. Это была первая встреча президента с главами иностранных государств - союзников и экономических партнеров Америки. Понятно, что выступление президента следовало хорошо подготовить. Если говорить о мнениях по поводу советского газопровода, то Запад разделился. Но Рабочая группа по делам национальной безопасности имела единодушное мнение, что

Вашингтон должен вновь заявить о своей ведущей роли в решении проблем, стоявших перед Западом.

Уайнбергер при поддержке со стороны Кейси и Ричарда Аллена весьма активно ратовал за нажим со стороны США. «Господин президент, - сказал он, - мы должны остановить этот проект. Потенциальная выгода для Советов колоссальная». И он подытожил вероятные выгоды Советского Союза, вытекающие из договора. Рейгану эти данные уже были знакомы. Уайнбергер закончил утверждением, что Америка, по его мнению, должна сейчас же предпринять соответствующие санкции и остановить строительство газопровода.

Сразу же выступил Александр Хейг. «Господин президент, - обратился он, - Западная Европа не откажется от этого проекта. Уже слишком поздно, поскольку дело зашло далеко. Если мы поднимем этот вопрос в Оттаве,

- продолжал он, - лишь пересорим западных руководителей, прежде чем начнем работать с ними по этому вопросу. Прошу разрешить мне частные встречи с министрами иностранных дел, чтобы я оговорил с ними возможность каких-то альтернатив газопроводу».

Как это было ему присуще, Рейган не стал принимать окончательного решения. А два дня спустя объявили, что во время саммита он не будет открыто выступать с изложением своего мнения по газопроводу и оказывать нажим на введение санкций. Хейг будет частным образом оговаривать эти вопросы с министрами иностранных дел. У Кейси и Уайнбергера таким образом появился еще один шанс.

В это же время Кейси и Уайнбергер вместе работали еще над одним вопросом. Москва была намерена добраться до западной техники, которая помогла бы ей справиться с проблемами промышленности и развить военный потенциал. В значительной мере ей это удавалось - она покупала оборудование или же воровала технологию. Советская комиссия по делам военной промышленности руководила этим грандиозным предприятием. Около ста тысяч человек переводило техническую документацию. «Для Советского Союза доступ к западной технологии был вопросом первостепенной важности, - говорил Уильям Шнэйдер, бывший заместитель госсекретаря по делам помощи и военной техники. - В значительной мере он помогал стране решать проблемы промышленности».

Отрезать Советам доступ к западной технологии - с этой задачей нельзя было медлить.

Импорт технологий приносил Советскому Союзу огромную экономическую пользу. По словам Стефа Галпера, директора межуправленческого комитета по делам передачи технологий, данные разведки говорили о том, что «Советский Союз принял стратегическое решение избегать расходов на исследования и разработки, обеспечив себе доступ к западной технологии благодаря краже и нелегальным закупкам ее. Для сбора данных, касающихся потребностей в технологиях в отдельных производствах, русские организовали многочисленные группы. Они принимали решения, отдавая предпочтение украденным технологиям. Импорт техники и технологий означал для страны десятки миллиардов долларов экономии ежегодно на исследованиях и научных разработках».

Москва не краля что попадя. Специалисты сначала оценивали, которая из технологий может больше всего пригодиться как в гражданском, так и в военном секторе. Кейси и Уайнбергер считали, что не нужно сосредотачиваться на сокрытии всех технологий, а лишь тех, что весьма интересовали Советский Союз. «Они искали технологии, которые активно стимулировали бы их развитие». Для Кейси это было не в новинку. Во время Второй мировой войны он делал то же самое, нащупывая слабые места и экономические барьеры у немцев. «Можно отметить, что в какой-то степени Билл Кейси благодаря своему опыту был создателем американской экономической войны», - говорил ассистент Кейси, Герб Мейер. В департаменте обороны этим занимался Ричард Перл. Относительно ЦРУ у Кейси были далеко идущие планы. Он хотел создать бюро, цель которого - отслеживать технологическую базу и контролировать импорт Советов.

В конце семидесятых Управление под руководством Стэнфилда Тэрнера создало секретный проект К, чтобы ликвидировать утечку западных технологий в Советский Союз. Кейси располагал надежными данными о воплощении этого проекта, знал и его слабые пункты. Осуществлением проекта занималась слишком малочисленная группа людей, к тому же они плохо ориентировались, какие из технологий считаются более важными и какие из них нужно более всего охранять.

С началом весны 1981 года на стол Кейси стали регулярно поступать данные разведки относительно советского промышленного шпионажа. У французской разведки в КГБ был информатор под псевдонимом «Farewell». Он работал в управлении Т, отделе науки и техники Первого главного управления. Этот информатор передал очень много

материалов, из которых следовало, что Советы рассчитывали на нелегальную закупку или кражу западной технологии прежде всего с целью восполнения ее нехватки в промышленном секторе и в военном хозяйстве. «Farewell» передал более 4.000 документов, относительно способов поиска КГБ конкретных изделий и технологий. Была также информация о методах создания советских «фирм», советской комиссии по делам военной промышленности и о том, как военно-промышленный комплекс и агенты за границей покупали или крали обложенные эмбарго научные материалы.

США всегда следили за такого рода действиями Советского Союза, но не представляли, что они проводятся в таком широком масштабе. «Farewell» никогда не просил у французов деньги. Через полтора года, в ноябре 1982-го, контакт с ним прервался так же внезапно, как был и найден. Позже оказалось, что «Farewell» скандалил с женой, а когда московский милиционер приблизился к его машине, чтобы вмешаться, «Farewell» запаниковал и выстрелил в него. Он был посажен в тюрьму и получил высшую меру наказания.

Переданные им материалы были, по мнению Кейси, вроде золотой жилы. Как только он их получил, сразу же передал Уайнбергеру, Хейгу и президенту. «Рейгана все это действительно задело, - вспоминает один из членов Совета национальной безопасности. - Когда он взглянул на данные, то сказал: «Мы должны с этим покончить».

Материалы, переданные «Farewell», а также поступившие из других разведывательных источников, подтверждали, настолько важна передача технологий для развития советской техники, военной промышленности и народного хозяйства. Из документов неоспоримо следовало, что с 1976 до 1980 года, благодаря нелегальному приобретению западной технологии, только министерство авиапромышленности сэкономило 800 миллионов долларов на исследованиях и научных разработках.

Этой деятельностью руководила комиссия по делам военной промышленности и президиум Совета Министров. Им также помогало министерство внешней торговли. Они вместе составляли перечень интересующих СССР технологий. Комиссия распоряжалась выделенными из бюджета деньгами на эти цели в количестве 1,4 миллиарда долларов. Большая часть этих средств поступала в твердой валюте, полученной от экспорта на Запад. Средства были предназначены на закупку технологий за границей и ведение разведывательных операций.

Уайнбергер и Кейси принесли в Овальный кабинет информацию, переданную «Farewell» в начале июня 1981 года. Кейси показал президенту список добытого Советами и его ценность. «Господин президент, - обратился он, - советская комиссия по делам военной промышленности получает почти половину этих материалов, мы обязаны этому положить конец. Им все слишком легко дается, - добавил он. - Это угрожает нашей безопасности».

Советы не только получали выгоду от краденых данных, касающихся западной технологии, они также покупали у бессовестных бизнесменов приборы и оборудование, которые те сначала приобретали на Западе, а потом сбывали Москве. Таким образом Советы ежегодно получали сто миллионов компьютерных программ. Они покупали целые производственные линии. В конце семидесятых годов Москва располагала добытыми материалами и оборудованием высокого технического уровня на несколько миллиардов долларов. Диверсионная деятельность проводилась главным образом в Европе. «Нейтральные страны - Швеция, Швейцария и Австрия - сито, через которое к русским утекают передовые технологии», - заметил Уайнбергер.

Рейган кивнул головой и спросил, что тот предлагает. Уайнбергер и Кейси заметили, что нужно укрепить КОКОМ (Координационный комитет по контролю за экспортом стратегических товаров в социалистические страны). Этот комитет также контролирует торговлю оборудованием и стратегическими материалами в страны коммунистического блока. К КОКОМ принадлежат все страны НАТО, кроме Исландии и Японии. «Господин президент, - обратился Уайнбергер, - мы оба хотим расширить списки технологий, контролируемых КОКОМ. Есть много таких, которые нужно охранять, но этого никто не делает. Мы также считаем целесообразным оказание нажима на союзников, а особенно на нейтральные страны. Здесь нам может помочь Устав об управлении и контроле за экспортом 1979 года. Нужно сильно ограничить выдачу лицензий, имеющих значение для государственной безопасности, и допустить к ним лишь тех, кто не занимается экспортом коммунистическому блоку специализированной технологии. Существуют документы, на основании которых можно это сделать. Например, статья 6 Устава позволяет президенту приостанавливать не только экспорт из США, но также и из других стран, причем «всяких товаров, технологий и любой информации, подлежащих юрисдикции США, или экспортируемых через лиц,

подлежащих юрисдикции США». Это касается не только американских фирм, но и всех их зарубежных филиалов, а также оборудования, доставляемого всеми зарубежными фирмами, использующими купленную по лицензии американскую технологию.

Рейгану эта идея понравилась. Он кивнул головой в знак согласия.

В начале лета Уайнбергер послал Ричарда Перла в первую из серии тайных поездок в европейские столицы. Цель его визита - нажим на союзников, чтобы они наложили эмбарго на экспорт советскому блоку. Самыми важными в этой миссии были нейтральные страны - Швеция, Швейцария и Австрия. Условие Америки простое: усилить контроль за экспортом, потому что в противном случае они потеряют доступ к лицензированной американской технологии. Наиболее драматическое воздействие на Москву должно было произвести прекращение поступлений технологий, связанных с производством газа и нефти. В начале июля Кейси получил отчет аналитика из Лэнгли. Он давал анализ энергетического сектора советского народного хозяйства, перспективы которого вырисовывались весьма многообещающе, но при условии поступлений западных технологий. СССР оценивал свои запасы нефти в 6-12 миллиардов тонн, но при использовании традиционных способов добыча нефти все больше падала. Сохранение объемов ее добычи и эксплуатация новых месторождений требовали применения западной технологии. Многие из нефтяных промыслов, расположенных в районе Волги и Урала, в европейской части России, на Кавказе и в Средней Азии, имели проблемы. Москва выделяла на их содержание все больше средств. В начале семидесятых годов она ежегодно инвестировала в содержание нефтяной промышленности 4,6 миллиарда долларов. В 1976-78 годах эта сумма составила более 6 миллиардов долларов, а в начале 80-х - 9 миллиардов долларов ежегодно. Советское министерство нефтяной промышленности надеялось справиться с этой проблемой, совершая огромные закупки западного оборудования. Рапорт утверждал, что Москве нужны:

- вращающиеся буры для углубления существующих скважин и проходки твердых скал. Советы должны перейти со своих турбобуров на американские вращающиеся буры;

- технологии добычи. Кремль уже довел до сведения общественности, что планирует постепенный рост добычи, который к 1985 году может возрасти в два раза;

- технологии прибрежных бурений. Министерство нефтяной промышленности связывало большие надежды именно с прибрежным бурением, а именно в районе Баренцева моря, но такая добыча пока очень невелика. У них была надежда купить новейшие английские технологии, которые позволили Англии достигнуть прекрасных результатов в Северном море.

В конце рапорта делались важнейшие выводы: США имеют монополию почти на все технологии бурения. Последующие годы будут решающими. Если Москва не получит эти технологии, то последствия могут стоить ей миллиарды. Поэтому Каспар Уайнбергер, Уильям Кейси и персонал Совета национальной безопасности под Руководством Ричарда Аллена делали все, чтобы резко ограничить нелегальный экспорт высокоспециализированных технологий Москве. В октябре 1981 года Таможенное управление США начало операцию «Exodus». Операция должна была остановить продажу американской технологии Москве.

Весьма важной целью «холодной войны» была борьба за энергоносители. Никто в ней пока не добился перевеса. Решающую роль в этом могла бы сыграть Саудовская Аравия. Таким образом, эта страна стала серьезным пунктом американской политики.

Государственный департамент дал Саудовской Аравии характеристику как нестабильной стране, управляемой королевской семьей, уязвимой во многих отношениях. Докладная записка гласила: «Существует большая вероятность, отчасти из-за иранской агитации, что впервые многие в этой стране начнут связывать свои неудачи с США, а из-за чего также и с Арабско-Американской компанией (ААК) и правительством Саудовской Аравии. В ААК и в разных районах восточной части страны стала появляться антиправительственная и антиамериканская литература. Сообщают также о возникновении диссидентских организаций».

Еще раньше уже вставал вопрос о необходимости оказания помощи Саудовской Аравии взамен за проведение ею политики, выгодной экономике Соединенных Штатов и усугубляющей кризис советской. Один из первых и наиболее бросающихся примеров действий, предпринимаемых в этом направлении, - борьба за продажу современных истребителей и самолетов с системой АВАКС в 1981 году.

1. Евгений Новиков. Разговор с автором.

2. Фред Айкл. Разговор с автором.
3. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
4. Отто фон Ламбсдорф. Разговор с автором.
5. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
6. Уильям Шнэйдер. Разговор с автором.
7. Стеф Галпер, Разговор с автором.
8. Стеф Галпер. Разговор с автором.
9. Герб Мейер. Разговор с автором.
10. Разговор с автором.

Глава 5

8 июня 1981 года в 14.30 в доме Уильяма Кейси зазвонил телефон. Израильяне бомбили атомный реактор Оширак в Ираке. Кейси сразу же заказал снимки через американский спутник КН-II «Big Bird», летавший над Советским Союзом. Эти снимки должны были показать ситуацию в Ираке. Израильская разведка получила их через шесть часов, непосредственно по спутниковой связи. Благодаря этой любезности Кейси, израильяне были уверены, что операция удалась.

Через два дня директор ЦРУ по секретной линии связи разговаривал с генералом Исфаком Хоффи, шефом Моссада. Он поздравил его с точным ударом. Хоффи же со своей стороны поблагодарил за содействие. «Рад был помочь», - ответил Кейси и спросил, может ли и Хоффи сделать для него кое-что.

Кейси сообщил Хоффи о важности для Америки продажи самолетов с системой АВАКС Саудовской Аравии. США уже доказали делом свое участие в обеспечении безопасности Израиля, может ли теперь Тель-Авив помочь Вашингтону в продаже самолетов? «Мы не ожидаем, что вы будете поддерживать сделку, но не могли бы вы успокоить голоса, критикующие этот шаг?»

Хоффи ответил, что у него есть серьезные возражения по поводу этой акции, но он постарается повлиять на свое правительство, чтобы оно не высказывало публично критических замечаний на сей счет. Кейси поблагодарил генерала и подчеркнул, что если Хоффи еще когда-нибудь потребуются космические снимки, то он всегда может обращаться к нему.

В последующие месяцы уменьшилось количество критических замечаний, высказываемых Тель-Авивом по делу продажи самолетов с АВАКС. Но этого было недостаточно. Администрация, а именно Каспар Уайнбергер, Уильям Кейси и президент, должны были создать мощное лобби, чтобы убедить конгресс.

Летом в Вашингтон с целью расположить конгрессменов к этой акции прибыл шейх Бандар бин-Султан. С ним сотрудничал Уайнбергер и между ними наладились хорошие контакты. Кейси во время вечерних приемов несколько раз встречался с шейхом. У того были прозападные взгляды и многообещающее будущее. Он был сыном министра обороны, принадлежал к близкому окружению наследника трона, принца Фахда,

человека, который фактически правил Саудовской Аравией. После смерти короля Халида положение Бандара в правительственных кругах должно было еще больше упрочиться. Уайнбергер знал, что Бандар готов сотрудничать с США в разных международных вопросах. Чарльз Коган, в те времена ответственный по поручению ЦРУ за дела Саудовской Аравии, посоветовал Кейси начать личное сотрудничество.

В конце июля директор ЦРУ встретился с Бандаром и сыном принца Фахда Саудом. Для гостей сняли в центре Вашингтона восьмикомнатные апартаменты в отеле «Fairfax» (сейчас «Ritz-Carlton»). Отель находился на западе от округа Дюпон и был популярен среди саудовцев. Персонал вполне тактичен, здесь элегантно и космополитично.

Бандар красивый, хорошо воспитанный, жизнерадостный человек, ему было присуще чувство юмора, нравились западные вкусы и мода. В саудовских военно-воздушных силах он летал на истребителях. По убеждениям - закоренелый антикоммунист. Они быстро нашли с Кейси общий язык.

Встреча длилась два с половиной часа. Разговор шел вокруг самолетов с АВАКС. Кейси сказал, что сопротивление Израиля будет уменьшено, но подробностей не сообщал. Бандар и Сауд были настроены скептически относительно всей этой сделки. США уже не раз обещали им то, что потом оспаривалось в конгрессе разными произраильскими группировками. Директор ЦРУ обещал, что проведет несколько телефонных разговоров со своими знакомыми из мира бизнеса, чтобы они помогли ему провести в конгрессе дело по АВАКС.

Кейси был также заинтересован расширением отношений между Вашингтоном и королевской семьей. Он поделился с гостями информацией, которая могла оказаться для них полезной. Только что Ливия и Южный Йемен подписали соглашение о сотрудничестве. Эта информация была важна для саудовцев, потому что Ливия и Йемен, проводившие радикальную политику, поддерживали планы свержения правления королевской семьи. Кейси предложил предоставить гостям данные, полученные по системе подслушивания, а также другие необычайно важные сведения, связанные с этим. Обещал, что будет чаще, чем его предшественник, передавать материалы разведки, которые могут заинтересовать Саудовскую Аравию, а Бандар будет лично получать регулярные отчеты. Как только потребуется, аналитики ЦРУ к его услугам. \1

Кейси обещал также помочь уладить в Капитолии одно нисьма тягостное для Саудовской Аравии дело.

Ежегодно департамент финансов пересматривал перечень заграничных инвестиций в Соединенные Штаты. Перечень охватывал все страны, в том числе и Саудовскую Аравию. Подробные рапорты содержали точные данные о саудовских инвестициях. Конгрессмен Бенджамен Розенталь, руководящий подкомиссией Дома представителей торговли, потребления и денежной политики, сражался за то, чтобы эти данные были преданы гласности. Стэнсфилд Тэрнер, так же как и Уильям Кейси, доставляли Розенталю разные материалы ЦРУ, касающиеся финансовой деятельности Саудовской Аравии в США, но в них не было ключевой информации. Она была в запечатанных конвертах, и касалась таких документов, как: «ОПЕК - официальный заграничный актив», «Кувейт и Саудовская Аравия по отношению к ограничению на покупку американских акций» и «Проблемы, касающиеся арабской собственности».

Вандар хотел, чтобы американская администрация гарантировала, что эти документы никогда не увидят свет. Он сказал Кейси, что если содержание документов будет оглашено, то он сочтет это большой угрозой для их взаимоотношений и будет вынужден устранить некоторые саудовские инвестиции из США.

Это была попытка проверить перспективы развития отношений между двумя странами. Если Бандар будет уверен, что американская администрация не огласит документы, то у него будут основания доверять президенту и его советникам. Речь зашла также о финансовых выгодах. Саудовцы инвестировали в Америке немалую сумму, около 75 миллиардов долларов. Кейси ответил Байдару, чтобы тот был спокоен, он сделает все как нужно.

Затем они перешли ко внутренним делам Саудовской Аравии, прежде всего к обеспечению безопасности королевской семьи. В министерстве внутренних дел этой страны был создан национальный информационный центр, который сотрудничал с французской разведкой. Центральная компьютерная программа с банком данных соединяла службы безопасности в столице с центрами на всех аэродромах, в портах и главных городах провинций. Кейси предложил помощь в обучении персонала. Бандар согласился.

Теперь Кейси перешел к нефтяным делам. Советы старались увеличить свой экспорт нефти на Запад, и в какой-то мере им это

удавалось. Директор ЦРУ попросил предоставить ему данные о договорах, которые заключает Москва, о переговорах перед заключением договоров, об отношении других производителей нефти к советским попыткам увеличения экспорта. Шейх ответил, что предоставить такую информацию Кейси ему не составит труда. В конце шейх предложил тост: «За дальнейшую дружбу!»

Кейси был вполне удовлетворен встречей. Отношения с королевской семьей стали намного теснее, а он сам стал одним из ближайших знакомых шейха.

В начале августа из Польши, самой заметной точки советской империи, стали поступать беспокойные сообщения. Сотрудник польского генерального штаба полковник Куклинский по тайной связи передал информацию, что Польше грозит введение военного положения. Кроме прочих документов, он прислал экземпляры напечатанных в Москве листовок, призывающих граждан сохранять спокойствие и подчиняться законам военного положения. Он также передал информацию о способе введения военного положения. Ранее передававшаяся Куклинским информация подтверждалась. Однако сейчас у американской администрации появились сомнения. Все это казалось уж слишком легко добытым, например, листовки. Администрация подозревала, что в Польше сориентировались об утечке информации и пытались дезинформировать Куклинского. Поскольку ситуация была неясной, а Совет национальной безопасности колебался, конкретных действий не предпринималось.

Белый дом все же не переставал интересоваться деятельностью «Солидарности». Президент недвусмысленно поощрял сотрудников высказывать предложения, как можно помочь движению. Ричард Пайпс нажимал, чтобы дипломатия США заняла решительную позицию в вопросе о Польше, дабы воспрепятствовать советскому вторжению. Однако возможности США вмешаться в события были ограничены в сравнении со способностями реагировать на них.

Источники израильской разведки еще не передавали из Польши никакой стоящей информации. Кейси крайне необходим был контакт с «Солидарностью». Попытка покушения на Папу, а также то, что близкое окружение Леха Валенсы было под пристальным оком болгарской разведки, вызывало на Западе опасение, что и на лидера движения тоже может быть сделано покушение. В Варшаве за сотрудниками американского посольства тоже наблюдали на каждом шагу. Они делали

неудачные попытки связаться с «Солидарностью» по обычным каналам. «Солидарность» была обложена шпионами правительства. Если бы ЦРУ попробовало воспользоваться полученной от Куклинского информацией и предупредить «Солидарность», то полковник мог бы быть разоблачен. Кейси припомнил, что во время Второй мировой войны Уинстон Черчилль оказался перед подобной дилеммой. В конце концов он все же решил не спасать кафедральный собор в Ковентри от немецкой бомбежки, потому что если бы он это сделал, то гитлеровцы сориентировались бы, что союзники разгадали их сугубо секретный шифр. Решись сейчас ЦРУ предупредить «Солидарность», оно бы выдало своего агента, после чего оставался лишь один источник информации - Моссад.

Президент еще до этого поклялся не допустить советского вторжения в Польшу. И клятвы придерживался. Соединенные Штаты по-прежнему посылали свои самолеты в воздушное пространство Советского Союза. В конце августа и в начале сентября американская авиация провела одиннадцать таких акций. В них принимали участие, кроме других, бомбардировщики SAC, стартующие с военных баз на Ближнем Востоке, и истребители с баз в Западной Германии. Последние вызывали у Москвы чрезвычайное беспокойство и внушали мысль о возможности ведения американцами военных операций. Эскадрилья стартовала с базы и летела на высоте несколько тысяч метров вдоль польского побережья Балтики. Ее засекли советские войска противовоздушной обороны и докладывали в генеральный штаб. В последний момент перед нарушением советского воздушного пространства эскадрилья поворачивала и возвращалась назад на базу.

Еще в марте у Уайнбергера произошел спор с советским послом Анатолием Добрыниным на приеме по случаю дня рождения директора «Pepsico» Дональда Кендалла. Добрынин попросил дать ему возможность поговорить с министром обороны, Кендалл выполнил эту просьбу. Советский посол пытался быть настойчивым. «Как вы полагаете, куда идут наши страны? спросил он. - Почему сейчас в воздушном пространстве столько инцидентов?»

«Возможно, отчасти потому, что, по мнению Вашингтона, важно, чтобы Советский Союз и весь мир узнали, как США изменились, - ответил Уайнбергер. - Со времени прихода к власти юной администрации мы будем сильнее и решительнее. И кроме того, нас беспокоят советская политика в Афганистане и Польше».

Добрынин быстро ответил: «Поверьте, моя страна прекрасно знает, насколько изменились США. Я сообщаю об этом, и делаю это аккуратно. Полагаете ли вы, что для наших стран все же важен диалог, а не только обмен заявлениями?»

«Конечно, - ответил Уайнбергер, - при условии, что атмосфера и обстоятельства создадут реальные перспективы эффективных переговоров и возможность удачного их завершения. Если бы Советский Союз вторгся в Польшу, это означало бы, что такие переговоры бессмысленны». \2

Москва со своей стороны не давала понять, что согласна на уступки в вопросе о Польше. Советская Армия уже несколько месяцев проводила учения вдоль западной границы страны. «Мы надеялись, что испугаем поляков и они капитулируют», - вспоминает один из бывших сотрудников советской разведки. В районе Торуня и других частях Польши советская авиация производила боевые полеты. В Польшу транспортировались боевые вертолеты и транспортировщики, что говорило о том, что военная операция не за горами. Кроме того, что эти действия оказывали нажим на поляков, они были опасны в том смысле, что полеты советских летчиков не контролировались с польской стороны.

Высшие круги Варшавского Договора уже в 1980 году склонялись применить военную силу. Согласно протоколу чрезвычайной встречи членов Варшавского Договора, созванной Леонидом Брежневым, некоторые его члены считали «Солидарность» угрозой для всего советского блока. Перед саммитом в конце 1980 года Эрих Хонеккер писал Леониду Брежневу: «Согласно информации, получаемой по разным каналам, силы контрреволюции в Польше перешли в наступление. Любое колебание будет означать гибель социалистической Польши. Вчера еще наши соединенные усилия могли быть преждевременными. Сегодня они необходимы, а завтра будут запоздалыми».

Брежнев разделял беспокойство Хонеккера. В протоколе встречи были записаны его слова: «Ситуация в Польше и опасность, исходящая от Польши, является делом не только Польши, она касается нас всех». Политическое землетрясение в Москве могло бы пошатнуть фундамент всей империи. Но Брежнев не смог предвидеть действий Вашингтона. Как поступит этот новый ковбой в Белом доме?

Совет национальной безопасности в каком-то смысле отдавал себе отчет, что ставится на карту в Польше. Ричард Пайпс подготовил для президента записку на двух страницах, в которой указывал, какого рода угрозу для Кремля составляет «Солидарность», и почему так важно поддержать деятельность этого движения. Он сообщал, что второй после Советского Союза «самой важной страной Варшавского Договора является Польша». Кремль считал, что «Солидарность» - заразная болезнь», от которой социалистическому сообществу необходимо избавиться. Если б это не удалось, весь советский блок был бы «под угрозой нестабильности». «Вирус уже распространился». В Прибалтийских странах также дошло до беспорядков, подобных тем, которые предшествовали возникновению «Солидарности». Деятели этого профсоюза были в контакте со своими братьями-католиками в Литве, у которых их взгляды находили позитивный отклик. В сентябре 1981 года активисты «Солидарности» всенародно огласили свое «Послание к людям труда в Восточной Европе». Один из руководителей движения, Анджей Гвезда, зачитал на съезде профсоюза в Гданьске резолюцию: «Мы поддерживаем тех из вас, кто решился вступить на трудный путь борьбы за свободное движение профсоюзов». Коммунистическое правительство Польши быстро выступило с осуждением резолюции, утверждая: «Это заявление означает, что «Солидарность» выступила против социалистического мира».

Записка Пайпса была передана всем высшим членам Совета национальной безопасности: Рейгану, Аллену, Бушу, Хейгу, Уайнбергеру и Кейси. Она наэлектризовала всех. «Мы больше чем когда-либо были убеждены, что «Солидарность» должна выстоять», - вспоминал Уайнбергер.

Кремль стремился втащить Польшу назад в овчарню, администрация Рейгана в это же время хотела использовать то, что в советском блоке вырисовалась щель. Ставка была слишком высока, но ни первая супердержава, ни вторая не хотели слишком агрессивным стремлением к цели создать риск глобальной войны. Это должна была быть лишь битва теней, происходящая на грани мира и войны.

Польской экономике не хватало стабильности, страна находилась в больших долгах. Система распределения товаров началась с карточек на мясо, введенных в марте, и вскоре охватила все, начиная с пеленок и кончая распределением средств гигиены.

Правительство не гарантировало населению закупок продуктов в достаточных объемах. Результатом такой ситуации были забастовки, еще более углублявшие кризис. С точки зрения финансов, страна была в полном бессилии. В 1981 году Польше не хватало 12 миллиардов долларов для погашения ее долгов. Необходимо было получить новый кредит в твердой валюте, из этого 3,5-4 миллиарда долларов пойдет на финансирование выросших процентов за прежние кредиты, а 7-8 миллиардов в конце года нужно будет выплатить для покрытия трети долга. Без западных кредитов Варшава не выполнила бы своих финансовых обязательств.

Кремль наблюдал за развитием событий в Польше с беспокойством. В конце августа советское Политбюро сделало публичное заявление польскому правительству, чтобы оно приняло меры к оживлению своей экономики, «не влезая в чрезмерные долги капиталистическим странам».

Между августом 1980 года и августом 1981-го Москва в рамках помощи передала Варшаве 4,5 миллиарда долларов и увеличила поставку основных продуктов - нефти, газа и хлопка. Кремль не мог бездействовать, потому что при таком финансовом положении в Польше очень скоро могла бы воцариться анархия.

В Вашингтоне президент Рейган издал инструкцию для своего кабинета, поручив ему принять все меры для поддержки «Солидарности» и прогрессивных реформ в Польше. В начале июля 1981 года комитет одиннадцати банков выработал позицию, которую должны принять американские финансовые организации в переговорах с 400 международными банками относительно польских долгов. Было решено, что Польше нужно сразу же заплатить около 2,7 миллиарда долларов разным банкам мира. Уильям Кейси и Рональд Рейган провели телефонные переговоры о нескольких знакомыми банкирами, склоняя их к непримиримой позиции. 7 августа представители США провели в Париже консультативное совещание с представителями правительств Англии, Западной Германии и Франции по вопросу о займах для Польши. Это была неофициальная встреча, сообщения в прессе о ней не было. США заняли непримиримую позицию по вопросу дальнейших займов для Польши. Предварительным условием их получения было проведение в Польше экономических и политических перемен.

Администрация Рейгана также хотела оказать влияние через доставку в Варшаву продуктов питания. США надеялись, что отчаявшееся

польское правительство, на которое посыпались экономические неприятности, отвернется от Москвы, привлеченное обещаниями помощи и торговли с Западом. В начале июля администрация решила, что выделит Польше помощь в сумме 740 миллионов долларов. «Мы надеемся продвинуть реформы и поддержать «Солидарность», вспоминал Роберт Макфарлейн.

Администрация предпринимала эти шаги открыто, в то же время Уильям Кейси действовал за кулисами, стараясь тайно установить контакт с оппозицией в Польше. Первую попытку он предпринял через центр американских профсоюзов AFL-CIO, которые помогали «Солидарности» советами, обучением и оказывали финансовую поддержку. В 1980 году эта организация выслала 150 тысяч долларов, а также печатные станки, пишущие машинки и, пользуясь посредничеством западноевропейских профсоюзов, - помощь техникой и знаниями. Эта операция произвела на Кейси впечатление! В середине сентября он вызвал к себе Ирвинга Брауна, сотрудника международного отдела AFL-CIO.

Браун был жесткий, бескомпромиссный, решительный человек. Когда-то как представитель AFL-CIO в Европе он тайно посредничал в оказании Америкой помощи некоммунистам на выборах в Италии в 1948 году. В собственном профсоюзе он также боролся с коммунистами и уважал Леха Валенсу.

«Прекрасно то, что вы и ваши коллеги делаете в Польше, - сказал Кейси. - Продолжайте дальше в том же духе и доведете коммунистов до сумасшествия. Рапорты разведки все время сообщают о ваших действиях и о том, как вас хотят достать».

Через двадцать минут Кейси перешел наконец к главному. Он сказал, что хочет установить контакт с «Солидарностью», особенно с руководителями, ответственными за принятие профсоюзом решений. Он нуждался в информации о внутренней ситуации. «Из Польши мы получаем одну чушь», - сказал он Брауну, вероятнее всего забыв о Куклинском.

Браун спросил, чем он может помочь. Кейси ответил, что хочет с помощью AFL-CIO получать конкретную информацию о ситуации в Польше. Профсоюз знал, что там происходит, был, что называется, рядом с событиями. Браун на это предложение согласился. Отношения между ними сложились как нельзя лучше во всех смыслах. Браун встречался либо с Кейси, либо с его заместителем, а также с Джоном

Пойндекстером до 1986 года. «Я какое-то время встречался с Брауном, чтобы узнать, какая у него информация о ситуации в Польше, - вспоминал Пойндекстер. - На встречах с руководителями профсоюзов в Европе он передавал им отправные точки нашей политики, а также собирал информацию. Мы просили его, чтобы он сделал для нас то то, то это, но преимущественно обменивались информацией».

Кейси хотел от Брауна еще кое-чего. Ему нужны были агенты в Польше, особенно такие, которые гарантировали бы доступ к «Солидарности». Он спросил, будет ли Браун сотрудничать в этом. Руководитель профсоюза ни минуты не колебался, его ответ был отрицателен. Если бы он согласился на это и это получило огласку, то пострадало бы честное имя профсоюза. Это дало бы возможность Советам, что они и так делали, утверждать, что AFL-CIO и ЦРУ - это одно и то же.

Отказ огорчил Кейси. Полковник Куклинский передавал очень ценную информацию об угрожающем Польше военном положении, но ситуация вокруг его персоны становилась все напряженнее. 2 ноября он был вызван к генералу Ежи Скальскому, заместителю начальника генерального штаба, ответственному за план введения военного положения. Генерал Скальский проинформировал Куклинского и еще двух сотрудников, генерала Шклярского и полковника Пухалу, а также полковника Витта, что «американцы знают о последней версии наших планов». Они все посмотрели на Куклинского. Благодаря находчивости и хладнокровию, полковник как-то вышел из этой ситуации, но лишь на какое-то время. Он чувствовал, что находится под подозрением. Не теряя времени, установил контакт с ЦРУ и покинул страну. Так разведка США потеряла свой лучший источник информации в Польше.

Однажды жарким днем в середине сентября Каспар Уайнбергер, Эд Миз, Франк Карлуччи и Ричард Аллен обсуждали в Белом доме с президентом бюджет. «Мы сидели во дворе, потому что было очень тепло, - вспоминал Миз.

- Каспар принес стопку документов». Пентагон под крылом Уайнбергера необычно разросся: лишь в 1981 году его бюджет увеличился на 13 процентов. Расходы на снабжение увеличивались на 25 процентов ежегодно. Президент проводил кампанию в защиту системы обороны, а Уайнбергер организовывал наращивание вооружения.

Уайнбергер принес перечень приоритетных целей. Главное внимание в нем было сосредоточено на системах оружия высокого технического

уровня. Уайнбергер делал акцент на инвестировании в «суперсовременные технологии», в оружие, для производства которого использовались точные электронные приборы, лазеры и т.д. Он утверждал, что Соединенные Штаты должны делать ставку на то, что является их силой, т.е. на современную технологию. Советы здесь далеко позади, а некоторые новейшие американские системы и вообще вне досягаемости.

Наращивание вооружений, по мнению Уайнбергера, должно проводиться с всесторонней модернизацией американской армии. На развитии программы по ракетам «Trident» (D-5), создании бомбардировщика B-1, продолжении работ над бомбардировщиком «Stealth» (B-2), укреплении системы наземных установок по пуску ракет и модернизации обычных вооруженных сил. Нужно было увеличить личный состав военно-морского и военно-воздушного флота. Рейган принял этот проект безоговорочно. Если он будет принят Конгрессом, бюджет Пентагона в течение нескольких лет возрастет на 50 процентов.

Осенью этого же года администрация получила хорошие известия: Сенат утвердил проект продажи Саудовской Аравии самолетов с АВАКС. Шейх Бандар был чрезвычайно доволен. Он даже прислал президенту, Уайнбергеру и Кейси послание с выражением признательности. Вскоре после этого директор ЦРУ снова полетел в тайное путешествие - в Пакистан и КНР. Пакистан был каналом, через который оказывалась помощь моджахедам, еще одним ключевым пунктом стратегии, направленной против СССР. Китай же был партнером в помощи Афганистану и занозой в боку у Москвы. В марте Александр Хейг публично заявил, что если Кремль вторгнется в Польшу, то Вашингтон рассмотрит возможность продажи современного оружия Китаю. Кремлю это не очень понравилось. Кейси полагал, что Пекин может быть полезен. Он желал как можно быстрее поставить печати под договором о взаимном обмене разведанными.

Пакистан был бедной страной, окруженной враждебно настроенными соседями, и очень желал сотрудничества с США. На юге он граничил с Индией, с которой вел войну. На западе - с радикальным Ираном и погрязшим в войне Афганистаном. А с севера от СССР его отделяла лишь узкая полоса афганской земли.

В Пакистане Кейси должен был принимать генерал Ахтар Абдул Рахман Хан, начальник центра разведки Inter-Services Intelligence /ISI/, таинственный, солидный, сдержанный, с непроницаемым лицом

мужчина. Это он влиял на движение сопротивления в Афганистане, решал вопросы о закупках оружия и его распределении. Это он был автором общей стратегии ведения той войны, и эта стратегия заключалась в поддержке движения сопротивления и в крушении планов советских войск.

Генерал Ахтар, второй человек после президента Зия-уль-Хака у кормила власти, был жесток и требователен. Он трижды участвовал в войне с Индией, но несмотря на это было неясно, кто его враг номер один - Индия или Советы? «Каждой клеточкой своего тела он жаждал победить Советы», - вспоминал Мохаммад Юсеф, который был подчиненным Ахтара - начальником афганского отдела ISI с 1983 до 1987 года. 19

Самолет ЦРУ с Кейси на борту приземлился темным холодным вечером на базе Хаклала под Исламабадом. Чтобы Кейси мог незаметно «проскользнуть» в страну, было так устроено, что в этот вечер в американском посольстве проводился официальный ужин. В одном из ангаров Кейси приветствовал Ахтар, после чего кавалькада машин тронулась в сторону безопасного здания возле американского посольства. Все следующие 48 часов Кейси занимался изучением проектов переброски оружия в Афганистан. После короткого отдыха он начал свой день со встречи с генералом Ахтаром в главном особняке ISI в Исламабаде. Ахтар передал ему последнюю информацию с фронта о советских потерях, о состоянии движения сопротивления, о переброске оружия и о том, какое оно нужно. Выслушав генерала, Кейси стал анализировать ситуацию и думать о том, как повести дело, чтобы Москва в этой войне понесла еще большие потери. «У него был быстрый ум с решительным и беспощадным подходом к войне с Советами», - вспоминал Юсеф. Директор ЦРУ был известен своими антисоветскими высказываниями с его неизменной позицией: «Они должны за все заплатить». Вскоре в ISI его стали называть Циклоном.

Кейси был удовлетворен ходом вещей. Но у него было несколько вопросов. Что нужно предпринять, чтобы увеличить потери Советов? Какой вид оружия лучше всего послужит этому? Ахтар предложил ракеты «земля-воздух», чтобы создать противовес советскому преимуществу в воздухе. Он добавил, что неплохо было бы улучшить снабжение артиллерией. Кейси пообещал выполнить обе эти просьбы. Когда несколько присутствовавших на встрече американских агентов

возразили, Кейси сразу их успокоил, что генерал, мол, знает, что нужно и должен это получить.

Сотрудничество между Кейси и Ахтаром складывалось прекрасно, их объединяла общая миссия, но внутреннее напряжение все еще не покидало их. Потому что для ЦРУ это была сделка типа «деньги и перевозка» - американцы давали десятки миллионов долларов, а пакистанцы вели войну. Уильям Кейси однако хотел иметь влияние на стратегию. Но это было не так легко. У Исламабада существовали проблемы с Москвой из-за того, что он стал надежной пристанью для моджахедов. Поэтому было маловероятно, чтобы президент Зия-уль-Хак допустил далеких американцев для участия в составлении стратегии этой войны.

После двух дней, проведенных в Пакистане, черный самолет Кейси стартовал над спорными районами Кашмира в Пекин. Администрация Рейгана считала Китай своим идеологическим врагом, но вместе с тем с геополитической точки зрения видела в нем меч, направленный в грудь Кремля. Пекин мог оказаться полезен.

Китай с его продолжительной границей с СССР приковывал к себе почти полмиллиона советских солдат. Благодаря своему географическому положению, Китай превращался с точки зрения Америки во все более важного партнера для взаимного обмена информацией. Когда в 1979 году шах Ирана под нажимом оппозиции покинул страну, США потеряли доступ к важным разведывательным установкам, расположенным вдоль северной границы Ирана - они были прекрасным окном для наблюдения за баллистическими ракетами, которые испытывались на равнинах советской Средней Азии. Через несколько месяцев после отъезда шаха Стэнфилд Тэрнер начал переговоры с Китаем относительно возможности создания совместных пунктов наблюдения на западе Китая. Дело было более или менее сделано, осталось лишь доработать детали. Среди них - технические проблемы персонального обслуживания пунктов, а также предоставления Китаю технологии оборудования этих пунктов. По этим вопросам было быстро достигнуто согласие. Следующим пунктом был афганский вопрос. Китай продавал моджахедам советское оружие. Кейси объяснил китайцам суть проблемы с продаваемым через Египет оружием и выразил заинтересованность в больших объемах закупок в Китае. Заинтересован ли в этом Пекин? Ему ответили, что да.

Тогда директор ЦРУ затронул весьма деликатную тему, связанную с войной в Афганистане, а именно советскую Среднюю Азию. Москва и Пекин уже много лет по обе стороны границы пробовали разжигать этнические проблемы. 4 декабря 1980 года премьер Киргизии Султан Ибрагимов был убит во время сна на курорте, расположенном на востоке от Фрунзе, всего в 160 километрах от границы с Афганистаном. КГБ придерживался мнения, что это сделали мусульманские экстремисты и предположил, что в этом принимал участие и Китай. Пекин решительно возразил. Но проблемы существовали не только на советской стороне. На китайской территории, в провинции, граничащей с Киргизией, также существовала напряженность. В октябре 1980 года после получения известий о беспорядках в провинции, туда был послан на две недели член китайского Политбюро. 16 октября Ванг Зен призвал увеличить бдительность, потоку что «новые цари» вдоль границы «тянут свои щупальца» в сторону Китая. Будучи в этой провинции, Зен имел возможность слушать пропагандистские радиопередачи из Фрунзе с критикой Пекина и призывавшие к сопротивлению китайским властям.

Китайцы без сомнения применяли те же средства. Они только что расширили диапазон передач «Радио Урумчи», которое гремело на всю советскую Среднюю Азию. Кейси предоставил китайцам листовки, напечатанные моджахедами для Таджикистана и Узбекистана. Это была афганская инициатива, и Кейси был намерен ее поддерживать и «закручивать» пропаганду. Дело тонкое, ведь китайцы могли не согласиться на эскалацию этнических проблем. Это могло бы создать для них трудную и запутанную ситуацию. Сфера влияния ислама, как и коммунизма, неограничена. У Китая не было гарантии, что их деятельность по принципу бумеранга не отразится на их собственной стране. К удовлетворению Кейси, китайская разведка все же выразила согласие участвовать в этом деле. Ее директор сообщил, что на юге Советы более мягче. Даже Кейси не мог бы сказать лучше. Нью-йоркский католик ирландского происхождения и коммунист крестьянского происхождения из провинции Хуннан говорили на одном языке.

Возвращаясь домой, Кейси получил массу информации по финансовым вопросам. Герб Мейер, его специальный ассистент, ответственный за сбор данных о слабых местах советской экономики, наткнулся на что-то весьма интересное. А именно: Советы с 1981 года продавали уж слишком много золота. В 1980 году они продали 90 тонн,

приблизительно столько же, сколько и раньше. Но до ноября 1981 года они обратили в деньги 240 тонн и далее увеличивали продажу. «Для нас обоих это было знаком предостережения, что у них большие затруднения», - вспоминал Мейер.

1. «The Wall Street Journal», 22 октября, 1981, с. 1.
2. Записка Уайнбергера для президента Рейгана, март 1981.
3. Разговор с автором.
4. «Polish Party Assails Appeal by Union», «Нью-Йорк таймс», 10 сентября, 1981.
5. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
6. «Soviet Politburo Warns Poland on Debt to West», «Нью-Йорк таймс», 23 августа, 1981.
7. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.
8. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
9. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором. Для заинтересованных прочесть больше о войне в Афганистане автор рекомендует книгу Мохаммада Юсефа и Марка Адкина «The Bear Trap», Лондон, «Leo Cooper», 1992.
10. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
11. Эндерс Уимбуш, «Nationality Research in the PRC: A Trip Report», «Rand Corporation», N-1713-NA, август 1981.
12. Герб Мейер. Разговор с автором.

Глава 6

Специальный советский военно-транспортный самолет, сопровождаемый истребителями, вечером 9 декабря 1981 года приземлился на секретном военном аэродроме около Варшавы. На его борту находился маршал Виктор Георгиевич Куликов, командующий войсками стран Варшавского Договора. Его встречали вооруженные агенты советской госбезопасности. Маршала поместили на заднем сиденье черного лимузина и на огромной скорости повезли в советский городок под Варшавой. Куликов в 1981 году высказывался против «подрывной деятельности Запада» в Польше и заявлял, что «Солидарность» является «опасностью» для стран Варшавского Договора.

С 1945 года Польша была важнейшим членом Варшавского Договора, как с точки зрения военных, так и экономических возможностей. Сейчас, в 1981 году страна стала, похоже, уходить из-под контроля. На улицах происходили открытые провокации. Население требовало свободных выборов и независимых профсоюзов и в других странах - участниках Договора. Куликов появился для того, чтобы закрыть крышку кипящего котла. Его задачей было проконтролировать введение военного положения. Силы безопасности уже несколько месяцев проводили учения под условным названием Операция «В». Куликов погрузился в составление планов. Через три дня после его прилета было введено военное положение. Среди ночи польские силы безопасности, поддерживаемые воинскими частями, выступающими вместо русских, совершили вторжение в собственную страну. На улицы Варшавы вышли танки, городские заставы во всей стране перекрыты. Было выключено одновременно три миллиона четырехсот тысяч частных телефонов. В одну лишь эту ночь была организована облава на пять тысяч активистов «Солидарности». Границы Польши закрылись. Польские органы безопасности мобилизовали свои силы в количестве 250.000 человек, включая моторизованные отделы милиции, а также военизированные отделы под руководством начальника контрразведки в министерстве внутренних дел. Движение сопротивления перестало существовать без борьбы. По крайней мере так считали власти. 13 декабря в шесть утра генерал Ярузельский объявил по радио и телевидению о введении «военного положения», что вся власть сейчас находится в руках Военного Совета Национального Спасения.

Администрация Рейгана, несмотря на ранее поступающие от Куклинского сведения, была застигнута врасплох. Американские спутники-шпионы над Польшей не засекли передвижения армии в дни и часы, предшествовавшие ночи с 12-го на 13-е декабря. Была очень сильная облачность и наблюдение было осложнено. Неожиданностью было не введение военного положения, а тот факт, что это произошло очень быстро и с использованием большой силы.

Когда первая информация поступила в Вашингтон, персонал Белого дома онемел. Однако вскоре растерянность переросла в гнев. Пребывавший в это время в Калифорнии президент дал выход своему возмущению по телефону. Ричард Пайпс вспоминает: «Президент был разъярен. Он сказал: «Нужно что-то предпринять. Мы должны их крепко ударить и спасти «Солидарность». Президент готов был действовать».

Объявление военного положения в Польше стало для администрации США поворотным моментом. Развернулась помощь, оказываемая в рамках стратегической обороны, имеющая своей целью подрыв советского могущества. В течение нескольких месяцев были подписаны тайные директивы, из которых явно вытекали принципы политики США - ослабление мощи Советского Союза, а также призыв к объявлению широкомасштабной экономической войны. Велся разговор о поиске возможности поддержки оппозиции в Восточной Европе.

Вскоре после объявления военного положения президент обсуждал со своими ближайшими советниками ситуацию в Польше и возможные действия Соединенных Штатов. Большинство членов Совета национальной безопасности отсутствовало. «Дело было не в том, что возникли сомнения или речь зашла об утечке информации с заседания Совета национальной безопасности, а просто президент хотел избежать всякого риска», - вспоминал Пайпс. Во встрече приняли участие вице-президент Буш, Уильям Кларк, госсекретарь Хейг и Уайнбергер, Эд Миз, Ричард Пайпс и Уильям Кейси. 13

Царило полное единодушие относительно того, что США должны перед Москвой и Варшавой четко обозначить свою позицию. Все согласились с тем, что одним из способов демонстрации возмущения США будет введение экономических санкций. Затем Пайпс предложил предпринять меры по поддержке оппозиции. Возможно тайное финансирование «Солидарности», первого официального антикоммунистического движения в советском блоке, чтобы помочь ей

пережить политическую зиму. На мгновение в зале повеяло холодом. Через несколько минут тишину прервал Александр Хейг. «Это сумасшествие, это не удастся, - сказал он. - Советы этого не потерпят. «Солидарность» пропала». Буш согласился с ним. Он считал, что не стоит провоцировать Москву, и предпринимать какие-то действия.

Пайпс, единственный присутствовавший на совещании член Совета национальной безопасности (по происхождению поляк), пробовал сдерживать свой гнев. «Советы более всего огорчило бы то, что «Солидарность» выжила, - нервно сказал он. - Они боятся заразы, боятся, что движение распространится на весь блок, даже на Литву и саму Россию. Господин госсекретарь, вы не знаете поляков. «Солидарность» выживет». Уайнбергер, Кейси и Билл Кларк высказались за проведение операций. По словам Пайпса, «...президента не нужно было подталкивать». Кейси сразу же было поручено подготовить план тайной операции, «Он хотел освободить не только поляков, но также развеять миф, что Советский Союз невозможно победить», - вспоминал Кларк.

Этот план был покрыт глубокой тайной. В конце концов нашлась возможность финансировать операцию и проводить ее вне обычных государственных каналов. «Не было предпринято никакой официальной разведывательной акции, - вспоминает Пайпс. - Опасались утечки информации. Это была самая секретная операция, проводимая так, чтобы не оставлять следов».

После встречи Кейси быстро вернулся в Лэнгли. Уже в машине, мчащейся по Парк-авеню, он начал звонить доверенным сотрудникам. Нельзя было терять время. Кейси с несколькими коллегами стал работать над составлением плана по сбору денег для «Солидарности» и установлению контактов с ней. Начинали все с нуля. В чем будет нуждаться «Солидарность»? Какая будет возможность передать ей помощь извне? «Солидарность» была популистской организацией, насчитывала миллионы членов и сочувствующих. Но она совершенно не была готова к введению военного положения. Не имела руководящего центра, центра контроля, связи. В ней было полно агентов безопасности. Она мало на что могла рассчитывать кроме поддержки поляков», - вспоминает один из сотрудников, принимавший участие в составлении тех планов. Кейси все это напоминало его опыт времен Второй мировой войны. Там у него были те же проблемы: как добраться до людей за линией врага. Сменились лишь партнеры и их имена.

Кейси позвонил по безопасной связи генералу Хоффи, шефу израильской разведки. «Кейси стал ему угрожать», - вспоминал один из со трудников. Уже более полугода Моссад обещал обеспечить доступ к своей разведывательной сети и каналам переброски в Польше, но пока ЦРУ ничего не получило. Кейси угрожал и требовал немедленного исполнения обещаний. Кричал, что его не касается, что военное положение затрудняет дело. Напоминал Хоффи, что передал ему спутниковые снимки и прочие разведывательные материалы.

Он бросил трубку, но затем снова поднял ее, чтобы позвонить резиденту в Риме. Нужно было разбудить его. Кейси потребовал, чтобы кто-нибудь свел его с кардиналом Казароли. Возможно, принимая во внимание военное положение, отношение Ватикана изменится? Казароли поднял трубку домашнего телефона. Ответ был благоприятен: да, сотрудничество возможно. Он был глубоко потрясен попыткой покушения на Папу, а теперь - фактом введения военного положения. Министр иностранных дел Ватикана согласился встретиться с Кейси.

В конце января 1982 года процесс пошел. Позвонил генерал Хоффи, предложил ЦРУ тотчас же воспользоваться каналом связи с Польшей. У кардинала Казароли была договоренность о встрече с представителем Управления для уточнения сотрудничества. С самого начала Церковь с нажимом подчеркнула, что не будет вести секретную деятельность, связанную с ЦРУ, и не будет служить «крышей» для ее секретных операций. Но тем не менее ее помощь в предоставлении информации и контактов в Польше была весьма существенной. «Ватикан очень помог, если речь идет о сборе информации о событиях, а также проведении переговоров с «Солидарностью» и другими союзниками Запада в Польше. Однако Церковь не принимала участия как партнер в операциях ЦРУ. Просто у нас были в Польше общие цели. И мы использовали эти благоприятствующие условия в сборе информации и распространении ее», - вспоминает Джон Пойндекстер, один из немногих членов Совета национальной безопасности, который знал об операции.

Кейси разрабатывал планы тайной операции, а тем временем Уайнбергер собрал в Пентагоне группу экспертов по экономике. Создание стратегии крушения польской экономики, которая была и так уже в жалком состоянии, производилось под покровительством «Rand Corporation». Фред Айкл, заместитель Уайнбергера, собрал совещание экономистов, таких как Генри Роуэн и Нарльз Вольф, старых работников «Rand», а также нескольких надежных специалистов вне корпорации, в

том числе Роджера Робинсона, бывшего вице-президентом банка «Chase Manhattan». Польша уже спотыкалась, стараясь выплатить долги западным банкам. Тянувшееся целый день совещание было посвящено вариантам доведения страны до полной неплатежеспособности. Акцент делался на тот конкретный шаг, который привел бы весь советский блок к финансовому кризису. По словам Робинсона, «Пентагон считал, что это следует сделать».

Но сам нью-йоркский банкир Роджер Робинсон был против такого шага. «Существовала большая вероятность, что доведение Польши до неплатежеспособности таким образом лишь снимет с ее плеч обязанность добывания твердой валюты». От такого шага по отношению к Польше может получить пользу Советский Союз, утверждал Робинсон. Особенно, если этот шаг будет замечен на финансовых рынках как политическая акция со стороны Вашингтона. Существовала также вероятность, что резкое доведение Польши до неплатежеспособности вызвало бы цепную реакцию в мировых масштабах. Списание 28 миллиардов долларов польского долга могло бы поощрить многие страны, находящиеся в тисках долгов, к поиску подобных решений. «Реализация этого, продиктованного политическими соображениями, сценария несла в себе риск возможного «немедленного подражания» - пренебрежения к выполнению обязательств разными странами, начиная с Латинской Америки. Для тех из нас, кто занимался разработкой методов выплаты польских долгов в 1981 году, было абсолютно ясно, что такой шаг был предвестником международного кризиса неплатежей», - добавил Робинсон.

Он также утверждал, что такой шаг ухудшит положение осажденного и поработанного польского народа. Кремль не очень от этого пострадал бы. Робинсон вскоре должен был покинуть «Chase Manhattan», поэтому, свободный от банковской ответственности, решил ясно высказать свое мнение: «Если вы и в самом деле хотите досадить Москве, - сказал он Пентагону, - то передвиньте прицел на несколько градусов дальше и ударьте непосредственно по Советскому Союзу. Ведь это в конце концов Советы выступили в роли катализатора и спонсора военного положения в Польше. Нужно затянуть строительство первого отрезка газопровода и не допустить второй очереди, воздержаться от дотаций на официальные кредиты и передачу современной технологии Москве. Таков был бы наш первый шаг».

Мнение Робинсона большинством было встречено с одобрением. Уайнбергер передал его президенту.

Уайнбергер уже несколько месяцев предоставлял администрации веские аргументы в пользу того, чтобы США заняли твердую позицию относительно газопровода. При поддержке Совета национальной безопасности президент немедленно принял представленный ему план. За три недели до введения военного положения в Польше Бюро по делам оценки технологий резко раскритиковало постоянные призывы Уайнбергера к тому, чтобы Запад наложил эмбарго на оборудование по добыче газа и нефти для Советского Союза, заявляя, что это было бы «равнозначно экономической войне». После объявления военного положения в Польше отношение администрации решительно изменилось в пользу такой войны. 29 декабря президент Рейган объявил введение эмбарго, запрещавшее Америке участвовать в строительстве газопровода. Это решение ударило приблизительно по шестидесяти американским фирмам, а также приостановило планы разработки нефтяных и газовых месторождений с участием Японии на Сахалине. Здесь условия были приблизительно такие же, как и на строительстве газопровода. Япония финансировала проект взамен за гарантированные поставки газа и нефти. Но реализация условий требовала сложных технологий прибрежного бурения, которые были собственностью «General Electric», «Dresser Industries», «Schlumberger» и «Velco».

Реализация условий относительно месторождений на Сахалине, тянувшаяся уже семь лет, оказалась под угрозой. Тамошние запасы оценивались в 1,2 миллиона баррелей нефти и 2,5 миллиарда кубометров газа. «Sakhalin Oil Development Corporation» с базой в Токио, принадлежавшая Японской национальной нефтяной компании и нескольким частным фирмам, планировала начать бурение весной, когда растает прибрежный лед. В этой ситуации фирме пришлось бы ждать до следующего - 1983 года, что вероятнее всего равнялось бы отказу от реализации проекта. Наложение Америкой эмбарго также перечеркнуло японские планы быстрого использования второго выхода, а именно - переброски на Ближний Восток. Кремль со своей стороны считал, что реализация этого проекта будет приносить ему несколько миллиардов долларов ежегодно.

Москве был отрезан доступ до весьма существенных для нее технологий, и одновременно с этим Совет национальной безопасности делал все, чтобы сделать невозможным получение банковских кредитов

для Советского Союза. В этих мероприятиях помогал Робинсон, видная фигура в международных банковских кругах. Айкл и Уайнбергер хотели предпринять наступательную позицию и просто-напросто потребовать от финансистов, чтобы они перестали выделять кредиты. Робинсон стоял на том, что политические интервенции и диктат будут неодобрительно восприняты в банковских кругах. Он советовал применить более мягкие способы, например, организацию частных встреч с банкирами, чтобы уговорить их не выделять новых кредитов. Такой подход действительно принес плоды.

Сверхзадачей было поколебать веру банкиров в платежеспособность СССР. Ссуды и кредиты, выделяемые через западные банки советскому блоку, в один прекрасный момент возросли благодаря так называемой теории зонтика. В семидесятые годы банкиры выделяли ссуды Восточной Европе, будучи в уверенности, что если какая-нибудь страна-сателлит не будет в состоянии сделать выплаты, то в конце концов Москва выступит в роли плательщика. Эта теория опиралась на предположение, что Кремль, благодаря низкой опроцентовке кредитов, располагает финансовыми резервами для использования их в кризисной ситуации. Однако теория зонтика еще никогда не была в действии. «Банкиры были уверены в кредитных возможностях и платежеспособности Москвы. Полагали, что советские резервы золота сводились к квоте 25-30 миллиардов долларов и в случае кризисной ситуации могли служить гарантией. Проблема заключалась в том, что никто и никогда не видел этих резервов и не получал золота как дополнительного обеспечения, - все было покрыто тайной», - вспоминает Робинсон. 12

Под руководством нового советника по национальной безопасности Билла Кларка администрация решила отсоветовать западным банкам выделение новых ссуд Советскому Союзу. Призывы политического или гуманитарного характера были бы недостаточны, поскольку банкиры связаны обязательствами по отношению к собственным акционерам. Их дело - зарабатывать деньги. Некоторые из них даже считали, что военное положение принесет облегчение. «Большинство банкиров придерживается мнения, что авторитарные режимы благоприятны для них, потому что наводят большую дисциплину», - утверждал один из банкиров в интервью «Нью-Йорк таймс» вскоре после объявления военного положения в Польше. - Каждый раз, когда в Латинской Америке происходит переворот, в дверь стучит радость, предлагая

кредиты. Кто знает, какая политическая система лучше функционирует? Единственно, что нас интересует, это могут ли партнеры оплачивать счета?».

Пользуясь советами Робинсона, администрация решила испытать действие теории зонтика. Кейси хотелось отбить западным банкирам охоту выделять Польше кратковременные кредиты, которые Варшава могла бы без проблем выплатить. Он считал, что невыделение такого типа ссуд может в конце концов заставить Москву вмешаться в акцию. Если б она этого не сделала, то он смог бы склонить банкиров к невыделению последующих ссуд странам Восточной Европы и самому Советскому Союзу. Это был удачный ход на кредитном рынке, действующий на пользу национальной безопасности. Америка нигде не оставляла своих отпечатков пальцев.

В начале февраля Уильям Кейси и министр финансов Дональд Риган засели за телефоны, чтобы поговорить со знакомыми из банковских кругов. Роджер Робинсон, по-прежнему исполнявший функции вице-президента банка «Chase Manhattan», вспоминает: «На встречах, посвященных изменению системы ссуд для Польши, проводились консультации, чтобы отговорить банкиров от выделения ссуд без дополнительных гарантий. Переход к кратковременному партнерству с дополнительной гарантией счетов дал бы банкирам большую гарантию, что ссуды будут выплачены. Таким образом, продуманное решение в равной мере связывало руки как Варшаве, так и Москве».

На протяжении всего года предпринимались усилия, чтобы пошатнуть доверие финансовых рынков к советскому блоку. 26 апреля Лионел Олмер, заместитель министра по делам внешней торговли, сообщил международной группе банкиров, что выделение ссуд советскому блоку влечет за собой огромный риск. На шестьдесят первом ежегодном собрании Общества банкиров внешней торговли Олмер предупредил, что растущий кризис в Советском Союзе может за несколько лет создать для кредитодателей настолько же угрожающую ситуацию, что и в Польше. \15

Проведение подобных акций, а также финансовый кризис во всей Восточной Европе привели к замораживанию субсидирования остальных стран блока. Весной 1982 года венграм не продлили сроков выплат кратковременных кредитов, сводящихся к сумме 1,1 миллиарда долларов. Румын ударили еще сильнее, потому что они задолжали 1,5 миллиарда долларов. Даже Восточная Германия почувствовала

перемены - они потеряли 200 миллионов долларов ликвидных активов. Некоторые государства впервые столкнулись с трудностями оплаты ссуд.

Кейси и Уайнбергер хотели заставить Москву включиться в акцию и восполнить этот пробел, либо по крайней мере, констатировать, что кредитоспособность ее блока исчерпана. Москва пошла по второму пути. «Они заставили нас помочь Польше, - вспоминал Владимир Кутинов, бывший работник Центробанка в Москве. - Не было доказательств, что король голый». Робинсон произвел огромное впечатление в Вашингтоне. В начале марта новый советник по национальной безопасности сделал ему предложение о тесном сотрудничестве. Вскоре Робинсон стал директором, ответственным за международные экономические вопросы в Совете национальной безопасности, и руководителем группы на уровне кабинета по делам международной хозяйственной политики. В то же самое время в штате Совета национальной безопасности появился еще один сотрудник, Вилл Мартин, эксперт по делам энергетики, который впоследствии сыграл ключевую роль в получении согласия Европы на ограничение поставок советского газа на европейский континент. Группа по экономическим вопросам Совета национальной безопасности оказалась достаточно сильна. С самого начала руководитель аппарата, Норман Бейли, отвел Мартину роль «голубя», а для Робинсона - «ястреба» на межведомственных дискуссиях и встречах с американскими союзниками.

До середины февраля у Кейси уже был готов план тайного финансирования «Солидарности».

В плане было четыре пункта:

- передача «Солидарности» основных средств на содержание движения. Средства могли передаваться наличными, как в американских долларах, так и в польских злотых;

- доставка современных средств связи с целью создания эффективной сети С-31 для «Солидарности» в подполье. Это должно было облегчить движению связь даже в условиях военного положения;

- обучение отдельных людей, участвующих в движении, пользованию современными средствами связи;

- использование источников ЦРУ, которые могли бы служить «Солидарности» глазами и ушами, а также предоставление в случае необходимости существенных разведанных.

Кейси выбрал три организации, которые хотел использовать в этом предприятии. AFL-CIO уже с 1980 года передавала помощь «Солидарности». Директор считал, что использование этого опыта может быть весьма плодотворно. Деятели «Солидарности», которых военное положение застало на Западе, тоже могли оказаться полезны. Французский SDECE (Service de Documentation Exterieur et de Contre-Espionage) в свою очередь нелегально перевозил на Запад тех деятелей, которые хотели выбраться из страны. Кейси надеялся, что некоторых из них удастся использовать при сборе информации и проведении операций. А когда наконец удастся наладить контакт с «Солидарностью», Кейси хотел передавать ей закодированную информацию в радиопередачах «Голоса Америки».

Чтобы обсудить этот план, Кейси частным образом в конце февраля встретился с президентом и Биллом Кларком. Рейган считал, что этот план рискован, но все же стоит его реализовать. Он был заинтригован замыслом поддержать рабочих, чтобы подорвать основы рабочего государства. Президент одобрил план, но не подписался под финансированием его. Это была слишком рискованная затея. Президент просил, чтобы Кейси сообщил об этом руководителю Совета по делам внешней разведки доктору Гленну Кемпбеллу. Кейси так и сделал, хотя Кемпбелл не был посвящен во многие детали. «Он в общих чертах посвятил меня в это, - вспоминает Кемпбелл, - потом начал что-то бормотать. Он никогда не бормотал, говоря об общих делах, а лишь переходя к деталям. Я считал рассказ об этом плане очень хорошим замыслом и сказал: «О'кей, Билл, реализуйте его». В критический период в кассу «Солидарности» поступало ежегодно 8 миллионов долларов. \1

Чтобы провести эту операцию, сохраняя строгую секретность, Кейси создал сложную сеть международных финансовых организаций. Кроме того, путь поступления денег должен был постоянно меняться, чтобы не быть обнаруженным. Если бы его выявили польские власти, то это означало бы конец «Солидарности» и могло бы вызвать кризис международного масштаба.

С передачей денег в страну были связаны немалые трудности. Злотый неконвертировался. Церковь могла передавать в Польшу большие суммы, но не хотела рисковать. Кейси пришлось рассчитывать на созданную им по всей Европе цепочку, которую составили несколько европейских фирм, у которых и так уже были счета, открытые для реализации официальных проектов. Компьютерная передача

предпочтительнее, потому что деньги тогда автоматически менялись на злотые. Одна из фирм, довольная предложенным ей делом, даже открыла для Управления специальный счет. Между концом марта и серединой апреля канал поступления средств для «Солидарности» был полностью подготовлен.

В связи с принятым решением такой поддержки «Солидарности», президент поручил Совету национальной безопасности составить документы, обрисовывающие американские цели в Восточной Европе. Билл Кларк считал, что для США важнее всего ясно сформулировать цели в соответствии с желаниями президента. Через несколько недель родился документ, составленный Ричардом Пайпсом и поправленный Кларком. Он был весьма радикален: «Цель Соединенных Штатов - «нейтрализация усилки Советского Союза, предпринимаемых с целью сохранения власти в Восточной Европе». «В результате мы сочли Ялтинскую конференцию недействительной», - вспоминает Эдвин Миз, бывший член Совета национальной безопасности. \18

Этот документ был подписан президентом как специальная директива (NSDD), направленная старшим советникам и департаментам. «NSDD-32» предписывала более активную позицию и порывала с прошлым, - вспоминает Кларк. - Рональд Рейган ясно изложил позицию Соединенных Штатов, которые не соглашались с советским преобладанием в Восточной Европе. Мы стремились создать широкомасштабную стратегию, имеющую своей целью ослабление советского влияния, а также укрепление внутренних сил, борющихся за свободу в этом регионе. В сравнении с такими государствами, как Болгария, Румыния и Чехословакия, Польша создавала уникальную возможность сопротивления режиму. Это не значит, что в остальных странах мы тоже не искали возможностей, чтобы как открыто, так и тайно ослаблять влияние Москвы». \19

«NSDD-32» ставила несколько принципиальных целей:

- тайную поддержку подпольной деятельности, направленной на свержение власти коммунистов в этом регионе;
- интенсификацию психологической войны, прежде всего с помощью радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа»;
- поиск дипломатических и торговых способов ослабления зависимости польского правительства от Москвы.

Эмбарго США на строительство газопровода было оценено в Европе, как объявление экономической войны Советскому Союзу. Вашингтон

выступил с заявлением, содержащим более чем возмущение в связи с событиями в Польше, а Западная Европа молчала. Канцлер Хельмут Шмидт даже решился утверждать, что, принимая во внимание волнения в Польше, введение военного положения «было неизбежно». Западная Европа и дальше намерена была торговать с Кремлем, несмотря на события в Польше.

Экономическая действительность вела к тому, что европейские руководители искали рынки сбыта. В Англии безработица достигла 14 процентов, во Франции - 9 и почти 8 процентов в Западной Германии. Это была наибольшая после 1954 года безработица в Западной Европе. Строительство газопровода создало бы десятки тысяч новых рабочих мест во всей Европе. В середине января западные страны-союзники провели две встречи: одну в КОКОМ, другую на съезде НАТО. Президент настаивал, чтобы США заняли решительную позицию, склоняющую европейские страны-союзники к отсечению Москвы от новых технологий добычи газа и нефти. За несколько дней перед встречей КОКОМ в Париже канцлер Шмидт прибыл в Вашингтон на консультацию с президентом и госсекретарем. Канцлер остановился в прекрасном «Blair House», там он позавтракал с Хейгом. Встреча была не вполне удачной. Хейг высказал резкое неудовольствие тем, что Шмидт в достаточной мере не осудил польские события. В какой-то момент были даже слышны крики политиков.

Встреча КОКОМ 19 января была окружена тайной. Ее цель - обсудить несколько американских предложений. КОКОМ был создан в 1949 году для объединения взглядов Запада на торговлю технологиями с советским блоком. Это скрытое образование, о внутренней деятельности которого знает лишь небольшая горсточка избранных. Американская делегация под руководством заместителя госсекретаря Джеймса Бакли и заместителя министра обороны Фреда Айкла предложила в свете текущих событий введение в КОКОМ трех изменений. Во-первых, США хотели еще сильнее подчеркнуть запрет на продажу стратегических технологий СССР, включая и новейшие компьютеры и электронное оборудование, полупроводники и технологию металлургических процессов. Кроме того, они хотели ограничить строительство западных промышленных предприятий на территории советского блока, чтобы современными методами не могли воспользоваться советские армия и железные дороги. Во-вторых, США предложили, чтобы все контракты с советским блоком на сумму 100 миллионов долларов или более

автоматически представлялись для утверждения в КОКОМ с целью избежать возможной передачи секретных технологий. Это по сути давало бы Вашингтону право вето при всех европейских торговых договорах с Москвой. Третье предложение составляла первая со времени возникновения КОКОМ попытка охватить эмбарго как можно большее количество технологий и товаров. Американская делегация добивалась создания строго секретного списка. Франция и Англия выразили желание присоединиться к американским предложениям, но Западная Германия не проявляла никакого желания сделать это. Отсюда следовало, что нужно повременить с объявлением экономической войны или начать ее без сотрудничества с Западной Европой.

На встрече НАТО по вопросу о санкциях на строительство газопровода министры иностранных дел заняли срединную позицию. Они согласились с тем, что Европа будет участвовать в проекте строительства газопровода, однако не нарушая американских санкций. Иными словами, расторгнутые контракты американцев не будут заключены и европейскими фирмами. Министры иностранных дел европейских стран не отдавали себе отчета, насколько Вашингтону была важна победа. Они предполагали, что администрация Рейгана в действительности никогда не будет добиваться соблюдения этого соглашения и что это сомнительный успех, который останется лишь на бумаге и удовлетворит американское общество. Но как они ошибались!

15 марта Бакли и группа финансовых экспертов начала серию визитов по пяти европейским столицам. Их цель - затянуть кредитную петлю вокруг СССР. Западная Европа не только давала Москве большие ссуды, но в придачу делала это ниже рыночного курса. Проценты на субсидирование ссуд были для Кремля неправдоподобно низки. Даже самые лучшие западные клиенты не имели шансов на получение таких условий. Французское правительство финансировало часть предприятия по строительству газопровода при опроцентовке 7,8 процента, или меньше, чем половина того, что СССР заплатил бы при текущих рыночных курсах!

Группа Бакли хотела затормозить выделение субсидий, отнеся СССР к другой группе - «относительно богатых» стран. До сих пор же Советы находились среди стран «средних ссудополучателей», согласно существующему соглашению OECD, касающемуся поддерживаемых правительствами экспортных кредитов. Согласно новой оценке опроцентовка официальных экспортных кредитов для СССР должна

составлять минимум 11,25 процента. 10 марта Вашингтон пошел еще дальше! Он предложил, чтобы все субсидированные кредиты стран «относительно богатых» были приостановлены. Таким образом, Москва вставала бы перед лицом реальной нормы, составлявшей почти 17 процентов.

1. «Security Forces of Polish Rulers put at 250.000», «Нью-Йорк таймс», 5 января, 1982.
2. Ричард Пайпс. Разговор с автором.
3. Ричард Пайпс. Разговор с автором.
4. Ричард Пайпс. Разговор с автором.
5. Ричард Пайпс. Разговор с автором.
6. Уильям Кларк. Разговор с автором.
7. Ричард Пайпс. Разговор с автором.
8. Сотрудник американской разведки. Разговор с автором.
9. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
10. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
11. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
12. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
13. «Banking on Repression», «Нью-Йорк таймс», 5 января, 1982, с. 14.
14. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
15. «U.S. Stresses Risks of Credit to Soviets», «Нью-Йорк таймс», 27 апреля, 1982.
16. Владимир Кутинов. Разговор с автором.
17. Гленн Кемпбелл. Разговор с автором.
18. Эдвин Миз. Разговор с автором.
19. Уильям Кларк. Разговор с автором.

Глава 7

В начале 1982 года Каспар Уайнбергер и его сотрудники закончили обрабатывать для департамента обороны детали строго секретного пятилетнего плана. В документе формулировалось несколько самых важных задач с целью подрыва советского могущества. Они были директивными для департамента в вопросах развития вооружения, самого значительного в период мира в истории Америки. В документе подчеркивалась важная роль «экономической и технической войны» в политике администрации. «Нью-Йорк таймс» назвала документ «мирным дополнением военной стратегии, представляющим собой «директивы, согласно которым США и их союзники могут объявить экономическую и технологическую войну СССР». 11

Документ подчеркивал значение ограничения доступа Москвы к технологии США и других некоммунистических стран. Он также содержал планы Пентагона относительно стратегии, имеющей своей целью подрыв советской экономики посредством несильного вовлечения Москвы - в технологические гонки. Стратегия охватывала:

- определение важнейших технологий для советской экономики, а также способов ограничения доступа к ним. Сюда должно было входить прежде всего приобретение права первой покупки и оказание нажима на поставщиков;

- инвестирование в более современное вооружение, при котором секретное советское вооружение станет устаревшим.

Этот документ отражал планы Уайнбергера, который хотел принудить Москву решать все более трудные задачи.

Эта часть плана для департамента обороны содержала главный принцип строго секретной президентской стратегии по отношению к Советскому Союзу. В мае 1982 года президент Рейган подписал директиву на восьми страницах, касающуюся национальной безопасности (NSDM), определяющую военную стратегию США по отношению к СССР. В документе содержались инструкции для конкретных подразделений администрации. Он был подготовлен Советом национальной безопасности под руководством Уильяма Кларка и делал акцент на использовании слабых мест советской экономики. «Мы должны заставить нашего главного противника ощутить определенные результаты от своего слабого хозяйствования», - заявил Кларк в одном из своих публичных выступлений на тему тайной

стратегии. По прошествии времени он вспоминал: «NSDM отражала убеждения президента, что в развернутой широкомасштабной стратегии подрыва советского могущества во всем мире торговля и финансы должны быть на первом месте». Все чаще в высказываниях членов администрации были упоминания о целенаправленности использования слабых мест советского народного хозяйства. 16 июня на встрече в «Armed Forces Communications and Electronics Association» консультант Совета национальной безопасности Томас Рид высказался так: «Советский Союз экономически неспособен ни на что, США не должны с ним ни торговать, ни выделять ему кредитов для исправления положения в советской экономике». 14

Анализ разведывательных материалов, сделанный Советом национальной безопасности, говорил о том, что ограничение поступлений американской техники в скором времени существенно скажется на проекте строительства газопровода. Москва продумала стратегию закупки западной технологии, надеясь, что дело не дойдет до эмбарго.

Кремль по-прежнему подписывал договора с контрагентами, чтобы гарантировать возможность строительства газопровода, несмотря на сопротивление Америки. Однако он проглядел одну важную деталь, а именно то, что лопасти и валы газовых турбин, необходимые для сорока одного компрессора вдоль трассы газопровода, насчитывающей тысячи километров, производила «General Electric». Эта фирма сейчас не имела права их продавать.

Советы могли заменить их деталями, производимыми где-либо еще, но поиски затянули бы строительство и значительно повысили его стоимость. Москва послала в Кельн делегацию из тридцати человек, чтобы найти выход из ситуации. Делегация вошла в контакт с большой французской фирмой «Alsthom-Atlantique», единственной, производящей нужные детали по лицензии «General Electric». Получить разрешение на закупку французских деталей можно было легко. Большинство европейских стран не так уж строго придерживалось заключенного в январе 1982 года соглашения, в котором обязались не нарушать американских санкций относительно продажи технологий Советскому Союзу. Согласно интерпретации европейских правительств, соглашение касалось лишь контрактов с американскими фирмами, в которых они выступали как главные контрагенты. И сейчас французское правительство выразило согласие на продажу «Alsthom-Atlantique»

техники Москве. В период между январем и июнем 1982 года стало ясно, что европейцы игнорировали соглашение и стали очень быстро заменять американских производителей, - вспоминает Роджер Робинсон. - Это делалось несмотря на клятвенные заверения, что они не будут нарушать американские санкции, пока Советы поддерживают репрессии польского правительства по отношению к оппозиции».

Дополнительные донесения разведки подтверждали, что санкции, наложенные на строительство газопровода, могли иметь в то время огромное значение как экономическое оружие. 25 января Совет национальной безопасности получил точный доклад о состоянии финансов СССР. В нем содержались данные о серьезных трудностях, а также советских вкладах в западные банки, собранные через «Bank for International Settlements» в Базеле. Эти вклады, в начале 1981 года составлявшие 8,5 миллиарда долларов, упали до 3 миллиардов. В 1980 году Москва в торговле с Западом достигла прибыли в 217 миллионов долларов. А в 1981 году у нее был дефицит в 3 миллиарда долларов. Гамбит, заключающийся в том, чтобы заставить Москву стать гарантом сделок с Польшей, был прекрасно спланирован по времени. Финансовые рынки должны были стать намного осторожнее по отношению к странам советского блока.

Руководство Кремля доставало из кармана рубли. Газопровод и проволока в его строительстве должны были очень дорого стоить. Сибирский газопровод, а также добыча газа и нефти на Сахалине были для Кремля самыми серьезными и возможными источниками получения средств в твердой валюте для закупки западной технологии, восполнения трудностей в народном хозяйстве и финансирования имперской политики. «Главным и самым существенным фактором для советской экономики было поступление твердой валюты, - вспоминает Евгений Новиков. - А важнее всего было окончание строительства газопровода без опозданий».

Совет национальной безопасности под руководством Уильяма Кларка предпринял по желанию Уильяма Кейси и Каспара Уайнбергера ряд исследований, имеющих целью определить новые способы подрыва советской экономики. Норман Бейли руководил исследованиями механизма подрыва советской экономики, включая создание зернового картеля, объединившего США, Канаду, Австралию и Аргентину с целью ограничения экспорта в СССР.

Когда Вашингтон и Европа отбивали «футбольные мячи» друг другу во время игры вокруг газопровода, США удалось установить первый контакт с оставшимися на свободе членами «Солидарности», действующей сейчас в подполье. Ситуация в Польше была угрожающей. Деятелей «Солидарности» все время преследовали органы безопасности. В стране был дефицит продуктов питания. Улицы всех крупных городов кишели сотрудниками сил безопасности. 2 февраля шахты в знак протеста уменьшили объемы угледобычи. То же сделали шахты в бассейне Донбасса в Советском Союзе, что создало опасный прецедент для Кремля. Это был первый явный признак поддержки советскими рабочими «Солидарности». В ЦК КПСС воцарилось чувство неуверенности. Если не ликвидировать «Солидарность», то ее деятельность может легко распространиться на Советский Союз. Предполагалось, что дни независимого профсоюза сочтены.

В феврале в скорый поезд «Шопен», следующий из Вены в Варшаву, сели два человека, поляки по происхождению с американскими паспортами на фиктивные имена. Эти люди должны были встретиться с подпольной «Солидарностью». Встреча должна была произойти в Жирардове, небольшом и сравнительно спокойном городке. 17 февраля произошли очередные столкновения с силами безопасности. Это была операция, официально названная «Операция «Спокойствие». Десятки тысяч милиционеров в течение двух дней арестовали четыре тысячи человек. Американцы, приехавшие на поезде «Шопен», должны были немедленно встретиться с представителями «Солидарности».

На встречу должен был прийти человек из «Солидарности», коллега Леха Бондковского, представителя организации в Гданьске. Бондковский во время Второй мировой войны жил в Лондоне, сражался в организованных в Англии польских отрядах военно-морского флота. По возвращении в Польшу поддерживал контакты с английской разведкой. Сейчас был сторонником установления контактов с Западом, надеясь, что лишь он может помочь «Солидарности». Американцы за четыре дня до встречи в Жирардове покинули Варшаву. Ночевали в костеле на окраине города. Ксендз вопросов не задавал. Он принадлежал к сети, созданной Израилем.

Это была первая встреча на территории Польши. В конце января ЦРУ контактировало с польскими эмигрантами в Западной Германии, связанными с деятелями за «железным занавесом». Они и подготовили эту встречу. Ранее была надежда связаться с кем-то из активистов,

вынужденно оставшихся на Западе и планирующих вскоре вернуться в Польшу. Но это оказалось невозможным, равно как и выехать из страны. Так что приехали в Жирардов американцы польского происхождения, которые должны были передать информацию ЦРУ.

Человек, с которым они встретились, сказал, что по «Солидарности» ударили очень крепко. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 года силы безопасности «замели» пять тысяч человек, преимущественно активистов и руководителей движения. Все были захвачены врасплох и не верили, что возможно введение военного положения. По приблизительным оценкам, к середине февраля было арестовано 40.000 человек. Немногие руководители остались на свободе и скрывались кто где. Это были: Збигнев Буяк в Варшаве, Владислав Хардек в Кракове, Богдан Лис в Гданьске, Владислав Фрасынюк во Вроцлаве. Финансовые средства и имущество «Солидарности» конфисковали. У руководителей было мало возможности общаться с членами движения, они делали это, передавая через третьи лица записки и примитивным способом размноженные листовки. «Солидарность» еще не была разгромлена, но расчленена.

На встрече в Жирардове царил напряженная атмосфера. Деятели «Солидарности» нервничали, он постоянно менял место жительства. Американцы, правда, свободно говорили по-польски, но он не доверял им. Те в свою очередь боялись, что их арестуют за шпионаж.

Эта встреча продолжалась шесть часов, было затронуто много тем: какой вид помощи с Запада наиболее желателен, ее объем, способ раздачи и учета. Представитель «Солидарности» сразу поставил условие, что никакая помощь не позволит их «дергать за веревочку». Были оговорены также вопросы передачи денег и способов связи. Американцы назвали члену «Солидарности» имя западного бизнесмена, находившегося в Варшаве, который будет передавать деньги. У него для этого открыт специальный счет.

Сразу по возвращении на Запад американцы составили рапорты, которые, были переданы Уильяму Кейси. Придерживаясь указаний президента, он стал прокладывать: дорогу для передачи денег. «Билл был мастером по части переправки денег с места на место, - вспоминал Гленн Кемпбелл. - Известным лишь ему одному способом он из года в год переправлял миллионы. Делал это так, что никто не мог догадаться о способах передачи денег в Польшу».

Предполагалось, что подполью нужна будет также помощь техникой, чтобы оно могло организовать и снова набраться сил. Управление прорабатывало несколько вариантов. Один из них заключался в том, чтобы оборудование перевозилось в дипломатическом багаже, а потом с территории американского посольства передавалось по назначению. Однако это не самый лучший выход, поскольку посольство было под наблюдением и окружено вооруженной милицией. Второй вариант заключался в том, чтобы обратиться к костелу, который мог помочь транспортировать оборудование и товары, посылаемые в рамках помощи. Но Кейси не хотелось идти таким рискованным путем. Костел и так без большой охоты передавал информацию и трудно было рассчитывать, что он согласится на такой вариант ЦРУ.

Неожиданно Управление получило известие, что можно установить контакты в Польше, используя израильские каналы, с жителем Гданьска, который был к тому же членом дирекции судоверфи. Израильцы обратились к нему, чтобы он помог организовать две контрабандные переброски. Оборудование связи должно было быть доставлено из Швеции вместе с деталями для тракторов, а через четыре дня остальное с прочим техническим оборудованием. Поляку из Гданьска был указан номер накладных и даты прибытия транспорта. Его задача - переправить оборудование в надежное место до таможенного контроля или проверки служб безопасности. Присланные по морю ночью ящики были тотчас же спрятаны на одном из складов. Наверно, это самый ценный товар, который когда-либо получал член дирекции судоверфи. Как и полагал Роберт Макфарлейн, оборудование дало им возможность поддерживать связь со всей Польшей, что позволяло избежать провала. Это была программа С-31, которая создавала основу для системы руководства и контроля.

Размещение оборудования в подполье длилось месяц и сопровождалось неожиданностями. Например, один из грузов, предназначенный для Кракова, не прибыл на место назначения вовремя. Подозревали наихудшее - его перехватила польская служба безопасности. Если бы это произошло, вся операция, еще не начавшись, пошла бы прахом. Кроме того, «Солидарность» была бы скомпрометирована. К счастью, через несколько дней пропавшие ящики нашлись. Оказалось, что у везущего их грузовика лопнула шина, а в Польше, находящейся на военном положении, найти новую шину было не так-то легко.

Кейси издали наблюдал за всей операцией, нервно кусая ногти и надеясь, что все будет хорошо. Президент тоже беспокоился, хотя знал, что оборудование доставлено на место и операция продолжается. Этой весной Кейси частным образом встретился с президентом в Белом доме. Они говорили о многом, но главным была ситуация в Польше. Рейган с энтузиазмом воспринял известие, что операция началась и разворачивается. Кейси даже вручил ему несколько документов, переданных из «Солидарности». Среди них было написанное в тюрьме письмо Яцека Куроня, деятеля «Солидарности». Он выражал открытый протест, говорил о готовящемся в Польше восстании, о том, что тоталитарная система долго не протянет. Президент держал это письмо в Овальном кабинете в ящике стола. Они с Кейси решили, что операция в Польше будет обсуждаться только в частной беседе, в Овальном кабинете. Телефонные разговоры на эту тему Кейси вел с президентом лишь по своему свободному от прослушивания телефону из дома или из кабинета в западном крыле Белого дома.

Никто не сомневался, что Москва ориентируется в том, что происходит. «По моему мнению, глупо было бы полагать, что Москва не догадывается о многом из того, чем мы занимаемся, - вспоминал Джон Пойндикстер. - У них были свои информаторы. Планируя операцию, мы, пожалуй, бились об заклад, что Москва в целом догадывалась о том, что мы делаем. Она возмущалась, угрожала, но не дошла до того, чтобы пришлось сменить нашу политику. Мы ослабили свои действия в пользу «Солидарности», не решаясь предпринять ничего, что могло спровоцировать Москву на военную интервенцию».

В конце марта Кейси собрал совещание оперативного отдела, чтобы доработать третью часть стратегии помощи «Солидарности» в Польше. Поскольку слабые часто пользуются инстинктом, изворотливостью, умом, чтобы выстоять в борьбе с более сильным противником, Кейси хотел, чтобы ЦРУ стало глазами и ушами «Солидарности». Подполье нуждалось в информации о том, что происходит в высших эшелонах государственной власти, чтобы отвести очередной удар. Многие сочувствующие движению сообщали «Солидарности» различные данные, но у организации не было постоянной информации о планах правительства. Кейси в конце 1981 года выслал в польское посольство в Варшаву группу специалистов, в задачу которых входило быстро развернуть в городе операцию с использованием электронной аппаратуры.

Группа состояла из четырех человек, прекрасно обученных обслуживанию подслушивающей электронной аппаратуры. Она называлась «Special Collection Element» и была послана в посольство в рамках обычной смены персонала. Она начала действовать в конце января 1982 года. Суперсовременное оборудование давало ей возможность подслушивать польские линии телекоммуникаций. Позднее группа применяла и другие методы подслушивания.

Кейси всегда ратовал за то, чтобы вербовать как можно больше сотрудников. Ему нужны были те, кто мог бы успешно проникать всюду, особенно в странах советского блока. Уже работающие сотрудники были слишком осторожны в привлечении новых агентов. Когда Кейси стал директором ЦРУ, то сразу написал новую инструкцию по вербовке. Старая была слишком длинной и, как утверждал Кейси, неудобной. В ней содержался кодекс застывших принципов поведения, которые стесняли и отнюдь не способствовали творческому подходу к заданию. При оценке операции важен результат, а не соблюдение права. В старой инструкции было 130 страниц, а в инструкции Кейси - лишь несколько параграфов. Автор советовал агентам использовать эластичные и «наступательные» методы работы, по крайней мере за «железным занавесом». \11

Американская разведка надеялась служить «Солидарности» в качестве системы предостережения. Президент и Кейси хотели, чтобы ее члены были информированы, когда могут наступить новые репрессии или о том, что на след скрывающихся лидеров напали. Система действовала очень хорошо. «У нас была хорошая информация относительно действий польского правительства и его намерений, - вспоминает Джон Пойндекстер. - При необходимости мы информировали «Солидарность».

Одним из наиболее успешных способов передачи информации движению была радиостанция «Голос Америки». Информационным агентством США (USIA) руководил многолетний друг Рейгана Чарльз Уик. Кейси также был с ним в хороших отношениях, особенно со времен избирательной кампании. Итак, он попросил Уика, чтобы радиостанция «Голос Америки» передавала сообщения для разведки. «Им приходилось обращаться ко мне, чтобы отправить информацию, - вспоминает Уик. - Поскольку речь шла о национальных интересах и не компрометировала доброго имени радиостанции, мы передавали эту информацию». \13 Делалось это с помощью серии сложных кодов. В некоторых передачах

использовали слова и выражения, которые составляли код. Бывало также, что передавали какую-то конкретную песенку. Таким образом, точно подобрав все элементы кода, передавалась информация о приближавшихся репрессиях, о посылке для движения или о встрече с американцами. «Голос Америки» не позволял передавать материалы разведки, но времена были тяжелые и Кейси решил подчинить принципы необходимости.

Деньги начали поступать в «Солидарность» в марте 1982 года. Они были предназначены в основном для публикаций и распространения подпольной литературы. Военное положение привело к тому, что существовала огромная потребность в правдивой информации. Режим строго контролировал все средства сообщения. Доступ к информации был ограничен. В большинстве случаев подпольные издательства начинали с нуля. Когда было введено военное положение, тайные издательства были ликвидированы, их оборудование и материалы конфискованы, а большинство деятелей, работавших как издатели, арестованы. Средства, направляемые «Солидарности», предназначались и для покупки радиопередатчиков. Как раз перед введением военного положения «Солидарности» удалось спрятать несколько передатчиков, но они были устаревшими и имели небольшой диапазон. Часть денег была использована на покупку пятнадцати переносных радиопередатчиков. 12 апреля, через четыре месяца после введения военного положения, жители Варшавы услышали первые передачи радио «Солидарности». За его программы отвечал варшавский деятель движения Збышек Ромашевский. 9 мая ему удалось передать короткое объявление, призывающее ко всеобщей стачке.

Чтобы их не засекли, передатчики часто меняли место. 30 апреля милиция проводила широкомасштабную акцию по прочесыванию города. Она имела в своем распоряжении специальную аппаратуру, привезенную из СССР и Восточной Германии для измерения радиосигналов. Началась игра в кошки-мышки. Окружались целые районы, но ничего не было найдено.

По совету деятелей «Солидарности», живших на Западе, деньги направлялись преимущественно в издательство «NOWA», выпустившее десятки названий книг о политике, экономике и художественную литературу. Второе по величине издательство «KRAG» занималось историей. «NOWA» смогла как-то выстоять даже после объявления военного положения. Главная проблема - отсутствие денег. Средства от

взносов были на исходе. Цена печати одной страницы выросла от одного до четырех злотых. В январе 1982 года издательство понемногу стало разворачивать деятельность. Начал выходить "Tygodnik Mazowsze" и журнал интеллектуального направления «Krytyka». «Tygodnik Mazowsze» был органом варшавской «Солидарности». Была развернута сложная тайная сеть распространения. «Tygodnik Mazowsze» поступал в тридцать семь разных городов страны. Доставка «Солидарности» средств связи и финансовая поддержка дали почти немедленные результаты. В конце апреля 1982 года появилось первое сообщение группы выдающихся деятелей «Солидарности», которым удалось избежать интернирования. Группа называлась «Временная координационная комиссия». Это была подпольная организация, поставившая своей целью координацию оппозиционной деятельности. Среди ее членов - организаторов были Збигнев Буяк из Варшавы, Владислав Хардек из Кракова, Богдан Лис из Гданьска и Владислав Фрасынюк из Вроцлава. ВКК объединяла конспиративные сети в разных районах. В первом сообщении она объявила весьма однозначные условия, на которых согласилась бы на переговоры: освобождение всех задержанных и осужденных за преступления во время военного положения.

ВКК получила с Запада финансовую и техническую помощь. Ее члены поддерживали между собой связь, порой дискутировали о выборе стратегии. Заявления комиссии печатались и распространялись. Они поднимали дух членов «Солидарности» и общества, причиняли немало беспокойства режиму Ярузельского. Подполье должно было как-то пережить долгую зиму военного положения.

Единственным районом, не представленным в комиссии, были Катовицы, центр польской угольной промышленности. В этом районе по-прежнему не действовали телефоны, туда не достигали и переправляемые средства связи. Катовицы, как бастион профсоюзов, оставались под внимательным надзором милиции.

17 мая неожиданный визит Ярузельскому нанес Константин Русаков, один из секретарей компартии Советского Союза. Он был прислан за получением из первых рук информации о политической ситуации. В Польше по-прежнему проходили хоть и символические, но все же забастовки и протесты. «Солидарность» еще была жива, что не радовало Кремль.

Правительство Ярузельского, казалось, проводило двусмысленную политику. Было неясно, намерено ли оно включить «Солидарность» в свою систему или планирует еще сильнее ударить по ней. Русаков поручил Ярузельскому усилить безопасность по всей стране. «Факты свидетельствуют о том, что империалистические государства, прежде всего США, ведут по отношению к социалистическим странам подрывную политику. Действия в рамках этой политики приобретают все более острые формы», - сказал он. В Москве проявляли беспокойство, что американцы вмешиваются во внутренние дела. С тех пор как в Польше начались осложнения, как Кремль, так и Варшава винули во всем Вашингтон. Когда Рейган объявил введение санкций, то он очень понятно объяснил зависимость между будущими экономическими отношениями с польским правительством и судьбой «Солидарности». И теперь как советские, так и польские службы безопасности искали хотя бы признаки того, что Вашингтон финансирует «Солидарность», хотя и отдавали себе отчет, что Вашингтон в сущности начал поддержку «Солидарности». «Мы, служба безопасности, на самом деле никогда и не верили пропаганде, что Америка помогает «Солидарности», - вспоминает сотрудник советской разведки. - Конечно, это казалось нам логичным с идеологической точки зрения, но ведь доказательств не было. В начале весны 1982 года стали появляться сигналы, что «Солидарность» имеет деньги, современное оборудование для ведения своей деятельности. Нам стало понятно, что она их от кого-то получает.

Поскольку «Солидарность» не только продолжала существовать, но и получала средства для своей деятельности, силы безопасности в Варшаве решили ответить Вашингтону. В начале мая 1982 года они провели акцию по образцу КГБ.

В доме у Рышарда Герчинского, сотрудника Польской академии наук, выпущенного из заключения, встречались Джон Еролис, сотрудник посольства по делам науки и техники, и Джеймс Ховард, первый секретарь по делам культуры. Польские власти обвинили дипломатов в получении информации от Герчинского.

В помещение ворвались милиционеры в штатском и сотрудники сил безопасности и арестовали американцев. Их втолкнули в фургон и отвезли в отделение милиции. Там им предъявили официальное обвинение в поддержке «Солидарности» и «деятельности, наносящей вред стабильности в Польше». Обоих сочли персонами нон грата и

выслали из страны. После этого случая «бойцы невидимого фронта» стали проявлять еще большую бдительность к работникам американского посольства.

Варшава вела с администрацией Рейгана войну нервов. Служба безопасности стала лихорадочно искать связи, чтобы разоблачить операцию. Она сконцентрировалась на американском посольстве, которое исполняло лишь небольшую роль, но она не знала, что операция проводилась независимо от посольства.

В то время как в Польше развивалась тайная деятельность согласно планам Пентагона, Каспар Уайнбергер стремился к укреплению отношений с потенциально полезными союзниками в экономической войне с Москвой. 19 февраля он прибыл в Эр-Рияд для секретной беседы с руководством Саудовской Аравии. Он сохранял близкие отношения с шейхом Бандаром и хорошие отношения с наследником трона принцем Фахдом, который свободно говорил по-английски и своих сыновей отправил учиться на Запад, - трое из них учились в Калифорнийской университете, а один - в Королевской воинской академии в Сандхерсте. У него была репутация человека с прозападными взглядами. В 1973 году он сопротивлялся эмбарго арабских стран на экспорт нефти, а также хотел более тесного военного сотрудничества с США. Вел он и бурную личную жизнь, в молодости увлекался азартными играми. В один прекрасный вечер он проиграл в Монте-Карло шесть миллионов долларов.

Уайнбергер нанес ему визит вежливости, но действительной его целью была разработка комплексного соглашения о сотрудничестве. По-прежнему шла ирано-иракская война, что не означало ничего хорошего для прозападно настроенной королевской семьи. Чем дольше она затягивалась, тем больше весы склонялись в сторону Ирана. Принц Фахд видел в Саддаме Хусейне бастион, оберегавший его от хомейнизма, - наибольшей опасности для его королевства. Во время встречи с Уайнбергером он был явно взволнован.

Всего за два месяца до этого саудовские и бахрейнские силы безопасности разоблачили заговор против правительств обеих консервативных стран, было арестовано шестьдесят пять человек. Заговорщики обучались в Иране, были хорошо вооружены. Организация называлась «Аль-Дава», что означает «вызов». Подпольная шиитская организация вербовала мусульман всех арабских стран к распространению иранской революции в районе Персидского залива.

Американская разведка добыла информацию о готовящемся покушении и передала ее шейху Найфова, саудовскому министру внутренних дел.

Уайнбергер прибыл в Саудовскую Аравию, чтобы доработать детали американского присутствия в Персидском заливе. Его основная цель была предельно проста: гарантировать поддержку и военную охрану в той мере, чтобы кран с нефтью оставался открытым. Это означало, что прозападные страны Персидского залива будут под охраной и прежде всего - Саудовская Аравия. 21 апреля 1981 года Уайнбергер сообщил, что силы быстрого реагирования (RDF), которые создал еще президент Картер на случай необходимости повышения мощи вооруженных сил на Ближнем Востоке, будут в значительной мере увеличены. У них назначалось собственное командование, разведка, системы связи и руководитель, ответственный за все аспекты американских планов и операций в центральном регионе. Новое американское центральное командование (U.S. Central Command - US CENTCOM) будет намного больше, чем состав RDF. Они должны насчитывать около 300.000 солдат и станут лучшим гарантом для королевской семьи и символом близких отношений Эр-Рияда и Вашингтона. Для первого это означало безопасность, а для второго - нефть. Назначение нового руководства не подтверждалось официальным актом, как, например, НАТО, официально не регламентировалась их роль. Но чтобы присутствие США не пробуждало политического беспокойства, штаб-квартира USCENTCOM и большая часть войск должны были находиться вне королевства.

Фахд выразил Уайнбергеру благодарность за силы быстрого реагирования. Это была единственная военная гарантия, на которую могла рассчитывать королевская семья во враждебном окружении. Поддерживая «Аль-Дава», Тегеран ясно давал понять, что желает свержения королевской семьи. Эта организация смогла снова втиснуть Ирак в его границы, хотя эту страну поддерживала Саудовская Аравия и другие богатые нефтью арабские страны. Поддержка выливалась в 20 миллиардов долларов. К тому же число советских военных советников в Сирии в течение одного года выросло с 2.500 до 6.000, а в Афганистане советская армия уже насчитывала 100.000 человек.

В течение последнего года Рейгановская администрация неоднократно демонстрировала необходимость безопасности саудовцев. Президент использовал свой авторитет, чтобы протолкнуть в конгрессе планы продажи самолетов с системой АВАКС. В своих высказываниях он пошел еще дальше, заверяя о непоколебимости королевской семьи, и

что он не допустит событий, подобных иранским. В королевском дворце в Эр-Рияде эти слова были восприняты с признательностью, но Вашингтону по-прежнему не доверяли. Фахда интересовало не то, что Уайнбергер публично гарантирует ему заключение договора, а то, что в ситуации на Ближнем Востоке это было бы в политическом отношении слишком рискованно. Его интересовало, может ли Вашингтон непосредственно и эффективно показать свою заинтересованность в деле безопасности Саудовской Аравии. Может ли он получить заверения Рейгана, что в случае нападения США встанут на его оборону?

Уайнбергер ответил, что оговорит этот вопрос с президентом. Он также затронет вопрос о военной помощи США району Персидского залива. Согласно новой стратегии Пентагона - «Fiscal Year 1984-88 Defense Guidance», армия США должна быть готова для перемещения, в случае необходимости, в Саудовскую Аравию, не ожидая приглашения правительства этой страны.

1. Ричард Халлоран. «Pentagon Draws Up First Strategy for Fighting a Long Nuclear War», «Нью-Йорк таймс», 30 мая, 1982.

2. «Reagan Aide Tells of New Strategy on Soviet Threat», «Нью-Йорк Таймс», 22 мая, 1982.

3. Уильям Кларк. Разговор с автором.

4. «Soviet Economy Called «Basket Case», «Вашингтон пост», 17 июня, 1982.

5. Роджер Робинсон. Разговор с автором.

6. Евгений Новиков. Разговор с автором.

7. «Economic Leverage of Moscow Sought», «Вашингтон пост». 15 июня, 1982. Разговор с членом Совета национальной безопасности.

8. Гленн Кемпбелл. Разговор с автором.

9. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

10. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

11. Государственный служащий. Разговор с автором.

12. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

13. Чарльз Уик. Разговор с автором.

14. «Solidarity Broadcasts Calls for General Strike», «Вашингтон пост», 10 мая, 1982.

15. «Ranking Soviet Makes Surprise Polish Visit», «Вашингтон пост», 18 мая, 1982.

16. Разговор с автором.

17. «Poland to Expell Two U.S. Diplomats, Who Met with Activist», «Вашингтон пост», 11 мая, 1982.

Глава 8

В мае 1982 года Билл Кейси оказался на Аравийском полуострове. Он был гостем короля Халида, главы королевской семьи. Это был простой человек хрупкого здоровья, представитель прошлой эпохи - времен, когда на пустынную землю вдруг полилось неслыханное богатство. По складу характера мистик, тем не менее он прекрасно находил общий язык с крепко стоящим на земле Кейси, что вызывало всеобщее удивление. Они говорили о рыцарстве и чести в современном мире, о том, что эти качества сегодня уже почти не существуют.

После короткого разговора о политике король выразил желание показать Кейси свои сокровища. Сначала они пошли смотреть стада его коров, за которыми присматривала чета ирландцев. Директор ЦРУ был в восторге от того, что может хоть немного вспомнить старину. Король, однако, нетерпеливо ждал, желая показать гостю свою гордость и радость - верблюдов. Это были огромные животные, а их стадо насчитывало сотни штук. Король предложил Кейси проехать на одном из них, но тот не выразил особой охоты. Тогда король угостил его «настоящим лакомством» - стаканом теплого густого верблюжьего молока. Кейси отказался, оправдываясь состоянием здоровья.

Время общения с королем Халидом летело незаметно. Хотя по сути директор ЦРУ прилетел в Саудовскую Аравию, чтобы увидеться с наследником трона Фахдом. Теплые отношения, сложившиеся между ними в 1981 году, поддерживались до настоящего времени. Фахд поблагодарил Кейси за то, что он и администрация сделали в приобретения самолетов с АВАКС. Затем они затронули приблизительно ту же тему, что и неделю назад в разговоре шейха с Уайнбергером. Они поговорили также о том, о чем просил Вандар в Вашингтоне: о сохранении в тайне информации о саудовских инвестициях в США. Кейси заявил, что администрация делает все, чтобы сдержать слово.

6 мая прошло частное слушание на эту тему в подкомиссии Палаты представителей торговли, потребительской и денежной политики. Председательствующий, Бенджамин Розенталь 9 февраля написал письмо президенту Рейгану, в котором пригрозил, что огласит подробности относительно саудовских инвестиций в США. 17 февраля президент, поддавшись нажиму со стороны Кейси, Дона Ригана, Билла Кларка и Уайнбергера, ответил: «Обнародование этой информации

может представлять серьезную угрозу нашим международным отношениям, скрыть ее - в интересах общественности».

6 мая, за час до слушания, в зал, где оно должно было проходить, вошли десять сотрудников ЦРУ. Половина из них стала искать подслушивающие устройства, вторая половина следила, чтобы им не мешали. Это выглядело необычным даже для сотрудников ЦРУ - это превышало их полномочия. Здания Капитолия подчинялись исключительно Отделу полиции Капитолия. ЦРУ оставалось и тогда, когда слушания начались. Оно не хотело допустить всенародного оглашения каких бы то ни было фактов. Когда заседание закончилось, ЦРУ забрало стенографические ленты, после чего один из сотрудников спустился тремя этажами ниже за секретарем, чтобы из бюро подкомиссии забрать и остальные экземпляры текста. Работники Управления проинформировали комиссию, что он будет переписан в Лэнгли.

Поднялся шум. Петер Бараш, директор аппарата подкомиссии, выглянул из своего кабинета и увидел, что секретаря окружили люди из ЦРУ. Он поинтересовался, что произошло. Когда ему рассказали, запротестовал: ленты - собственность конгресса, а не ЦРУ. «Сегодня здесь проходила не встреча ЦРУ, - сказал он, - а лишь собрание подкомиссии конгресса!» Сотрудник ЦРУ заявил, что у него специальные инструкции с указанием не выпускать ленты из рук. Последнее слово сказал Розенталь, резко настаивающий, что ЦРУ не имеет права забирать ленты. И лишь тогда, весьма неохотно, Управление вынуждено было капитулировать.

После этого инцидента члены подкомиссии собрались на частную встречу и заключили с ЦРУ соглашение на том условии, что будет оглашено лишь изложение документов. Пока не состоялась окончательная победа, но администрации в определенной мере удалось отстоять интересы Саудовской Аравии. Рейган лично удержал подкомиссию от публикации материалов. Сохранение тайны в этом деле было серьезным испытанием для администрации в отношениях с Саудовской Аравией, и она его в целом выдержала.

Совет национальной безопасности и ЦРУ помогали и на других фронтах. Передача саудовцам конкретных данных разведки дала возможность королевской семье избежать серьезных опасностей. Кроме того, администрация осуществляла свой план окружения Саудовской Аравии кольцом военной защиты.

Вечером, во время ужина, Кейси и Фахд обсуждали политическую ситуацию в мире. Затронули и тему Афганистана, Центральной Америки, Западной Европы и Палестины. Постоянно возвращались к теме Советского Союза, который, по мнению собеседников, был главным источником большинства мировых проблем. Фахд так же ненавидел Советский Союз, как и Кейси.

Он уточнял суть санкций относительно технологий, связанных с добычей нефти и газа. Ведь советская нефть - основной конкурент саудовской. «В интересах США было применение ограничений в доступе Советов к технологиям добычи нефти и газа, - говорит Уильям Шнайдер, заместитель госсекретаря по вопросам военной помощи и технологии. - Это нас существенно ободряло». Кейси заверил Фахда, что санкции будут поддерживаться. «Ваше высочество, если бы это зависело только от нас, они не добыли бы ни грамма нефти», - прибавил он. Фахд рассмеялся.

Американские санкции должны были по крайней мере затянуть строительство огромного газопровода. Фахд с удовлетворением думал об этом, потому что реализация этого проекта принесла бы европейским столицам доступ к нефти, не принадлежащей Саудовской Аравии. Американские санкции отвечали и саудовским интересам.

«Ваше высочество, мы сделаем все, что только в наших силах, чтобы другие страны воздержались от покупки советской нефти», - сказал Кейси. Напомнил при этом и о том, как администрация неоднократно делала нажим на французское правительство и нефтяные предприятия, чтобы они не покупали советскую нефть.

Для Москвы вопросом первостепенной важности была твердая валюта, которую она получала благодаря экспорту горючего. Она даже ограничила на 10 процентов экспорт нефти в Восточную Европу, чтобы больше направить в западные страны, которые платили твердой валютой. Экспансия Москвы создавала угрозу Саудовской Аравии, которая могла быть вытеснена со своих прежних рынков сбыта. Как Бельгия, так и Франция, пробовали заключить сделку с саудовцами. Французским государственным предприятиям, таким, как «Elf-Quitaine», была предоставлена возможность найти более дешевое топливо. Уже велись переговоры относительно закупки советской нефти. Так что этот год был для Москвы весьма удачен, а до конца его советский экспорт нефти на Запад должен был возрасти на 32 процента.

Сокращение поставок горючего в Восточную Европу грозило серьезными последствиями для этого региона. Могло наступить значительное падение уже и так низких показателей экономического роста. «The Wall Street Journal» даже предсказывал, что дефициты «могут подтолкнуть несколько стран из советского блока на край неплатежеспособности и привести к политическому взрыву». 14

У. Кейси заверил Фахда, что администрация по-прежнему будет предпринимать шаги для ограничения советских энергетических программ. Но намекнул, что взамен он ожидает снижения цен на нефть. Более низкие цены на энергоносители были бы очень полезны для экономики США, а ее развитие - главная цель внутренней политики Рейгана. Сила Соединенных Штатов в интересах Саудовской Аравии, утверждал он. Особенно теперь, когда она стала гарантом выживания для саудовцев. Снижение цен на нефть воспрепятствует поиску других источников энергии, таких, например, как советский газ. Кроме того, это повредит обоим заклтым врагам саудовского правительства - Ирану и СССР, которые неплохо заработали на своей нефти в семидесятые годы.

Наследник трона, прекрасно ориентировавшийся в делах бизнеса, конечно же обо всем этом знал. Но значение имело то, что слышит он это от главного союзника и гаранта.

Их отношения строились на взаимном доверии, но Кейси вместе с тем взял на себя роль воспитателя и учителя. Фахд любил слушать его рассказы о разведывательной службе во время войны и об опасности, которую нес в себе тоталитаризм, существовавший ранее в Германии, а теперь в СССР. Для Фахда, мусульманина и друга Запада, Советы были настоящими «неверными».

Кейси проинформировал его о потенциальных опасностях, угрожающих саудовскому правительству. Поскольку некоторые члены правительства учились в университетах в советском блоке, Кейси посоветовал уволить их. Он утверждал, что они могут быть вражескими агентами, шпионами или саботажниками. Наследник трона воспользовался этими советами в 1983 году.

Следующую возможную проблему представляли палестинцы. Согласно рапортам ЦРУ, фракции Организации освобождения Палестины (ООП) сотрудничали с некоторыми организациями в Саудовской Аравии, стремящимися свергнуть короля. Кейси советовал Фахду, чтобы он заменил палестинцев более надежными народностями - пакистанцами или египтянами. Фахд полностью прислушался к его

советам и выдворил из страны тысячи палестинцев, а на их место поселил пакистанцев.

Одним из близких сердцу Фахда проектов была поддержка мусульманских движений в советской Средней Азии. Эти акции в строгой тайне проводил клан Ваххаби. «Для клана Ваххаби очень существенным было финансирование мусульманского движения в советской Средней Азии», - вспоминает бывший сотрудник ЦРУ Винсент Каннистраро.

Кейси также интересовался этой темой, но не из религиозных соображений, а из геополитических. Он сказал Фахду, что Средняя Азия - это советская ахиллесова пята. Пока не сможем перенести войну на эти территории, Советы из Афганистана не уйдут. Принц, закусывая финиками, согласился с ним. Они разговаривали о советском превосходстве в этом регионе, затем о моджахедах. «Святой джихад - это не знающая границ революция, - сказал Фахд Кейси. - Также, как и коммунизм». Эти слова заинтриговали директора ЦРУ. Афганцы через Аму-Дарью поддерживали постоянный контакт с мусульманами СССР. Всячески пропагандировалось афганское сопротивление, распространялась исламская революционная литература, устраивались встречи и дискуссии, а также проводились широкомасштабные операции по минированию. Кейси хотелось большего - точно спланированной подрывной кампании в советской Средней Азии.

Вечером того же дня Фахд и Кейси встретились с Муссой Туркистани, историком, родившимся в Средней Азии и живущим в Саудовской Аравии. Он писал о зверствах Советов среди местного населения и поддерживал контакты в том регионе. Туркистани сообщил Кейси, что в марте 1980 года в Алма-Ате дошло до выступлений против войны в Афганистане и что там есть подполье. Саудовцы, без сомнения, уже финансировали некоторые организации.

Советская пресса негодовала по поводу вмешательства саудовцев в дела советской Средней Азии. Профессор А.Доев сообщил, что саудовцы распространяют «клевету» среди жителей этого региона. 17

Генерал Н.Овезов, заместитель председателя КГБ Туркмении, утверждал, что саудовцы пользуются исламом как тлеющими углями мусульманского бунта против СССР. Саудовцы в этом регионе имели контакты, деньги и жажду ведения подрывной деятельности против советских атеистов. Возможно, им не хватало лишь толчка к действию.

Был первый четверг апреля 1982 года. Операция «Солидарность» начиналась вполне удачно. Кейси надеялся, что и дальше все будет хорошо. Он разговаривал с Дэвидом Виггом, одним из сотрудников Белого дома. Кейси часто останавливался возле его кабинета, чтобы узнать его мнение по актуальным темам. «Мы сидели в холле, - вспоминал Вигг. - Он попросту забрасывал меня разными проблемами: где лучше всего ударить по Советам, как им навредить». Но на этот раз их разговор имел более конкретный характер, по крайней мере, в понимании Кейси. «Весь первый год Билл анализировал состояние советской экономики, - вспоминал Вигг. - Как она на самом деле функционировала, какой была. Весной 1982 года он наконец почувствовал, что держит руку на пульсе».

«Это мафиозная экономика, - сказал он тогда Виггу. - Они крадут у нас технологии, необходимые для их выживания. Единственный путь, которым они могут добыть твердую валюту - это экспорт нефти по высоким ценам. Это все так запутанно, что если мы хорошо разыграем нашу карту, то колосс рухнет». 19

Вигг уже было привык к таким высказываниям Кейси, но это утверждение его удивило. Долгие годы он вел наблюдение для Управления за поступлением советских валютных средств и исполнением баланса. Однако никогда не слышал, чтобы кто-то на таком высоком посту высказал что-либо подобное. Возможно, это было домашнее задание Уильяма Кейси.

Той весной на стол Кейси попало несколько новых рапортов, которые были сразу же переданы в Совет национальной безопасности и президенту. Это не были дежурные бюллетени Управления, в них он, как правило, не углублялся. Ему были доставлены первые рапорты, которые его очень интересовали, - оценка слабостей Советского Союза. Он попросил Герба Мейера и Гарри Роузена, чтобы их сотрудники сразу начали над ними работать. Рапорты убедили Кейси в его предположениях. Он смог также убедить и президента, что США могут произвести серьезные разрушения в советском народном хозяйстве. «Билл входил в Овальный кабинет и садился с президентом, - вспоминал Вигг.

- Они разговаривали на многие темы, обсуждая и состояние советской экономики. Это были неофициальные беседы, но они наверняка формировали взгляды Рейгана». Глядя с высоты времени на эти рапорты, можно утверждать, что они оказались почти пророческими.

В начале первого рапорта содержались общие определения состояния советской экономики. По мнению авторов, она была «неподвижна, неэластична». Рынок не реагировал своевременно и достаточно быстро на изменение мест и форм эксплуатации природных богатств. Поступления технологий и оборудования с Запада были необходимым условием для того, чтобы экономика могла преодолеть трудности и удержать уровень производства. Отсечение от важнейших западных технологий могло серьезно разрушить экономику.

«Советы, если хотят увеличить или удержать на нынешнем уровне производство некоторых видов натурального сырья, должны привлечь капитал и технологию с Запада. В восполнении существующих дефицитов, а также в развитии технологического прогресса важную роль может сыграть импорт. Советский Союз имеет щедрые залежи энергетического сырья, которые может экспортировать. Но стоимость их добычи растет, советская экономика плохо приспособлена к повышению производительности и технологическому прогрессу. Производство нефти увеличивается, но очень медленно.

Даже небольшой рост в последние годы требовал огромных усилий. Использование западной технологии являлось бы главным фактором поддержания этой важной отрасли хозяйства, приносящего доход в твердой валюте.

СССР будет вынужден импортировать западное оборудование, необходимое для добычи газа и нефти, чтобы уменьшить падение добычи на месторождениях, которые имеют уже в значительной мере выработанные ресурсы, и повысить ее на других, а также открывать и разрабатывать новые запасы. Оборудование для укладки труб большого диаметра производится лишь на Западе. По нашим оценкам, Советам на строительстве проектируемых газопроводов до конца восьмидесятых годов будут нужны по крайней мере 15-20 миллионов тонн импортных стальных труб. Они также будут нуждаться в современном оборудовании для добычи - компрессорах большого объема и, вероятно, турбинах большой мощности.

Но возможность изыскания источников твердой валюты, необходимой СССР для оплаты за импорт товаров с Запада, уже сейчас весьма проблематична, а в будущем может стать еще более затруднительной. Главным в создании такой ситуации является приостановка и возможное падение производства нефти. Согласно нашим прогнозам, поступление твердой валюты, возросшее в результате

увеличения экспорта подземного газа, лишь частично покроев ожидающееся уменьшение поступлений от экспорта нефти. В основном из-за падения цен на энергетическое сырье советские соглашения между СССР и Западом в 80-х годах будут менее выгодны, чем в семидесятых, когда кривая цен на нефть и золото позволяла СССР получать огромные доходы. Страны ОПЕК будут иметь меньше возможностей, чтобы платить валютой за советское оружие».

Донесения концентрировались на советском энергетическом секторе. В них подчеркивалось, что его роль в поддержании хозяйственной машины самая большая. Многие годы от 60 до 80 процентов поступлений твердой валюты было от экспорта нефти и подземного газа. Эти поступления служили «подпоркой» хозяйственной системы. Твердая валюта давала возможность для закупки на Западе продуктов питания и технологий. Часть денег предназначалась также для энергетического сектора с целью увеличения производства благодаря западным технологиям. К рапортам был приложен специальный комментарий, касающийся энергетического сектора, содержащий несколько существенных выводов:

- поддержание постоянного экономического роста требует от Москвы большей добычи энергетического сырья, что входило в план одиннадцатой пятилетки (1981-1985 гг.). Доходы от экспорта в западные страны позволяют закупку западных технологий и оборудования, необходимых для реализации большинства советских проектов. Особенно существенным является увеличение добычи нефти, транспортировка подземного газа и эксплуатация прибрежных залежей энергетического сырья;

- недавнее увеличение советского экспорта на Запад и связанное с ним значительное увеличение поступлений твердой валюты позволяли разрабатывать месторождения энергетического сырья. Советы предназначали большую часть доходов на закупку западного оборудования и технологий по эксплуатации и производству газа и нефти.

Москва начинала применять современные методы изыскания нефти, которые должны были «пустить в ход» залежи до сих пор недоступные при использовании прежних методов добычи. Старые месторождения на Волге становились все менее эффективными. Была надежда, что при помощи новой технологии возрастет добыча нефти. В рапорте читаем: «Советы возлагают большие надежды на новые способы добычи нефти,

полагая, что благодаря им увеличится производительность старых месторождений, а также станет возможным открытие новых с богатыми запасами. Но введение новых способов встретило серьезные препятствия, которые происходят из-за нехватки оборудования и химических средств... Например, до сих пор Советы не в состоянии производить паровые генераторы, которые давали бы возможность поднять температуру в скважинах, а также химические вещества, понижающие вязкость нефти, поэтому они постоянно предпринимают попытки приобрести западные технологии и оборудование».

Рапорт указывал на существенное влияние мировых цен на нефть на советские поступления твердой валюты. В семидесятые годы, когда цена нефти достигла пика, поступления в твердой валюте Советского Союза возросли на 272 процента при росте экспорта примерно на 22 процента. Мейер утверждал, что при каждом повышении цены за баррель на 1 доллар Москва получала около 1 миллиарда долларов ежегодно. Но была возможна и противоположная ситуация. Падение цен на нефть, например, на 10 долларов за баррель могло дорого стоить Москве - 10 миллиардов долларов. «Цена нефти на мировых рынках будет существенным фактором, решающим состояние советской экономики».

«Билл почти сразу же полностью сосредоточился на рапорте, - вспоминал Мейер. - Он стал для него своего рода Евангелием! Он сказал: «Мы можем их уложить».

Через несколько дней после проведения одного из систематических стратегических семинаров с Виггом, Кейси оговаривал с президентом большой пакет дел. Здесь также присутствовал Каспар Уайнбергер и новый советник по делам национальной безопасности, Билл Кларк.

Почти ежедневно поступали новые сообщения, что в Европе не выполняются американские санкции. Особенно стремились к продаже Москве обложенных американскими санкциями технологий, необходимых для строительства газопровода, два производителя: Джон Браун из Англии и «Atlantique» из Франции. В июне должен был проходить саммит в Версале, на котором обсуждение санкций должно быть вопросом номер один. На встречу с президентом Кейси принес рапорты, обсудив их накануне с Уайнбергером и Кларком.

Переключаясь с листка на листок, он докладывал: «Господин президент, если говорить о газопроводе, то на него ставка очень высока. Мы говорим не о проекте газопровода, который должен помочь им, а будем говорить о проекте, который необходим для их существования.

Они очень нуждаются в твердой валюте, которую поможет добыть осуществление строительства газопровода. Две его нитки могут приносить Советскому Союзу от 15 до 20 миллиардов долларов ежегодно. Если мы сможем остановить это строительство или хотя бы задержать, то они окажутся в ловушке». Кларк еще раньше разговаривал с президентом и оба они пришли к тому же выводу.

«Газопровод был дойной коровой, которая могла приносить им валюту, - вспоминал Уайнбергер. - Я все время повторял президенту, что мы обязаны сохранить санкции. Это была экономическая война, которая должна была их уничтожить.

Рейган покидал встречу с уверенностью, что экономическое уничтожение Москвы является прекрасной стратегией, которая начинается с этого газопровода.

Весной 1982 года американская дипломатическая машина действовала очень медленно. Европа не хотела отказаться от строительства газопровода. Кроме того, европейские правительства дали зеленый свет фирмам, которые нарушали американские санкции, несмотря на соглашение, заключенное несколько месяцев назад на встрече в рамках НАТО. Президент Рейган оставил открытым вопрос о санкциях, но лишь при условии, что Европа резко ограничит субсидирование кредита и поставку технологий Москве. Хейг летал в Европу и обратно, стремясь сохранить такой компромисс. В мае 1982 года Джордж Шульц (в то время еще частное лицо), был послан Рейганом на встречу с главными западными союзниками для обсуждения строительства газопровода и прочих спорных вопросов. По возвращении он отчитался президенту: «Ваши взгляды относительно кредитов для СССР и его сателлитов произвели огромное впечатление. Я предчувствую, что отношение к этому делу в Европе вскоре будет совпадать с вашим. Никто из них не будет защищать субсидирование советского хозяйства». Но согласится ли Европа прекратить или уменьшить поступление денежных средств, поддерживающих Москву на плаву?

С 4 до 6 июня внимание всего мира было обращено к Версалию, где проходил саммит наиболее промышленно развитых стран мира. Главным вопросом, который хотел затронуть Рейган, было контрпредложение относительно строительства газопровода, а также прекращение кредитов Москве. Все шло не очень гладко. Президент предложил компромиссы: газопровод будет строиться, но лишь одна нить, а не две, как

планировалось, при условии, что будет прекращено официальное кредитование Москвы и промышленные государства согласятся на серьезное ограничение экспорта технологий в СССР.

В коммюнике делалось заключение, что европейцы согласились на «выгоды от ограничения торговли с Москвой». И ничего более. Франция как раз подписала с Москвой очередной договор о выделении кредита. «Миттеран и Шмидт покинули торжественное закрытие саммита, тем самым давая понять, что финансовые и энергетические договора с СССР не будут изменены», - вспоминает Роджер Робинсон, который внимательно наблюдал из Белого дома за событиями.

7 июня президент Рейган вылетел в Рим на встречу с Папой. Это была сорокапятиминутная частная аудиенция в Ватикане. Папа был в белых одеждах с серебряным крестом на цепочке на шее и впервые встречал президента Рейгана.

За спинами собеседников на стене висела известная картина Перуджино «Воскресение». Рейган вначале отметил, что их встреча как нельзя кстати. Ведь они оба столкнулись со смертью, в них обоих стреляли, и все это происходило совсем недавно. «Он сказал Папе, что Бог с какой-то целью уберег их, - вспоминал Билл Кларк. - А целью этой была свобода Польши».

Перед визитом Рейгана и Кларка в Европу Кейси проинформировал их о ходе операции в Польше. Президент затронул эту тему в разговоре с Папой очень коротким высказыванием: «Надежда не покидает Польшу. Мы, работая вместе, можем ее поддержать». Папа слегка кивнул головой.

После встречи оба сделали официальное сообщение для прессы. Рейган решил на длинное высказывание относительно Польши. «Нашей общей заботой является измученный народ Польши, родины вашего святейшества. Сквозь столетия несчастий, падавших на нее, Польша была и остается бастионом веры и свободы, ценностей, которые остались навсегда в сердцах ее мужественного народа, но не в сердцах тех, кто правит ею. Мы стремимся к солидарности и реформам, которые дадут новую надежду народу Польши». \15

В то время, когда Рейган беседовал с Папой, Билл Кларк встретился с руководством Ватикана и обсуждал ситуацию в Польше. Кларк не слишком вдавался в детали операции ЦРУ, но сказал, что костел мог бы помогать в регулярном обмене разведывательными материалами с Вашингтоном. Он особо подчеркнул, что Вашингтон хотел вместе с

костелом выработать общие позиции по отношению к Варшаве. Причем, чтобы он, с одной стороны, был решительным в вопросе сопротивления репрессиям, а с другой - более гибким, склонным к переговорам, чтобы не толкнуть Польшу под еще более жесткий советский контроль. Кларк также сообщил сановникам Ватикана, что США располагают надежными средствами передачи информации в Польшу. Костел также может воспользоваться ими, если возникнет такая необходимость. После шестичасового пребывания в Италии Рейган и лица, сопровождающие его, вылетели в Англию.

Следующая после Версаля встреча западных руководителей проходила в Бонне. Президент в своем выступлении снова призывал отказаться от строительства газопровода, а также ограничить кредитование и отказаться от «прежних деловых отношений» с Москвой. Его призыв не получил позитивного отклика. Кроме того, Рейган почувствовал, что его игнорируют. «Когда президент выступал с горячим призывом, Шмидт смотрел через окно в сад. Он демонстративно игнорировал Рейгана, - говорит Робинсон. - Он хотел сделать ему афронт. По возвращении в Вашингтон президент еще больше утвердился в мысли, что к нему отнеслись пренебрежительно, как к новичку, не понимающему суть экономических отношений Востока и Запада. Это была ошибка».

Возмущенный Рейган 18 июня созвал встречу Совета национальной безопасности. Этот день впоследствии был назван в Европе «черной пятницей». Президент хотел услышать предложения и определить стратегию. Встречей руководил Вилл Кларк. Атмосфера была напряженной. Администрация к тому времени уже разделилась в вопросе о санкциях. Уайнбергер, Кларк, Миз и Кейси были за них. Все остальные, присутствовавшие на встрече, требовали немедленной отмены их. Самым серьезным противником сохранения санкций был Александр Хейг, отсутствовавший на встрече, поскольку был в Нью-Йорке. Его замещал Лоуренс Иглбергер, особа номер два в Госдепартаменте. После дискуссии, как отметил Кларк, президент внес три предложения:

- полностью отменить санкции, несмотря на то, что поддержка Советами репрессий в Польше по отношению к оппозиции не стала меньше;

- удерживать односторонние американские санкции, хотя европейские поставщики и правительства систематически их нарушали;

- расширить санкции и охватить ими американские лицензии и субсидии за границей, согласно правительственному «Уставу об экспорте».

Первое предложение означало резкий поворот в политике и то, что США вынуждены будут проглотить оскорбление в виде ничего не значащего соглашения, подписанного по кредитам в Версале. Второе означало одностороннее «наказание» американских фирм и вместе с тем констатировало факт, что двухниточный газопровод будет построен благодаря американской технологии, которую когда-то закупили европейские фирмы. Американская фирма «Caterpillar Tractor» уже потеряла заказ, стоимость которого оценивалась в 90 миллионов долларов. «General Electric» определил сумму своих потерь в 175 миллионов долларов. Эти заказы были быстро перехвачены европейскими контрагентами. Третье предложение означало твердую и последовательную политику, что было равнозначно объявлению Москве настоящей экономической войны.

Кейси, Уайнбергер и Кларк должны были отстоять третье предложение, хотя сам Кларк, как обычно, во время встречи на Совете предпочитал придерживаться роли «честного маклера». Ожидалось, что между членами Совета будет долгая и бурная дискуссия с обсуждением достоинств и недостатков каждого предложения. Но президент, похоже, не располагал желанием вести долгие дискуссии. Он рассказал о том, как пренебрежительно к нему отнесся Шмидт, а также о недоразумениях с французами. Подчеркнул, что уже устал от заключения бумажных соглашений с союзниками. А в конце подытожил: «Пусть себе строят (Советы и европейцы) свой газопровод. Но не с нашим оборудованием и не по нашей технологии».

Кларк тотчас вставил: «Итак, у нас уже есть решение президента». Таким образом, было выбрано предложение номер три. Развязывание настоящей экономической войны с Москвой стало целью политики США.

Известие об этом вызвало в Европе бурю. Американский президент расширяет санкции также и на европейские фирмы, располагающие американскими лицензиями. Это возмутило даже Маргарет Тэтчер, в целом настроенную прорейгановски. Все руководители крупнейших государств Западной Европы высказали протест и заявили, что не имеют намерения придерживаться навязанного им нового порядка. Без ведома президента Хейг стал заверять Западную Европу, что ничего не

изменится, если речь идет о политике. Он советовал сановникам европейских государств попросту переждать этот кризис. В европейские столицы направился Уильям Брок. Через несколько дней он привез в Вашингтон известие, что Европа не хочет уступить. Когда он в Белом доме вместе с Хейгом, Кларком, Мизом и другими членами кабинета и подкабинета обсуждал тонкости этого вопроса, Хейг вдруг вскочил и, указывая пальцем на Кларка, крикнул: «А вы (в Белом доме) запланировали это (собрание Совета национальной безопасности 18 июня), когда я был в Нью-Йорке. Заранее знали, что так и будет. Такое не произошло бы, будь я здесь!»

Взрыв Хейга был его последней ошибкой. Вскоре после этого Кларк договорился с президентом. «Хейг кричал на очень близкого друга, которого знал более двадцати лет, и на советника президента, - вспоминает один из высших чинов Совета. - Между Кларком и Рейганом чувствовалось необыкновенное понимание и доверие. Короче говоря, вскоре после этого Хейгу была дана отставка».

Расширение американских санкций подтолкнуло Кремль с его министерством газовой промышленности к проведению обширной акции с целью создания условий для строительства газопровода без американских технологий. Вскоре начался массовый, ослабляющий хозяйство, перевод средств из других, ранее также считавшихся приоритетными отраслей. Реализация строительства газопровода стала делом чести для Советского Союза. Роджер Робинсон, следивший за ходом событий из своего кабинета в Совете национальной безопасности, вспоминал: «Это перемещение оборудования и кадров отрицательно сказалось на советской экономике, поскольку тормозило или вообще делало невозможным развитие других проектов крупного масштаба. Окончание строительства газопровода стало чем-то вроде американского проекта «Манхэттен». Советы тратили огромные деньги за границей, стараясь закупить оборудование, которое заменило бы американское, но это не очень у них получалось. Они черпали щедрой рукой из в общем-то ограниченных запасов твердой валюты, лишь бы только довести реализацию строительства до конца. Делегировали ведущих специалистов для разработки технологий строительства газопровода, но даже это не помогало».

По оценкам советского министерства газовой промышленности с 1986 года, все эти внутренние шаги дорого стоили - около одного миллиарда долларов. И несмотря на все это, строительство нельзя было

завершить. Необходима была технология Соединенных Штатов. «Мы пробовали построить турбины мощностью двадцать пять мегаватт, огромные средства вкладывались непосредственно в строительство газопровода, - вспоминает один из инженеров. - Но нам ничего не удавалось. Нам это дорого стоило».

Когда администрация Рейгана узнала о советских усилиях построить газопровод без средств извне, Кейси и высшие члены Совета национальной безопасности решили дополнительно запутать дела. Советская нефтяная и газовая промышленность всегда опиралась на западные образцы, которые затем приспособливали к собственным условиям и целям. В Вашингтоне тогда решили, что в связи с этим можно подбросить Советам дезинформацию в виде технических данных. Что и было сделано.

После увольнения Хейга госсекретарем стал вышеупомянутый Джордж Шульц, который старался сохранять осторожность в вопросах, связанных с газопроводом. «Он знал, что Хейга уволили из-за этого, - говорит один из бывших членов Совета национальной безопасности. - Он сказал европейцам: «Это важное дело, это не шуточки. Мы из-за этого потеряли предыдущего госсекретаря».

Шульц должен был как-то уладить вопросы о санкциях с руководителями европейских государств, которые оставались на прежних позициях. Тэтчер и Миттеран советовали фирмам своих стран игнорировать американские запреты. Они утверждали, что в Европе американские законы не имеют силы. Тэтчер открыто сказала Рейгану: «Ваш закон для нас - не закон». В Париже министр промышленности Жан-Пьер Шевенман грозил, что ликвидирует те французские фирмы, которые не будут высылать свои товары в Москву! Летом начала поставки фирма «Crevoit-Loire, французский концессионер «Dresser Industries».

1. Сотрудник государственного аппарата. Разговор с автором.
2. Уильям Шнэйдер. Разговор с автором.
3. «Oil and Gas Journal», 13 мая, 1985, с. 74.
4. «The Wall Street Journal», 11 февраля, 1982.
5. Винсент Кавнистаро. Разговор с автором.
6. Сотрудник государственного аппарата. Разговор с автором.
7. А.Доев. «Ислам и атеистическая работа», «Коммунист», N 2, 1984, с.68-74.

8. Н.Овезов. «По случаю 60-й годовщины ЧК», «Советский Туркменистан», 10 декабря, 1982.
9. Дэвид Вигг. Разговор с автором.
10. Герб Мейер. Разговор с автором.
11. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
12. Джордж Шульц. Разговор с автором.
13. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
14. Уильям Кларк. Разговор с автором.
15. «Нью-Йорк таймс», 8 июня, 1982.
16. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
17. Уильям Кларк. Разговор с автором. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
18. Высший чиновник Совета национальной безопасности. Разговор с автором.
19. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
20. Разговор с автором.
21. Разговор с автором.

Глава 9

В августе 1982 года Уильям Кейси отправился в очередное путешествие на Черный континент. Он должен был провести переговоры со своими южноафриканскими коллегами по интересующим его вопросам. Кейси был хорошего мнения о южноафриканской разведке, он ценил ее возможности и несомненные достижения.

Когда самолет приземлился в Претории, Кейси приветствовал шеф резидентуры ЦРУ и отвез его в посольство. Там он освежился после путешествия и заслушал сообщение о внутренней ситуации в Южной Африке, а также о гражданской войне на севере, в Анголе. Потом направился на встречу с сотрудниками южноафриканской разведки.

Чувство общности интересов несомненно повлияло на ход беседы. Южная Африка поддерживала Джонса Савимби в его борьбе с марксистским правительством Анголы. Требовалась помощь в поддержке Савимби, борьба которого наносила серьезный ущерб ангольской и кубинской армии. Такая помощь возможна, - пообещал Кейси. Она отвечает политике США - поддержке антикоммунистических движений.

Директор ЦРУ вспомнил, что существует возможность обмена разведывательными материалами. Американские снимки со спутников территории Анголы могли бы оказаться очень полезными Савимби, так же, как ранее такие же снимкигодились израильтянам. Работники разведки Южной Африки были в восторге, что получают доступ к такой информации.

Затем директор ЦРУ перешел к вопросам тайной войны с Москвой. Кремль в последнее время продавал большие партии золота. В 1981 году русские выбросили на международный рынок почти в четыре раза больше золота, чем обычно. Это означало, что они очень нуждались в валюте. Кейси хотелось знать, сколько твердой валюты может получить Москва от этой продажи. Что станет с мировыми ценами на золото? Как отреагирует на это Южная Африка? Ему хотелось помешать какому-либо сотрудничеству между Москвой и Преторией на международном рынке.

Уже давно ходили слухи, что Москва поддерживает тайные контакты с Южной Африкой в регулировании рынка золота, бриллиантов, платины и драгоценных камней, на которые обе страны имели монополию.

В организации встреч между двумя странами определенную роль играл КГБ. Встречи, как правило, проходили в Швейцарии, первая состоялась в 1978 году. Эти переговоры были окружены строжайшей секретностью, ведь ближайшими союзниками Москвы на Черном континенте были заклятые враги Претории. Кремль поддерживал Африканский Национальный Конгресс и Южноафриканскую коммунистическую партию, стремившуюся к свержению правительства Южной Африки.

Когда в семидесятые годы цена золота значительно подскочила, Претория, как и Москва, сколотила огромное состояние. Москва в то время стремилась навязать диалог, который мог бы привести к договоренности, выгодной для обоих государств, регулирующей ситуацию на международном рынке металла и драгоценных камней. Первые встречи не принесли результатов. Когда же Москва резко увеличила продажу и цены полетели вниз, двустороннее стремление стабилизировать мировой рынок возобновилось.

Сотрудники разведки не торопились с Ответами на вопросы Кейси. Ведь Москву с Преторией объединял интерес: регулирование рынка золота. Оба государства хотели удержать высокие цены и возможность контроля мировых цен. Зачем Южной Африке давать Америке какую-либо информацию на эту тему?

Кейси, однако, не сдавался. Он внушал своим партнерам, что во всех прочих (кроме золота) вопросах они не могут полностью рассчитывать на Москву. Он обещал, что поможет им в Вашингтоне, а также передаст разведывательные материалы, но должен получить что-то взамен.

Собеседники заявили, что хотят это обдумать, хотя, как сотрудники наиболее антисоветской государственной организации, они правильно понимают ситуацию. Но министерства, ответственные за добычу и продажу золота, наверняка будут придерживаться иного мнения. В том и состоит их работа: высокий уровень производства - высокие цены. Если Москва сделает это возможным - тем лучше. В конце концов Кейси должен был твердо заявить, что для Вашингтона нежелательно, чтобы мировой рынок драгоценных металлов подвергся каким-либо манипуляциям, особенно, когда это могло принести выгоду Кремлю, который вдруг стал искать валюту.

Из Претории Кейси отправился в Каир. Со времени его первого визита качество оружия, пересылаемого из Египта в Афганистан, значительно улучшилось. Кейси встретился с новым президентом Египта

Хосни Мубараком. Они сначала поговорили о Ближнем Востоке, о покушении на Анвара Садата, поставках оружия в Афганистан, а потом шеф ЦРУ перешел к теме, которая интересовала его значительно больше.

Он спросил Мубарака, что тот думает о настроении мусульман в советской Средней Азии. Добавил, что они могли бы стать могучими союзниками.

Мубарак ответил не сразу. Вопрос был слишком деликатным. «Господин Кейси, ситуация там напряженная. Я видел рапорты о существовании подпольных организаций, а также о переброске через границу литературы.

Кейси знал обо всем этом, но ему хотелось послушать, что знает Египет о подполье в этом регионе. Сотрудники египетской разведки, с которыми он столкнулся, утверждали, что им ничего не известно. Президент же посоветовал, чтобы с этим вопросом он обращался непосредственно к командирам моджахедов.

Кейси кивнул головой и поблагодарил хозяина. Вернувшись в посольство, он собрал коллектив и сообщил, что через четыре дня летит в Пакистан.

Со времени своего последнего визита в Исламабад, Кейси часто думал об Афганистане. Президент, Вилл Кларк и Уайнбергер просили его регулярно их информировать. Движение сопротивления находилось теперь в намного лучшей ситуации. Отдельные его группы теперь тесно сотрудничали, были лучше вооружены, но еще многое предстояло сделать. Винсент Каннистраро, сотрудник ЦРУ, направленный в Совет национальной безопасности, уполномоченный наблюдатель за ситуацией в Афганистане, вспоминает: «Современная армия сражается с бандами партизан в горах. Но партизаны действуют более успешно, потому что знают территорию, хотя им по-прежнему не хватает оружия и совместной стратегии. Советы несут какие-то потери, но они не очень велики. Иными словами: дело застыло на мертвой точке». Движение сопротивления не очень докучало вражеской армии, а администрация Рейгана была заинтересована в том, чтобы Советский Союз платил за оккупацию большую цену. \2

Передача оружия Афганистану происходила без особых трудностей. Это была солидная операция, проводимая в широких масштабах, одна из самых значительных в истории тайных операций. Оружие доставлялось тремя путями. За саудовские деньги его покупали на международном

рынке, а затем ЦРУ транспортировало его по воздуху в Исламабад. ЦРУ также пересылало оружие и боеприпасы самолетами из Китая. Третья дорога вела через море. Оружие из нескольких стран: Китая, Египта, Израиля и Англии транспортировалось кораблями до порта Карачи. Затем пакистанская ISI помещала оружие в охраняемые поезда, курсировавшие до Исламабада и приграничного города Кветта. Ежегодно по этим трем дорогам транспортировалось десять тысяч тонн оружия и амуниции. С 1985 года количество это выросло до 65.000 тонн.

В резиденции ISI генерал Ахтар горячо приветствовал Кейси. Оружие, присылаемое теперь из Египта и других стран, было лучшего качества. Ахтар знал, что благодарность за это должна быть адресована в первую очередь именно Кейси, который провел из Лэнгли столько телефонных переговоров, чтобы проследить за качеством оружия.

После обмена любезностями руководители разведок занялись делом первой важности: как, действуя совместно, они могли бы нанести Москве большие потери и обескровить ее.

Половина советских частей была задействована под Кабулом. Ахтар предложил сконцентрироваться на северных провинциях. Во-первых, эти территории являлись важной советской оперативной базой. На север от Амударьи размещались военные сооружения. Советские грузы для военного контингента шли дорогой Саланг-Хигвэй, выходящей через горные перевалы. Активизация действий на севере угрожала бы советским транспортным перевозкам и помешала бы Москве перебрасывать в Афганистан новые воинские части. «Мы пришли к выводу, что постоянные атаки на коммуникативные дороги значительно ограничили бы число советских войск в Афганистане», - вспоминает Мохаммад Юсеф. 4

Ахтар предложил начать боевые действия на севере еще и из тех соображений, что этот район имел большое хозяйственное значение для СССР. Неподалеку от Шибаргана в северной провинции Евзиан находилось месторождение газа, оценивавшееся в 500 миллионов кубометров. 80 процентов его добычи - совершенно даром - шло в СССР. В 250 километрах на запад, в Сари-Пуле, а также в Али-Гуле находились залежи нефти. Поблизости от Кундуза и Мазар-и-Шарифа - залежи меди, железа, золота и драгоценных камней. Советы платили смешные суммы за их добычу и за само сырье, которое затем транспортировалось в СССР. Их стоимость составляла около 100 миллионов долларов для Кремля.

Кейси одобрял ход мысли Ахтара. В его представлении северные провинции были тем более важны, что граничили с советской Средней Азией. По обе стороны границы жили узбеки, таджики и туркмены. Они составляли этнически однородную среду, исповедовали одну веру. Афганцы, населяющие север страны, имели больше общего с ними, чем с жителями южного Афганистана.

Советская стратегия заключалась в подавлении сопротивления врага авианалетами и сохранении выдержки. «В целом Советы устраивает контроль над военными базами и стратегическими городами, а также над соединяющими их дорогами. А это означает оборонительную политику», - вспоминает Мохаммад Юсеф. С целью ослабления сопротивления врага они использовали преимущественно бомбардировки. Для Москвы это была «низкокалорийная» война, как называл ее Кейси. И лишь если бы возросла активность сопротивления, ведение войны могло стать большим грузом для Советской Армии. Кейси и Ахтар запланировали два хода, которые могли бы привести к этому.

Моджахеды получали сейчас оружие хорошего качества, но не могли с его помощью нанести сильного удара. Они располагали легким оружием - гранатометами и артиллерийским оружием малого калибра. Ахтар и Кейси решили поставлять им тяжелое оружие, в том числе ракеты и 122-миллиметровые гаубицы. Ахтар был заинтересован в ракетах «земля-воздух» лучшего качества, чтобы создать противовес для советского преимущества в воздухе. Моджахедам поставлялись ракеты системы «SAM-7», которые, по мнению афганцев, были не очень эффективны. В свою очередь офицеры ЦРУ в Пакистане игнорировали жалобы на их качество. Винсент Каннистаро утверждал: «Американцы там, на месте, говорили, что глупые моджахеды просто держали эти ракеты в пещерах и нет ничего удивительного, что они были неисправны». 7

Кейси пообещал лично заняться этим. Он организовал секретную разведывательную операцию и через несколько дней его агенты выяснили суть проблемы. Бракованные ракеты «земля-воздух» поставлялись действующим на международном рынке торговцем оружием, который покупал их в Польше. Советы, когда обнаружили, что ракеты эти предназначены для моджахедов, решили противодействовать. «Оказалось, что ракеты «SAM» были плохого качества не сами по себе, - вспоминал Каннистаро, вмешались Советы и стали сознательно саботировать доставку ракет. Моджахеды не зря жаловались на них».

Кейси и Ахтар согласились, что иной раз неплохо воспользоваться услугами ЦРУ в поддержке движения сопротивления. Доставка оружия дальнего радиуса действия означала, что движению придется воспользоваться и спутниковой разведкой. До сих пор спутники-шпионы ЦРУ использовались лишь для оценки результатов атак на конкретные объекты. Сейчас они должны были таким же образом засекают местонахождение целей. Сделка была проста и результативна: эксперты в Лэнгли должны через курьеров отдела ЦРУ в Пакистане передавать снимки со спутников пакистанской ISI, которая координировала движение сопротивления. Фотографии со спутников были для моджахедов просто даром небес. Они очень помогли, - вспоминал Юсеф. - ЦРУ показывало нам карты и помогало отметить цель в важных районах. Спутниковая информация ЦРУ давала точное расположение целей, концентрацию постов, сил врага, а также пути доступа в данный район и выходов из него. Спутниковая информация в значительной мере помогла одержать победу». 19

Благодаря снимкам движение сопротивления могло отличить афганские объекты от советских. Кейси и Ахтар решили использовать эту информацию в целях изменения соотношения сил, поажения советских целей. Они надеялись, что атаки на экономические объекты помешают Советам в добыче сырья и экспорта его в Советский Союз. Афганское правительство получало от СССР слишком маленькую плату (или вообще ее не получало) за свой природный газ, нефть и драгоценные металлы. Согласно рапортам разведки, доходившим до ISI, Москва проводила точные исследования в Северном Афганистане. Они показывали, что этот район очень богат природными богатствами, поэтому Советы вкладывали туда инвестиции. Ахтар и Кейси решили сконцентрироваться на экономических объектах. Начались атаки на газопроводы, транспортирующие природный газ из Афганистана в Советский Союз. «Эти газопроводы были для них так важны, что за нападения на них они отвечали массовыми убийствами мирных людей», - рассказывал Юсеф. Некоторые районы СССР зависели от энергопоставок из Афганистана. «После бомбардировок моджахедами газопровода дважды останавливалась на срок от десяти до пятнадцати дней советская промышленность в Средней Азии».

Когда в горах и долинах Афганистана шла кровавая война, в тысячах километров отсюда, в Польше, длилась война нервов. В октябре 1982 года генерал Ярузельский приложил все усилия, чтобы ослабить

подполье, которое еще жило. Польский сейм одобрил устав о профессиональных союзах. На его основании «Солидарность» стала нелегальной организацией. Статья 52 этого устава была сформулирована так: «Все союзы, зарегистрированные до принятия устава, следует считать распущенными». Одним росчерком пера «Солидарность» превратилась в нелегально существующую организацию. Ее деятели ожидали этого, ведь устав был вполне логичным шагом военного правительства. Оно могло теперь легально арестовывать деятелей и относиться к ним как к лицам, нарушающим закон. Одобрение устава прошло в Варшаве без фанфар. Ярузельский надеялся, что дело на этом и закончится.

Но реакция Вашингтона была немедленной. Билл Кларк провел с Рейганом совещание относительно дальнейших шагов. Оба были единодушны, что санкции, введенные США, следует расширять. «Нужно было что-то сделать, - вспоминал Джордж Шульц. - Пересылаемые подполью деньги - это одно, но нужно было дать понять, что мы поддерживаем его и морально». 9 октября президент Рейган приостановил для Польши режим наибольшего благоприятствования в торговле с США. Этот режим был последним мостом, экономически связывавшим правительство Ярузельского и США. Эта приостановка означала, что тарифы на польские продукты, экспортируемые в Америку, возрастут на 300-400 процентов, что практически исключало их из американского рынка!

Администрация уже несколько месяцев думала над тем, какую проводить политику по отношению к поработанной Польше. Она хотела, чтобы ее позиция была воспринята однозначно, а именно, что военное положение в Польше неприемлемо для нее, и в связи с этим Москва должна заплатить более высокую цену за поддержание военного правительства Польши. Администрация, однако, не хотела, чтобы пострадал народ Польши. В радиобращении к народу о «Солидарности» и отношениях США с Польшей президент Рейган сказал: «Делегализация «Солидарности», свободного профсоюза, к которому принадлежит большинство рабочих и крестьян, поставила все на свои места: нельзя попирает одно из основных прав человека - право принадлежать к свободному профессиональному союзу».

Эти шаги правительство Ярузельского предприняло сразу же после возобновления деятельности «Солидарности», что было для нее возможным отчасти и из-за средств, присылаемых с Запада. «Зараза» не

была истреблена, а лишь подверглась метаморфозе. 31 августа прошла массовая демонстрация в честь второй годовщины создания «Солидарности». Движение по-прежнему существовало, что возбуждало удивление властей.

«Финансовая помощь США была очень существенна для выживания «Солидарности», - говорит Роберт Макфарлейн. Уже ранней осенью 1982 года она располагала современной системой связи С-31. Благодаря ей движение могло организовывать протесты и другие массовые акции. Радиопередатчики распространяли информацию, продолжая с властями игру в кошки-мышки. Фонды ЦРУ служили для закупок всего, начиная от полиграфической краски и кончая бензином. \1

Кроме тайного финансирования оппозиции администрация Рейгана старалась предпринять соответствующие дипломатические шаги, которые могли соединить дальнейшее существование «Солидарности» с возможной экономической пользой для польского правительства. «Цель санкции, в частности, дать возможность выжить «Солидарности», - говорит Макфарлейн.

Члены Совета национальной безопасности имели задание установить конкретные пути в связи политических уступок польского правительства с концессиями и экономической пользой. Роджер Робинсон также принимал участие в этом. «Использовали стратегию «шаг за шагом», - вспоминает он. - У нас была колонна справа и колонна слева. В левой колонне находилась польза и торговые концессии вместе с режимом «наибольшего благоприятствования» и новые принципы выплаты долгов, в правой - конкретные уступки со стороны Варшавы, предварительные условия легализации «Солидарности» и возобновления национального диалога». \13

Согласно «NSDD-32» официальная цель США - устранение советского влияния в этом регионе. Президент Рейган разговаривал с советниками не только о выживании «Солидарности» целиком, но также и об устранении решений Ялтинской конференции, которая после Второй мировой войны разделила Европу. «У Рейгана не было времени на обсуждение Ялтинской конференции, - говорил Ричард Пайпс. - Ему она представлялась несправедливой. Тайная поддержка «Солидарности» была одним из способов привести к изменению существующего положения». \14

ЦРУ было в постоянном контакте с деятелями «Солидарности». Оно передавало суть политики США подполью, встречаясь с ее

представителями во Франкфурте-на-Майне, а затем - используя магнитофон, дающий возможность сделать сообщение в виде короткого звука. «Мы информировали «Солидарность» о наших шагах, - вспоминал Пойндекстер. - Нам хотелось исключить элемент неожиданности. «Солидарность» в целом была в курсе, что должна получить, прежде чем США всенародно оглашали, каков будет очередной их шаг». \1 «Голос Америки» передавал новейшую информацию еженедельно, каждый раз в разное время.

В ноябре Билл Кейси с кратким визитом появился в Западной Германии, где впервые смог соприкоснуться с тем, что он любил называть «Сеть». С ним путешествовал его советник по военным делам, Тед Аткинсон. Директор должен был провести беседы с американскими аналитиками и сотрудниками европейских разведок о численном равновесии НАТО и Варшавского Договора. Он оказался в Германии также и для того, чтобы поговорить о Польше. Резидентура Управления во Франкфурте служила временной базой для операций в Польше. Кейси встретился с сотрудниками, которые вели всю программу. «Ему хотелось знать подробности, например, нужно ли «Солидарности» больше бумаги, хватает ли радиопередатчиков, устраивает ли их качество. Он хотел быть в курсе всего», - вспоминает один из сотрудников.

Агенты-практики, а также аналитики видели будущее отнюдь не в розовых красках. Подполье «Солидарности» кое-как после недавних репрессий приходило в себя, но люди в Польше казались выдохшимися, уменьшалось стремление к массовым выступлениям против режима Ярузельского. 11 и 12 октября подполье призвало к организации во всей стране протестов и забастовок в ответ на то, что «Солидарность» была объявлена вне закона. Участие людей в этих акциях было довольно активным, но все же не таким массовым, как ожидалось. Организаторы забастовок и деятели подпольного движения сидели в тюрьмах. Продуктов питания становилось все меньше. Почти все выдавалось по карточкам, даже надежда. До взрыва восстания, которого ожидали некоторые, а в том числе и Билл Кейси, - не доходило. Подполье встало на дорогу долгой и тяжелой борьбы. В это время польские руководители вели интенсивные дискуссии, как справиться с врагами режима. 16 ноября 1982 года в Варшаве прошло совещание членов высших партийных органов и военного руководства. Среди них были: секретарь Центрального комитета Казимир Бартиковский, генерал Флориан

Сивицкий - заместитель министра обороны и начальник генерального штаба, а также генерал Иозеф Барила - заместитель министра обороны и начальник главного политического управления армии. Они составили рапорт с оценкой политической ситуации в стране.

«Оппозиция на предприятиях потеряла способность мобилизовывать на демонстрации. Власти взяли контроль над традиционными центрами оппозиции в ключевых районах, благодаря изоляции руководителей и деятелей, слежке и суровым приговорам. Пропагандистская кампания и расширение дезинформации в листовках предупреждают массовые демонстрации и перерывы в работе... Официальная пропаганда должна указывать на опасность, создаваемую экстремистами подполья, способными привести страну на край кровавой конфронтации. За время военного положения конфисковано тысяча сто штук оружия. Это оружие могло быть использовано против партии, милиции и работников служб безопасности».

Драматическая ситуация, когда поляк выступил против поляка, благоприятствовала разведывательной деятельности. В последние месяцы 1981 года Кейси увеличил число своих агентов в Варшаве, благодаря чему количество получаемой ЦРУ информации было, пожалуй, самым большим в мире. Слежка за польским правительством приносила все лучшие результаты. Управлению удалось завербовать заместителя министра обороны, которого ход событий во время военного положения разочаровал. (Эта информация Петера Швейцера не соответствует действительности. - Прим. ред.). Он знал планы обороны и некоторые содержащиеся в секрете разговоры на высших ступеньках власти относительно сил обороны и планов внутренней безопасности. Он передавал информацию приблизительно каждый месяц. Большинство ее касалось структуры сил обороны и планов снабжения. Материалы, касающиеся политики, он стал передавать позднее. Сначала работники Управления не очень охотно с ним контактировали, потому что было военное положение и уже случались провокации по отношению к работникам американского посольства. Несмотря на это, решили пойти на риск, который, как оказалось, был оправдан. Вскоре у ЦРУ в Польше было намного больше контактов.

Операции в Польше и Афганистане набирали силу, но стремление США затянуть строительство первой нити сибирского газопровода и сделать невозможным строительство второй не приносили желанных результатов. Администрация столкнулась, вопреки ее ожиданиям, с

позицией союзников. Президент хотел задержать строительство газопровода, но не ценой развала НАТО. «Эмбарго нельзя было сохранить, - вспоминал Джордж Шульц. - НАТО переживал нелегкие минуты. Нужно было найти какой-то компромисс». 18

По совету нового госсекретаря Рабочая группа по делам национальной безопасности в начале июля предложила новую стратегию. Билл Кларк, Каспар Уайнбергер и Уильям Кейси были за сохранение твердой позиции. «Возможно, это самый большой наш шанс повлиять на союзников и отрезать Кремль от западных средств», - заявил Уайнбергер. Но президент ратовал за двухступенчатую стратегию. Всенародно администрация займет твердую позицию по отношению к Европе, однако лично Рейган будет склонен к компромиссу, но лишь для того, чтобы помочь Европе, не уронив достоинства, выйти из конфликта. Президент подписал меморандум по вопросу национальной безопасности, составленный Робинсоном и сотрудниками Совета национальной безопасности. Меморандум определял стратегию в строительстве газопровода. США должны были занимать твердую позицию относительно всех, кто нарушал американские санкции. Если европейские страны, пользуясь технологиями, созданными по американским лицензиям или еще в какой-то зависимости от США, будут нарушать эти санкции, они закроют себе доступ на американский рынок, а импорт к ним будет контролироваться. Иными словами, это означало суровые кары для нарушителей санкций. Большинство европейских фирм, которых это касалось, не смогли бы выжить без доступа на американский рынок. Вместе с тем Рейган планировал выработать с союзниками общее соглашение, но, как сказал Шульц, не хотел, чтобы думали, что он уж очень «горит» по этим переговорам с Европой. «Президент не хотел заключать соглашения, которые ничего бы не значили, - вспоминает Роберт Макфарлейн. - Он желал чего-то конкретного, реального. Поэтому ему не хотелось, чтобы думали, что он стал мягче».

К счастью, первый шаг сделала Европа. В начале июля Джорджу Шульцу вдруг позвонил министр иностранных дел Англии Фрэнсис Пим и предложил организовать специальную встречу по вопросу строительства газопровода. Шульц передал это предложение президенту, который поручил начать подготовку, но под пристальным вниманием Совета национальной безопасности. Это Европа сдалась, а не Вашингтон. Шульц позвонил Пиму и они определили дату встречи.

16 сентября собралась Высшая международная группа по делам экономической политики, чтобы определить стратегию США перед приближающимися переговорами. Существовала опасность, что европейцы могут напасть на Шульца или он сдастся под напором их требований. Переговоры должны были проходить в начале октября в Ла Сапильер в Канаде. Порядок прений определен не был. Участия персонала в нем не предвиделось, так же как и обнародование окончательного коммюнике. Международная группа рекомендовала занять твердую позицию. «К этому вопросу мы отнеслись очень серьезно, - вспоминает сотрудник Совета национальной безопасности. - Мы были настроены искать такое решение, которое дорого бы стоило Москве».

В Ла Сапильер Шульц настаивал на компромиссе: санкции будут отменены при условии, что Европа согласится контролировать торговлю с русскими и ограничит кредиты. Но союзников убедить было нелегко. Министр иностранных дел Франции Клод Шейсон заявил, что США не могут диктовать условия. Возникла тупиковая ситуация, встреча закончилась лишь подписанием документа, обрисовывающего проблемы, которые придется решать в будущем.

Шульц вернулся в Вашингтон в хорошем настроении. 15 октября он сообщил результаты встречи Совету национальной безопасности. Уайнбергер и Кейси были разочарованы. «Мне кажется, этого мало для отмены санкций», - заметил Уайнбергер. Кейси и сотрудники Совета согласились с ним. \21

Шульц предложил, чтобы они в таком случае предложили другой выход. Кларк, Кейси и Уайнбергер настаивали на принципиальном изменении западноевропейской хозяйственной и финансовой политики по отношению к Москве. Переговоры продолжались. Наконец, действуя через послов и строго придерживаясь указаний Совета национальной безопасности, Шульц подвел дело к заключению соглашения. 12 ноября выход из тупика нашелся. 13 ноября президент, оглашая отмену санкций и начало переговоров об общей стратегии союзников по отношению к советскому блоку, сказал: «Во-первых, каждый из партнеров обязался не подписывать и не принимать новых условий, касающихся закупок советского природного газа в период, в который мы будем изыскивать возможности использования Западом иных источников энергии. Во-вторых, мы и наши партнеры усилим контроль за передачей стратегических средств Советскому Союзу. В-третьих, немедленно

определим процедуру, позволяющую контролировать финансовые отношения с Советским Союзом, и будем стремиться к гармонизации нашей политики в выделении кредитов». (В тот же день Рейган подписал наиважнейший в истории США секретный документ, касающийся советской экономики, в форме директивы. «NSDD-66», подготовленная Роджером Робинсоном, отражала переворот в стратегии Соединенных Штатов: она означала отказ от санкций в пользу других средств. Вследствие невозможности гарантировать сотрудничество союзников в вопросе строительства газопровода советник по делам национальной безопасности Билл Кларк попросил Отдел международной экономики Совета национальной безопасности определить американскую позицию, которая помогала бы использовать слабые места в экономике Советского Союза. В результате возникла «NSDD-66». Она помогала Шульцу на переговорах в Ла Сапильер.

«NSDD-66» была равнозначна объявлению тайной экономической войны Советскому Союзу, - говорит Роджер Робинсон, главный ее автор. - Это документ, который в сочетании с ростом вооружений в Соединенных Штатах, а также со Стратегической оборонной инициативой обрекал СССР на окончательную смерть». Насчитывающая несколько страниц, «NSDD-66» планировала быстрое конструирование «технологической триады», чтобы лишить Москву «западных средств, необходимых для жизни».

По словам Роберта Макфарлейна, «NSDD-66» охватывала три главных вопроса:

- США должны добиться согласия европейских союзников выделять Москве кредиты только по рыночным курсам;

- США не допустят доступа советской экономики и армии до современной западной технологии. Деятельность КОКОМ будет расширена;

- США и союзники будут искать альтернативные источники энергии, чтобы уменьшить зависимость Европы от поста вок советского природного газа. Принимается во внимание переходный период. Поставки в Европу советского газа не могут покрыть больше 30 процентов потребностей (на практике это означает, что вторая линия газопровода не будет построена и что новые контракты не будут заключены. \4

Компромисс относительно санкций был не по вкусу Кларку, Уайнбергеру и Кейси. Они стояли на своей позиции - затянуть

строительство первой очереди газопровода. Но даже после отмены санкций, когда Европа приняла «технологическую триаду», Кейси, Кларк и Рейган придерживались мнения, что по-прежнему существуют возможности разрушения советской экономики. Они в своем мнении были не одиноки. В конце ноября 1982 года Рабочая группа по делам национальной безопасности провела специальные слушания. Одной из главных тем была советская экономика. Обычно на встречах Рабочей группы бывал только президент, вице-президент, госсекретарь и министр обороны, а также директор ЦРУ. Но в этот день прибыл дополнительно Генри Роуэн, который высказал в Белом доме свое мнение относительно слабых мест советской экономики. «Мы должны просто держать высокий уровень вооружения, чтобы Москва старалась догнать нас, а также прекратить поставки западных средств, необходимых им для выживания, и мы еще в этом десятилетии увидим, как развалится советская система», - сказал он.

1. Бывший советский сановник. Разговор с автором. См. также Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский «KGB: The Inside Story». Нью-Йорк, «Harper Collins», 1990, с.560.

2. Винсент Каннистраро. Разговор с автором.

3. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

4. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

5. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

6. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

7. Винсент Каннистраро. Разговор с автором.

8. Винсент Каннистраро. Разговор с автором.

9. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

10. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

11. Джордж Шульц. Разговор с автором.

12. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

13. Роджер Робинсон. Разговор с автором.

14. Ричард Пайпс. Разговор с автором.

15. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

16. Сотрудник американской разведки. Разговор с автором.

17. Serwis Informacyjny «Malopolska», N 42, 1982.

18. Джордж Шульц. Разговор с автором.

19. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

20. Разговор с автором.

21. Джордж Шульц. Разговор с автором.

22. Джордж Шульц. Разговор с автором. См. также его «Turmoil and Triumph». Нью-Йорк, «Scribner's», 1993.

23. Роджер Робинсон. Разговор с автором.

24. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

25. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

Глава 10

10 ноября 1982 года в Москве было очень холодно. Падал густой снег. В 7.30 утра Леонид Брежнев читал «Правду» и завтракал в столовой. Здоровье советского руководителя оставляло желать лучшего, хотя он был еще в силах передвигаться сам. В соседней комнате дежурили офицеры охраны, не отступая ни на шаг от этого одряхлевшего человека. Назначенные лично председателем КГБ Юрием Андроповым, они сопровождали его почти повсюду, оберегая Генерального секретаря от любой опасности. Через двадцать минут после завтрака Брежнев по лестнице поднялся в свою спальню. Офицеры последовали за ним и закрыли за собой дверь. Через несколько минут один из охранников спустился вниз и вежливо сообщил Виктории Петровне, что ее муж только что умер. Она зарыдала. Потом все же взяла себя в руки и пошла к спальне, но охрана задержала ее. Врача не вызывали. Останки забальзамировали, вероятно, не производя вскрытия. Виктория Петровна увидела тело собственного мужа лишь через два дня во время торжественного прощания в Колонном Зале Дома Союзов. И до своей смерти она полагала, что ее мужа постигла внезапная смерть.

Возможно, у нее и были некоторые подозрения, которые подтверждали личность нового руководителя. Через пять дней после смерти одного из самых долголетних руководителей Советского Союза новый глава государства - Юрий Владимирович Андропов, председатель КГБ, лично выбиравший членов охраны Брежнева, уверенно встал на охрану советской империи. Это был сложный, полный противоречий человек, по крайней мере, если говорить о его настроениях и вкусах, что подтверждают те вещи, которые он любил. В оборудованном по-спартански кабинете в здании КГБ доминировали два украшения: огромный портрет основателя советской тайной разведки Феликса Дзержинского и статуэтка Дон Кихота.

Через несколько дней после занятия нового поста Андропов и министр иностранных дел Громыко провели встречу с генералом Зия-уль-Хаком из Пакистана и его министром иностранных дел Якуб Ханом. Место встречи - зал Святой Екатерины в Большом Кремлевском Дворце, импозантное помещение, заполненное царскими сокровищами. Андропов был зол из-за Афганистана. Его темные, холодные, как сталь, глаза просверливали гостя насквозь. Он возражал против вторжения в

1979 году, но сейчас это не имело значения. Речь шла о чести и славе Советов, не говоря уже о геополитических интересах.

«Пакистан является партнером в войне против Афганистана, - говорил Громыко пакистанским гостям по сценарию Андропова. - Вы должны понять, что СССР будет поддерживать Афганистан». На самом деле это означало что-то большее. Сепаратисты в провинции Белуджистан получили поддержку в своих попытках отделиться от Пакистана. КГБ и афганская разведка (КНАД) вели подрывные операции по отношению к Исламабаду, стараясь посеять зерна сопротивления правительству Зия-уль-Хака, а афганские истребители нарушали воздушное пространство Пакистана, атакуя цели моджахедов.

Андропов и Громыко отдавали себе отчет, что Пакистан создает базу для афганского сопротивления. Без внешней базы движение сопротивления не удержалось бы. Администрация Рейгана также понимала это и выделяла миллиарды на помощь, при условии, что Зия-уль-Хак не будет отказывать в убежище моджахедам.

Пакистанский президент с неудовольствием воспринял угрозы Москвы и холодно парировал эти слова. «Пакистан искренне стремится сохранить дружеские отношения с Афганистаном и Советским Союзом и старается обрести мирное политическое решение афганской проблемы,» - заявил он. \2 Пакистанский генерал был недоверчив. Каспар Уайнбергер и Уильям Кейси связались с Зия-уль-Хаком после его возвращения из Москвы. Кейси предложил сделать все, чтобы помочь Пакистану. Генерал по-прежнему играл роль посредника.

В конце 1982 года Билл Кларк предложил Совету национальной безопасности определить стратегию Рейгана по отношению к Москве и подготовить секретную директиву, которую подписал бы президент. Сделать это было непросто. С 1945 года очередная администрация пробовала объявлять о собственной политике. Однако с 1950 года американской внешней политикой руководили предпосылки и директивы, содержащиеся в документе, подписанном Гарри Трумэном в том же году, под названием «NSC-68». Автором основного текста того документа был Пауль Нитзе, который в то время заменил Джорджа Кеннана как руководителя аппарата по делам политики в Государственном департаменте.

«NSC-68» Опирался на три принципа, которые должны были надолго лечь в основу американской внешней политики. Он предвосхищал упорную борьбу между Востоком и Западом и постоянство военной

угрозы с советской стороны. Учитывая эту реальность, американская политика за рубежом будет в основном заключаться в реагировании и обороне. Она опиралась на принцип, изложенный в памятной статье Кеннана «Источники развития Советов», в которой он писал, что «долговременное терпеливое, однако решительное и бдительное ограничение советских устремлений к экспансии» приведет в конце концов к фундаментальным изменениям в советской системе, в итоге уменьшит угрозу для Запада. В семидесятые годы очередная администрация развивала эту упрощенную версию ограничения, прибавляла к ней многочисленные «приманки», в надежде, что Советы изменят свою политику. Но похоже, это мало влияло на действия Кремля на международной арене.

Рейган и его главные советники не разделяли большинства принципов доктрины «ограничения». Те проблемы, которые создавал Советский Союз, не удавалось решить с помощью «моделирования поведения», потому что они были сутью советской системы. Рейган инстинктивно стремился перехватить стратегическую инициативу, он не хотел оказаться в положении, в котором ему пришлось бы только пассивно реагировать. необходимо было изменить характер и масштабы сотрудничества сверхдержав. Особая концентрация внимания на количественном увеличении вооружений была выгодна Советскому Союзу. Члены американской администрации стремились увеличить эту гонку, включив туда экономику и технологию. Ричард Пайпс письменно предлагал включить именно такие концепции в основу политики. Этот документ, к рождению которого также приложили руку сотрудники Совета национальной безопасности, насчитывал всего несколько страниц. Однако он оказался в последующем основополагающим в отношении Рейгана к Советскому Союзу.

Гарвардский историк провел много вечеров в своем небольшом бесцветном кабинете в старом здании президентской администрации, придавая окончательную форму этому архиважному документу. Его работа стала основой «NSDD-75», первой и единственной президентской директивы администрации Рейгана в деле стратегии, целей и устремлений США в отношениях с СССР. И по сей день это один из наиболее охраняемых секретов администрации.

«Директива «NSDD-75» означала разрыв с прошлым, - говорит Пайпс.

- Это первый документ, утверждавший, что дело не только в поведении

Советского Союза, но и в самой советской системе. Директива четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах». Стратегической целью Соединенных Штатов стало расшатывание советской системы через использование его внутренних слабостей. Политические подпорки советской системы были слабы и должны подвергнуться испытанию, в надежде, что это станет причиной «свертывания» советского влияния на земном шаре. Предыдущая директива «NSDD-32» подчеркивала заинтересованность США в «свертывании» советской власти в Восточной Европе, но «NSDD-75» делала в этом отношении еще один шаг вперед.

Новый документ был всесторонний, он формулировал политические рецепты и очерченные цели американской политики по многим направлениям. «Мы изо всех сил старались, чтобы в «NSDD-75» выработать план интегрированной политики, охватывающей действия на многих фронтах, - говорил Джон Пойндекстер, участвовавший в создании документа. - Думаю, именно это и было одним из самых успешных аспектов такой политики».

Документ был очень четкий, начинался с «рабочих принципов»:

- США не одобряют существующей сферы влияния СССР за пределами государства и будут стараться уменьшить ее;

- США не будут участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели (документ называл здесь прежде всего технологии, кредиты и твердую валюту, зарабатываемую на экспорте энергоносителей);

- США будут искать все возможности, позволяющие уменьшить уровень советского влияния за границей».

Этот базовый документ подтверждал, что стратегия США основана на использовании советских слабостей. «NSDD-75» не уточняла, что мы идем на конфронтацию с Советами во всем. Она лишь предполагала, что мы будем выискивать слабые места и использовать их», - говорит Роберт Макфарлейн.

Самое слабое место представляла советская экономика. Вслед за распоряжением департамента обороны и меморандумом по национальной безопасности 1982 года «NSDD-75» указывала, что с этой поры политика администрации будет направлена на усугубление экономических проблем в надежде вызвать кризис во всей советской системе. «Мы были убеждены, что до сих пор мало обращали внимания на их экономику, во всяком случае как следует не использовали ее в качестве экономического оружия против Советов,

- заявил Пойндекстер. - Большинство правительственных чиновников не верило в успех усилий в экономической сфере. Я мог бы процитировать многих чиновников высшего эшелона, считавших, что действия, предпринимаемые США, никоим образом не могут вызвать крушения советской экономики. Я с этим не соглашался. Такое мнение являлось слишком драматичным и ненаучным. Мне кажется, мы в целом выполняли эту директиву. «NSDD» была подписана президентом с определенной целью». Цель - поприжать советскую экономику через ограничение поступлений, а также заставить пойти на большие расходы.

«Рональд Рейган стремился, чтобы вооружение Соединенных Штатов (после долгих лет невнимания к нему), футуристические технологии, связанные с обороной, такие, как СОИ, и экономическая политика по отношению к Москве взаимно дополняли друг друга, - вспоминает Вилл Кларк. - По правде говоря, мы хотели вовлечь основные советские ресурсы, чтобы Москва попробовала сравняться в будущем с США, и доказать, что она не имеет шансов в технологическом соревновании». В прошлом считалось, что технологическое преимущество может быть использовано для противопоставления количественному перевесу Советов на поле битвы. Администрация Рейгана решила пойти дальше. Благодаря навязыванию гонки в технологиях, американское преимущество могло стать успешным оружием.

В конце 1982 года президент проиграл весьма существенное голосование в конгрессе по вопросу о выделении средств на ракеты MX. В этом не было ничего нового: в 1981-1982 годах Пентагон предложил три основные модели новых межконтинентальных баллистических ракет, конгресс отклонил все три. «Закончилось тем, что мы не смонтировали ни одной наземной ракеты», - вспоминает Макфарлейн. Вскоре после проигранного голосования по MX адмирал Джон Пойндекстер связался с Макфарлейном. Пойндекстер, с отличием закончивший морскую Академию и одаренный быстрым, научным

мышлением, предложил администрации вариант создания и даже внедрения системы стратегической обороны. Эта идея прорастала в Белом доме с начала 1981 года, когда генерал Дэниэль Грэхем, начальник группы, называемой «Воздушная граница», встретился с президентом и сотрудниками Совета национальной безопасности. Прошло довольно детальное обсуждение, за которым, однако, не последовало никакого действия.

Многие сотрудники Рейгана давно советовали больше внимания уделить американской стратегической обороне. Ричард Аллен, долгое время бывший советником по национальной безопасности, информировал президента о дебатах по антибаллистическим ракетам. Мартин Андерсон ясно продемонстрировал беззащитность Америки перед советскими ядерными ракетами во время визита к руководству Североамериканской противовоздушной обороны вместе с баллотирующимся в президенты Рейганом. Каспар Уайнбергер почти сразу после вступления на пост министра обороны обещал создать современную технологическую систему стратегической обороны. На пресс-конференции в Белом доме по вопросу стратегического оружия, 2 октября 1981 года, Уайнбергер подчеркнул, что «открываются определенные, очень интересные возможности, которые мы будем исследовать, я не думаю, что способность уничтожения подлетающих ракет может привести к какой-то дестабилизации. В то же время полагаю, что это очень успокаивало бы».

Макфарлейн сказал Пойндекстеру, что замысел ему нравится, он и сам думал о чем-то похожем. «Приблизительно в течение десяти лет, со времен Никсона и Форда, у меня было впечатление, что наше военное соперничество с русскими проходит не на тех условиях, - вспоминал Макфарлейн. - Наше преимущество - качество и технология. Это заставило меня задуматься. Я задал себе вопрос: какую переориентацию мы можем сделать в инвестиционной стратегии? Как нам нужно тратить наши деньги? Мне казалось, что направление средств в наступательные системы и численное преимущество менее эффективно инвестиций в наше сравнительное преимущество - технологию. Я начал думать о политике инвестиций в современную технологию, которую мы сможем соответствующим образом использовать».

Пойндекстер собрал несколько наиболее ярких в военно-научных кругах стратегов, чтобы поговорить о переброске средств из разработок по ядерному оружию - на технологически сложные системы

стратегического оружия. В этой группе оказались Боб Леннарт из Совета национальной безопасности, генерал Ричард Бовери и Ал Кел из отдела управления и бюджета, Джон Фостер из TRW, Ричард Делауэр, ученый и инженер, а также доктор Джордж Кейворт, научный советник президента Рейгана. «Мы встретились в оперативном зале и какое-то время думали, - вспоминал Пойндекстер. - Вывод собравшихся был следующим: технология со времен ракет АВМ достигла такого развития, что замысел стратегической обороны заслуживает проведения научных исследований». Пойндекстер пересказал Макфарлейну общие выводы собравшихся и поручил проработать многочисленные документы относительно политики и исследований.

Макфарлейн в разговоре с Полем Горманом из генерального штаба затронул вопросы стратегической обороны. Горман сказал ему, что начальники штабов интересуются работой над концепцией стратегической обороны, проводимой конкретно адмиралом Джеймсом Уоткинсом. Уоткинс внимательно следил за развитием науки и верил, что ее уровень уже настолько высок, что возможно изменение стратегической политики США: от доктрины неизбежного взаимного уничтожения до стратегической обороны.

После консультаций с руководством генерального штаба, Пойндекстер и Макфарлейн направились к Биллу Кларку, который хотел действовать сразу же. В декабре 1982 года он организовал неофициальную встречу руководства генерального штаба с президентом Рейганом. Это были ежемесячные систематические встречи президента с членами штаба.

В этот день разразилась страшная снежная буря. Кларк находился за пределами Вашингтона, так что встречу пришлось проводить Макфарлейну. Дороги были настолько непроходимы, что руководство штаба приехало в Белый дом гусеничным вездеходом. Макфарлейн начал собрание, члены штаба предлагали, чтобы США перестали полностью зависеть от доктрины двойного ядерного удара (MAD) и занялись исследованиями и развитием системы СОИ. Этот замысел сразу же встретил полное одобрение президента. По мнению большинства советников, президент принимал во внимание моральные соображения. «Он считал, что система MAD попросту аморальна», - вспоминал Джордж Шульц». А что случилось бы, если бы мы перестали рассчитывать на атаку, которая могла бы отразить ядерную угрозу, и

старались бы преимущественно рассчитывать на оборону?» - спросил президент у генералитета.

Вскоре после встречи с руководством штаба Кларк, Макфарлейн и Пойндекстер начали определять дальнейшее продвижение дела. Макфарлейн предложил, чтобы президент вспомнил об этом замысле в своем выступлении, которое стало бы публичным подтверждением изменения американской стратегии.

План изучения возможностей системы стратегической обороны держался в большом секрете. Шульц, Уайнбергер и члены генштаба лишь за два дня до выступления президента провели консультации на эту тему. Макфарлейн работал над заявлением по стратегической обороне. Он использовал для этого собственную печатную машинку, не пользуясь помощью секретарш, чтобы сохранить строгую секретность. Последние поправки внес Джордж Кейворт.

23 марта 1983 года президент обратился к народу. Он очень веско подчеркнул свою поддержку нового курса в области стратегии. Соединенные Штаты начинают исследования по Стратегической оборонной инициативе (термин придуман Пойндекстером). Рейган закончил словами: «Скажу только, что полностью поддерживаю эту инициативу». Спустя два дня президент издал распоряжение, предписывавшее Уильяму Кларку наблюдение за интенсивными усилиями создания долговременной программы исследований и развития этой системы. Заинтересованность президента СОИ вытекала в основном из его видения мира, над которым больше не висит ядерная угроза. Система привлекала его также и тем, что создавала большие проблемы для советской экономики. Например, в одной из оперативных директив Совета национальной безопасности рекомендовалась оценка системы по критериям «эффективности стоимости». Все было выражено в «экономической терминологии, но было чем-то большим, чем обычная экономическая концепция». Это означало, что значение системы нужно видеть не только в стратегических категориях, но и в том, какой тяжестью ляжет на советскую экономику стремление парировать ее.

Сообщение Рейгана вызвало большой шум в Москве. «Прекрасно помню эти дни, - говорил Александр Бессмертных. - Все первые годы президентства Рейгана атмосфера в Москве была очень напряженной, особенно из-за Стратегической оборонной инициативы, которая нас изрядно напугала». «Они смертельно испугались СОИ, - сказал Алан Уайттэкер, бывший сотрудник отдела политической психологии ЦРУ. -

Они почувствовали себя весьма неуверенно, в прямом смысле этого слова, - относительно своих возможностей исследований и развития. Они очень серьезно отнеслись к нашему «технологическому рывку».

Для Макфарлейна значение имела не стратегическая оборона, а борьба за средства. «Было важно, как мы сможем переориентировать нашу инвестиционную стратегию, - вспоминал он. - Так я это называл, пользуясь скорее экономическими терминами, чем военными, поскольку по сути эта концепция касается ресурсов. Я вставал на место русского Политбюро. Как бы я отреагировал, если бы американцы начали инвестиции в то, что они делают и в самом деле лучше всех? Ведь понятно, если лаборатории и фирмы получили 26 миллиардов долларов (на СОИ), то они что-то изобретут».

Решительная поддержка Рейганом Стратегической оборонной инициативы стала темой спекуляций. Идет ли речь о переориентации американской ядерной стратегии? Или же президент, так же как и Макфарлейн, видел эту систему как проблему ресурсов? Ричард Аллен утверждал: «Не верю, что президент относился к Стратегической оборонной инициативе как к щиту, который можно поднять над Соединенными Штатами и создать безопасность для страны. Я считаю, что он знал, что это далеко идущий план, и если мы выложим соответствующее количество долларов, Советы попадут в ловушку». \19

Большинство высших чиновников Рейгана были уверены, что мотивом твердой поддержки Рейганом СОИ были как надежда изменить американскую ядерную доктрину, так и попытка изменить технические условия гонки вооружения.

Советские руководители правильно поняли выступление Рейгана как технологический вызов. «Известия» написали: «Они хотят навязать нам еще более разрушительную гонку вооружений, рассчитывая на то, что Советский Союз этого не выдержит, что ему не хватит соответствующих ресурсов, не хватит технического потенциала. Надеются, что это разрушит экономику нашей страны». \20

Интенсивные оборонные приготовления шли в том направлении, которого Москва опасалась более всего. Советский генеральный штаб отнесся к пятилетнему плану разработки оружия департамента обороны, которое сделает советскую систему «устаревшей», с серьезностью, которая граничила с истерикой. Начало 80-х годов в милитаризации стало для Москвы «революционным периодом». Начальник советского генерального штаба маршал Николай Огарков написал в 1982 году, что

стремительное развитие науки и техники в последние годы создает реальные условия возникновения в недалеком будущем еще более разрушительных и доселе неизвестных видов оружия, опирающихся на новые законы физики.

Советский генералитет знал, что стремительное развитие технологии уже дважды в прошлом вызвало военные «революции». Первая прошла в 20-е годы, когда на смену кавалерии пришли корабли и самолеты. Вторая - в 50-е, когда ядерные боеголовки, размещенные в баллистических ракетах, пришли на смену обычным бомбардировщикам и обычным бомбам. В обоих случаях боевое оружие поднималось на новую ступень развития. И во всех случаях Москве почти удавалось догнать Запад.

Но сейчас на подходе была третья революция, и Москва нервничала. Использование новых технологий - микроэлектроники и компьютеров в военных системах - несло еще больший вызов, поскольку подталкивало к высокому качеству производства, что вовсе не составляло самую сильную сторону Советов. Например, точно управляемые ракеты были настолько сложны, что малейший производственный брак делал их бесполезными. Электроника самолета МИГ-25 ограничивалась вакуумными электронными лампами, здесь не было никаких сплошных цепей. \22

По оценке департамента обороны, Москва на десять лет отставала от Америки в области электроники и компьютеров, также значительно опаздывала в других наиважнейших технологиях третьей революции - электрооптических приборах, компьютерной технике, использовании сигналов для уменьшения возможности засекаать летающие объекты радарными и термолокаторами, а также в системах дальней связи.

Перспективы развития и использования их были не лучшими. Москва уже много лет работала над собственной системой стратегической обороны, тратя на это миллиарды рублей и привлекая тысячи ученых. Но они наткнулись на огромные проблемы. Советская система не поощряла инициативу и творчество

- неизбежные составляющие высокоразвитой технологии. Проблемы настолько возросли, что военные практически теряли надежду на развитие новых систем. Они старались скорее включать в свою систему уже существующие технологии.

У американцев все происходило иначе. Вдруг стало не только развиваться, но и внедряться множество сложных технологий. Это

угрожало Москве: ее дорогостоящие системы быстро устареют. Кремль вложил огромные средства в достижение военного паритета с Западом. «Достижение военного стратегического равновесия между социализмом и капитализмом было одним из наиважнейших достижений последних десятилетий, - сообщил Юрий Андропов. - Достижение этого равновесия требовало больших усилий и расходов со стороны нашего народа». В книге «Всегда на страже и обороне Отчизны» (1982) маршал Огарков выразил беспокойство «быстрым темпом» развития американской военной технологии. «В этой ситуации отсутствие нового подхода, застой в развитии и использовании новых видов военных разработок грозит большими последствиями», - предостерегал он. Эти проблемы подверглись секретным исследованиям под руководством генерала К.У.Кардашевского. Военные хотели оценить масштаб американского вызова. Советские ученые сравнивали собственные арсеналы с новыми видами американского оружия, произведенного по современной технологии, которое вот-вот поступит на вооружение. Результаты этих испытаний потрясли Советы.

Кардашевский пришел к выводу, что новые технологии представляют серьезную угрозу для основного оружия советских вооруженных сил, прежде всего для танков. Если бы развертывание в США системы противотанковой обороны применялось в соответствующих масштабах, оно создало бы практически непреодолимые преграды. Советы могли ответить на это также осовремениванием своего оружия, но это были бы слишком дорогие гонки. Один из аналитиков жаловался: «Запад предпочитает инвестировать в улучшение противотанкового оружия, заставляя нас тем самым постоянно модернизировать наш арсенал танков, и таким образом обрекая нас на все большие расходы». 26 Короче говоря, танки должны были разделить судьбу динозавров.

При революционной смене технологий определителем военного потенциала супердержав стали во все большей степени промышленные центры высокоразвитой технологии. «Руководство беспокоило то, что американцы придавали такое значение сложным технологиям, - вспоминал Евгений Новиков.

- Оно отдавало себе отчет, что не может сравниться с ними. Наша технологическая база была недостаточной. Мы знали, что в большинстве отраслей благодаря новым технологиям уже существовавшие системы станут устаревшими».

Вызов, которым являлась для Кремля программа совершенствования технологий, созданная администрацией Рейгана, заставил зашевелиться советскую разведку. Агенты КГБ за границей должны были в первую очередь собирать информацию о военных технологиях «третьего поколения».

Согласно документам КГБ, «список наиважнейших проблем военной стратегии, на которую разведывательные службы за границей должны пролить свет, охватывал активное использование важнейших открытий и изобретений, планов и идей военной технологии, благодаря которым удастся достичь нового качества в совершенствовании отдельных типов стратегического и тактического оружия, как ядерного, так и обычного». 28 Администрация усилила гонку вооружений с использованием современной технологии, а также старалась ограничить ее экспорт с Запада, который помогал Москве участвовать в гонке вооружений. Весьма болезненным для Советов был вопрос передачи технологий с Запада на Восток, что и хотел использовать Совет национальной безопасности. Экспорт технологий был частью «технологической триады», очерченной в тайной директиве «NSDD-66». С первых дней правления администрации Рейгана Уильям Кейси добивался для ЦРУ больших полномочий в ограничении передачи технологий. Его желание исполнилось в 1983 году, когда был создан секретный Комитет разведки по делам передачи технологий с базой в Лэнгли. Единственным заданием Комитета было следить за закупками технологий странами советского блока. Это был центр, двадцати двум отделам которого федеральное управление должно было выделить сотрудников и прочие ресурсы. Впервые начался систематический процесс сбора и распространения данных на эту тему. Собранная Комитетом информация стала золотой жилой для Кейси. Он мог ориентироваться, какого рода технологии стараются закупить Советы. Это позволило ему узнать их экономические потребности. «Сейчас-то я держу руку на их пульсе», - сказал он Гербу Мейеру.

Утечка современной технологии из США стала заметно уменьшаться в значительной мере благодаря ограничениям, которыми по указанию департамента обороны, а частично и благодаря Государственному департаменту, был обложен экспорт. В 1975 году в общем списке промышленных товаров, которые США продавали СССР, 32,7 процента составляли изделия высокой технологии, приблизительно на 219 миллионов долларов. В 1983 году продажа продуктов современной

технологии упала до 5,4 процента, принося мизерную сумму в 39 миллионов долларов.

Правда, представители администрации были довольны таким результатом, но также отдавали себе отчет, что одностороннее ограничение даст немного. И лишь при содействии главных союзников технологические запреты могли бы принести эффект. Заместитель министра обороны Ричард Перл ездил в секретные путешествия в столицы союзников уже с начала правления новой администрации, в надежде, что ему удастся привлечь европейских союзников к сотрудничеству в этой области. Двусторонние переговоры двигались медленно, но все же эффект их был заметен. Через два года тайных, но интенсивных дипломатических мероприятий начала вырисовываться единая стратегия в КОКОМ. Союзники достигли в Ла Сапьер в 1982 году предварительного консенсуса в деле передачи технологий. В течение последнего года члены КОКОМ прислушались к более чем ста рекомендациям США относительно экспорта в страны советского блока. Однако Соединенные Штаты стремились теперь значительно увеличить число технологий, охваченных контрольными списками. США уже не хотели ограничивать свой контроль за западной экспортной политикой лишь продукцией явно военного назначения, речь шла о контроле над всеми «стратегически важными» изделиями и технологиями, даже гражданскими технологиями, круг применения которых не удавалось точно определить. Соединенные Штаты желали также, чтобы контроль КОКОМ охватил также экспорт в третьи страны, поскольку заключение сделок с такими странами было любимым методом добычи Советами важных технологий.

Улучшение контрольных механизмов начало приносить видимые результаты. К осени 1983 года таможенные службы США при сотрудничестве со своими европейскими коллегами задержали около 1.400 нелегальных пересылок, оцениваемых почти в 200 миллионов долларов. Среди них были и базовые технологии, которые позволяли бы функционировать многим секторам советской промышленности. \31

Администрация также предпринимала шаги к ограничению экспорта советских энергоносителей на Запад. Американцы весной 1983 года добились заключения соглашения в Международном Агентстве по энергетике, которое уменьшало импорт советского газа и заставляло Западную Европу искать альтернативные источники энергии, а также позволяло удовлетворять потребности Европы в энергии за счет

советских источников лишь на 30 процентов от требуемого. Это соглашение было ратифицировано на встрече семерки в Вильямсбурге в мае 1983 года. Потенциально это был серьезный финансовый удар по Кремлю, блокирующий поступление твердой валюты.

После соглашения в Международном Агентстве по энергетике США не перестали интересоваться советским экспортом нефти. Нефть теперь являлась для Кремля самым большим источником экспортных доходов, принося порой половину советского дохода твердой валюты. В начале 1983 года министерство финансов провело тайные исследования способов установления цен на мировом рынке нефти. Министерство финансов часто проводило такие исследования, но данное вызвало особый интерес Совета национальной безопасности. С ним также познакомились Уильям Кейси и Каспар Уайнбергер. Подготовка этого документа, насчитывавшего 100 страниц, заняла 6 месяцев, но это было исследование фактора хозяйственного успеха как для США, так и для Советского Союза. Но в какой степени он был важен для каждой из супердержав?

В документе сообщалось, что оптимальная цена нефти для США должна быть около 20 долларов за баррель, то есть значительно ниже 34 долларов, обязательных для 1983 года. В то время США ежегодно тратили 183 миллиарда долларов для закупки 5,5 миллиарда баррелей нефти. В том числе на импорт приходилось 1,6 миллиарда баррелей. Падение цен на мировом рынке до 20 долларов уменьшало бы американские расходы на энергию на 71,5 миллиарда долларов ежегодно. Это означало бы прибавку к доходу американским потребителям на уровне 1 процента существующего роста национального дохода. «Более низкие цены на нефть практически равнялись бы снижению налогов», - вспоминал Уайнбергер. \32

В выводах рапорта было написано, что снижение цен до 20 долларов за баррель «принесло бы значительную пользу всему народу... Предварительным результатом снижения цен на нефть было бы значительное перераспределение доходов зарубежных производителей по отношению к американским потребителям нефти. Это бы означало безусловный рост американского национального дохода и покупательной способности... Более низкая цена на нефть означает передачу доходов той стране, которая имеет больший доступ к мировым запасам». \33

При таком раскладе понесли бы потери некоторые отрасли экономики США, но они были бы минимальными. «Несомненно, это отразилось бы только на добывающей промышленности США в результате падения добычи нефти и газа. Все иные отрасли промышленности только выиграли бы от снижения цен».

Более низкая цена на нефть могла быть результатом либо падения спроса (что маловероятно), либо значительного роста добычи. Доклад утверждал, что если бы Саудовская Аравия и другие страны «с доступными нефтяными ресурсами увеличили производство и добычу с 2,7 до 5,4 миллиона баррелей ежедневно, то это вызвало бы падение цен на нефть на мировом рынке на 40 процентов, что в итоге было бы полезно для Соединенных Штатов».

Результат падения цен на нефть был для США «во всех смыслах полезен», в то же время оказывал «катастрофическое воздействие на советскую экономику». В докладе подчеркивалось, насколько Москва зависит от экспорта энергоносителей с целью добычи долларов. По оценке министерства финансов, каждое повышение цен на нефть на один доллар для Кремля означает дополнительное поступление от 500 миллионов до одного миллиарда долларов. Правда состояла и в том, что падение цен означает и драматическое падение доходов. Кроме того, в отличие от других производителей, Москва не могла увеличить производство, оно достигло уже максимальной отметки.

Обширный доклад был секретным, как и большинство документов, выходящих из министерства финансов. Однако Вилл Кларк, Кейси и Уайнбергер постарались, чтобы президенту сделали его изложение. Стремление к снижению цен обещало многое. «Это была ситуация, в которой мы ничего не могли потерять. В любом случае выходили из нее победителями», - вспоминал Джон Пойндекстер. Президент понимал это. «Рональд Рейган отдавал себе отчет, что экспорт энергоносителей является основной составляющей ежегодных доходов Москвы в твердой валюте, - вспоминал Билл Кларк. - Он осознавал также пользу, которую бы дали более США низкие и стабильные цены на нефть».

Цены на мировом рынке, казалось, падали. За несколько месяцев до доклада четыре представителя США провели переговоры в Женеве саудовским министром по нефтедобыче, шейхом Заки аль-Ямани. Ямани вызвал американцев - Джорджа Келлера, президента «Standard Oil», Калифорнии, Клифтона Гарвина-младшего, президента «Еххон», Уильяма Тавулареаса, президента «Mobil» и Джона Маккинли,

президента «Техасо», - на частную беседу о положении дел на мировом рынке нефти. Они съели обед в элегантных апартаментах министра в отеле «Интерконтиненталь», из окна которого открывался чудесный вид на озеро и город. Везде стояли телефоны, а многочисленные экраны в кабинете постоянно информировали хозяина об изменениях в контрактах и о ценах нефти с доставкой на место во всем мире. Ямани на международном рынке нефти был важной фигурой и мог навязывать свое мнение ОПЕК. Он должен был осуществлять усиленный контроль за продукцией, за поддержанием постоянных и сравнительно высоких цен. Саудовская Аравия была чем-то вроде арбитра среди производителей, добывая нефть так, чтобы удержать стабильные цены: уменьшая производство, чтобы увеличить цены, и увеличивая его, чтобы цены снизить. Ямани не был членом королевской семьи, а это означало, что он не имеет стопроцентной гарантии сохранения своей должности. Он был человеком бизнеса, собственными способностями и талантом достигший высших слоев общества, которое поощряло прежде всего родственные связи. В случае ошибки он сразу же потерял бы работу.

В прошлом именно Ямани установил характер всех связей с американскими нефтяными менеджерами. Но на этот раз американцы перехватили инициативу. Нефтяной кризис в 70-е годы превратился в 80-е в избыток нефти. Цена саудовской нефти была слишком высока, из-за чего американские фирмы несли огромные потери. «Мы можем выжить при ценах в 30 долларов за баррель», - сказал Келлер Ямани. «Мы можем существовать и при цене 34 доллара за баррель, но мы не можем платить по 34 доллара за нефть, которая стоит 30 долларов». Встреча не принесла результатов. Американцы были разочарованы.

Сотрудники администрации узнали об этих переговорах от друзей из нефтяных кругов. Специалисты Совета национальной безопасности и ЦРУ встретились с одним из участников тех переговоров. 137

Помимо тенденции к снижению, заметной на мировых рынках, разные экономические и политические факторы могли без труда повлиять на повышение цен, что, несомненно, обрадовало бы Москву. Любая смена ситуации в ирано-иракской войне также отражалась на рынке нефти. Радикальные государства, такие как Иран и Ливия, старались принудить ОПЕК повысить цены. Обеспокоенная этой перспективой, администрация США выслала своих представителей, чтобы они попробовали успокоить рынок. В начале февраля 1983 года два сотрудника департамента энергетики отправились в Лондон, чтобы

встретиться с английским министром энергетики Нигелем Лоусовом. Целью путешествия было склонить к официальному понижению цен нефти и увеличению ее добычи в Северном море. «Мы старались как могли убедить англичан, что нужно увеличить добычу и понизить цены, - вспоминал Уайнбергер. - Вскоре Советы должны были пустить газ по газопроводу в Европу. Если цена нефти не понизится, Европа переключится на газ. Это была бы неслыханная прибыль для Советов». Билл Шнэйдер говорил об этом то же самое. «Мы видели Англию в роли катализатора, который мог бы понизить цены на нефть. Запасы Северного моря могли бы значительно повлиять на это». \39

Было опробовано все, что могло изменить цены на нефть. Самый легкий способ - уменьшить закупки в Стратегический резерв нефти (SPR). Резерв этот возник после арабского эмбарго на нефть в 1973-1974 годах, он должен был составлять необходимый запас на случай нового кризиса. В подземных соляных гротах вдоль побережья Луизианы и Техаса были накоплены миллионы баррелей. Конгресс поручил, чтобы в 1990 году запасы SPR составили 750 миллионов баррелей. Однако в начале 1983 года правительство проинформировало, что намерено резко уменьшить закупку нефти. Вместо ежедневной закупки 220.000 баррелей, производимой по поручению конгресса, бюджет администрации предвидел закупку лишь 145.000 баррелей. Билл Шнэйдер, который, прежде чем стать помощником в Государственном департаменте, занимался финансированием резерва нефти в отделе управления и бюджета и теперь утверждал, что уменьшение закупок должно было укрепить бюджет, но также уменьшить и заявки на нефть в надежде, что это приведет к снижению цен.

В конце февраля шейх Бандар из Саудовской Аравии встретился с несколькими высшими чиновниками из администрации, в том числе с Биллом Кейси и Каспаром Уайнбергером. Бандар хотел получить свободный доступ в Овальный кабинет. Он заявил собеседникам, что Государственный департамент и госсекретарь Шульц замечены в излишне произраильских симпатиях. Особые отношения, связывающие Саудовскую Аравию и администрацию Рейгана, давали возможность получить немедленную консультацию с соответствующими лицами. «Саудовцы всегда считали Пентагон и ЦРУ лучшими каналами для контактов, - вспоминал высший чиновник. - Государственный департамент казался им малополезным».

Саудовцам было бы желательно, чтобы их интересы понимались в контексте ситуации на Ближнем Востоке. Ливан лежит в руинах, а кровавый ирано-иракский конфликт висел над регионом как дамоклов меч. Сирия и Израиль в любую минуту могли начать войну. Надо всем регионом также висела угроза хомейнизма.

А в Польше продолжалась подпольная война. Хотя правительство формально прекратило интернирование узников 30 декабря 1982 года, но власти по-прежнему сажали деятелей сопротивления за решетку. Последняя волна арестов охватила подпольные типографии, и была направлена на уничтожение оставшихся структур «Солидарности», чтобы сделать невозможным воссоздание этой организации. На Новый год милиция захватила подпольную типографию под Познанью. Было арестовано пятнадцать деятелей. Во время этой операции выявлены каналы, ведущие к заграничным деньгам. У задержанных нашли запасы недоступных на рынке продуктов, импортируемых с Запада, и немного твердой валюты.

Распространителям литературы приходилось все труднее. В начале 1983 года были уничтожены две подпольные организации, производившие и распространявшие листовки в Гданьске. Два центра в Варшаве и один в Лешно тоже были захвачены. Но самым большим ударом, вероятно, стал арест Станислава Заблочкого, руководителя стачечного комитета Щецинской судоверфи. Подполье потеряло очередного руководителя. Каждый арест важнейшего руководителя «Солидарности» будил беспокойство в Вашингтоне среди тех, кто был в курсе тайного канала снабжения. Кто в подполье знал о помощи из Соединенных Штатов? Не захочет ли кто-нибудь донести об этом? Существуют ли какие-то доказательства? В последние месяцы задержано семь руководителей «Солидарности» и пять диссидентов-интеллектуалов из Комитета защиты рабочих (KOR). Польские власти хотели сделать показательный процесс. Деятели обвинили в попытке свержения государственного строя, а это означало смертную казнь.

Однако несмотря на такие удары, подполье было очень хорошо организовано. Збигнев Буюк, двадцатисемилетний руководитель варшавского района «Солидарности», сейчас занимался проблемами финансирования подполья и распределением заграничной помощи между разными группами. Он сконцентрировал основные запасы в большом варшавском регионе, но поддерживал контакты также с лидерами групп в других районах, чтобы скоординировать общую

стратегию сопротивления. Виктор Кулерский отвечал за связь с группами учителей, врачей, юристов и интеллектуалов, систематически публиковавшими подпольные газеты и листовки. Он доставлял издателям бумагу и деньги для печати. Необычно педантичный, он работал по восемнадцать часов в сутки.

Был организован отдел, занимавшийся административными вопросами,

- поиск безопасного жилья, машин и фальшивых документов для деятелей

подполья. Во главе этого отдела были Эва Кулик и Конрад Белинский. Кулик

пробовала закончить кандидатскую диссертацию по творчеству Уильяма

Фолкнера. Белинский был математиком. Возможно, самым важным был тот факт,

что движение сопротивления создало отдел безопасности и разведки, который

по другому называли Бюро гигиены и безопасности. В нем работали специалисты

по безопасности и разведке (некоторые учились с помощью ЦРУ на Западе),

которые проверяли рапорты об агентах и проникнувших к ним работниках тайной

польской милиции. Это бюро имело тайную аппаратуру связи, переправленную

Управлением, проверяло помещения, чтобы убедиться, подходят ли они для тайных явок. Это был центр руководства, контроля и связи подполья.

Программа тайных операций в Польше развивалась быстро, однако в 1983 году Уильям Кейси решил изменить ее структуру. Поначалу этой программой руководили из управления ЦРУ во Франкфурте при содействии агентов варшавской базы. Однако это было не очень удобно, и до сих пор ограничивалось финансированием движения сопротивления. Несколько миллионов долларов ежегодно переправлялось через границу для нужд подполья. Однако одних денег было мало, особенно в случае полной реализации директивы «NSDD-32». Президент хотел увеличить помощь, и Кейси должен был создать тайную тропу для передачи основных материалов. Это напоминало

операции по снабжению Афганистана с одной только разницей, что идущие в Польшу грузы были не смертоносны. Кроме современных устройств связи, доставлялись факсы, компьютеры, самое современное печатное оборудование и т.д. Профсоюзный Центр AFL-CIO доставлял часть материалов и ему удавалось это делать без лишней огласки.

Швеция оказалась хорошим транзитным пунктом при переправке через границу деятелей движения и переброске в Польшу приборов связи. И что важнее всего, официально нейтральная страна, которой польские власти весьма доверяли.

Кейси проинструктировал стокгольмскую базу, чтобы она провела предварительную подготовку к встрече со шведскими властями во время его визита в октябре. «Он хотел убедить шведов, чтобы они помогали в наших усилиях поддержать «Солидарность», - вспоминает один из сотрудников. - Никто не думал, что ему это удастся».

Переброска материалов в Польшу была организована очень просто. Снаряжение и запасы, купленные за деньги ЦРУ, переправлялись в Брюссель, где размещалась одна из самых больших и наиболее действенных баз «Солидарности». Стратегические запасы доставлялись в Брюссель и развозились в разные магазины. Там их перепаковывали представители «Солидарности» и высылали через Стокгольм. Когда контейнеры оказывались в Швеции, на них меняли обозначения и помещали на корабль в ящики как «запчасти для тракторов» и «рыбные продукты», адресованные польскому порту. В этой конспиративной цепи единственным недостающим звеном было сотрудничество шведов.

1. Этот ход событий описан в книге Владимира Соловьева и Елены Клепиковой «Behind the High Kremlin Walls». Нью-Йорк, «Berkley», 1987. Это же повторил и бывший сотрудник КГБ в разговоре с автором.

2. Андрей Громыко. «Memoirs». Нью-Йорк, «Doubleday», 1989, с. 247.

3. Ричард Пайпс. Разговор с автором.

4. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

5. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

6. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

7. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

8. Уильям Кларк. Разговор с автором.

9. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

10. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

11. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

12. Джордж Шульц. Разговор с автором.

13. Джон Пойндекстер. Разговор с автором. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.
14. Уильям Кларк. Разговор с автором.
15. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
16. Александр Бессмертных. Замечания на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 26 февраля, 1993.
17. Алан Уайттэкер. Разговор с автором.
18. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.
19. Ричард Аллен. Разговор с автором.
20. «Шанс потерян, поиски длятся». «Известия», 17 октября, 1986.
21. «Красная звезда», 9 мая, 1984.
22. «MIG-25 Based on Technology Spinoffs». «Aviation Week and Space Technology», 11 октября, 1976, с. 18-19.
23. Департамент обороны. «The FY 1986, Department of Defense Program for Research, Development and Acquisition». Вашингтон, DC, «U.S. Government Printing Office», 1986, с. 11-15.
24. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. Москва, 14-15 июня, 1983, с. 25.
25. См. Петер Швейцер: «The Soviet Military Today: Going High-Tech», «Orbis: A Journal of World Affairs», т.35, N 2, с. 195-206.
26. Виталий Шлыков. «Оружие крепко», «Международная жизнь», ноябрь 1988.
27. Евгений Новиков. Разговор с автором.
28. «Средства, направленные на интенсификацию работ над проблемами военной стратегии», меморандум КГБ, N 2106, 17 декабря, 1984.
29. Герб Глейер. Разговор с автором.
30. Департамент внутренней и внешней торговли США «Quantification of Western Exports of HighTechnology Products to Communist Countries Through 1983». Вашингтон, DC, 1985, с. 12, 28, 29.
31. «Geheimclub COCOM», «Die Zeit», 10 октября, 1983, с.34.
32. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
33. Министерство финансов США. «International Oil Pricing», 1983, «Executive Summary», с. 1,3.
34. Там же, с. 21.
35. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
36. Уильям Кларк. Разговор с автором.
37. Американский чиновник в разговоре с автором.
38. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
39. Уильям Шнэйдер. Разговор с автором.
40. Уильям Шнэйдер . Разговор с автором.
41. Разговор с автором.
42. Разговор с автором.

Глава 11

В самом начале правления администрации Рейгана большое значение уделялось изменению психологической динамики «холодной войны». Переход Москвы на оборонительные позиции открывал возможность соревнования в других направлениях. Широкомасштабные приготовления к созданию оборонной системы, ведущейся под руководством Каспара Уайнбергера, бросали технологический вызов, обнажали самые большие слабости Москвы. И Москва начала это замечать. «Военное американо-советское равновесие, наблюдаемое из Москвы, казалось, клонится на сторону Соединенных Штатов, а вместе с ним и общая расстановка сил», - вспоминает Сергей Федоренко, начальник отдела Института США и Канады в Академии наук.

Однако американской администрации мало было просто сдерживать военный советский перевес. Президент стремился нанести Москве серьезный геополитический удар, который мог бы вызвать резонанс во всей империи. Такую возможность представлял Афганистан.

В конце марта 1983 года Уильям Кейси снова оказался в Пакистане. Советские потери в конфликте оценивались в 12.000-15.000 солдат и офицеров. Приближалась весна, в Афганистане это означало две вещи: пора сева и главный удар по партизанам силами, поддерживаемыми Советским Союзом. Когда растает снег и улучшится погода, афганские правительственные силы и советские войска снова начнут свои акции.

В 1983 году тайная операция помощи моджахедам проходила на удивление гладко, несмотря на то, что была не так уж проста. В начале 1981 года Кейси поручил оперативному отделу разыскать и завербовать афганцев, живущих за границей, для помощи в организации международной переброски оружия для мятежников. К весне 1982 года более ста афганцев было обучено ЦРУ искусству международной торговли оружием. Вскоре они координировали закупку оружия и организовывали доставку его моджахедам под бдительным надзором сотрудников ЦРУ.

ЦРУ приложило все усилия, чтобы не придавать огласке афганское дело прежде всего из-за пакистанского президента Зия-уль-Хака, который балансировал на канате из-за геополитических соображений. Зия-уль-Хак взял на себя смелость позволить Вашингтону использовать свою страну как базу материального снабжения афганского движения сопротивления. Москва, конечно, знала, каким путем помощь достигает

моджахедов, и обвиняла Зия-уль-Хака. «Не вмешивайтесь в это», - повторял Кейси своим людям. Поэтому всю операцию на месте проводили шесть агентов. Карабины, амуниция и ракеты прибывали в ящиках с надписью «телевизоры» и «инструменты». Целая армия сотрудников пакистанской разведки занималась перевозкой снаряжения грузовиками без номеров на пункты переброски моджахедов. Предполагалось, что это поможет Зия-уль-Хаку откреститься от участия в этом деле.

В 1983 году Москва стала пристально приглядываться к Пакистану. «Кремль и советский Генштаб отлично знали, что без Пакистана движение сопротивления обречено на гибель», - вспоминает Мохаммад Юсеф. Советы специально стремились вытеснить в Пакистан миллионы афганских беженцев, чтобы дестабилизировать страну. Проводился широкомасштабный саботаж, в котором участвовали тысячи агентов из афганской разведки КНАД. Во всей стране на многочисленных базарах взрывались бомбы, самолеты все чаще пересекали границу, чтобы бомбардировать базы моджахедов, тонны советского оружия передавались каждой группе или племени, которые имели хоть какие-то претензии к Зия-уль-Хаку. Год назад Юрий Андропов и Андрей Громыко не смогли убедить Зия-уль-Хака во время его визита в Москву. Может, теперь его переубедят более агрессивные действия?

Для Кейси важнее всего была встреча с Зия-уль-Хаком, который тепло принял его в своем президентском кабинете. Зия-уль-Хак посадил Кейси в богатое золоченое кресло, украшенное историческими символами пакистанских провинций. Малая часть времени была посвящена вступительным беседам. Как обычно, разговор между ними шел по существу. Ирландско-католического делового человека и мусульманского генерала объединяли почти дружеские отношения, укрепившиеся перед лицом общей угрозы. Но обоим не хватало терпения и умения свободно беседовать.

Кейси привез стопку спутниковых фотографий, на этот раз показывавших размещение советских войск в Афганистане и отряды главного неприятеля Зия-уль-Хака - Индии. Генерал всегда охотно принимал такие снимки. Встреча длилась три часа. Разговаривали об Афганистане, Индии и Китае.

Президент, сотрудники Совета национальной безопасности и Уильям Кейси проявляли беспокойство по поводу возможного удара Советов по Пакистану. И хотя разведка не сообщала о таких приготовлениях, однако

соглашалась с тем, что это было бы в духе Советов. Кейси передал заверения президента, что Зия-уль-Хак пользуется полной поддержкой Соединенных Штатов.

Затем Кейси задал «теоретический» военный вопрос. В начале 1983 года он встретился в Овальном кабинете с президентом и Биллом Кларком, чтобы обсудить ситуацию в Афганистане. В разговоре затрагивалась также проблема создания трудностей Москве. Директор ЦРУ предложил перенести военные действия на территорию Советского Союза, идея пришлась Рейгану по вкусу. «Президент и Билл Кейси были настроены заставить Москву заплатить еще большую цену за жестокие акции в Афганистане, не исключая перенесение войны на территорию Советского Союза,» - вспоминает Кларк.

Сотрудничество с Пакистаном в таком деле имело принципиальное значение. Итак, с согласия президента, Кейси затронул эту тему в разговоре с Зия-уль-Хаком. Президент Пакистана не дал ясного ответа, говоря, что это зависит от разных обстоятельств. Тема пока что была закрыта, но она всплыла значительно позже.

Помощь из Соединенных Штатов сделала возможным проведение ISI широкомасштабного обучения моджахедов. Они отличались отвагой, но сообщения о том, что моджахеды это «прирожденные воины», являлись мифом. После разговора с Зия-уль-Хаком Кейси встретился с генералом Ахтаром, чтобы обсудить ситуацию на фронте. Они оба еще раньше пришли к выводу, что программа обучения содействует более эффективной борьбе моджахедов. Движение сопротивления должно получить знания по тактике, умение действовать в пределах воинских формирований и как можно успешнее использовать имеющееся оружие.

Из-за нехватки денег ежемесячно проходило обучение лишь около двухсот моджахедов. Ахтар хотел знать, не мог бы Кейси добиться выделения больших средств на эти программы. Кейси сравнил свой опыт в разведке во время Второй мировой войны с данной ситуацией. Обучение было частью успеха. Плохо обученные моджахеды ничего не могли. Кейси обещал больше денег и предложил также помощь специалистов из ЦРУ по взрывным и электронным устройствам для участия в специальных операциях ISI.

Все чаще проводились специализированные акции, а движение сопротивления должно было пользоваться более современными взрывными средствами и сложным электронным оборудованием. Вопреки представлению о моджахедах, вооруженных лишь верой и АК-

47, это все же должна быть война с применением самого современного оружия.

Чтобы компенсировать нехватку обученных моджахедов, Ахтар и Кейси провели сложную тайную операцию с пакистанскими специалистами, обученными непосредственно ЦРУ, цель которой - атака на объекты в глубине Афганистана с особым экономическим или военным значением для Советов. Ахтар создавал отряды добровольцев из ISI, вышколенных для спецзаданий, он мог без опаски им доверять. Эти отряды выполняли важные задания: взрывали резервуары с горючим, мосты, дороги и запасы боеприпасов. Кейси обещал, что эксперты ЦРУ по взрывным устройствам научат агентов пользованию химическими и электронными часовыми механизмами и специальными включателями.

Ахтар и Кейси согласовали также необходимость тесного сотрудничества отдельных фракций и племен, если движение сопротивления хочет чего-то добиться. Единение приведет к большому профессионализму. А движение сопротивления, которое сможет успешно в соответствии с общей стратегией спланировать свои операции, имеет большие шансы на успех. Ахтар однако отметил, что трудно будет достигнуть сотрудничества между отдельными группами. Многие полевые командиры не ладили между собой, они соперничали за власть, исповедовали разные идеологии. Некоторые были в религиозном смысле умеренными и исповедовали прозападную идеологию, но встречались и фундаменталисты, настроенные антиамерикански.

Кейси стремился к расширению военных действий. Это была возможность расплатиться с Советами за Вьетнам, говорил он своему хозяину, так что хотелось бы, чтобы операции велись должным образом. «Советы снабжали Вьетконг оружием, чтобы убивать американцев. Так вот, правительство США сделает то же самое для моджахедов, чтобы они могли убивать советских. Такой взгляд преобладал среди сотрудников ЦРУ, а его особым приверженцем был Уильям Кейси», - отмечал Юсеф.

С точки зрения администрации Рейгана, советские потери были не столь уж велики. Кремль может выдержать такие потери, сказал Рейган своим советникам и коллегам, принимая во внимание замкнутый характер системы. Он хотел, чтобы число потерь возросло, а высокое советское руководство было деморализовано. До недавнего времени повстанцам не хватало дальнобойных орудий, им приходилось убивать с

близкого расстояния. Теперь, когда ЦРУ доставило относительно много артиллерии и ракет, динамика войны могла измениться. Из информации разведки было ясно, что Советы пробуют разделить «тяжесть человеческих потерь», связанных с поддержкой режима в Кабуле, привлекая силы из стран Варшавского Договора и Кубы. Афганский офицер, дезертировавший в октябре 1982 года, утверждал, что видел на фронте кубинцев и болгар в мундирах афганской армии. Повстанцы рассказывали, что в южном Мазари-Ша-Рифе восстала военная болгарская база, охранявшая трубопровод с топливом. Если верить донесениям, человеческие потери для Кремля стали весьма ощутимы.

Ситуация в Кабуле также обострилась. Движение сопротивления проводило все больше бомбовых атак на советские военные цели, что производило угнетающее впечатление на советских руководителей и сановников. До этого война велась преимущественно на открытой местности, теперь же она вторглась в города. Повстанцы среди бела дня похитили на улице в Кабуле высокого советского чиновника, деятеля коммунистической партии Е. Р. Окريمюка, личного друга советского премьера Николая Тихонова. Окريمюк являлся советником советского посольства и стал легкой добычей для похитителей, когда направлялся в Хваха Руваш встречать прилетающий самолет. Его шофер, таджик по национальности, остановил бронированную машину в условленном месте. Окريمюка оглушили ударом и провезли его собственной машиной через контрольные пункты за город.

Акции против советских дипломатов были для Кейси важным шагом в эскалации военных действий. До тех пор пока советская элита будет чувствовать себя в безопасности, она будет поддерживать войну в Афганистане. Но когда сыновей высших партийных деятелей и офицеров начнут отсылать домой в цинковых гробах, ситуация может переломиться. Кейси сказал Ахтару, что нужно брать на мушку именно таких людей - это прекрасный замысел.

Этой же весной Кейси остановился на живописном испанском побережье. Он навестил доброго друга, короля Фахда, который недавно после смерти короля Халида занял его место. Фахд как раз закончил строить огромную виллу у моря. Они встретились у синей глади Средиземного моря, под темно-синим небом, усыпанным звездами. Был поздний вечер, веял легкий ветерок.

Внимание Фахда привлекал неустойчивый рынок нефти. За несколько недель до этого министры по делам нефти всего мира съехались в Лондон на совещание. Похоже, приближалось падение цен. Нужно было это обсудить. Министры встречались в отеле «Интерконтиненталь» возле Гайд-парка в течение двенадцати дней, полных напряжения и неудовлетворенности. Британское национальное нефтяное сообщество усугубляло кризис, снижая цены на нефть с Северного моря на три доллара, продавая ее по 30 долларов за баррель. Кое-кто ожидал, что это вызовет войну цен. В конце концов ОПЕК сдался и снизил свои цены приблизительно на 15 процентов, с 34 до 29 долларов за баррель. Впервые случилось так, что ОПЕК снизил цены.

На вилле Фахда два человека уселись беседовать под внимательным наблюдением агентов охраны, все время прочесывавших местность. Саудовцев в связи с падением доходов от экспорта нефти ждали экономические трудности. Их систематически вытесняли с рынка, как только они снижали добычу, пробуя удержать мировые цены. Вместе с тем вокруг Саудовской Аравии стала складываться все более напряженная атмосфера. Случались нападения на танкеры в Персидском заливе. Ни один из саудовских танкеров, правда, не пострадал, но Тегеран посылал завуалированные угрозы. \1

Советы усилили дипломатическую деятельность в этом регионе. В начале марта 1984 года Сирию посетил Гейдар Алиев, хотя значение этого визита, пожалуй, носило формальный характер. Впервые после поездки Андрея Громыко в 1974 году, член Политбюро прибыл в Дамаск. Азербайджанец Алиев, высокий, хорошо сложенный, носил английские костюмы и итальянские ботинки. Он был экспертом по делам Ближнего Востока при советском правительстве и приехал в Сирию, чтобы попробовать установить более тесные контакты с этой страной. Его пребывание здесь должно было также служить своеобразным оказанием нажима на саудовцев. Сирийцы проводили шумную антикоролевскую кампанию на весь Персидский залив. Фахда беспокоил и тот факт, что сирийцы явно поддерживали Иран в войне с Ираком. В начале 1982 года сирийский президент Хафиз Асад перекрыл нефтепровод из Ирака. Ходили слухи, что сирийские отряды сражались в Иране против Ирака. Шиитские экстремисты, заклятые враги королевской семьи, были вскормлены Ираном и находили убежище в Сирии, в Баальбеке и в долине Бекаа. Теперь Алиев намекал на возможный интерес Советов к этому району. Казалось, все недруги

Саудовской Аравии сговорились выступить против нее. Каспар Уайнбергер вспоминает: «Советы очень старались напутать саудовцев и заставить их сменить ориентиры. Но им пришлось убедиться, что саудовцы по-прежнему связаны с нами».

Король был убежден, что Иран будет атаковать саудовские корабли и перекроет ущелье Ормуз, узкий пролив, которым танкеры выплывали из Персидского залива в Индийский океан. Тегеран становится все более агрессивным, говорил Фахд. Они готовы на все. Кейси согласился с ним. Иранский радикализм не удалось сдержать, так что можно было предположить, что иранцы будут атаковать консервативные монархии в заливе, представлявшие собой все то, от чего иранцы отреклись. У Фахда была просьба к Кейси. Не могло бы королевство закупить несколько «специальных ракет»? Фахд имел в виду «Стингеры» - модернизированные ракеты типа «земля-воздух», считающиеся лучшим оружием в американском арсенале и даже в мире. Это была очень серьезная просьба. Некоторые самые близкие союзники Америки еще не получили «Стингеры». Они были приняты на вооружение военными силами США в Германии всего два года тому назад.

Продажу ракет «Стингер» удалось бы провести через конгресс с большим трудом, чем системы электронного наблюдения АВАКС. Угрозой для саудовских танкеров были не столько самолеты, сколько быстрые моторные лодки. Конечно же критически настроенные конгрессмены поднимут крик по поводу «Стингеров», которые могут попасть в руки террористов или радикальных арабских государств. Кейси обещал передать эту просьбу в Вашингтоне, где шейх Бандар уже высказывал ее другим сотрудникам администрации.

Оба собеседника перешли к афганским делам, и Кейси затронул тему эскалации военных действий. Фахд полностью поддержал этот замысел. В случае необходимости он мог бы повысить вклад саудовцев до 120 миллионов долларов. Король также согласился участвовать в операции против Каддафи, подготавливаемой вместе с египетским министром обороны Абделем Халимом Абу Газала. После этого Кейси затронул еще более щекотливый вопрос.

Что думает король о перенесении афганской войны на территорию советской Средней Азии? Кейси знал, что Фахд и королевская семья переправляют средства набирающему силу подпольному мусульманскому движению в этом регионе. По некоторым подсчетам, эти суммы достигали десятков миллионов. Директор ЦРУ имел в виду

антисоветскую политическую кампанию, которая расшевелила бы местных жителей и оживила национализм в Советском Союзе. Он задал этот вопрос в моральном и религиозном аспекте. Это было что-то вроде святого всемирного союза - глубоко антикоммунистическая и христианская администрация в Вашингтоне объединила бы силы с такими же антикоммунистическими мусульманами саудовцами в совместном крестовом походе против атеистического Советского Союза.

Фахда этот замысел заинтересовал, и оба они решили оговорить его более подробно во время следующей встречи.

Очередной этап поездки - Китайская Народная Республика. Со времени последнего визита в Пекин прошло уже много времени и Кейси не терпелось обсудить некоторые деликатные проблемы. Президент Рейган, который в 1980 году так недвусмысленно защищал Тайвань, начал замечать пользу от сотрудничества с коммунистическим Китаем на многих фронтах. Враг моих врагов является моим другом - было геополитическим девизом Кейси. Так было во время Второй мировой войны, когда западная демократия сражалась с помощью Советов с гитлеровцами и Японией.

Как Уайнбергер, так и Кейси понимали значение отношений с Китаем в состязании с Советским Союзом. Уайнбергер отвечал за более тесное военное сотрудничество. В мае Белый дом объявил ослабление запретов относительно экспорта технологии в Китай. Согласно новой политике Китай считался дружественной США страной, что служило большим облегчением в получении технологий. Имея общие интересы, Кейси стремился сотрудничать с Китаем. Это касалось работы разведки и тайных операций. Примером тому был Афганистан. Разговаривать с Китаем на деликатные темы было легко. Здесь не существовало ни парламента, ни независимой прессы. Значит, можно будет без труда проводить операции, сохраняя их в полной тайне.

Менаду Пекином и Вашингтоном уже существовало близкое сотрудничество в ряде областей. Электронные подслушивающие устройства вдоль советской границы были неоценимы. Специалисты из США тайно внедрили аппаратуру почти в самое сердце Средней Азии. Китайцы очень помогали в реализации афганской программы, поставляя советское оружие и другую помощь. Кейси проинформировал китайцев об успехах в Афганистане и планах на будущее.

В этот период напряжение между Москвой и Пекином возрастало в основном вдоль границы. Две коммунистические державы сражались в

том числе и за подчинение себе мусульман этого Района. Присутствие в Азии от 45 до 50 миллионов мусульман, живших в СССР и в Китае, принуждало оба государства продумывать «мусульманскую стратегию», в равной степени как оборонную, так и наступательную. Советы интенсивно работали над тем, как посеять раздор и проникнуть к китайским мусульманам. Недавно они привлекли к сотрудничеству в роли агента этнического китайца по имени Николай Петрович Занг и еще двух китайцев по национальности. Китайский гражданин Ху Зонт был арестован за антигосударственную деятельность. Вероятно, в 1980 году он перешел границу из Китая в Советский Союз и был завербован КГБ. Не раз его посылали в Китай за информацией политического, экономического и военного характера.¹⁹

Советы предпринимали упорные усилия, тем более что они совпадали с ударами по Афганистану. Советская пропаганда с помощью радиостанций в Ташкенте, Алма-Ате и Фрунзе, которые передавали антикитайские лозунги почти на всех тюркских и китайских наречиях, адресовалась мусульманскому населению провинции Хин-жанг.

До 1980 года казалось, что выигрыш в борьбе за лояльность мусульман достанется Советскому Союзу. Москва могла гарантировать им более высокий жизненный уровень, в то время как Китай требовал большей идеологической благонадежности. Но в 1980 году произошли два события, в результате которых китайские действия стали более агрессивными и результативными. Советское вторжение в Афганистан дало китайцам больше оснований говорить об антимусульманском настроении Советского Союза. Пропаганда, передаваемая из Китая на территорию СССР, неустанно использовала эту тему. И вместе с тем китайцы пошли на значительные уступки по отношению к мусульманским меньшинствам, такие, как прекращение преследований за религиозные убеждения, открытие старых мечетей. Салим Ан-Шивеи, имам мечети Донгши и председатель Исламского объединения Пекина, был приглашен в Исламабад и избран в Мусульманскую лигу. Он даже беседовал с саудовцами о строительстве новой мечети в Китае. В глазах Пекина ислам превращался в козырь, по крайней мере в орудие, которое можно использовать против Москвы.

Кроме консультаций со своими коллегами в китайских разведывательных службах, Кейси встретился с Зу Квизхеном, замминистра иностранных дел, непосредственно отвечавшим за отношения с США. Все беспокойство, которое мог питать Пекин

относительно намерений американцев, было ничем по сравнению с угрозой со стороны Советов. Не было сомнения, что Москва стремится геополитически окружить Китай. «Вьетнам, правительство в Камбодже, бывшее вьетнамской марионеткой, и советское вторжение в Афганистан являлись частью этой стратегии», - сказал Зу.

Когда была затронута тема Афганистана, Ке-Иси направил разговор на то, что Советы называли «национальной проблемой». Дал также понять, не высказывая этого прямо, что Соединенные Штаты проводят пропагандистскую кампанию в Средней Азии и эта кампания должна посеять зерна раздора. Зу сказал, что это не лишняя задумка, и предложил возможное сотрудничество.

Весной прошла очередная, из серии традиционных, встреча Рабочей группы по национальной безопасности. Основная часть повестки была посвящена Ближнему Востоку, а именно, дипломатическим усилиям в этом регионе. Мирный процесс здесь замедлился, и воцарилась напряженность. Длится ирано-иракская война, росла угроза со стороны исламских фундаменталистов.

На встрече больше всех выступал госсекретарь Джордж Шульц, представивший комплексный план мира на Ближнем Востоке. Кейси и Уайнбергер почти не выступали, мирный процесс был скорее прерогативой Госдепартамента. Однако они решительно высказались за продажу «Стингеров» саудовцам. Саудовская Аравия требовала очередного осязаемого подтверждения, что Америка интересуется ее безопасностью, доказывал Кейси. Роберт Макфарлейн признал, что стоит задуматься над вопросом продажи, однако подчеркнул, что трудно будет добиться согласия конгресса без введения принципиальных ограничений, так что не обойдется без долгой битвы в деле продажи ракет.

Дело было отложено на более поздний срок, чтобы с ним мог ознакомиться Совет национальной безопасности. Вскоре после собрания Рабочей группы Кейси снова оказался в дороге, на этот раз в Европу, чтобы проконтролировать польскую операцию. Президент, как всегда, ждал хороших вестей.

По сути администрация Рейгана ставила Ярузельского в безвыходную ситуацию. США считали, что условием смягчения санкций является освобождение политзаключенных. Исполнение этого условия угрожало существованию режима, поскольку усиливало оппозицию. А неисполнение означало сохранение американских санкций, а это -

дальнейшее разрушение экономики и все большая зависимость от Москвы. Несмотря на свои солидные коммунистические документы, Ярузельский не доверял Кремлю и ему ненавистна была мысль о том, что Польша все глубже падает в советские объятия. Отец Ярузельского сидел в советском лагере, а сам генерал всю жизнь питал антироссийские настроения. В значительной мере из-за американских санкций Москва теперь должна была поддерживать правительство Ярузельского суммами от 3 до 4 миллиардов долларов ежегодно. И, как бывает в таких случаях, эта помощь была не бескорыстной.

Несмотря на тяжесть санкций, освобождение узников еще не было возможным. «Солидарности» все же удалось как-то выжить. Освобождение задержанных деятелей «Солидарности» в этой обстановке было бы равнозначно поражению правительства. Ярузельский и его люди должны были больше истощить оппозицию, прежде чем можно будет объявить амнистию.

Первой остановкой в путешествии Кейси был Франкфурт. Он находился здесь всего два часа, пока самолет заправлялся топливом и проходил досмотр. Было 9.30 вечера. Работники резидентуры Франкfurта и Бонна встретились с шефом ЦРУ в безопасном месте на летной базе США. Шесть сотрудников, непосредственно занимавшихся операциями в Польше, ожидали в полной готовности. Кто-то подал горячий кофе. Собравшиеся уселись за стол под отдаленный гул реактивных моторов.

В соответствии с директивой Рейгана «NSDD-32» частью политики США должна быть попытка подорвать советскую власть в Восточной Европе. Президент недвусмысленно ратовал за увеличение помощи, передаваемой тайными каналами. Эта помощь уже превышала 2 миллиона долларов ежегодно. Президент желал в четыре раза увеличить сумму на поддержку подполья. Как президент, так и высшие чиновники Совета национальной безопасности также стремились изыскать новые возможности в этом районе - оппозиционные движения, которые тоже нужно было бы материально поддержать. Вопрос в том, какая существует перспектива.

Поступающая из Польши разведывательная информация говорила, что деятели «Солидарности» установили контакты и встречались с оппозиционерами в Чехословакии в безлюдном лесу на польско-чешской границе. В этих встречах участвовало немного человек, но однако это было начало, которое заинтересовало Кейси.

Поступали также сообщения об оппозиционных движениях там, где это меньше всего ожидалось, а именно в Болгарии. Это были сепаратистские и прозападные движения, поддерживаемые приближенными к правительству представителями элиты. Одним из организаторов была сама Людмила Живкова, дочь болгарского руководителя Тодора Живкова. Людмила, выпускница Оксфорда, была членом Политбюро, сотрудничала с премьером Станко Тодоровым. В начале 1981 года КГБ начал акцию, направленную на уничтожение оппозиционных движений. Тодоров был неожиданно отправлен в отставку. Более радикальные меры были приняты по отношению к Живковой. В марте она неожиданно погибает в автокатастрофе. Существовали доказательства, что то вовсе не обычное происшествие, но это не имело значения. Движение теряло руководителей, и подполье должно было оправляться от потерь.

Сообщения разведки относительно оппозиционных движений в советском блоке направлялись в Совет национальной безопасности, но читал их Уильям Кейси. Порой он пересказывал их президенту. Кроме посольств в странах советского блока резидентура ЦРУ во Франкфурте была лучшим местом сбора такой информации, потому что служила центром для убежавших из советского блока на Запад. ЦРУ также предоставляло некоторым эмигрантским группам деньги взамен за помощь при допросах новых иммигрантов с Востока.

Кейси с несколькими офицерами разведки оговорил польскую операцию и попросил больших сведений о подпольных группах за «железным занавесом». Это были дела, которые он любил. Рейган создавал образ, Совет национальной безопасности и Пентагон подготавливали стратегию, а Кейси реализовывал ее на местах. «Старина Билл путешествовал бы непрерывно, если бы это было возможно, - вспоминает Гленн Кемпбелл. - Он обожал все складывать в кучу и руководить ходом событий на местах. Вся эта давка в Вашингтоне - комитеты, собрания, антипатии - все это было ему не по душе. Он охотнее действовал на месте, всеми способами стараясь затруднить жизнь Советам». 10

Через несколько минут после окончания совещания самолет Кейси KC-11 уже был в воздухе, издали виднелись лишь огни реактивных двигателей.

Когда самолет Кейси приземлился в Риме, было уже полночь. На аэродроме его приветствовал шеф резидентуры и несколько

вооруженных охранников. Путешествующих американских сановников за границей всегда сопровождала угроза террористических покушений, но если это было путешествие в Италию, а путешественником был шеф ЦРУ, то стоило принять дополнительные меры предосторожности. Имя Уильяма Кейси появилось в списке, составленном террористической организацией «Красные бригады». Все серьезно отнеслись к этой угрозе, поскольку «Бригады» два года назад продемонстрировали свои возможности, похитив генерала Джеймса Дозьера, американца, служившего в Италии.

Охранники из ЦРУ всегда проводили точные приготовления, делая акцент на сохранении тайны, если речь шла об охране шефа Управления за границей. Обычно директора сопровождал небольшой кортеж машин, а трассу его следования заранее не оглашали. Итальянские власти, опасаясь, чтобы не просочилась информация о приближающемся визите, не хотели рисковать и обеспечили полную охрану. Однако все прошло спокойно, и в три ночи Кейси был уже в кровати. Он проснулся еще до шести и был готов действовать. Это был великий день для Кейси. Этот ярый католик должен встретиться с Папой на частной аудиенции. Президент Рейган еще во время первой встречи с Папой в 1982 году обещал святому отцу, что будет постоянно информировать Ватикан об американских инициативах в Польше. С этой целью направлялось множество посланников, среди них и генерал Верной Вальтере. Тема встречи Кейси с Папой - Польша.

После завтрака и инструктажа в римской резидентуре ЦРУ Кейси вошел в частные апартаменты Папы Иоанна Павла II. Они разговаривали с глазу на глаз около сорока минут. Никто не делал записей. Встреча должна была объяснить Папе принципы политики США. Иоанн Павел II знал, что Вашингтон предпринимает действия в поддержку «Солидарности», но не знал подробностей.

Пребывание в Риме было очень недолгим, нужно было уложиться вовремя. Был уже поздний вечер, а Кейси ожидал долгий перелет. Пилот взял курс на север, оставляя позади теплые воды Средиземного моря и прекрасную архитектуру Рима на пути в холодный и угрюмый Стокгольм.

Над городом висели тучи, было темно и сыро. С Балтики тянуло холодом. Кейси ожидал, что со стороны шведов его ждет также холодная встреча. Они не были в особом восторге от его визита. Администрация Рейгана оказывала нажим на шведов, чтобы те больше помогали в

остановке поступлений технологий в Москву. Официально Швеция была нейтральной, визит шефа ЦРУ мог принести массу проблем. Например, шведы открыто поддерживали правительство сандинистов в Никарагуа, которое администрация Рейгана стремилась низвергнуть. Внешняя политика Рейгана не пользовалась большой популярностью в этой части света.

Два вопроса привели Кейси в Стокгольм. Согласно предположениям Пентагона, этот город, как из соображений политических, так и географических, мог быть ключевой точкой перехвата экспорта технологий в Советский Союз. Согласно определению Кейси, Швеция могла также быть полезной в увеличении помощи, пересылаемой в Польшу.

Несмотря на скандинавский холод и официальную политику нейтралитета, сильный нажим на Стокгольм об усилении контроля за экспортом современной технологии в страны советского блока начинал приносить определенные результаты. В конце семидесятых годов Швеция являлась важным пунктом переброски продукции современной технологии, предназначенной для Москвы. Ряд шведских предприятий специализировались в закупке продуктов в США и продаже их в Москву, что приносило неплохие доходы. Это была безошибочная система, поскольку американские предприятия, стремящиеся экспортировать, продавали свои изделия официально Швеции. Им не нужно было спрашивать, что шведы будут делать с купленным товаром. А шведских предпринимателей в свою очередь не связывали никакие запреты в торговле со странами советского блока.

Для Уайнбергера имело принципиальное значение перекрыть скандинавский путь, если думать о нанесении Москве серьезного удара. В начале 1981 года началась тихая и тайная кампания, чтобы склонить шведов к сотрудничеству в этом экономическом эмбарго. Уговоры оказались недостаточны. «Шведы вообще не считали себя принадлежащими к западной системе безопасности, - вспоминал Стеф Галпер. - Они считали, что это наша проблема, которая их не касается». \13 И все же Ричард Перл убедил их, что это не совсем так.

Закон США об экспорте от 1979 года давал президенту возможность ограничения доступа к американским технологиям тем странам или предприятиям, которые отказывались сотрудничать в санкциях на экспорт. Администрация могла ограничить доступ к американской технологии из-за угрозы национальной безопасности, что и было

использовано при борьбе вокруг трубопровода. Именно этим и стали угрожать шведам, если они не подчинятся ограничениям на экспорт в страны советского блока. Как следует из тайного меморандума департамента обороны начала 1982 года, цель американской политики по отношению к Швеции (а также другим нейтральным государствам, Швейцарии и Австрии) была тройкой.

Во-первых, США стремились склонить шведов охранять американскую технологию, которую они экспортировали для собственного употребления. Во-вторых, администрация хотела склонить Швецию противодействовать утечке существенной продукции через неконтролируемые порты, беспрошленные районы и таможенные склады в страны советского блока. В-третьих, Америка пыталась убедить нейтральные страны, чтобы они запретили доступ советскому блоку к современным технологиям, созданным у себя. \14

Чтобы достигнуть этого, администрация применяла то кнут, то пряник. С одной стороны, шведским предприятиям, таким как «L.M. Ericsson AB» и «ASEA AB», грозили ограничениями доступа к американским технологиям, если их удастся поймать на экспорте технологии советскому блоку. С другой стороны, обещали, что если шведские предприятия и правительство будут сотрудничать с Вашингтоном, то они получат весьма выгодные экспортные лицензии США, как дружественные страны. А это было бы весьма желательной привилегией.

Администрация Рейгана старалась дополнительно подсластить пилюлю, предлагая Швеции доступ к самым современным технологиям. А Швеция очень нуждалась в них, потому что строила новый истребитель-бомбардировщик «JAS39 Gripen». Уайнбергер предложил Стокгольму планы новейшего реактивного двигателя, освоенного «General Electric», и другие авиационные технологии из «Honeywell», «Lear Siegier» и «Teledyne», если шведы прекратят экспорт современных технологий в Москву.

Кейси прибыл в Стокгольм, чтобы проверить достигнутый успех. С политической стороны ситуацию трудно было предвидеть. Консервативное правительство премьера Торбьерна Фаллдина потеряло власть. Пост занял Улоф Пальме, социалист, очень критически настроенный по отношению к американской внешней политике. После дружеского завтрака в старой части Стокгольма Кейси встретился с представителями правительства. Провел и по сей день

незарегистрированное количество тайных встреч с сотрудниками министерства обороны и служб премьера. Ситуация была очень деликатной и немного неудобной.

К удивлению Кейси, Швеция была готова более тесно сотрудничать с Вашингтоном, нежели ожидалось. Министерство обороны было обеспокоено непрерывными вторжениями советских подводных лодок в территориальные воды Швеции, что в последнее время случалось почти ежедневно. Шведский морской флот не мог уследить за этими лодками и охотно воспользовался бы информацией разведки Америки. Кейси обещал заняться этим делом.

Служба премьера также выразила интерес к сотрудничеству с Вашингтоном в вопросах технологии. Шведы были несогласны с американской стратегией «экономической войны» с Москвой, но экономическая же действительность принуждала их к сотрудничеству. США заменили Германию как самый большой импортер шведских изделий. В течение последних шести лет экспорт почти удвоился. Если Соединенные Штаты наложат запрет на экспортные лицензии, эта тенденция может оказаться под угрозой. Пальме не хотел рисковать, вызвав кризис, который мог бы повредить шведской экономике. Кейси сказал, что правительство США стремится к хорошим отношениям со Швецией. Шведская экономика только выиграет, если страна откажется от экспорта современной технологии в советский блок.

Шеф ЦРУ затронул и другую проблему, которая привела его в Стокгольм. Эта столица была лучшим каналом переброски помощи в Польшу. ЦРУ хотело экспортировать «стратегические ценности» для «Солидарности», и ему нужна была помощь шведского правительства. Правительство Фаллдина помогало в 1981 году, когда перебрасывалось оборудование, которое должно было обеспечить подполью систему управления, контроля и связи. Однако теперь Кейси хотел запустить постоянный канал пересылки материалов, необходимых «Солидарности».

Без сомнения это было дерзкое желание по отношению к нейтральной Швеции. Пальме очень критически оденывал американскую политику в Центральной Америке и был одним из первых руководителей Европы, поддержавших Вьетконг. Однако Кейси рискнул, потому что уловил некоторые многообещающие нотки. Шведы уже сотрудничали с Управлением по Афганистану. Правда, они устранились от доставки

оружия моджахедам, однако передавали медикаменты, стоимостью в миллионы долларов, которые ЦРУ транспортировало в Карачи.

Вероятно, Кейси вспомнил времена второй мировой войны, когда Швеция была полезной, несмотря на официально объявленный нейтралитет. Чтобы получить информацию об экономической ситуации у нацистов, молодой Уильям Кейси завербовал шведских бизнесменов, которые собирали сведения во время поездок в Германию. Они относительно легко могли передвигаться по Германии и хорошо знали немецкую промышленность. Он подсказал им в то время мысль, что они могли бы помочь ему связаться с немецкими промышленниками-антифашистами. \10

Кейси привез в Стокгольм очень много лестных писем от профсоюзных деятелей в США и Западной Европе. Ирвинг Браун из AFL-CIO связался с надежными руководителями в Европе и попросил их написать письма. Письма эти были коротки, но полезны, они давали понять Стокгольму, что европейские социал-демократы считают нужным выслушать Кейси.

Чиновники из министерства обороны и службы премьера, расставаясь с Кейси, просили, чтобы он ожидал их телефонных звонков. Через несколько часов ему позвонили. В трубке прозвучал мягкий, приятный голос Улофа Пальме.

Кейси говорил конкретно и без обиняков. Он приехал в Швецию, чтобы проверить меры по охране технологий. Но, сказал он Пальме, приехал также и за помощью. Он обращался к премьеру, как к человеку, участвующему в профсоюзной деятельности. «Солидарность» сражается, но может и не выстоять. Правительство США хочет время от времени переправлять кое-какие товары в Гданьск. Однако, чтобы эта операция была успешной, нужен доступ в нейтральный порт и содействие государственных чиновников. Дал понять, что мог бы рискнуть провести такую операцию, не предупреждая о ней Пальме, но добровольное сотрудничество может оказаться более успешным..

Пальме тоже был конкретен. Он без колебания согласился сделать все, что будет в его силах. Они разговаривали десять минут и это был единственный их разговор. Но необыкновенно плодотворный. В течение недели возникла инфраструктура, обслуживающая посылаемую Польшу помощь. Сотрудники экспортных служб и таможи сознательно наклеивали фальшивые наклейки на ящики, высылаемые в Гданьск. Это был ход, о котором польские власти не могли догадываться.

Ободренный достижением невозможного - он убедил Улофа Пальме сотрудничать с ЦРУ, - Кейси отправился на последнюю встречу в Стокгольме - поздний обед со шведскими военными. Встреча была короткой и на ней не произошло ничего достойного внимания.

Вскоре по возвращении в Вашингтон Уильям Кейси изучал материалы разведки, обработанные Гербом Мейером, показывающие в мрачных и безнадежных красках ситуацию в советской экономике. Рапорт вначале напоминал о низкой производительности и дефицитах, преследующих «подорванную» сверхдержаву. Он подчеркнул «большие трудности» системы. Огромной была тяжесть расходов на оборону, поглощавшую все большую часть бюджета. Однако Кейси больше всего заинтересовало заключение рапорта: если не удастся сдержать эти тенденции, «советская система распадется». Оценка Мейера шла вразрез с рапортами советской группы ЦРУ и других разведывательных агентств. Эта оценка подтверждала небольшой рост производительности и определенные трудности структурного характера. Кейси переслал рапорт Мейера президенту и Совету национальной безопасности.

Ситуация в Москве напоминала русскую зиму, она была в то время такой мрачной. Здоровье Юрия Андропова ухудшилось. Он был уже постоянным гостем в строго охраняемом изоляторе больницы в Кунцево, предназначенной для сановников. Андропов руководил страной по телефону и диктовал постановления. Ему удалили почку, но преследующая его болезнь не отступила. К тому же у него были проблемы с сердцем и сахарный диабет. Он должен был лежать навзничь и имел ограниченную возможность двигаться. Когда в ноябре 1983 года президент Южного Йемена Али Насар Мохаммад аль-Назани прибыл с государственным визитом, Андропов был очень ослаблен, щеки его запали и он едва разговаривал. Он принял гостя, лежа в постели.

Когда жизнь генсека висела на волоске, постоянной темой разговоров в коридорах Кремля был Вашингтон. Антикommунистическая риторика, ограничение поступления технологий, бесконечная демонстрация якобы оборонного вооружения, тайные операции в Афганистане и Польше, - каждая из этих проблем отдельно могла быть поводом для особых беспокойств. Но все вместе взятые они вызывали страх в партийных кругах. В связи с этим Центральный Комитет начал готовить партийные кадры и всю общественность к серьезному кризису или прямой конфронтации с Соединенными Штатами, который, казалось, неуклонно приближался. В октябре 1983 года во всем Советском Союзе

проводились сотни собраний, во время которых 18 миллионов членов КПСС проинформировали об «агрессивных намерениях врага». По советскому телевидению показали примитивный документальный фильм, смонтированный министерством обороны. В нем показывали Вашингтонскую администрацию, которая стремится к власти над всем миром с помощью военной силы или экономического саботажа. Показывался атомный взрыв, произведенный в Америке. А также ужасающие сцены тяжело раненных или убитых жертв войны.

Это не была обычная пропаганда, призванная посеять у обывателя страх перед Западом. «Центральный Комитет понял, что имеет дело с решительным правительством в Вашингтоне, - вспоминал Евгений Новиков. - Была заметна его деятельность на всех фронтах, а не только реакция и ответные шаги, но и инициативы, которые имели целью подвергнуть испытанию советскую мощь. Это смертельно испугало их». Александр Бессмертных говорил: «Все утечки информации, а также сообщения, получаемые от нашей разведки в Вашингтоне, говорили о том, что Соединенные Штаты имеют серьезное намерение обогнать Советский Союз одним этим основным стратегическим усилием».

Вместе с тем КГБ заканчивало план ответа на вызов разведки США. «План основных мер, принимаемых контрразведкой с целью большей интенсификации борьбы с подрывной шпионской деятельностью американских спецслужб в период 1983-1987 гг». устанавливал приоритетные задания для резидентов КГБ за границей. Документ утверждал, что «спецслужбы Соединенных Штатов постоянно наращивают подрывную шпионскую деятельность, направленную против СССР, все в более широких масштабах пользуются недозволенными методами, которые призваны подорвать военный и экономический потенциал». Так что первоочередным заданием для КГБ стала «добыча информации о планах и действиях противника, направленных на ослабление советской экономики, а также нарушение торгового, экономического, научного и технического сотрудничества СССР с другими странами». \22

Американское наступление и стратегия использования слабостей советской системы ставили перед КГБ новые задачи. «Сейчас настало время точного предвидения каждой операции Соединенных Штатов в широком масштабе,

- было написано в документе. - Это и является нашим основным заданием».

В конце 1983 года в главном здании КГБ было созвано специальное совещание разведывательных служб, на котором должен был произойти пересмотр деятельности за последние два года. Совещание проводил Владимир Крючков, начальник первого управления КГБ. Крючков (псевдоним Алеша) был андроповским протеже, а слухи утверждали, что он работает от шестнадцати до восемнадцати часов в сутки в течение шести дней в неделю. Его восхищала карьера английского разведчика Сиднея Рейли, действовавшего в революционной России. Крючков порой злил коллег, когда сжимал в руках теннисные шарик, чтобы усилить хватку, почти как капитан Квит и его стальные пули в «The Caine Mutiny».

На совещании Крючков подчеркнул, что Москва строит коммунизм в сложной международной ситуации. Агрессивные империалистические группы и США открыто взяли курс на конфронтацию. Они вызывают все большее напряжение на всех фронтах битвы между двумя различными общественными системами. Не случайно Крючков с особым нажимом подчеркнул три основных аспекта политики Рейгана. Председатель КГБ предостерег, что углубляется соперничество в области военной технологии и что выход доступа к американской технологии имеет первостепенное значение. «Важно не допустить нарушения существующего стратегического паритета, чтобы не позволить противнику получить военное преимущество в результате научных или технических открытий». Он выразил серьезную обеспокоенность американской стратегией «экономической войны». Международные экономические проблемы становятся все более существенными при сборе информации. Это с одной стороны вытекает из необходимости противопоставления замыслам противника, который стремится ослабить экономику стран социалистического лагеря средствами экономической войны, с другой стороны, из необходимости использования экономических достижений капиталистов в интересах экономики СССР. В заключение Крючков выразил обеспокоенность американскими геополитическими «кознями», особенно в Афганистане и Польше.

По мнению Крючкова, стратегия США требовала решительной реакции КГБ. «Самая важная проблема - это довести наших партнеров до более активного участия в борьбе с главным неприятелем. Нужно это делать очень тактично. Мы должны осознавать, что их интересы не всегда совпадают с нашими. Так что в сотрудничестве нужно прежде

всего определить границы общих интересов, а далее решительно и тактично объяснить начальникам разведок, какое важное значение имеет для них победа над подрывной деятельностью американских спецслужб», - сообщил он в конце совещания.

Весь октябрь и начало ноября высшие функционеры КГБ создавали «План работы на 1984 год». Международный отдел ЦК определил цели советской политики, а член Политбюро Борис Пономарев информировал о них Крючкова. Так же как и предыдущее совещание в КГБ, план работы выражал обеспокоенность Советов тремя пунктами тайной стратегии США. Документ ясно подтверждал, что самым существенным является следующее:

- планы и подрывные акции неприятеля ведут к ослаблению единства стран социалистического содружества, к дестабилизации ситуации в отдельных социалистических странах (а именно Польше), в особенности в использовании экономических рычагов и идеологических диверсий;

- противодействие американским попыткам ограничения торговых, экономических и научных контактов между развитыми капиталистическими странами и Советским Союзом.

Обсуждая работу агентов КГБ в предыдущие годы, Крючков особенно подчеркнул усилия США, направленные на ограничение доступа СССР к современным технологиям: «Принимая во внимание дополнительные средства, используемые неприятелем, прежде всего США, с целью усиления контроля над сохранением секретов и удержанием эмбарго на экспорт оборудования, научных и технических исследований, мы должны глубже проанализировать возникшую ситуацию и найти новые способы проведения научной и технологической разведки».

1. Сергей Федоренко. «Roots and Origins of Protracted Soviet Crisis». В «The Soviet Union After Perestroika: Change and Continuity». Вашингтон, DC, «Brassey's», 1991, с. 87.

2. Винсент Каннистраро. Разговор с автором. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

3. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

4. Уильям Кларк. Разговор с автором.

5. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

6. Разговор с сотрудниками разведки США. Джон Фуллертон. «The Soviet Occupation of Afghanistan». Лондон, «Melhuen», 1984, с. 96.

7. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.

8. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
9. «Дейли телеграф», 3 декабря, 1981.
10. Гленн Кемпбелл. Разговор с автором.
11. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
12. Папа не был посвящен в детали. Джон Пойндекстер. Разговор с автором. Подробности встречи Кейси почерпнуты из разговора с американским государственным служащим.
13. Стеф Галпер. Разговор с автором.
14. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
15. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
16. Уильям Кейси. «The Secret War Against Hitler» Вашингтон, DC, «Regnery», 1988, с. 58-59.
17. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
18. Герб Мейер. Разговор с автором.
19. Дон Обердорфер. «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 64.
20. Евгений Новиков. Разговор с автором.
21. Александр Бессмертных. Замечания на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 3 мая, 1993.
22. Рапорт КГБ N 84/КР, 6 января 1984, в книге Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «More Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Global Operations, 1975-1985». Лондон, «Frank Cass», 1992, с. 122-124.
23. Рапорт КГБ N 2126/ПР, 11 ноября 1983, в книге Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Foreign Operations». Лондон, «Hodder and Stoughton», 1991, с. 16-22.

Глава 12

1984 год был годом президентских выборов в Соединенных Штатах, в Москве обратили особое внимание на характер кампании. Она имела принципиальное значение для Кремля. Исчезли слабые надежды на то, что Рейган окажется антикоммунистическим республиканцем в стиле Ричарда Никсона, который ввел разрядку и теплые отношения с коммунистическим Китаем. У Рейгана были сильные идеологические предубеждения, а его стратегическая программа выходила за рамки реальной политики. В рамках этих предубеждений администрация и проводила экономическую войну с советским блоком и секретные операции в ключевых районах (Польша и Афганистан). Вместе с тем создавалась гигантская система обороны, основанная на новейшей технологии. Рейган не только говорил об «империи зла», о марксизме-ленинизме, который окажется на «свалке истории», но и искренне верил в это.

Советские высокопоставленные лица открыто высказывали американской прессе свою оценку политики Рейгана. Радомир Богданов, заместитель директора Института США и Канады и бывший функционер КГБ, сказал Дону Обердорферу из «Вашингтон пост»: «Вы (американцы) пробуете раздавить нашу экономику, затруднить торговлю, победить нас в области стратегии» - Валентин Фалин из Центрального Комитета сказал этому же репортеру, что Рейган не стремится к соглашению с Москвой, а лишь к «обрезанию социализма».

Беспокойство Кремля заставило КГБ предпринять операции, которые должны были уменьшить шансы Рейгана на переизбрание, а эти шансы в январе 1984 года были весьма велики. Л.Ф.Сосков, первый заместитель начальника оперативного отдела КГБ, отвечал за проведение довольно непрофессиональной операции. Заданием резидентов КГБ во всем мире было распространение фальшивых документов и фальшивой пропаганды об администрации Рейгана. Тема этой пропаганды была такова: «Рейган - это война». Вместе с тем КГБ лихорадочно старался найти способ, как использовать в своих целях политические разногласия внутри Соединенных Штатов.

Новый председатель КГБ Виктор Чебриков в мае 1983 года собственноручно письменно сообщил Генеральному секретарю Юрию Андропову о возможности ослабления политической решимости Америки манипулированием оппозицией. Письмо Чебрикова, в

частности, касалось контактов, которые он, якобы с помощью третьих лиц, установил с сенатором Эдвардом Кеннеди 9 и 10 мая 1983 года. Бывший сенатор из Калифорнии Джон Тенни должен был стать посредником. «Пользуясь этим надежным посредником, сенатор просил обратить внимание Генерального секретаря Андропова на следующие обстоятельства». В своем письме Чебриков писал, что сенатор Кеннеди хотел проинформировать Кремль, что вина за плохие американско-советские отношения лежит на Рональде Рейгане. «Главная опасность заключается в том, что Рейган не хочет изменить своей политики». Если верить Чебрикову, Тенни также сказал: «В интересах мира полезно было бы предпринять дополнительные шаги, которые положат конец милитаристской политике Рональда Рейгана». Чебриков утверждал, что Кеннеди хотел лично встретиться с Андроповым. «Сенатор считает, что это дало бы ему возможность составить мнение об отношении СССР к контролю над вооружениями и увеличило бы вероятность его выступлений на эту тему в Соединенных Штатах».

В конце концов не было предпринято никаких действий в связи с якобы имевшим место стремлением к контактам. Рапорт Чебрикова не произвел никакого впечатления на Андропова. Он счел его преувеличенно раздутым отчетом о разговоре, который должен заинтересовать Политбюро. Даже если бы Андропов внимательно отнесся к сообщению Чебрикова, со стороны Кеннеди не было видно никаких явных сигналов. Сенатор из Массачусетса стремился к более примиренческой политике по отношению к Советскому Союзу, но вместе с тем всенародно критиковал нарушения прав человека и репрессии в Польше. Но даже если Андропов и не поверил бы, что Кеннеди может невольно сыграть на руку советской политике, все равно ему понравилась идея подложить мину под Рейгана. Рапорт Чебрикова подтолкнул его именно к этой мысли. В написанной на машинке записке министру иностранных дел Андрею Громыко Андропов указывал, что ярую антисоветскую позицию Рейгана можно обратить во время избирательной кампании против него же. Андропов писал: «Я сомневаюсь в возможности встречи с Кеннеди. Если бы когда-нибудь и пришло время встретиться с демократами, то лучше было бы встретиться с одним из кандидатов в президенты».

Тем временем состояние здоровья Андропова резко ухудшалось. В конце января он был уже совсем плох. Отказывали по очереди все органы. Всегда верный делу Андропов, вероятно, писал какое-то

постановление, когда 9 февраля в 16.50 его в больничном изоляторе настигла смерть.

Через несколько дней после смерти Андропова Уильям Кейси направился самолетом в секретную поездку в тринадцать стран. Он по-прежнему исполнял роль главного реализатора стратегического наступления, которое ставило акцент на тайные операции. Во время этого путешествия Кейси хотел предпринять шаги по всем направлениям антисоветской стратегии, которая уже реализовывалась полным ходом. Он хотел навестить Пакистан и начать одну из наиболее щекотливых и тайных операций «холодной войны», - перенесение афганского конфликта на территорию СССР; сотрудничество с Китаем должно развиваться в сторону дестабилизации советской Средней Азии; отношения США с Саудовской Аравией следует укреплять; подпольную сеть в Польше нужно расширить, поскольку теперь помощь поступала чаще.

Первая остановка в этом путешествии была Гонолулу. Кейси, зарегистрированный в отеле как мистер Х.Смит, провел спокойную ночь и на следующее утро убыл, позвонив по нескольким телефонам и прочитав несколько рапортов.

Второй остановкой был Токио, где он провел консультации с японскими чиновниками и обсудил цены на нефть на международном рынке. Сотрудники Совета национальной безопасности, особенно Робинсон и Мартин, беспокоились за возможный скачок этих цен, Роберт Макфарлейн просил Робинсона и Мартина (эксперта по энергетике) обрисовать стратегию для союзников, которая могла бы воспрепятствовать внезапному росту цен. Через несколько недель Робинсон и Мартин внесли свои предложения. Они стали оперативной директивой национальной безопасности, которую президент подписал в апреле. Кроме всего прочего, документ рекомендовал координированный выброс на рынок запасов нефти дружественными государствами, если бы цены на международных рынках стали постепенно расти. Документ поручал Совету национальной безопасности привлечь к сотрудничеству американских союзников - Западную Германию, Францию, Японию и Англию. Робинсон навестил несколько зарубежных столиц, проводя кампанию в пользу совместных и слаженных действий. Робинсону и небольшой американской делегации удалось добиться тихого согласия нескольких дружественных правительств, в том числе и Японии, на поставки из резервов в случае

значительного повышения цен. «Мы дали понять рынку, что если цены на нефть начнут расти, США и их союзники зальют мир нефтью, - вспоминал Робинсон. - На этот раз спекулянты ничего не добьются». А Советы не получают никакой прибыли. Кейси от имени Белого дома отстаивал эту позицию во время многочисленных встреч с представителями правительства в Токио.

Из Токио Кейси полетел в Пекин, куда он всегда летал очень охотно. Заядлый исследователь китайской истории, он был чем-то вроде неофициального эксперта в христианских миссиях в Китае. Так же как и Каспар Уайнбергер, Джордж Шульц, Роберт Макфарлейн и Джордж Буш, Кейси не сомневался, что Китай является прекрасным противовесом Советскому Союзу. У них еще меньше иллюзий относительно Москвы, чем у какой бы то ни было другой страны. С начала 1981 года администрация вела с китайцами тихий флирт, имея в виду не столько замужество, сколько выгодное ухаживание.

Директор ЦРУ должен был провести в Пекине несколько дней и обсудить с хозяевами ряд вопросов, предварительно оговоренных перед его выездом на встречи в Белом доме: сотрудничество в области разведки, обслуживание электронных систем подслушивания вдоль советской границы, война в Афганистане, вьетнамское нападение на Камбоджу и гражданская война в этой стране, общий диалог о возможных общих оперативных действиях.

В один из вечеров китайский министр иностранных дел дал в честь гостя частный ужин в столовой старого дворца. Справа от Кейси сидел министр иностранных дел, а слева - министр общественной безопасности Линг Юнь. А напротив - Тед Прайс, начальник резидентуры ЦРУ. Это был прекрасный пир - утки, свинина, цыплята и рыба с разными соусами и приправами. Кейси накладывал себе всего понемножку. Хозяйева с улыбкой наблюдали, с каким аппетитом он ест, одновременно развлекая их беседой. Китайцы вежливо слушали, но однако некоторые риторические украшения гостя воспринимали с трудом. В конце ужина китайцы согласились оказать поддержку афганским моджахедам. Кто-то поднял тост за совместные действия по сдерживанию советской авантюры. Вечер оказался для всех приятным. Кейси был в отличной форме и не ложился почти до утра, хотя за его плечами было 12.000 миль пути. \3

Из Пекина Кейси направился в Исламабад. Прибыл он туда ночью, что сотрудники ЦРУ и ISI сочли уже определенной традицией. Москва

по-прежнему давила на Исламабад, объявляя угрозы, а ее самолеты все чаще перелетали через границу и обстреливали базы моджахедов. В конце января два реактивных самолета типа МИГ засыпали бомбами и ракетами отдаленный приграничный пакистанский городок, где тогда погибло сорок мирных жителей, - а шестьдесят получили ранения. Агрессивная политика «выжженной земли» в Афганистане привела к тому, что миллионы беженцев искали укрытия в Пакистане.

Совещание прошло в сердечной атмосфере. Потом Кейси беседовал с министром иностранных дел Якуб Ханом, колоритным мужчиной, который философски относился ко многим политическим и мировым проблемам. Он замечал вещи, которые другим руководителям даже не приходили в голову, и так же, как генерал Зия-уль-Хак, имел прозападные и антисоветские взгляды. Кейси привез ободрение и поддержку. Администрация была намерена добиваться увеличения средств на помощь беженцам. Попытка конгресса уменьшить военную помощь Пакистану была отбита. «Не перекрывайте афганский трубопровод, и помощь будет продолжена», - весело сказал он, Трудно было сломить Зия-уль-Хака, когда речь шла о сражении с Советами.

Существовал еще один вопрос - об угрозах Москвы в адрес Зия-уль-Хака. На дипломатическом приеме в Москве американскому дипломату сказали, что Кремль «сведет счеты» с Зия-уль-Хаком за его непоколебимую поддержку моджахедов. Это была весьма завуалированная угроза, но Кейси к ней отнесся серьезно. Он предложил дополнительную охрану ЦРУ для президента и его ближайших советников. В Исламабад с этой целью будут высланы специальные агенты. Кейси также привез целую кипу ценных снимков со спутников.

А потом сказал, чего он хочет взамен. 24 января афганские повстанцы, действующие с базы в Мешхеде в Иране, атаковали цели в СССР, сообщил Кейси. Повстанцы перешли в Туркмению, минировали дороги, нападали на отдельные военные базы, устраивали засады на дорогах на советские приграничные патрули. Было совершено довольно серьезное нападение на таможенный пост в Торгонди. Повстанцы убили нескольких человек, захватили немного оружия и амуниции. Именно этого и хотел Кейси: перенесения военных действий на территорию Советского Союза. «У Кейси не было проблем с тем, чтобы попасть на территорию советской Средней Азии, - говорил Фред Айкл. - Достаточно было, чтобы он сказал Зия-уль-Хаку и Якуб Хану, что нужно это сделать».

Зия-уль-Хак кивком головы выразил свое согласие. «Прошу поговорить с генералом Ахтаром», - заметил лишь он.

Из президентского кабинета Зия-уль-Хака, под усиленной охраной кавалькады пуленепробиваемых лимузинов, Кейси отвезли в штаб руководства ISI. Здесь он встретился с Мохаммадом Юсефом, начальником афганского отдела ISI, и генералом Ахтаром. За чаем и сладостями они стали обсуждать ведение войны в Афганистане. Доставка оружия проходила сейчас почти без осложнений, улучшилось также качество присылаемого оружия. Руководители моджахедов, наконец, согласились на создание единой политической структуры, что являлось плодом усилий генерала Ахтара. Речь шла прежде всего о тесном сотрудничестве на фронте.

Когда разговор перешел на войну на советской территории, воцарилось заметное напряжение. Разведка в Кабуле информировала IST, что Москва серьезно думает над разделом Афганистана, северная часть которого стала бы советской территорией. «Советы не могли установить контроль над всем Афганистаном и решили разделить его на две части, - вспоминает Юсеф. - Они хотели использовать конфликт между афганским севером и югом и сделать север своим». 19 ISI планировала в ответ усиление операций в северных провинциях. Ахтар хотел быстрыми темпами дополнительно обучить тысячу моджахедов и выслать их на север Афганистана. Однако нужны были новые средства. Может ли ЦРУ помочь?

Кейси, как обычно, обещал доставить больше денег и подбросил мысль о перенесении войны еще дальше на север, на территорию самого Советского Союза.

Директор ЦРУ подошел к карте на стене. Подогнув рукава рубашки, освободив узел галстука, он начал говорить: «Опасностью для Советского Союза является этническая напряженность. Это последняя многоэтническая империя, и в конце концов народы бросят свой вызов. Северный Афганистан - это трамплин для советской Средней Азии». Он показал на карту, посмотрел на своих хозяев и сказал: «И это как раз мягкое подбрюшье Советов. Мы должны переправлять туда литературу, дабы посеять раздор. А потом мы должны послать туда оружие, чтобы подтолкнуть локальные восстания».

Воцарилась полная тишина. Это было шокирующее предложение. Юсеф вспоминает, что его застали врасплох непосредственность и деловитость Кейси. «Господин Кейси знал об этой слабости Советов.

Именно он первым во всеуслышание объявил об этом. Прекрасно помню, что он употребил именно такую формулировку: «мягкое подбрюшье». Как вы знаете, Кейси был очень дипломатичным, скрытным и умным человеком, который не так просто выражал свои настоящие чувства. Однако удивляло то, что он никогда даже не пробовал скрыть своей глубокой ненависти к коммунизму, и СССР в частности».¹⁰

Организация военной операции и перенесение ее на территорию Советского Союза до сих пор не проводилась. Со времен Второй мировой войны на территории Советского Союза не велось никаких войн. Так что это предвещало огромные дипломатические и военные последствия. Пакистан, как опекун моджахедов, мог стать мишенью военного ответа. Но то же самое могло бы случиться с опекуном Пакистана, особенно если бы Кремль знал, что все происходит по инициативе Рейгана. Хотя трудно было пропустить такую стратегическую возможность. Можно ли лучше наказать Москву за кровавую резню в Афганистане, чем перенесение военных действий на ее собственную территорию?

Жители Северного Афганистана и советской Средней Азии имели этническое родство, их объединяли узы этого родства ближе, чем народы северного и южного Афганистана. У них общая религия, культура и история. С конца семидесятых годов Москву особенно беспокоило распространение ислама в советской Средней Азии. Заданием отделам КГБ в республиках Дзии было беспощадное подавление подпольного возрождения ислама. Иранская революция и джихад в Афганистане подталкивали к актам сопротивления во всех республиках.

На следующий день, после подробного обсуждения разных мероприятий, Уильям Кейси сел в самолет. Он положил начало, возможно, самой смелой секретной операции «холодной войны». Пакистан согласился с планами атаки на цели, расположенные на территории СССР.

Пакистанская ISI почти сразу же начала изучать, каким образом можно вести тайную войну на территории коммунистической сверхдержавы. Кейси предложил для начала посылку книг и литературы вместе с группами разведчиков, которые бы сориентировались в ситуации на месте. Мохаммад Юсеф начал переговоры с экспертом ЦРУ по психологической войне о том, какую литературу лучше всего

переправлять. Узбек, работавший для ЦРУ с конца сороковых, предложил Коран и несколько малоизвестных книг о советской жестокости по отношению к узбекам. ЦРУ оплатило печать и пересылку в Пешавар многих тысяч экземпляров.

Две недели спустя Юсеф вызвал к себе несколько командиров моджахедов из северных провинций. Вскоре начался широкомасштабный процесс вербовки. Кандидаты на супертайную разведку внутри Советского Союза должны быть абсолютно надежны, как по характеру, так и по политическим взглядам. Участие в операции требовало ловкости и отваги, деликатности и умения молчать.

После проверки кандидатов Юсеф попросил командиров установить контакт с советскими жителями на другом берегу Амударьи и провести ориентировку. Как там отнесутся к Корану? Хотел бы кто-нибудь из местных затем принять участие в операциях или передавать информацию о передвижении советских войск или промышленных сооружений? Смогут ли местные служить проводниками? Перед началом каких бы то ни было операций он хотел иметь по возможности самую свежую информацию.

Юсеф также вызвал в свой кабинет еще одного человека. Вали Беку (псевдоним) было 53 года, но выглядел он значительно старше. У него была белоснежная борода и усталое увядшее лицо. Это был узбекский крестьянин, большую часть жизни проведший в Афганистане, на северном берегу Аму-Дарьи. Его дом находился на севере провинции Кундуз, недалеко от старого афганского порта Шерхан. Еще мальчиком Бек часто переходил с отцом на другой берег реки Аму-Дарьи, чтобы повидать родственников - теток, дядек, двоюродных братьев и деда с бабкой, живших на той стороне. Они переплывали на традиционном пароме - плоскодонке, которую тащили плывущие кони. Он хорошо знал тамошние края. Советы выгнали Бека из дома, убили двух его сыновей и дочку. Сейчас он жил в Пакистане и ткал ковры. Век прекрасно знал местность и мог провести самостоятельную оценку ситуации. «С нашей точки зрения, знание той приграничной местности в соединении с клятвой мести Советам, делало из Вали идеального кандидата в моджахеды, который перенесет военные действия на другой берег Аму-Дарьи», - вспоминает Юсеф.

Из Пакистана Кейси направился в Саудовскую Аравию на тайную встречу с королем Фахдом и шейхом Турки. Кейси уже пролетел над половиной земного шара, но по-прежнему излучал энтузиазм, когда

приземлился в Эр-Рияде. После утренней мессы, тайно организованной для него хозяевами, он стал готовиться к встрече. Афганская программа шла гладко, что нравилось Фахду. Король любил слушать новости с полей войны и известия о больших победах. Программа саудовской безопасности также развивалась в нужном направлении. Управлению удалось предупредить саудовцев о нескольких возможных опасностях.

Кейси прибыл в королевский дворец, где с ним сердечно поздоровался король. Несколько месяцев, прошедших с момента их последней встречи, были нелегкими. Фахд был грустен и слегка угнетен. Саудовская экономика была почти парализована, доходы от продажи нефти катастрофически падали. Была уменьшена добыча, чтобы стабилизировать мировые цены. Природный газ виделся как будущая альтернатива, все больше отраслей промышленности во всем мире заменяли им нефть. Когда рынок был стабильным, роль Саудовской Аравии, как гаранта равновесия, не причиняла ей хлопот. Но из-за огромного перепроизводства нефти, вызванного увеличением ее добычи во многих странах, эта роль теперь дорого стоила. Кроме экономических проблем, внезапно возросло число нарушений воздушных границ Ираном. А визит президента Хассани из Южного Йемена в Москву в ноябре оживил советские планы относительно Ближнего Востока. Члены администрации Рейгана, особенно Каспар Уайнбергер и Уильям Кейси, старались скорее успокоить эти волнения и заверить саудовцев в неизменной поддержке США.

Самой большой угрозой безопасности Аравии был Иран. По поручению Совета национальной безопасности президент Рейган просил ЦРУ о проведении тайной операции, которая могла бы свергнуть Хомейни. Операция эта была еще на начальных стадиях и продвигалась весьма медленно. ЦРУ организовало сеть тайных убежищ в Турции для противников режима Хомейни. Вся деятельность сводилась лишь к распространению листовок и пропагандистских радиопередач. Никто не надеялся, что это подорвет власть мулл и тем самым принесет огромную радость королю Фахду. Вместе с тем операция «Staunch», имеющая мировой масштаб и рассчитанная на то, чтобы убедить отдельные страны не продавать оружие Ирану, развивалась успешно. Запущенная госсекретарем Джорджем Шульцем, операция эта могла оказаться для Тегерана катастрофической, если бы удалось убедить всех. Дипломатической стороной операции занимался Государственный департамент, но ЦРУ курировало более деликатные, секретные ее

аспекты. Агенты Управления потихоньку сотрудничали с правительственными чиновниками во всем мире, стараясь убедить их прекратить экспорт.

Но операция «Staunch» требовала времени, а по мнению короля Фахда, именно его-то и не было. Он боялся непосредственного военного нападения. В начале 1984 года иранская армия активизировала боевые действия против Ирака, но перевеса не получила в этой затянувшейся войне. Быть может, зловещим сигналом было то, что революционная гвардия наиболее агрессивно наступала на Юге, вблизи от Басры. Свежие силы выдрессированных новобранцев бросали на иракские укрепления. Если бы удалось пробить в них какую-нибудь брешь, иранские войска оказались бы всего в нескольких сотнях миль от саудовских нефтяных месторождений. Король Фахд не очень полагался на дипломатию и на секретные операции малого масштаба. Он не верил, что они принесут серьезную пользу. Он требовал гарантий, что США не покинут его и поставят необходимое оружие.

Кейси напомнил Фахду, что президент никогда не допустит падения королевской семьи. Рейган в 1981 году публично сообщил, что в Саудовской Аравии не повторится иранский сценарий с шахом. Развитие сил быстрого реагирования было частью этой поддержки, напомнил Фахду Кейси. Это настоящая сила, которая гарантирует неприкосновенность саудовской территории.

Фахд, в каком-то смысле очень наивный, но порой необыкновенно проницательный, не хотел одних лишь разговоров. Он ждал от президента осязаемого доказательства, которое убедило бы его, что можно доверять Вашингтону. Шейх Бандар просил государственного секретаря Шульца дать формальное письменное подтверждение поддержки президента. Фахд хотел также получить «Стингеры». Он неоднократно напоминал об этом, а администрация все тянула с ответом.

«Ракеты «Стингер» - очень тонкое дело», - сказал Кейси Фахду. Его нужно вести еще осторожнее, чем предыдущее с продажей АВАКС. Фахд согласился с этим, но настаивал, что эта продажа будет проверкой, действительно ли Америка поддерживает королевскую семью. «Близкие друзья и союзники не подводят друг друга», - сказал он Кейси.

Затем Фахд предложил, чтобы Соединенные Штаты задумались над своими отношениями с иранцами. Саудовцы все время стремились поддерживать хорошие отношения даже с неприятелем. Фахд полагал,

что диалог может принести определенную пользу, особенно с фракцией умеренных. Кейси на это предложение дал неопределенный ответ.

Затем он достал какую-то сумку и положил перед королем. Это были новейшие данные разведки об афганском конфликте и соглашении с Зия-уль-Хаком о переносе войны в советскую Среднюю Азию. Речь идет о снятии русского ярма и освобождении миллионов правоверных мусульман, сказал Кейси Фахду. Значительное увеличение расходов США на это должно заставить Москву по-новому пересмотреть свои отношения с Афганистаном. Кейси хотел, чтобы саудовцы присоединились к этому соглашению, полагая, что ему удастся убедить шейха Турки, чтобы он вложил свои средства в этом регионе в совместные операции. Это было ни слишком обременительно, ни слишком серьезно. Главное - принять участие. Фахд в принципе согласился содействовать, он, правда, требовал более подробных сведений. Кейси обещал, что передаст ему все планы через шейха Турки, когда они будут обработаны.

Оба собеседника обсудили несколько других совместных операций, в том числе действия против врагов Саудовской Аравии, Ливии и Южного Йемена. ЦРУ располагало прекрасными материалами подслушивания руководителей Южного Йемена. Если бы речь шла о дальнейших заговорах против Эр-Рияда, это наверняка не обошло бы внимания американцев.

Из Саудовской Аравии Кейси полетел в Израиль и Турцию, а затем в Западную Европу, чтобы обсудить польскую операцию. В Риме он провел тайную встречу с архиепископом Луиджи Поджи, ватиканским дипломатом, ответственным за контакты с польским правительством. Кейси надеялся на новую встречу с Папой, но на этот раз по другую сторону стола сидел архиепископ. Поджи только что вернулся из Варшавы, где встречался с министром иностранных дел Стефаном Ольшевским, с которым обсудил возможность обмена посольствами. Поджи, отличный знаток латыни и истории церкви, был похож на обычного приходского священника. Но он был и прекрасным политиком, отлично разбирался в нюансах дипломатии. Ему было также не занимать категоричности, которая легко проявлялась.

Почти все время занимал разговор о Польше. Администрацию беспокоили донесения от источника американской разведки в польском министерстве обороны о том, что министерство внутренних дел снова планирует новое нападение на подполье. Оно будет иметь разные

формы, вплоть до мрачного сценария ликвидации некоторых деятелей, чтобы запугать всех, кому пришла бы в голову мысль об антиправительственной деятельности. Уже по Польше прошла волна таинственных убийств. Гжегож Пжемык, девятнадцатилетний сын оппозиционной поэтессы Барбары Садовской, замучен в милиции. Анджей Гасевский, деятель «Солидарности», задержан милицией, а через несколько дней его тело нашли на железнодорожной насыпи. Еще одного деятеля, Яна Самсоновича, нашли повешенным на Гданьской судоверфи.

Администрация Рейгана беспокоилась, выживут ли руководители подполья, -Буяк, Куронь, а также Лех Валенса. Объектами акции могли стать также и служители церкви, предупредил собеседника Кейси. Он попросил архиепископа передать по своим контактам эти предостережения в Польшу и распространить их там. Военный режим, неспособный ни сдержать, ни победить подполье, будет, несомненно, стараться избавиться от руководителей.

Потом Поджи стал рассказывать о ситуации в Польше. Даже церковь разделилась на радикалов, которые стояли за полную поддержку оппозиции, и тех, кто стоял за более примиренческий подход к властям. Было непривычно слышать, как архиепископ рассуждал о внутренних проблемах церкви, но он отвечал на искренность Кейси относительно американской ограниченности и слабости. Разделение церкви проявилось в небольшом промышленном предместье Варшавы, в Урсусе, где в маленьком костеле собралось более 2.000 человек, бросивших вызов польскому примасу кардиналу Юзефу Глемпу. Примас перевел ксендза Мечислава Новака, большого сторонника «Солидарности», из Урсуса в Другую парафию. Этот случай отозвался по всей Польше. Правительство Ярузельского и его патроны в Москве без сомнения наслаждались этим представлением.

Проблемы были не только у церкви, польская экономика также оказалась в затруднительном положении. Поджи хотел доказать администрации Рейгана, что санкции слишком дорогостоящи (12 миллиардов долларов, по оценкам польского правительства), а Ярузельский не сомневался, что ухудшение экономической ситуации приносит явную пользу его оппонентам по обеим сторонам: и «в «Солидарности», и среди сторонников твердого курса партии, считавших, что он слишком либерален по отношению к внутренним врагам. Поджи советовал Кейси, чтобы администрация не отказывалась

от санкций, поскольку Ярузельский будет вынужден в конце концов прийти к какому-то компромиссу.

Ситуация в подполье была неоднозначной. Правительство арестовало около тысячи деятелей, группу самых важных руководителей держало в тюрьме, на Раковецкой улице в Варшаве. В этой группе находились Яцек Куронь, Адам Михник, основатель подпольной радиостанции «Солидарность» Збигнев Ромашевский и католический интеллектуал Генрик Вуец.

Однако тюремная решётка не могла сдержать исключительной отваги задержанных руководителей. Михник написал письмо, которое переправил из тюрьмы на волю. Сохраняя верность своим убеждениям, он стремился продолжать борьбу с коммунистическим правительством. Письмо подтверждало непокорность этого деятеля, полного веры и энергии. Ярузельский предложил Михнику и другим арестованным деятелям «Солидарности» выехать во Францию, надеясь таким образом избавиться от своих главных противников. Письмо Михника стало открытым ответом на это предложение. «Вас беспокоит сам факт существования людей, чьи мысли о Польше ассоциируются не с министерским креслом, а с тюремной камерой, людей, которые предпочитают праздники в следственной тюрьме праздникам на лазурном побережье», - писал он польскому генералу Чеславу Кишчаку. Тех, кто держал его в заключении, он называл «подлецами». Этот размноженный текст ходил по рукам тысяч деятелей, а потом попал в руки сотрудников «Голоса Америки» и «Свободной Европы». Он был сразу же передан по всей Западной Европе.

Кейси в разговоре с Поджи поддержал позицию президента по отношению к санкциям: они не будут смягчены, пока в Польше не произойдут внутренние реформы и пока политические узники не окажутся на свободе. В последние недели Лех Валенса требовал, чтобы санкции были немедленно прекращены, но администрация не изменила своего решения. Кейси просил архиепископа передать эту информацию в Польшу по своим каналам.

Скрытая помощь США «Солидарности» в прямом смысле помогла подполью пережить долгую, лютую зиму военного положения. Путь вел из Брюсселя, через Стокгольм в Гданьск. Оттуда товары распределялись через хорошо организованную сеть. 23 февраля радио «Солидарность» впервые после полугодичного перерыва отозвалось в эфире. Используя новое радио и электронное оборудование, Збигнев Буяк призывал к

сопротивлению режиму и бойкоту июньских выборов в местные органы. И хотя радиопередача, чтобы избежать пеленга, длилась всего шесть минут, это была значительная моральная победа.

Контакты между оппозиционными деятелями в Польше и Чехословакии на неформальной основе проходили и дальше. Весьма немногочисленную католическую церковь в Чехословакии тоже просили помочь движению. Имеет ли церковь какие-то контакты с оппозиционными группами в Чехословакии? Будет ли западная поддержка принята с пониманием? Поджи обещал замолвить слово и сообщить обо всем Кейси.

1. Дон Обердорфер. «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 76.
2. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский. «KGB Instructions from the Centre». Лондон, «Hodder and Stoughton», 1991, с. 97.
3. См. лондонскую «Таймс», 2 февраля, 1992, с. 2 и «Известия», 24 июня, 1992, с. 5.
4. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
5. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
6. «Нью-Йорк таймс», 29 января, 1984, с.5.
7. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
8. Фред Айкл. Разговор с автором.
9. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
10. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором. Разговор с функционером разведки США.
11. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
12. Американский государственный служащий. Разговор с автором.

Глава 13

Одна из самых главных задач администрации Рейгана - добыча более точных и весомых разведывательных данных о Советском Союзе. Наиболее достоверной была военная разведка. Но президент, Совет национальной безопасности и ЦРУ считали, что им не хватает соответствующей информации о политике и экономике. Это требовало прежде всего вербовки агентов за «железным занавесом». В течение первых лет своего руководства Уильям Кейси придавал этой проблеме первоочередное значение, так как знал, насколько президент любит получать сведения непосредственно из Советского Союза. Отлично действующая разведка имела принципиальное значение при формировании очередного хода Рейгана, особенно если надо было использовать экономические, технологические и психологические слабости.

Но когда наступил апрель 1984 года, не оставалось сомнения, что случилось что-то неладное. Московские источники стали пересыхать. Успешно работавших много лет информаторов арестовывали и вывозили. Многие связи были утеряны. Сотрудников ЦРУ, работавших в посольстве, выследили и разоблачили. Похоже, КГБ получил список всех их. К тому же замолчали и действовавшие до сих пор успешно технические устройства. Электронное подслушивание было обезврежено.

Но плохим новостям сопутствовали и хорошие. Высший офицер советского генерального штаба сошелся с резидентурой ЦРУ и предложил «помощь». Он не хотел денег, а решил сотрудничать из чисто личных побуждений. Резидентура ЦРУ подготовила достаточно сложных шифров, которые позволяли получать информацию от этого агента. После работы он выгуливал собаку в парке в предместье Москвы. Смена цвета ошейника собаки была сигналом для контакта с людьми из ЦРУ.

Это был настолько ценный источник, и появился он в такой необычно трудный период, что подозревали ловушку. Но перспектива получения информации от чиновника такого высокого ранга оказалась слишком соблазнительной, и Кейси согласился на сотрудничество. Этот агент передал множество очень ценной информации. «Сделано много усилий, чтобы найти информаторов и разведчиков в Советском Союзе, -

вспоминал Пойндекстер. - Думаю, у нас были очень хорошие сведения об СССР, особенно о Политбюро и руководителях».

Интерес администрации Рейгана к проблемам экономики и технологии привел к тому, что и американские бизнесмены стали важным источником информации. Они прекрасно ориентировались в этом и контактировали с совсем другими кругами, чем агенты, завербованные ЦРУ. Часть старых друзей Кейси из мира бизнеса, таких как Стюарт Джексон, согласились помогать добровольно. Кое-кого, например, председателя «Archer-Daniels Midland» Дуайна Андреаса пришлось уговаривать. Согласившиеся сотрудничать бизнесмены получили псевдонимы и прошли короткое обучение в Управлении.

Американские менеджеры, имевшие контакты с Москвой, вероятно, лучше всех знали советские экономические потребности. Они могли сориентироваться, какие технологии нужнее всего Советам и какими заграничными источниками они пользуются, чтобы получить требуемую американскую продукцию. Особенно хорошие информаторы, такие как Джексон и Андреас, по возвращении из Советского Союза писали рапорты и звонили по специальному номеру в Управление. У них появлялся курьер, рапорт запечатывался и доставлялся в Национальный отдел сбора. Как правило, бизнесмены получали от Кейси короткую записку с благодарностью. Особо важная информация передавалась Совету национальной безопасности и даже президенту.

Национальный отдел сбора - большое предприятие, располагавшее тридцатью конторами в крупнейших американских городах. Агенты устанавливали контакт с предприятиями, работающими за границей, и просили о сотрудничестве. Многих бизнесменов, помогающих Управлению, приглашали в Лэнгли на «совещание директоров». В 1984 году через семинары по вопросам разведки, проводимые небольшими группами в отделах ЦРУ, прошло почти 200 человек. Перед ними обычно выступал сам Кейси. Рассказав о том, что грозит современному миру, он приступал к делу: «Директора корпораций оказали Управлению неоценимую услугу. Они не только сообщали информацию, но и указывали нам на тех граждан в других государствах, которые могли быть полезными, доставляя информацию, принципиально важную для нашей национальной безопасности». Заканчивал он категорическим заявлением: «Даю вам свое личное слово, что это останется между нами».

Почты 200 крупнейших американских предприятий не только делились информацией с Управлением, но и служили прикрытием для агентов ЦРУ. Это и было одной из основных целей Кейси. Эти агенты были незаменимыми в некоторых операциях за границей. Отдельные из них работали в Польше как бизнесмены и даже посольство не знало об их существовании. Каждый месяц Кейси получал суммированный вывод Национального отдела сбора.

Сбор информации был необходим, чтобы изучить и выявить советские слабости. Администрация Рейгана использовала также не менее важное оружие. Такое, как манипулирование информацией, поступавшей в Москву. В начале 1984 года ЦРУ и Пентагон запустили секретную программу дезинформации, цель которой - расшатать советскую экономику. Программа эта была направлена в самое сердце советской экономики - ее зависимость от западной технологии. Это было широкомасштабное мероприятие, включавшее измененную или сфабрикованную технологическую информацию в гражданской и военной областях. При передаче этой информации советским техникам использовались посредники. «В принципе речь шла о доставке Советам фальшивых или частично фальшивых данных и информации, что заставляло их из принимать неверные технологические решения, - вспоминает один из участников программы. - Короче говоря, мы вносили сплошной хаос и беспорядок». К такой задумке пришли сотрудники Совета национальной безопасности и Пентагона после битвы за советский трубопровод. Программа дезинформации усугубляла провалы и недостатки советской экономики. ЦРУ координировало ее через разные каналы, запуская неполные и ошибочные данные. Некоторые фиктивные предприятия ЦРУ за границей попросту продавали искаженную информацию советским агентам, такую, как устройство газовых турбин, технология бурения нефти, компьютерные схемы, химические составы. Информация была, как правило, полуправдой, полуложью, но достаточной, чтобы советские инженеры проглотили наживку, и получив ее, стали бы применять в своих проектах. Но она была приправлена такой дозой фикции, что их усилия ничего не давали. Трудность заключалась в выборе информации, которой можно было бы поделиться.

Уже в первые годы эта программа имела значительный успех.

Химическая фабрика в Омске использовала неверную информацию в планах расширения. Проект вел специалистов по техническим

лабиринтам, и в конце концов оказался абсолютно бесполезным. Это стоило фабрике около 8-10 миллионов долларов, прежде чем ошибку смогли исправить.

Завод по изготовлению тракторов на Украине пробовал выпускать инструменты на основе проектов, поставленных через ЦРУ. В течение 16 месяцев завод работал лишь на половину своей мощности, пока инженеры не отказались от «новой системы автоматизации», на основе которой создавался проект.

Состав комплектующих газовой турбины был передан Советам в начале 1984 года. Несколько таких турбин было установлено на газопроводе. Но там были заложены ошибки. Турбина не могла работать. В результате пуск газопровода был замедлен.

Поврежденные детали компьютеров, проданные через посредника, оказались в устройствах многих советских военных и гражданских фабрик, и лишь по прошествии многих месяцев удалось разгадать, в чем дело. Конвейеры стояли целыми днями.

Управление занималось технологией гражданских проектов, а Пентагон - военных. Москва ежегодно экономила на исследованиях и внедрении время, значительные деньги, занимаясь кражей западных военных технологий и используя их в своих военных системах. Акция Пентагона по дезинформации охватывала шесть или семь секретных проектов военной технологии, которыми Советы, согласно предположениям США, должны прежде всего заинтересоваться. Это касалось технологии уменьшения обнаружения летающей техники радарными и термолокацией, СОИ, самого современного тактического самолета. Дезинформация охватывала все стадии операции, включая сказанное на пресс-конференции перед иностранными журналистами. Фальшивыми данными снабжались планы разработки, результаты проверки, графики продукции и эксплуатационные испытания.

В начале 1984 года Кейси получил внутреннюю записку относительно большого успеха программы дезинформации. Записка называла те явные проблемы, которые создавала Советам реализация этой программы, однако обращала внимание и на парализующий эффект, который она производит на дальнейшие попытки Советов в добывании западных технологий. «Невозможность отличить правду от неправды приводит к тому, что способность Советов присваивать и использовать западные технологии резко уменьшается».

Программа дезинформации строго охранялась, дабы не вызывать проблем в собственной стране. «Дезинформация распространялась лишь за пределами Соединенных Штатов, - вспоминает Джон Пойндекстер. - Это, однако, оказалось успешным оружием против Советов. Оно произвело у них большое замешательство».

В конце апреля президент созвал совещание Рабочей группы по национальной безопасности. Вначале занялись вопросами отношений США с Саудовской Аравией, а также просьбой короля Фахда о ракетах «Стингер» и письменной гарантии саудовской безопасности. Кейси и Уайнбергер настаивали на более сильном участии США на стороне Фахда. «Необходимо что-то, что укрепило бы наши отношения и показало бы, что мы решительно занимаем их сторону», - сказал Уайнбергер. Это означало прежде всего продажу им ракет «Стингер» как осязаемого доказательства американской поддержки. Государственный секретарь Шульц был против поспешных действий, особенно таких, которые могли бы принципиально изменить расстановку сил в регионе. Президент не занимал четкой позиции.

Сообщения о ходе совещания очень обеспокоили шейха Бандара. Неясная позиция США вызывала большие опасения у саудовцев, тем более, что Иран по-прежнему угрожал их кораблям в Персидском заливе. Уайнбергер встретился с Бандаром и выслушал серьезные предупреждения по поводу нежелания продать «Стингеры». Конгресс в то же время стремился заблокировать продажу, так что нужно было что-то делать. В середине мая Уайнбергер организовал Бандару встречу с президентом в Овальном кабинете, чтобы тот мог лично побеседовать по данному вопросу. Бандар принес личное послание на семи страницах от короля Фахда. Президент прочел письмо и добродушно посмотрел на саудовского шейха. «Мы не ставим друзьям никаких условий, - тепло сказал Рейган. - Вы получите свои ракеты, а также нашу поддержку». Через несколько дней президент направил королю Фахду письмо, подтверждающее американскую военную поддержку королевской семье. Письмо имело очень личный характер и по сути означало: «Мое слово твердое, не подведу». 16

Несколько дней спустя президент исполнил обещание и употребил свои чрезвычайные полномочия, чтобы обойти конгресс. Он прибег к этому необычному средству под предлогом, что саудовцам ракеты нужны немедленно для защиты от возможных воздушных атак со стороны Ирана. После. Дня памяти 400 ракет «Стингер» были тайно

переправлены в Саудовскую Аравию. Это меньше, чем 1.200, которых ожидал Фахд, но и то безмерно обрадовало короля. Он послал президенту личное письмо с благодарностью.

В мае 1984 года были закончены два специальных исследования разведки о Советском Союзе. По просьбе Роберта Макфарлейна Кейси поручил подготовку этих документов в 1983 году, после того как был сбит южнокорейский самолет «Боинг»-007. Рапорты частично основывались на информации, поступавшей через Олега Гордиевского, заместителя главного резидента КГБ в Лондоне, который работал и на английскую разведку. Были использованы также дополнительные данные, полученные от двух недавних перебежчиков из КГБ. Владимир Кузичкин покинул советское посольство в Тегеране 25 октября 1982 года и перебежал к американцам. За месяц до этого то же самое сделал в Марокко Анатолий Богатый, «Борис».

Из рапортов следовало, что Советы все больше боятся администрации Рейгана. Кремль даже объявил несколько военных атомных тревог, опасаясь атаки со стороны Соединенных Штатов. Впервые это сделал Юрий Андропов в 1981 году, еще когда был во главе КГБ, полагая, что неожиданная атомная атака, предпринятая администрацией Рейгана, вполне вероятна. Это никоим образом не была общая позиция чиновников высшего эшелона советского режима, но в такую возможность верило достаточно кремлевских деятелей. Рапорты указывали еще на одно очень важное обстоятельство. События последних лет вызвали психологический стресс у советского руководства.

Макфарлейн помнил те рапорты: «Одной из неожиданностей для советской стороны было возрождение американской экономики, потому что это противоречило их представлениям о капиталистической системе. В семидесятые годы они объявляли о крахе американской экономики и были вне себя от радости. Их удивило то, что мы стали выбираться из ямы. Это был удар психологического порядка. Они стали терять уверенность в себе. А мы, конечно же, хотели это использовать стратегически.»

Рапорты подтверждали опасения советского руководства, что равновесие сил начинает клониться не в их сторону. Макфарлейн вспоминает: «Столкновение с вызовом на неведомом донныне поприще может иметь губительный психологический эффект. Необходимость сопротивления многим кризисным явлениям может испугать

руководителей замкнутой политической системы, не привыкших к подобному».

Казалось, что соотношение сил начинает меняться. Американский арсенал увеличивался, это касалось оружия нового поколения, технически сложного и дорогостоящего. В середине 80-х годов военные расходы США впервые с конца 60-х превысили расходы Советского Союза. В первые шесть лет президентства Рейгана Пентагон закупил почти 3.000 боевых самолетов, 3.700 стратегических ракет и около 10.000 кораблей, или в два раза больше, чем в 70-е годы. И что самое важное, они были сложнее, чем когда-либо ранее. На окраинах советской системы - в Польше и Афганистане - образовались явные трещины. Все труднее доступ Советов к западным технологиям, застойная экономика, по сообщениям, едва дышала. По словам Евгения Новикова, «в Центральном Комитете и среди высших офицеров КГБ царило убеждение, что нажим извне разрушает нашу экономику. Некоторые говорили: «Мы не можем соперничать, мы должны сотрудничать». Однако существовало опасение, что Рейган и в самом деле заинтересован в подрыве нашей системы».

Несмотря на меняющуюся ситуацию в соперничестве супердержав, в Москве в начале 1984 года верили, что Афганистан - это то место, где удастся победить. Советы навязали условия этой войны и имели подавляющий перевес на полях битвы. Моджахедам, однако, удавалось проводить редкие атаки на позиции Советов и правительственных войск. Но в итоге они так и не умели воспользоваться своими случайными победами.

Той весной один из высших генералов советского Генштаба прилетел из Москвы в командный пункт в Термезе. Город, отделенный Аму-Дарьей от Афганистана, был основной базой снабжения советских войск в Афганистане. Оттуда проходило 75 процентов всех поставок. Майор Саратов, командир 108-й мотострелковой дивизии, приветствовал генерала на аэродроме. Саратову предстояло руководить секретным наступлением в долине Панджер. За атакой должны были наблюдать с командного пункта в воздухе высшие офицеры штаба. Готовилась самая большая из всех советских операций в Афганистане.

20 апреля самолеты с военно-воздушных баз в Средней Азии вылетели в сторону Афганистана. Десятки бомбардировщиков начали ковровое бомбометание по долине. Моджахеды под предводительством легендарного Ахмада Массуда укрылись в гротах. Советы сбрасывали

500-и 1000-фунтовые бомбы, от которых вздрагивала земля. Однако узкая долина дала партизанам много убежищ. Через два дня после бомбежки колонны танков и бронетранспортеров стали прокладывать путь через долину. В это же время советские авиадесантники группами были сброшены с вертолетов севернее Панджера. Саратов радовался, что операция проходит успешно. Но она принесла лишь видимую победу. Советские войска заняли большую часть Панджера, но моджахедам удалось уйти. Советский генерал вернулся в Москву на консультацию с начальником Генерального штаба. Последовал приказ на эскалацию боевых действий и достижение максимального результата, чтобы рапортовать о победе в Афганистане.

В этой войне число советских потерь резко возросло. В 1979 году афганская армия насчитывала около 80.000 солдат, теперь же, несмотря на очередные призывы, ее численность уменьшилась до 30.000. Наступала «советизация» войны по мере того, как тяжесть боевых действий все больше перекладывалась на советские подразделения. В советской Средней Азии формировались отряды десантников, которые перебрасывались в Афганистан воевать с партизанами, после чего их отвозили назад, по другую сторону границы. Это были отборные подразделения, действовавшие значительно эффективнее афганской армии.

Так складывалась ситуация в апреле 1984 года, когда американские чиновники думали, что делать с Афганистаном. Нарастающее советское присутствие там обречет Советы на еще большие потери, администрация могла пойти на увеличение тяжести войны. Начало преобладать убеждение, что эта война может сыграть серьезную психологическую роль. Дональд Фортъе из Совета национальной безопасности считал, что это слишком большое напряжение для Советского Союза, результаты которого уже заметны. Оккупация Афганистана втягивала все больше советских сил. Если бы администрации удалось выработать такую стратегию, которая не только противостояла советскому вызову, но и привела к победе, это могло бы иметь катастрофические последствия для Кремля. Фортъе искал аналогичные ситуации в истории, и напомнил Роберту Макфарлейну, что проигранная русско-японская война 1905 года и большие потери, понесенные в Первой мировой войне, привели к революции в России.

Когда сотрудники администрации Рейгана задумывались над следующим шагом в Афганистане, Вали Бек совершил первую вылазку

на территорию советской Средней Азии. Завербованный пакистанской ISI для разведки, он направлялся к деревне, в которой провел детство и часть своей взрослой жизни, надеясь, что там еще живут две знакомые ему семьи. Когда он оказался в афганской провинции Кундуз, его ожидала трудная задача переправиться через Амударью на советскую территорию. Окрестности его родного города Шерхана были небезопасны. По другую сторону реки был расположен шумный советский порт Нижний Пяндж, полный служб безопасности, поэтому он и выбрал место западнее Шерхана, где оба берега реки были покрыты густыми зарослями, камыши служили укрытием и на воде.

Бек решил проплыть в ледяной воде почти 700 метров, потому что не хотел рисковать, пользуясь лодкой. Он достал мешок из козьей шкуры, надул его и пустился в дорогу. И вот уже, мокрый и замерзший, стоял на советском берегу.

На рассвете он направился к месту назначения, где встретил старых друзей. Провел в деревне два дня. Найти поддержку для антисоветских действий не составило проблем. Два жителя деревни попросили достать оружие, чтобы бороться с Советами. Большинство других - принести литературу. Еще кое-кто готов был служить проводниками, предоставлять продукты и укрытие. Бек привез эти известия бригадному генералу Мохаммаду Юсефу. «Меня поразило число людей, выразивших желание помогать, - вспоминает Юсеф. - Некоторые хотели достать оружие, другие стремились присоединиться к моджахедам в Афганистане, а некоторые - участвовать в операциях на территории Советского Союза».

Оптимистический рапорт Юсефа после вылазки Бека привел к тому, что ЦРУ сразу же закупило несколько сот резиновых лодок «Зодиак» для перевозок через Аму-Дарью моджахедов и литературы. Соединенные Штаты, однако, не хотели доставлять спутниковые снимки советской Средней Азии, которые позволили бы разрабатывать нападения и опознавать цели. Президент и администрация не хотели оставлять на этой операции отпечатки американских пальцев. Слишком удачные атаки, которые с хирургической точностью попадали бы в расположенные вдалеке цели военного значения, могли бы возбудить подозрения Москвы, что в них принимают участие США. Никаких сведений разведки о территории севернее Аму-Дарьи использовано не было в этой тайной войне на советской территории.

Этой весной, когда афганская война перешла на территорию советской Средней Азии, Пентагон работал над ограничением потока технологий в СССР. Благодаря многим двусторонним и многосторонним соглашениям разные страны заключили общий союз по контролю за технологиями. Вместе с тем увеличивался и список технологий, экспорт которых был ограничен. Вез сомнения, нелегальный экспорт в Москву по-прежнему существовал. Но Советам все труднее было получить сведения о западных открытиях путем обычных закупок. Это «перекрытие крана» создавало серьезные проблемы Кремлю с распределением средств и заставляло чиновников быть более изобретательными в попытках обойти санкции. Часто применялась тактика переправки заказанных западных технологий с помощью нейтральных стран.

Группа чиновников из департамента обороны, Госдепартамента и департамента торговли почти с самого начала решила эту проблему на двух фронтах. США будут оказывать нажим на нейтральные страны, чтобы они прекратили подобную практику взамен за больший доступ, на американские рынки и к технологиям. Это уже было проделано со Швецией и Австрией, но американцы хотели также склонить к введению ограничений и западные предприятия и их торговых партнеров в других странах. Это означало подчинение всех правительственному соглашению об экспорте таким образом, как это сделала администрация во время европейского спора о газопроводе в 1982 году.

Весной 1984 года межведомственный комитет по делам передачи технологий под руководством Уильяма Шнейдера выработал новые принципы ограничений экспорта технологий, которые сделали бы невозможным их получение Москвой через посредников. Было предложено заострить внимание на передаче лицензий на реэкспорт современной американской технологии. Это означало, что если, например, какое-то предприятие из страны, входящей в НАТО, хотело реэкспортировать товар, подлежащий американскому экспортному контролю, в какую-то другую страну, не члена НАТО, то оно должно было представить американскому правительству список клиентов, чтобы доказать, что данный продукт не попадет в Москву. Это касалось всех продуктов, охваченных экспортным контролем США, реэкспортируемых на основе распределительной лицензии в нейтральные страны или в страны третьего мира.

Соединенные Штаты пользовались определением «американская технология» в очень широком смысле, что давало Вашингтону принципиальный контроль над потоком технологий во всем мире. Европе это не слишком нравилось. Одна из немецких газет писала: «Мы не видим повода для того, чтобы европейское предприятие, которое производит программированные компьютеры по оригинальным американским технологиям, должно быть подчинено экспортным условиям Соединенных Штатов, поскольку американский вклад в них весьма ничтожен».

Ограниченная советская технологическая база была обречена на еще большие испытания, когда администрация устремилась в гонку вооружений с высоким уровнем технических разработок. В частности, акцент на получение технологий отразился не только на поставках, но и на политике и доктринах внутри НАТО. Это заставило Москву тратить все больше и больше своих и без того малых средств на исследовательские программы в области вооружений.

В мае 1984 года Каспар Уайнбергер находился в Брюсселе, где проходила одна из очередных встреч министров обороны НАТО. Уже два года Уайнбергер незаметно склонял своих европейских коллег сконцентрировать все интересы НАТО на новейших технологиях вооружения. Военные США уже в значительной мере изменили свое мировоззрение. В 1982 году армия приняла доктрину битвы «воздух-земля», которая предусматривала развитие активной обороны, включая и удары по неприятельским целям при максимальном использовании прогресса в области электроники и связи. Конечная цель этой доктрины - мобильность, маневр и соединение оружия (совместное использование разных видов оружия). Она основывалась на факторе неожиданности как методе дезориентации противника и предполагала, что если оборона сводится всего лишь к обороне, то она должна закончиться поражением. Доктрина предусматривала контрудары наземных сил США по территории стран Варшавского Договора. Уайнбергер надеялся, что ему удастся внедрить в НАТО американскую веру в новейшие технологии, а также новую стратегию. В декабре 1983 года он предложил, чтобы союз придал бесспорный приоритет тридцати новейшим системам технологического вооружения. Однако союзники решительно отбросили это предложение. Им то ли не хватало веры в новую концепцию, то ли не хотелось переориентировать собственный бюджет на оборону на

дорогостоящие проекты. Но Уайнбергер не отступал. Он делал тайные нажимы на коллег.

На майской встрече в Брюсселе ситуация принципиально изменилась. Спорное предложение было ратифицировано. Министры поручили Независимой европейской программной группе организовать общеевропейское сотрудничество в развитии новейших технологий. Значение этого договора было не только в согласии на необходимые расходы, но и в ратификации самой концепции.

Договор НАТО предусматривал начало создания или ускорение проектов, реализация которых уже начата в одной или нескольких странах блока. Успех этого плана означал бы резкую перемену на поле битвы. В одном из рапортов НАТО указывалось: «На основе предварительных исследований члены НАТО считают, что технологии оптиметров, преобразователей сигналов и данных могут с успехом использоваться в системах связи, увеличивая нашу мощь благодаря развитию технологий».

Министры НАТО оказали свою поддержку новейшей технологии, когда в 1984 году выработали стратегию, охватывающую многие принципы сражения «воздух-земля». Менее агрессивная, чем это сражение, доктрина Атаки наступательных сил (FOFA) производила разительную перемену в стратегии НАТО. И была принята в советском министерстве обороны без восторга.

Когда НАТО формально приняло эти изменения, высказавшись за современную технологию, маршал Огарков взывал к возобновлению усилий догнать Соединенные Штаты. Он писал в советском военном журнале: «Внезапное развитие науки и технологии в последние годы создает реальные условия возникновения в ближайшем будущем более разрушительных и доселе неизвестных типов вооружения, основанных на новых законах физики. Работа над этими новыми типами вооружения уже идет во многих странах, а прежде всего в США. Их развитие - это ближайшая реальность, и было бы грубой ошибкой уже сейчас не обращать на это внимание». Кремль не намерен был отставать в этой критической гонке технологий. Американские расходы на оборону возрастали на 25 процентов ежегодно в первые годы президентства Рейгана, между 1980-м и 1985-м годом они удвоились. Еще большее беспокойство советских военных вызвал внезапный рост средств на исследования и развитие в Пентагоне, который был колыбелью новых технологий. В 1980-1985 годах расходы на исследования и развитие

почти удвоились. Советские расходы на оборону должны были в 1981-1985 годах возрасти на 45 процентов, но Москва считала, что это слишком незначительный рост, чтобы ответить на американский технологический вызов. Поэтому весной 1984 года Генеральный секретарь Константин Черненко объявил, что «сложная международная ситуация заставляет нас направить значительную часть средств на укрепление безопасности нашей страны». Это решение легло еще большим грузом на и без того слабую советскую экономику.

Это означало выделение еще больших средств на модернизацию военного сектора. Москва тратила миллиарды долларов, хотя не очень-то могла себе это позволить, стараясь держать паритет с СОИ. Сагдеев, начальник советского Института космических исследований, в своем отчете в 80-е годы сообщал: «Эта программа стала приоритетом номер один после объявления господином Рейганом в 1983 году «звездных войн». Сагдеев допускает, что эти расходы ослабили Советский Союз и могли стать причиной его развала. ¶

Выделялись денежные средства на создание научно-технических программ, что называется, «с нуля». К 1986 году предполагалось основать шестнадцать межведомственных комплексов, занимающихся такими проблемами, как лазерная технология или геновая инженерия. Была создана новая бюрократия для обслуживания этой «перемены направлений». Неожиданно родился Главкосмос, как неуклюжее повторение Главного управления по делам развития и использования технологии космоса при Национальном центре исследований и экономики. Осенью 1984 года советская Академия наук начала исследования по созданию прогрессивной компьютерной технологии стоимостью 100 миллионов долларов, с помощью которой удалось бы перешагнуть целое технологическое поколение и оказаться в авангарде международных исследований в этой области. Людей и средства направляли в:

- разработки вооружения, основанного на использовании лазеров в управлении приборами, проводимые около города Горького под руководством

Н.И. Павловского;

- опыты с ультракрасными (так в книге) лазерными излучателями, проводимые в Красноярске, Тюратаме, Семипалатинске и в Красной Речке;

- работу над термоядерными реакторами в одном из секретных институтов Ленинграда.

Но кроме перераспределения средств, технологический вызов американцев в конце концов заставил Кремль, в отчаянной попытке не отстать, провести структурные изменения в экономике. Москва могла участвовать в состязании, в котором ставкой было количество, но технологический вызов, где речь шла о новшествах и качестве, - что-то совсем иное.

Советская экономика не создавала стимулов и гасила инициативу, производила изделия низкого качества. Большинство технологий, использовавшихся для изготовления оружия, было западного происхождения. Советское министерство обороны, плохо переваривавшее домашнюю экономику, принимало ее плоды до тех пор, пока это не влияло на мощь армии. Но вовлечение администрации Рейгана в создание систем, основанных на современной технологии типа СООИ, привело к тому, что экономические реформы становились неизбежными. Уже в начале 1981 года советское министерство обороны издало монографию, которая вспомнила об этой необходимости. В «Экономических основах оборонной мощи социалистического государства» говорится, что постоянное ухудшение разработки высоких технологий «может задержать развитие основной базы Вооруженных Сил - экономики - и тем самым вызвать невозместимые потери оборонной мощи». Отставшая экономика означала не только посредственные товары потребления, но и второразрядную армию. Короче говоря, в сферах высокоразвитых оборонных технологий менялись принципы игры. Это точно отметил Эдуард Шеварднадзе: «Неожиданное базовое значение для безопасности имеют не столько накопленные обществом запасы оружия, сколько способность создавать и производить принципиально новые виды вооружения».

В каком-то смысле перестройка была результатом политики Рейгана. «Перестройка была во многих смыслах задумкой военных, - вспоминает Евгений Новиков. - О ней говорили уже в 1982 году, особенно в свете американского перевооружения». Или, как предпочитал говорить член бывшего советского парламента Илья Заславский: «Рональд Рейган был отцом советской перестройки».

1. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
2. Джозеф Персико. «Casey: The Lines and Secrets of William

J. Casey». Нью-Йорк, «Penguin», 1991, с. 456.

3. Разговор с автором. 4. Внутренняя записка дирекции разведки (1984).

4. Джон Пойндекстер. Разговор с автором. Американский государственный служащий. Разговор с автором.

5. «U.S. Using Disinformation Policy to Impede Technical Data Flow», в «Aviation Week and Space Technology», 17 марта, 1986, с. 16, 17.

6. Американский государственный служащий. Разговор с автором.

7. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский. «KGB: The Inside Story». Нью-Йорк, «Harper Collins», 1990, с. 583-585.

8. Роберт Макфарлейн, Разговор с автором.

9. Евгений Новиков. Разговор с автором.

10. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

11. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

12. «Export Control Shift Worries Europeans», в: «Aviation Week and Space Technology», 30 апреля, 1984, с. 59.

13. «Красная Звезда», 9 мая, 1984.

14. Каспар Уайнбергер. «Ежегодный рапорт для Конгресса», FY, 1986.

15. «Красная Звезда», 3 марта, 1984.

16. «Нью-Йорк Таймс», 18 августа, 1993, с. A1, A15.

17. «Литературная газета», 20 июня, 1986. «Правда», 28 октября, 1985.

18. Эдуард Шеварднадзе цитируется по журналу «Международная жизнь», N 11, 1985.

19. Евгений Новиков. Разговор с автором.

Глава 14

Лето 1984 года было долгим и жарким. В июле КОКОМ закончил проверку перечня технологий, на экспорт которых в страны советского блока существовало эмбарго. Три перечня - по вооружению, атомной энергии и международному обмену - были пересмотрены и расширены. В них включили программы для компьютеров, телекоммуникационное оборудование и малые компьютеры, которые можно использовать для военных целей. Был усилен критерий контроля, особенно там, где речь шла о закупке товаров при посредничестве третьих стран. Члены КОКОМ согласились удвоить усилия, чтобы сдержать поступление изделий через страны-посредники. Получение западных технологий становилось как никогда трудным.

В Москве не угасало беспокойство по поводу Рейгана. 21 июня Владимир Крючков проинформировал резидентов КГБ за границей, что сейчас основное - добыча информации о США. «Ухудшение международной обстановки и рост угрожающей опасности войны со стороны Соединенных Штатов означает, что перед нашими службами стоит еще более важная задача, в которой США являются нашим главным противником», - писал он в задании. Из-за особой международной ситуации, которую создала администрация Рейгана, был принят новый порядок составления оперативных рапортов агентами КГБ за границей. Все заграничные агенты должны были теперь составлять рапорты о деятельности против США по два раза в год. (До сих пор это было установлено лишь для нескольких представительств).

Советы надеялись повлиять на результаты выборов в Америке, по крайней мере стремились сделать все, чтобы уменьшить шансы Рейгана. «Было широко распространено мнение, что любой кандидат был предпочтительнее Рейгана», - вспоминал Евгений Новиков. В надежде хотя бы немного поколебать общественное мнение, советские чиновники не скрывали своих взглядов на администрацию в Вашингтоне. Важную роль в этих попытках сыграл министр иностранных дел Андрей Громыко, постоянный «элемент» советской дипломатической машины, лицо, узнаваемое многими американцами. 27 июля, проводя отпуск в Ялте, Громыко принимал бывшего сенатора Джорджа Макговерна. Макговерн баллотировался на президентских выборах в 1972 году, сейчас тоже сделал очередную попытку, но после предварительных выборов сдался. Этот визит был жестом солидарности со стороны

Макговерна. Они провели друг с другом три часа искренней беседы, во время которой Громыко открылся перед американским гостем.

Громыко сказал Макговерну, что предчувствует, что Рейган будет переизбран. Однако он не предвидел никакого ослабления «антисоветской» политики администрации. Рейган и его советники «хотят вызвать осложнения, - сказал он. - Хотят ослабить советскую систему. Хотят свалить ее».

Громыко должен был посетить Вашингтон в конце сентября или в начале октября, как раз перед выборами. К приглашению посетить Белый дом он отнесся как к желанию представить Рейгана в роли более мирно настроенного государственного деятеля и тем самым отвести обвинения демократов, что при его руководстве соперничество супердержав опасно катится к войне. Он решил сразу, же встретиться с Уолтером Мондейлом, кандидатом демократов, за день перед визитом в Белый дом.

23 сентября Громыко выступал в ООН. Это было демонстративное выступление, подчеркивавшее три принципиальных постулата скрытой стратегии Рейгана, которая была направлена на ослабление Советского Союза. Громыко явно атаковал Вашингтон за «вмешательство во внутренние дела Польши». Он говорил так, словно только что закончил изучать конспект директивы «NSDD-32», утверждая, что делаются попытки «разрушения социалистических основ польского государства». Он обвинил администрацию в ведении экономической войны через «оказание нажима на другие страны, особенно в Европе, в стремлении ослабить их связи с социалистическими государствами». В конце он обвинил Вашингтон в ускорении гонки вооружений. Он вспомнил, в частности, заинтересованность американцев новейшими технологическими системами, которые могут привести к тому, что советские системы окажутся устаревшими. «Кто поверит, что ускоренным развитием новейшего оружия движет забота о мире?» - спросил он.

Спустя пять дней с подобной же речью Громыко появился в Белом доме. Он сказал Рейгану: «За всем этим кроются явные расчеты на то, что СССР исчерпает свои материальные ресурсы и тем самым вынужден будет сдать США». Р. Рейган, как всегда, держался очень тактично, шутками и улыбками отбивая обвинения Громыко.

Когда члены администрации задумывались над следующим шагом американской внешней политики, внимание и заинтересованность большинства из них сосредотачивались и на своих внутренних

проблемах. Все были согласны относительно того, что снижение международных цен на энергоносители является существенным фактором в развитии экономики. Снижение было бы во всех смыслах полезным для американской промышленности. Несколько наиболее заинтересованных стратегией Рейгана сотрудников - Каспар Уайнбергер, Уильям Кейси, Джон Пойндекстер и сотрудники Совета национальной безопасности - отдавали себе отчет, что более низкие цены означали бы также ощутимый удар по Кремлю. Кейси и Уайнбергер проинформировали саудовских представителей о том, что Америка предпочитает более низкие и стабильные цены на нефть. В конце 1984 года кампания по вопросу о ценах стала более целенаправленной. Администрация Рейгана инвестировала серьезный политический капитал в саудовскую королевскую семью. «Саудовская Аравия являлась одной из важнейших составных в стратегии Рейгана», - вспоминал Алан Фирс. Эр-Рияд не только поддерживал позицию США в некоторых важных вопросах региона, но предоставлял также финансовую поддержку контраст в Никарагуа и моджахедам в Афганистане. Они также оказывали влияние и на цены на нефть.

Администрация сделала возможным для саудовцев закупку АВАКС, современных истребителей, а в последнее время ракет «Стингер», прибегая при этом к специальным полномочиям президента. Была создана новая военная структура USCENTCOM, которая была приспособлена к специфическим требованиям безопасности в Персидском заливе. Президент даже направил личное послание королю Фахду, выражая свою поддержку саудовской династии. В начале 1985 года военно-воздушные силы США начали монтировать «Щит мира», который должен был стать наисовременнейшей интегрированной системой воздушной обороны вне НАТО. Это была компьютеризированная система управления, контроля и связи, соединившая саудовские самолеты с АВАКС с пятью подземными центрами слежения и семнадцатью радарными станциями дальнего радиуса действия.

«Щит мира» должен был действовать по принципу отпугивающей силы. Если бы она не сработала, то система действовала бы как координатор саудовской воздушной обороны, а также была бы преградой ракетам «воздух-земля». Предполагалось, что «Щит мира» постепенно отобьет все атаки в течение 10 дней, то есть до времени прибытия американской помощи. «Щит мира» был, кроме того,

подтверждением американской военной помощи Саудовской Аравии. Постоянный персонал обслуживания насчитывал 400 человек, которые сотрудничали с 1.700 американскими военными, уже расположившимися в Саудовской Аравии. Командный пункт должен был поддерживать постоянный контакт с «La Salle», флагманом американского флота, состоящего из шести боевых кораблей в Персидском заливе, и USCENTCOM в США.

Администрация и в самом деле не ставила никаких условий взамен за эту систему защиты, однако в Вашингтоне надеялись, что она окажет влияние на цены саудовской нефти. Уайнбергер вспоминал: «Мы продали саудовцам все это оружие, чтобы снизить цены на нефть».

Осенью 1984 года, за несколько дней до запланированной поездки в Саудовскую Аравию, Уильям Кейси отвел в сторону Гленна Кемпбелла, председателя президентского надзора за разведывательными службами. Кейси предпочитал работать с Кемпбеллом и его небольшим коллективом, а не с большинством Совета консультантов президента по делам внешней политики. Они разговаривали о разных делах, пока наконец Кейси без обиняков не сказал о намерениях администрации. «Он должен был говорить с саудовцами о понижении цен, - вспоминал Кемпбелл. - В подробности он не стал вдаваться. Потом лишь едва о чем-то обмолвился».

В течение всего 1984 года администрация Рейгана проводила кампанию снижения мировых цен на нефть. 1 августа шейх Заки аль-Ямани, проводил переговоры с английским министром энергетики и несколькими главными нефтяными компаниями о приостановке снижения цен на нефть и стабилизации их на уровне 29 долларов за баррель. Это была попытка поднять цены, что было неодобрительно встречено в Вашингтоне. Через две недели после англо-саудовской декларации министр финансов Дональд Риган выслал записку министру энергетики. Дональду Ходелу, докладывая, что США должны стремиться к снижению цен, «сопротивляясь всяким нажимам».

Вскоре после этого, во время публичного выступления на конференции по нефтедобыче в Лондоне, Ходел задал риторический вопрос: «Достаточно ли низки цены на нефть для клиентов?» Он непосредственно не ответил на свой вопрос, но давал понять, что цены все же не так уж низки. Несколько недель спустя Ходел сделал достаточно громкий и скорее необычный шаг - выслал телексы крупнейшим нефтяным компаниям США, критикуя усилия ОПЕК,

ведшие к «манипулированию рынком через искусственно завышенные цены или произвольное ограничение добычи». Было похоже, что администрация проводит пропагандистскую акцию снижения цен.

Высшие чиновники отлично знали, что низкие цены на нефть приносят значительную пользу экономике США. Секретное послание Государственного департамента госсекретарю Джорджу Шульцу подтверждало выводы министерства финансов от 1983 года о международных ценах на нефть. «Перспектива более низких цен склонила министерство финансов обратиться к исследованиям на эту тему в 1983 году. Можно лишь повторить его выводы, что более низкие цены на нефть пойдут на пользу мировой экономике, а те проблемы, которые может создать снижение цен для экспортеров нефти, не составляют угрозы для мировой торговли или финансовой системы». 10

Эти действия не прошли незамеченными. Шейх Ямани в частных разговорах с американскими государственными чиновниками указывал на «доказательства деятельности правительства США, направленной на снижение цен на нефть». Телеграммы в Государственный департамент подтверждали то, что некоторые европейские чиновники приходили к аналогичным выводам. Жан Сырота, высокопоставленный французский чиновник в министерстве энергетики, сказал одному из американских сотрудников, что высказывание Ходела - это первое выступление высокопоставленной особы в американской энергетике, которая так громко говорит о ценах на нефть. Американский чиновник послал депешу в Госдепартамент: «Сырота, хоть и не сказал этого напрямик, однако намекнул, что Соединенные Штаты могут быть движущей силой тенденции к снижению цен». 11

В сентябре Уильям Кейси прибыл в Саудовскую Аравию, чтобы встретиться с королем Фахдом. Связи США с саудовцами установились ближе, чем когда-либо. В королевском дворце Кейси и Фахд обсудили стратегическую ситуацию в заливе, что делали уже столько раз. Афганская война складывалась удачно. Кейси проинформировал короля о новых наиважнейших аспектах политики администрации в этом регионе.

Затем Кейси затронул проблему международных цен на нефть. Цена эта слишком высока, сказал он Фахду. Если ее не снизить, может наступить конец хозяйственному оживлению в США. Королевская семья также теряет на уменьшении добычи нефти. Этим пользуются лишь враги саудовцев - Иран, Ливия и Советский Союз, которые добывают,

сколько удастся, по ценам, сдерживаемым саудовцами. Финансовые результаты этой операции позволяют Советам присутствовать в Южном Йемене, Сирии, Эфиопии и Афганистане. Природный газ начинает заменять нефть, поскольку ее цены так высоки.

Фахд выслушал Кейси, время от времени кивая головой. Сказал, что в целом согласен с такой оценкой ситуации, но конкретно не высказался. Это был поощрительный ответ.

Деятельность Кейси была частью американских дипломатических усилий, направленных на снижение цен на нефть саудовцами, проводившихся с начала правления Рейгана. «Я затронул эту тему в общих разговорах с саудовскими высокопоставленными особами, министром обороны, шейхом Бандаром и королем Фахдом, - вспоминает Уайнбергер. - Они знали, что нам хотелось бы, чтобы цена на нефть была как можно ниже. Между прочим, это было полезно для нашей политической и хозяйственной ситуации, это значительно уменьшило бы также приток валюты Советам. Ситуация была бы весьма выигрышной». Эти усилия были частью общей стратегии с целью ограничить советские доходы в твердой валюте после заключения первого соглашения в деле советского газопровода в сентябре 1982 года. «Снижение цен на нефть стало еще более актуальным, поскольку цены на природный газ ориентировались на цены на нефть, - говорил Уайнбергер. - Чем ниже цена на нефть, тем меньше финансовой пользы Советскому Союзу от экспорта и нефти, и газа».

В конце 1984 года администрация Рейгана начала терять терпение из-за войны в Афганистане. При внешнем спокойствии существовало опасение, что Советы в конце концов выиграют эту войну, а американская помощь может послужить лишь продлению советских усилий. Члены Совета национальной безопасности Джон Пойндекстер и Роберт Макфарлейн проявляли большой оптимизм, верили, что, возможно, удастся вытеснить Москву из Афганистана, хотя для движения сопротивления это был трудный год. Война ожесточалась, потому что Советы в большей мере использовали авиацию и больше, чем раньше, бомбили цели моджахедов. Широкомасштабное наступление длилось все лето. Даже если Москва вовсе не стремилась к победе на фронте, для движения сопротивления это очень изматывающая военная кампания. Жертв было больше, чем в 1983 году. Массовые бомбардировки значительно уменьшали число мирных жителей, которые разбегались в Пакистан или Иран. Таким образом,

ликвидировалась поддержка моджахедам. Все больше грузов нужно было перевозить по суше с пакистанских баз, что требовало сверхчеловеческих материально-технических усилий. Генерал Ахтар из пакистанской разведки был полон самых худших предчувствий насчет усиления советских операций с приходом очередной весны. Он без обиняков говорил Вашингтону: моджахедамы могут выиграть лишь тогда, когда получат необходимую материальную поддержку.

Члены рейгановской администрации при сотрудничестве некоторых конгрессменов прилагали все усилия, чтобы поддержать движение сопротивления. Рейган поручил Роберту Макфарлейну, чтобы в 1984 году он отнесся к Афганистану как к приоритетному делу. Помощь моджахедам должна быть удвоена благодаря широкой поддержке в конгрессе.

Ахтар и Мохаммад Юсеф вели часть этой войны при минимальном бюджете. Это была самая большая тайная война в американской истории, ценой в 100 миллионов долларов ежегодно/ Но численность советской армии в Афганистане достаточно большая, а применяемая ею тактика - жестока. Зимой 1984-1985 года Юсеф хотел предпринять несколько атак на Кабул. С военной точки зрения это был выполнимый и стратегически продуманный план, но такие планы никогда не реализовывались. «В конце концов все сводилось к деньгам, - вспоминал Юсеф. - Хватало ли нам денег на дополнительные перевозки боеприпасов или на более теплую одежду? К сожалению, могу ответить: «Нет». У большинства партизан не было зимней одежды. Финансовые трудности заставляли Юсефа почти ежедневно принимать трудные решения: что купить, оружие или одежду? Однако всегда считалось, что оружие важнее. \1

Ахтар сказал Вашингтону, что может существовать определенная уловка. Изменение советской стратегии означало новое оживление военных действий. Но это был также признак отчаяния. Потери, которые до сих пор Советский Союз как-то переносил, сейчас стали невыносимы. Серьезное увеличение финансирования ЦРУ движения сопротивления будет означать не только больше оружия и снаряжения, но также обучение и снабжение. Полагали, что новые поставки серьезно затруднят жизнь Москве.

Дополнительные средства, ранее добытые Кейси на обучение, были хорошо использованы. Стратегия интенсификации действий моджахедамы в северных провинциях доставляла советской армии множество хлопот.

Она связывала значительные силы для охраны дорог снабжения. А моджахедамы тем временем стучались в ворота советской Средней Азии.

Специально обученные моджахедамы начали добиваться значительных успехов уже через несколько месяцев. Было организовано несколько атак на хорошо охраняемую многочисленным гарнизоном базу в Баграме. Было уничтожено на земле около 20 самолетов с помощью установок для запуска 107-мм ракет, подаренных китайцами.

Специальные подразделения также брали на мушку советское военное начальство в Кабуле. В 1983 году там погибло шесть высших советских офицеров. В 1984 году эта цифра стала вдвое больше. Кроме того, моджахедамы готовили к броске на советские военные объекты в столице. ЦРУ при помощи ISI доставляло все необходимое снаряжение. Китайские ракетные установки с радиусом поражения от четырех до шести миль, подкрепленные подробными спутниковыми снимками, поставленными США, забрасывали в середине 1984 года тысячами снарядов советские и афганские военные объекты, а также офицеров КГБ и афганской разведки. В результате это весьма подорвало моральный дух советских офицеров.

Однако Пакистан хотел быть уверенным, что советские офицеры в Кабуле нервничают, поэтому направил Кейси довольно необычную просьбу. Генерал Ахтар просил снайперское оружие, чтобы моджахедамы могли убивать советских командиров и генералов. ЦРУ указывало им дома и офисы самых важных советских генералов и следило за каждым их движением. Фиксировались также все передвижения прибывающих с визитом руководителей из Москвы и Ташкента. Попасть в них из снайперской винтовки было очень просто, используя все данные разведки. Кейси с военной точки зрения нравился этот замысел, но это было весьма щекотливое дело: винтовки служили бы убийству, а приказ президента запрещал американскому правительству вмешиваться в ликвидацию заграничных деятелей.

Кейси обсудил эту проблему с юристами ЦРУ и Совета национальной безопасности в начале 1985 года. Юристы испугались, аромат «убийства» был слишком силен. Кейси обеспокоился. Ведь это война, доказывал он, какая разница между доставкой снарядов для убийства офицеров на поле битвы и доставкой для такой же цели винтовок? Разница заключается в преднамеренности, ответили юристы. Если мы будем доставлять винтовки для убийства советских генералов, то

нарушим президентский указ об убийствах. Вы можете оказаться за решеткой.

Скорее всего, Кейси проигнорировал эти предупреждения. «Итак, если кто-нибудь когда-нибудь поинтересуется, то не надо ему объяснять, что это снайперские винтовки для убийства, нужно сказать, что это охотничье оружие, - заявил он. - А на что получатели будут охотиться, сие уже зависит от них, а не от нас». \16

Высшие чиновники Совета национальной безопасности спорили по поводу этого предложения целые месяцы. Наконец было послано около сотни винтовок и моджахедов обучили, как они должны с ними обращаться. Но США не дали разведанных о передвижениях советского военного персонала.

Администрация Рейгана, стремясь достигнуть своей цели в Афганистане, проводила в конце 1984 года интенсивную пропагандистскую кампанию в советской Средней Азии. Совместно с Пакистаном, Китаем и Турцией она призывала местных жителей к сопротивлению советской власти. «Распространение литературы за границей, в советской Азии, стоило немалого труда и должно было служить пробуждению несогласия», - вспоминал Джон Пойндекстер. США отвечали за проведение этой операции из Пакистана, а проводили ее члены афганского движения сопротивления и агенты пакистанской ISI. «Мы сыграли свою роль в поддержке антикоммунистических движений в советской Средней Азии, - отмечал Мохаммад Юсеф. - Кроме переправки пропагандистских материалов у нас были подпольные радиостанции. ЦРУ доставляло передатчики и материалы для радиопередач». \1 Администрация помешивала в этом кипящем котле надежду, что взвар принесет Советам больше внутренних проблем.

1. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский. «More Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Global Operations, 1975-1985». Лондон, «Frank Cass», 1992, с.2.

2. Евгений Новиков. Разговор с автором.

3. Дон Обердорфер. «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 89.

4. «Нью-Йорк Таймс», 24 сентября, 1984, с. A1, A14.

5. Андрей Громыко. «Memoirs». Нью-Йорк, «Doubleday», 1989, с. 307.

6. Алан Фирс. Разговор с автором.

7. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.

8. Гленн Кемпбелл. Разговор с автором.

9. Меморандум министерства финансов и министерства энергетики.

10. Записка Государственного департамента госсекретарю Шульцу (конфиденциально), 25 октября, 1984.

11. Телеграммы Государственного департамента.

12. Разговор с двумя сотрудниками разведки.

13. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.

14. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.

15. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

16. Американские государственные служащие. Разговор с автором.

17. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

18. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

Глава 15

Через шесть недель после убедительной победы на выборах Рональд Рейган принимал гостя, с которым сближала его личная дружба и духовное родство. В Вашингтон прибыла премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер, чтобы обсудить ряд проблем. События в Советском Союзе занимали одно из первых мест в этом обсуждении.

Они встретились с несколькими приближенными сотрудниками президента в его летней резиденции в Кэмп-Дэвиде среди зеленых холмов штата Мэриленд. Царила свободная атмосфера, президент и госпожа премьер-министр обращались друг к другу по имени. Тэтчер проинформировала Рейгана о переговорах, которые она провела 16 декабря с восходящей звездой советской номенклатуры Михаилом Горбачевым. «Этот человек производит впечатление», - сказала она Рейгану. В отличие от всех ранее известных ей советских руководителей, Горбачев выразил обеспокоенность, что американский Совет национальной безопасности считает застой советской экономики полезным для американских интересов. При этом он цитировал сообщения американской печати о тайных документах, которые стали известны широкой общественности. Он также выразил обеспокоенность программой СОИ и, по словам Тэтчер, сообщил, что «Москва любой ценой хотела бы прервать работу над этой программой». Рейган внимательно слушал, поскольку считался со мнением госпожи премьер-министра.

Вскоре разговор перешел на СОИ и планы администрации. Тэтчер впервые имела возможность выслушать непосредственный и искренний рассказ Рейгана о СОИ. В то же время она заметила, с какой страстью и заинтересованностью говорит президент об этой программе. Он объяснил, что Стратегическая оборонная инициатива в последнем варианте будет международной системой и что в конце концов даже Москва может иметь к ней доступ, потому что речь идет о благе для всего мира. Тэтчер не разделяла такой провидческий подход, но выразила поддержку американской программе. Затем задала несколько вопросов по программе исследований и влиянии, которое может оказать эта система на стратегическое ядерное равновесие.

Президент на минуту отступил от своей любимой темы и признался, что пока не очень известно, к чему приведет программа исследований и вообще удастся ли создать работающую систему. Однако стоит

попробовать. А кроме того, даже если никогда не удастся создать эту систему, все равно это является большим экономическим грузом для Советского Союза. «Президент утверждал, что должен существовать какой-то разумный предел самопожертвований, которых советское правительство может требовать от своего народа».

Визит госпожи Тэтчер способствовал определенному прогрессу в попытках заинтересовать главные европейские страны-союзники программой СОИ. Из всех руководителей стран-союзников Тэтчер лучше понимала философию Рейгана и вообще разделяла его представление о стратегических оборонных системах. Закоренелый англофил Каспар Уайнбергер, Роберт Макфарлейн, и Джордж Шульц считали, что поддержка со стороны Тэтчер могла бы повлиять на положительное отношение к программе за границей. Вместе с Макфарлейном премьер-министр определила четыре пункта, которые, по ее мнению, могли бы иметь основное значение в привлечении европейцев к сотрудничеству по программе СОИ. США должны убедить Европу, что:

1. Целью СОИ вовсе не является нарушение равновесия супердержав в пользу США.
2. Внедрение СОИ будет согласовано с условиями существующего договора.
3. Целью СОИ является усиление, а не ослабление отпугивающей силы.
4. Переговоры между сверхдержавами в деле сокращения систем наступательного вооружения будут продолжаться.

Взамен на согласие с вышеизложенными пунктами Тэтчер сделала заявление, «что абсолютно убеждена в необходимости проведения исследований по программе СОИ».

В значительной мере благодаря поддержке Маргарет Тэтчер СОИ перестала быть лишь мечтой президента, а превратилась в программу исследований, над которой работали коллективы ученых западного мира. В течение следующих нескольких лет Уайнбергер должен был приложить все усилия к тому, чтобы заключить договоры с ближайшими союзниками Америки в деле проведения исследований над новой системой.

В январе 1985 года администрация получила точную информацию разведки о советских планах резкой эскалации войны в Афганистане. Она исходила из источников ЦРУ в советском Генеральном штабе. Это

были очень подробные, точные и принципиальные данные. Функционеры ЦРУ перевели эти материалы и разместили по папкам. Уильям Кейси сразу же передал их Совету национальной безопасности и в Пентагон Уайнбергеру.

Материалы содержали десятки страниц сообщений, переведенных специалистами Управления, протоколы заседаний Генерального штаба и документы, касающиеся военных планов в Афганистане. Все они подтверждали возобновление усилий советского Генштаба на быструю победу в войне. Советское военное руководство планировало внезапную интенсификацию войны с помощью использования современных методов боевых действий и более сложной тактики. Для борьбы с моджахедами будут введены специально обученные советские подразделения спецназа, которые используют новейшие способы ведения войны и специальное снаряжение для ночных атак. Почти четвертая часть спецназа Советской Армии будет послана в Афганистан. В помощь спецназу и регулярной армии придается значительное количество агентов КГБ, передвижные центры связи «омские фургоны», которые будут перехватывать сообщения полевых средств коммуникации моджахедов. Регулярно проводимые, скоординированные воздушные атаки на цели повстанцев должны еще больше деморализовать их.

Будут использованы специальные виды оружия в виде замаскированных мин и взрывных устройств на базе жидкого газа. Возможно, самым значительным сигналом смены советской тактики было назначение нового командующего. Генерал Михаил Зайцев был одним из молодых талантливых командиров Советских Вооруженных Сил. В относительно молодом возрасте он получил престижный пост командующего Советской Армии в ГДР. Уже само его присутствие свидетельствовало о том, что новая стратегия должна быть реализована с особой энергией. Из документов следовало, что Генеральный штаб оказывает нажим на воюющие подразделения, требуя быстрой победы. Была поставлена цель: реальная военная победа за два года.

Значительный рост американской помощи позволил моджахедам иметь большее количество оружия и боеприпасов. Нужно было, однако, принципиально сменить стратегию и военные цели, чтобы сорвать или сдержать советскую атаку. Москва, вероятнее всего, решила, что если она пока не проигрывает, то это не означает, что она победила. Если

Вашингтон не примет меры, то вполне возможно поражение сопротивления.

Вскоре после получения этой информации от ЦРУ сотрудники Совета национальной безопасности и Пентагона взялись за дело. Секретная группа офицеров и военных специалистов начала анализ советской боевой тактики и разработку успешных контрдействий. Краткое содержание разведывательной информации высылалось по пятницам непосредственно президенту в виде регулярных бюллетеней разведки по Советскому Союзу. Кейси, Уайнбергер и Макфарлейн хотели действовать быстро. «Президент хотел действовать еще быстрее», - вспоминает Макфарлейн.

В конце января 1985 года была созвана встреча Рабочей группы по делам национальной безопасности. Темой номер один был Афганистан и последние советские планы эскалации войны. Президент, который обычно благосклонно прислушивался к дискуссиям своих советников, на этот раз начал заседание решительным предложением: «Делайте все возможное, чтобы помочь моджахедам не только выжить, но и победить». Роберту Макфарлейну было поручено подготовить новую стратегию США и изложить ее в секретной директиве, которую подпишет президент.

Вместе с сотрудниками Совета национальной безопасности Винсентом Каннистаро, Дональдом Фортъе и адмиралом Джоном Пойндекстером Макфарлейн отредактировал документ, который принципиально менял цели США в этой войне. Директива «NSDD-166», подписанная в марте 1985 года президентом Рейганом, впервые формулировала специфические цели афганской войны в контексте общей стратегии. Весь аппарат министерства иностранных дел должен был помогать этим действиям. «Мы все в Совете считали, что должны сменить подход к афганской войне, - вспоминает Макфарлейн. - Мы считали, что пребываем в застое. Если сможем справиться с новым вызовом Советов и увеличить нашу помощь, то можем победить».

Новая директива содержала несколько ключевых моментов. Во-первых, нужны более качественные поставки и распределение оружия моджахедам. Усилие было сделано на технологически новые виды оружия. Вместе с тем американская разведка получила задание собирать больше информации о советских военных намерениях. Особое внимание нужно уделить советским военным приказам, тактике и структуре армии.

Политические и военные планы высшего советского руководства должны подвергаться анализу и контролю.

Третий ключевой момент - увеличение политической цены войны на международной арене. С помощью таких организаций, как ООН, США будет оказывать максимальный нажим на то, чтобы вытеснить Советы. Нужно также дать понять, что улучшение отношений с США напрямую связано с советской оккупацией Афганистана.

Но более существенная цель «NSDD-166» содержалась в приложении, которое уточняло устремления администрации Рейгана. Когда правительство Картера в 1980 году стало «инициатором программы тайной помощи моджахедам, оно составило строго секретный документ, касающийся американских интересов в Афганистане. Цель - «угнетение» оккупационных сил. Победа тогда казалась не только далекой фантазией, но и печальной шуткой. Администрация опасалась также, что гнев Москвы выльется в слишком агрессивную интервенцию в Афганистане. Так возникла скромная программа тайной помощи с сомнительным финалом. Через пять лет администрация Рейгана опиралась на те же принципы. Новая директива меняла цель Соединенных Штатов - этой целью была победа, решительный разгром Советских Вооруженных Сил в Афганистане.

Учитывая это принципиальное изменение, «NSDD-166» оказалась поворотным пунктом в попытке изгнать Советский Союз из Афганистана. «До появления президента Рейгана не существовало скоординированной секретной программы, - вспоминал Винсент Каннистаро. - До 1985 года не было скоординированной реакции. «NSDD-166» - это поворотный пункт в войне. Трудно его переоценить. Если оценивать ситуацию на фронте до 1985 года, то мы имели дело с застоём. Мы могли единственное - провоцировать партизанскую войну. Им не хватало современного оружия, чтобы изгнать Советы. Все изменилось с появлением «NSDD-166». Новым политическим целям Вашингтона сопутствовало изменение положения на фронте в Афганистане. Афганистан - это один из двух вызовов геополитического характера, вставших перед Москвой в начале 1985 года. Война стоила Советам от 3 до 4 миллиардов долларов ежегодно, в основном из-за оружия и снаряжения, которое Запад доставлял моджахедам. «У нас всегда было впечатление, что с точки зрения Москвы это большие деньги, которые они отрывали от собственной экономики ради войны, - вспоминал Роджер Робинсон. - Отток твердой валюты в Афганистан и

еще куда бы то ни было, дополнял успех нашей стратегической торговой триады». Санкции Соединенных Штатов против Польши заставляли Москву поддерживать правительство Ярузельского срочными вливаниями от 1 до 2 миллиардов долларов ежегодно. На обоих этих плацдармах американская политика способствовала кризису.

Москва, однако, могла бы их как-то пережить, по крайней мере, так считалось. Можно было выдержать этот поединок. Предполагалось, что движения сопротивления в Польше и Афганистане в конце концов потерпят провал или уже не будут иметь значения. В начале 1985 года самое большое беспокойство вызывала СОИ. Многие западные ученые выражали скептицизм относительно возможности создать подобную программу, но Москва вела себя так, словно не сомневалась в успехе. Военно-промышленному комплексу были выделены значительные суммы в отчаянной попытке удержать равновесие сил в этой области.

Администрация Рейгана отдавала себе отчет в том, насколько эта программа беспокоила Кремль. Олег Гордиевский, офицер КГБ и двойной агент, работавший на английскую разведку, поставлял информацию о реакции Москвы. Его донесения ходили по рукам высших американских чиновников. По словам Горилевского, полковник А.Л.Сазин, военный атташе советского посольства в Лондоне, сообщил группе дипломатов и офицеров разведки, что военное начальство на 90 процентов верит в успех СОИ. Сазин не видел возможности догнать в этом американцев. \10

Рапорт КГБ от февраля 1985 года, который Гордиевский передал своим «опекунам», также свидетельствовал об обеспокоенности Советов созданием СОИ. Администрация Рейгана «старалась приобрести военное преимущество над Советским Союзом», предостерегал КГБ. СОИ «широко рекламировали как способ успешной защиты всей Америки в случае ядерной войны». Однако есть вероятность, что Соединенные Штаты надеются «втянуть СССР в дорогостоящую гонку вооружений в областях, в которых, по американским оценкам, СССР остался позади», рапорт, выражающий беспокойство системой СОИ, содержал разные возможные реакции КГБ, не исключая «ответных действий с советской стороны, направленных на сопротивление американским «звездным войнам» и поиск поддержки советской позиции на Женевской конференции».

В начале 1985 года тайная экономическая война против Кремля начинала приносить плоды. Ожидаемые кредиты, твердая валюта и

технология с Запада почти не поступали. Принципиально важное для получения твердой валюты строительство сибирского газопровода двигалось вперед, но размах его был уменьшен вдвое, а срок окончания отодвинут на два года. Хотя американские санкции были отменены, они успели вызвать принципиальные нарушения в сроках строительства. «Разведанные показывали, что санкции обошлись им как минимум в два года», - вспоминает Роджер Робинсон. \1 Ему вторит Олег Тиков, эксперт, тогда работавший в советском министерстве нефтяной промышленности: «Это не было обычным оправданием, когда вина за задержку строительства приписывалась американским санкциям. Это была правда. Царил хаос. Сначала у нас не было турбин, затем мы пробовали произвести собственные, потом снова смогли закупать турбины. Что за хаос, что за светопреставление! Это стоило нам двух лет и миллиарды долларов». \13

Администрации Рейгана удалось еще более затруднить процесс строительства благодаря программам дезинформации. «Уильям Кейси сказал мне и еще кое-кому в Совете национальной безопасности, чтобы мы не слишком переживали из-за газопровода даже после окончания его строительства, - вспоминал Роджер Робинсон. - У них масса проблем с авариями на газопроводе и турбинах, пожаров на контрольных устройствах и т.д. Было ли это причиной советской некомпетентности или просто неудачами? Есть основание сомневаться в этом».

Срыв сроков был страшным ударом для Кремля. Сибирский газопровод должен стать дойной коровой и помочь Москве в трудный экономический период. В 1980 году предполагалось, что газопровод, вероятно, принесет от 8 до 10 миллиардов долларов в твердой валюте ежегодно, уже начиная с 1985 года, и от 15 до 30 миллиардов долларов - в девяностые годы, когда найдутся получатели для второй очереди (в зависимости от цен на нефть). Но из-за непримиримой позиции администрации Рейгана второй очереди не будет, а в результате санкций Москва в самой трудной экономической ситуации должна ждать еще два года поступлений твердой валюты. Кроме того, она уже потеряла от 15 до 20 миллиардов из-за срыва первой очереди.

Вместе с тем резко уменьшились поступления западной технологии, благодаря которой советская экономика как-то еще существовала. Трудно подсчитать, сколько потеряла она из-за провала поступлений технологий, но некоторые сообщения говорили о том, что эти потери можно оценить в миллиарды ежегодно.

Официальный документ под названием «Влияние передачи технологии на безопасность Запада и США. Обзор министерства обороны», обычно называемый общей оценкой, был составлен в декабре 1984 года. Коллектив инженеров взялся проанализировать 79 технологий, на которые отказано в экспортных лицензиях в последний год, пробуя оценить, какую ценность имели бы эти технологии для советской промышленности. Предварительная оценка самих технологий составляла от 500 миллионов до миллиарда долларов ежегодно в течение 12 лет на дополнительные расходы на исследования, внедрение и рабочую силу. Правительство задерживало тысячи экспортных лицензий ежегодно, так что суммы эти были значительно выше. \1

«Мы упорно продолжали эту политику,- вспоминал Стеф Галпер.- Не подлежало сомнению, что они не могли получить необходимых им технологий. Им нужен был, например, какой-нибудь станок с Запада, а мы не разрешали сделку и фабрика месяцами простаивала. Мы чувствовали, что держим руку на пульсе.»

Нужно было довести до конца экономическую войну с Москвой еще в одной области. В 1985 году главной целью администрации стало снижение цен на нефть. Некоторые видели в этом лишь пользу для Америки. «Мы стремились к более низким ценам нефти на международном рынке прежде всего из соображений выгоды для американской экономики, - говорил Эдвин Миз, бывший советник Белого дома. - Тот факт, что это означало неприятности для Москвы, был очевиден, как глазурь на торте». Однако некоторые представляли, насколько серьезно это будет влиять на неопределенную экономическую ситуацию Москвы. Роджер Робинсон вспоминал: «Билл Кейси так же, как и мы, следил за ценами на нефть почти ежедневно. Это был главный источник поступлений валюты в СССР и основное средство финансирования военно-промышленного комплекса». Некоторые верили, что цены на нефть упадут сами по себе. Другие, как, например, Кейси и Уайнбергер, считали, что Саудовская Аравия, самый большой в мире производитель нефти, нуждается в поддержке Соединенных Штатов.

В этой ситуации, в начале 1985 года, официальному государственному визиту придавали особое значение. Король Фахд был одним из первых глав государств, нанесших визит Рейгану в начале его избрания на второй срок. Внезапное увеличение производства нефти не составляло для саудовцев проблемы. Себестоимость добычи в пустыне

довольно низкая, приблизительно 1,5 доллара за баррель. Саудовцы, таким образом, могли получить хорошую прибыль и при более низких ценах на мировом рынке.

Американская администрация между тем проводила скрытую кампанию снижения цен на нефть. Уайнбергер затронул эту тему в разговоре с саудовцами, а Кейси во время своего сентябрьского визита говорил об этом вполне определенно. Министр энергетики Джон Геррингтон публично ратовал за снижение цен, утверждая, что они были искусственно завышены с помощью политики ОПЕК и ничего не имеют общего с мировым рынком.

Снижение цен стимулировало бы экономику США. Снижение на 5 долларов за баррель увеличило бы американский национальный доход приблизительно на 1,4 процента, уменьшило бы инфляцию и увеличило реальные доходы. Более низкая цена на нефть также уменьшила бы и торговый дефицит США. «Это было бы полезно во всех смыслах, - вспоминал адмирал Джон Пойндекстер. - В наших интересах было добиться весьма низких цен: снижение цен на нефть мы считали очень важной целью». Цены на нефть составляли часть общей стратегии и были кодифицированы как политическая директива. Пойндекстер вспоминал: «Я удивился, если бы в «NSDD-75» или в последующей «NSDD», или в секретных донесениях не было хотя бы упоминания о нефти. Цель Соединенных Штатов - снижение мировых цен на нефть из-за того влияния, которое оно окажет на экономику свободного мира, но также исходя из того, какое действие оно оказывает на Советский Союз».

Визит короля Фахда состоял из серии тайных встреч. Когда король встречался с президентом, шейх Ямани, саудовский министр по делам нефти, проводил консультации с Шульцем, Макфарлейном и Геррингтоном. Ямани уже не один месяц выслушивал уговоры американцев снизить цены на нефть. На встрече в Вашингтоне то же самое повторилось. Секретные документы, подготовленные для Шульца 9 февраля 1985 года, анализировали проблему и позицию Соединенных Штатов. Она заключалась в том, что мировые цены на нефть слишком высоки и что США выиграли бы, если бы они снизились. Главная цель встречи сформулирована в документе следующим образом: «Обсудить ситуацию с мировыми ценами на нефть: защитить официальные цены и уровень добычи нефти, установленные ОПЕК и Саудовской Аравией, а также США от обвинений в манипулировании рынком нефти». В

документе отмечалось: «Министры ОПЕК, в том числе и Ямани, обвиняли США в организации заговора с целью доведения цен до запланированного ими уровня». Ямани ошибался лишь в одном. Соединенные Штаты не принимали никакого заранее продуманного предела цен. \21

Визит Фахда имел огромное политическое значение. За несколько дней до прибытия короля Роберт Макфарлейн встретился с шейхом Бандаром, чтобы заверить его, что Фахду окажут особые почести, которых он заслуживает. Король будет беседовать с президентом с глазу на глаз, эта встреча может длиться столько, сколько король пожелает, кроме того, будет несколько частных встреч с американскими представителями высшей власти.

12 февраля лимузин с королем Фахдом прибыл к Белому дому. Фахда, окруженного личной свитой в традиционных одеждах, провели в частные апартаменты на встречу с президентом. Рейган сердечно приветствовал его. При этом не было советников, записи также не делались.

У короля Фахда, так же как и у президента, было несколько серьезных проблем. Оба руководителя относились с большим уважением друг к другу. Президент знал, что Фахд по-прежнему союзник Соединенных Штатов в своем все более беспокойном регионе. Он также выделял ежегодно десятки миллионов долларов для моджахедов Афганистана и партизан-контрас в Никарагуа, и таким образом содействовал в двух наиболее близких сердцу Рейгана программах внешней политики. Для Фахда же Рейган был человеком, не раз отстаивавшим саудовские интересы.

Два руководителя обсудили региональные проблемы, особенно растущую угрозу со стороны Ирана. В какой-то момент, глядя королю в глаза, президент заверил его, что сделает все, чтобы сохранить неприкосновенность Саудовской Аравии. Рейган знал толк в идущих от сердца дипломатических жестах. Фахд остался доволен.

Они дискутировали также о международных экономических проблемах, вызванных прочным положением доллара и бюджетным дефицитом США. Затем Рейган затронул вопрос о мировых ценах на нефть. «Экономика Соединенных Штатов, главного покровителя Саудовской Аравии, очень выиграет от низких цен, - сказал Рейган. - Сильная Америка - в интересах Саудовской Аравии. Главные недруги саудовцев - Ливия, Иран и Советский Союз только выигрывают от

высоких цен. США рассчитывают на сотрудничество со стороны королевской семьи». Он более выразительно повторил некоторые темы, затронутые ранее Уайнбергером и Кейси на предыдущих встречах с саудовскими чиновниками. Он не говорил ни о каком обмене услугами и даже не предложил какой-то конкретной услуги. Просто держался как супруг, стремящийся изменить привычки жены деликатным перечислением преимуществ супружеского союза. Однако часть информации, полученной Фахдом, была недвусмысленна: президент, продемонстрировавший уже свою поддержку Саудовской Аравии, хочет снижения цен на нефть для блага обеих стран и назло совместным врагам.

Два дня спустя после встречи с президентом и многих бесед с высшими чиновниками администрации, король Фахд дал прием на 600 персон для ближайших друзей и соратников в отеле «J.W.Marriott» в центре Вашингтона. Фахд пригласил директоров предприятий, сотрудников администрации и других лиц, которые подписали серьезные контракты с Эр-Риядом. Банкет прошел не так гладко, кто-то перепутал план размещения гостей, и все должны были искать свои места за столиками. Однако еда была отменной, а атмосфера - дружеской. Фахд потратил на этот прием около 300.000 долларов. Сотрудники администрации охотно приняли участие в торжестве, приветствуя сердечные отношения между двумя странами.

1. Разговор с сотрудником разведки США. См. также в книге Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «Instructions from the Centre». Лондон, «Hodder and Stoughton», 1991, с. 107.
2. Там же, с.112-113.
3. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
4. Олег Тиков. Разговор с автором.
5. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
6. «U.S.Tallies Cost to Soviets of Technology Transfer Bules», «Aviation Week and Space Technology», 10 декабря, 1984, с. 67.
7. Стеф Галпер. Разговор с автором.
8. Эдвин Миз. Разговор с автором.
9. Роджер Робинсон. Разговор с автором.
10. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
11. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
12. Внутренняя записка Госдепартамента.
13. Американский государственный служащий. Разговор с автором.

14. Маргарет Тэтчер.»The Downing Street Years». Нью-Йорк, «Harper Collins», 1993, с.467.

15. Там же, с.468.

16. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.

17. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

18. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

19. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.

20. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.

21. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.

22. Роджер Робинсон. Разговор с автором

Глава 16

В 1985 году Польша, находившаяся в сердце советской империи, стала местом битвы между двумя сверхдержавами. Москва поддерживала правительство Ярузельского, оказывая ему экономическую помощь, в то же время охватывая щупальцами советской государственной, разведывательной и военной власти. А Вашингтон продолжал тайную акцию финансовой и материальной помощи подполью, пересылая «Солидарности» также необходимую и существенную информацию разведки.

Объявленная 22 июля 1984 года амнистия подействовала на подполье неоднозначно. Было освобождено несколько сот участников, но преследования продолжались и даже усилились. Правительство старалось лишить оппозицию поддержки. Если граждане немедленно прекращают антиправительственную деятельность, то сразу же перестают преследоваться. Неподчинившиеся этому - будут арестованы. До 1 января 1985 года около 350 деятелей приняли предложения правительства. Но руководство «Солидарности» было непоколебимо. Согласно обещанию Леха Валенсы, которое он дал в новогоднем обращении, подполье будет «продолжать борьбу до окончательной победы».

Неудачный гамбит с амнистией заставил власти удвоить усилия, чтобы задавить оппозицию силой. Полиция устраивала облавы в поисках подпольных типографий и организованных собраний. 13 февраля 20 полицейских в штатском ворвались в квартиру на гданьской Заспе, где Лех Валенса проводил встречу с несколькими руководителями подполья. Старательный обыск принес результаты. Среди арестованных было пять региональных руководителей «Солидарности»: Богдан Лис из Гданьска, Владислав Фрасынюк из Вроцлава, Станислав Хандзлик из Кракова, Януш Палубиский из Познани и Адам Михник из Варшавы. Встреча продолжалась уже около двух часов, обсуждалась стратегия и возможность организации очередной большой забастовки. Два дня спустя после ареста было продлено задержание Михника, Лиса и Фрасынюка. В ноябре 1985-го под арестом находилось около 340 деятелей подполья. В начале 1985 года службы безопасности усилили борьбу с подпольем. Руководители советской и польской разведок усиленно работали над тем, как разоблачить и отрезать поступление

средств и материалов для подполья с Запада. КГБ поглядывал на ЦРУ, но также и на Ватикан. Это беспокойство явно отражено в строго секретной записке в начале 1985 года, подготовленной председателем КГБ Чебриковым для министра внутренних дел Польши. Чебриков поручал предпринять максимальные усилия с целью «демаскировать материальную помощь империалистических кругов Запада». Шеф КГБ ругал поляков за то, что они являются «самым слабым звеном» в советском блоке и допускают подрывную деятельность. Он призывал польскую службу безопасности проникнуть в подполье и подкупать деятелей, чтобы получать от них информацию. Он также увеличил участие КГБ в разоблачении «провокаторов», угрожающих Польше и «финансирующих подрывную деятельность».

КГБ считал, что нужно усилить наблюдение за Ватиканом. Работники советской разведки обвиняли Папский престол в подрывной деятельности в Восточной Европе. В одном из рапортов сообщалось: «Антикоммунистическое направление в деятельности Ватикана особенно обозначилось после вступления на папский трон Иоанна Павла II, враждебность которого по отношению к странам социалистического сообщества вытекает из личных антикоммунистических и антисоветских убеждений. Это является также результатом влияния, которое оказывают на него наиболее консервативные представители католического духовенства и реакционные политики Запада, особенно Соединенных Штатов». КГБ обвинял Ватикан в стремлении расширить влияние на Восточную Европу. «Главная заинтересованность Ватикана концентрируется прежде всего на самых «многообещающих» странах Восточной Европы: Польше, Венгрии и Югославии». Взвесив политические предпочтения костела и его деятельности в Польше, КГБ поставил первоочередной задачей «выявить и демаскировать сотрудничество между представителями Ватикана и организациями католического костела, с одной стороны, и ЦРУ - с другой».

Сотрудники администрации Рейгана, посвященные в программу помощи «Солидарности», всегда беспокоились о том, что если откроет ее Москва - могут быть неприятные последствия. В Белом доме появилось беспокойство, потому что уже возникли кое-какие осложнения. Так, например, в конце февраля 1985 года, когда польский эмигрант Яцек Кнапик возвращался с Запада домой, таможенные службы обыскали его багаж. Кнапик был деятелем «Солидарности», у него нашлись предметы, которые, по мнению полиции, «подтверждали

связь «Солидарности» с границей, со службами западной разведки». Полиция обратила внимание на письмо от начальника бюро «Солидарности» в Брюсселе Ежи Милевского Богдану Лису, руководителю подпольной «Солидарности» в Гданьске. Это письмо якобы демаскировало контакты между деятелями «Солидарности» и сотрудниками Госдепартамента США по Восточной Европе. Кнапик не признавал обвинения в ведении какой-либо подрывной деятельности и счел весь инцидент попыткой «пришить» ему дело. Его арест, правда, последствий не имел.

Однако этот инцидент показал, что власти могут легко перехватить курьера бюро «Солидарности» на Западе. Руководство AFL-CIO и Управление регулярно пользовались курьерами для передачи «Солидарности» информации и денег. Обычно это удавалось благодаря хорошему отношению таможенников. Курьеры были важнейшим звеном, но с начала 1985 года все чаще использовались радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» для передачи подполью данных разведки.

Польское министерство внутренних дел рассматривало американских дипломатов как звенья в этой цепи, поэтому персонал посольства США в Варшаве и консульский отдел в Кракове были под пристальным наблюдением. «Они были убеждены, что все это проводит посольство, - вспоминал один из сотрудников разведки. - Следили за всеми и контролировали все посылки, приходящие и выходящие из посольства, не исключая мусора. Они были по-настоящему расстроены». В феврале американский военный атташе был выдворен из Варшавы по обвинению в шпионаже. В начале мая двух дипломатов, работающих в Кракове, сочли персонами нон грата якобы из-за их участия в антиправительственной деятельности. Министерство внутренних дел в отчаянных попытках пресечь поступающую с Запада помощь приостановило дипломатическую авиапочту в посольство США. Американский военный самолет на протяжении многих лет периодически прилетал в Варшаву, обычно доставляя почту и продукты. Польские власти решили, очевидно, что кроме снабжения посольства он привозил что-то еще. Это свидетельствовало прежде всего о раздражении властей, старающихся таким образом запугать американцев.

В начале 1985 года поступления валюты для «Солидарности» достигли 8 миллионов долларов. Это поддерживало подполье. Ранней

весной большинство руководителей снова оказались в тюрьме, но деятельность движения продолжалась. 1 мая, когда власти праздновали официальный День международной солидарности трудящихся, более 15.000 человек в Варшаве и

2.000 в Гданьске вышли на улицы, чтобы продемонстрировать поддержку

«Солидарности». Это была самая крупная манифестация со времени объявления

военного положения в 1981 году.

Выпускалась и подпольная литература. Именно в подполье издавалось тысячи журналов, книжек и монографий. Одна из публикаций называлась «Малый конспиратор». Автором ее был красноречивый и остроумный архитектор Чеслав Белецкий, с боевитым, наступательным характером в отношении властей. Он учил, как нужно соблюдать конспирацию даже в мелочах и не давать себя поймать. Писавший под псевдонимом Матей Полеский, высокий, статный Белецкий основал подпольное издательство «CDN» («Ciąg dalszy nastąpi») - сокращение слов «продолжение следует». Издательство печатало листовки и монографии и даже газету «Солидарности» для армии. На деньги американского правительства были закуплены машины и бумага, что позволило запустить издательство и содержать его, но Белецкий об этом не знал. Тайная помощь поддерживала тысячи подобных предприятий в Польше.

В марте 1985 года Каспар Уайнбергер находился в Люксембурге, где встречался с министрами обороны стран НАТО. Блок этот был в неплохом состоянии, пережив бурю, связанную с внедрением ракет «Першинг-2» и «Круз», а также после битвы за газопровод в 1982 году. Уайнбергер с начала своего назначения много работал над тем, чтобы склонить европейцев принять американскую систему вооружения и стратегию. Теперь его ожидала самая тяжелая задача - склонить европейских коллег поддержать СОИ и принять участие в исследованиях по этой программе. Поддержка Маргарет Тэтчер помогла настолько, что до открытого спора со странами по ту сторону Атлантики не дошло.

Во время совещания Уайнбергер страстно ратовал за возможные выгоды американской стратегической инициативы, доказывая, что СОИ не лишит Европу американского ядерного зонтика, наоборот, СОИ усилит отпугивающий фактор и послужит созданию равновесия между сверхдержавами. Но самый сильный аргумент заключался в возможной

экономии. Администрация Рейгана хотела заключить договоры на исследования и внедрение, которые могли бы оказаться очень прибыльными для многих европейских промышленников и ученых. Кроме того, исследовательские работы над системой могли привести к многочисленным научным и технологическим открытиям. Действительно ли Европа хочет потерять столько технической и экономической пользы? Усилия Уайнбергера в Люксембурге очень помогли секретным двусторонним переговорам представителей администрации с отдельными союзниками. В итоге было подписано много договоров о сотрудничестве для создания СОИ. Англия (декабрь 1985), Германия (март 1986), Израиль (март 1986), Италия (сентябрь

1986) и Япония (июль 1987) направили свой научный и технический потенциал на исследования по этой программе. СОИ становилась международной программой исследований, что Москва никак не могла наверстать.

Когда Уайнбергер в Люксембурге нажимал на союзников, сообщения разведки из Москвы подтверждали то, что над Кремлем нависла туча беспокойства. Уже несколько месяцев аналитики разведки и сотрудники Совета национальной безопасности следили за состоянием здоровья Константина Черненко, истощенного, беспомощного Генерального секретаря, которого преследовали различные болезни. В середине января в Москве должна была пройти встреча стран Варшавского Договора. Готовилось важное напряженное совещание, во время которого Москва призовет страны-сателлиты Восточной Европы определить и уничтожить внутренних врагов. Но встречу в последний момент отменили из-за плохого состояния здоровья Черненко. Некоторые сотрудники американской разведки бились об заклад на дату его смерти.

В один из дней сотрудники ЦРУ проинформировали Кейси, что Черненко умер, а Кремль медлит с публикацией сообщения до момента выбора нового руководителя. Это известие было послано сразу же со спекурью советнику по делам национальной безопасности Роберту Макфарлейну и Каспару Уайнбергера в Пентагон. Через три дня в шесть утра радио передало официальное известие о смерти Черненко, всему миру был представлен и его преемник. Новым Генеральным секретарем стал пятидесятирехлетний Михаил Горбачев. Сообщения о смерти Черненко и почти одновременно об избрании Горбачева свидетельствовали о правильности прогнозов аналитиков Управления. Горбачеву досталась в наследство империя в состоянии глубокого

кризиса. Двумя очень болезненными точками были Польша и Афганистан. Система поступлений твердой валюты, поддерживавшая хромающую экономику, из-за массированных действий США была расшатана. Горбачев получил экономику, неспособную сравниться с американской технологией, развитие которой заставит СССР понести еще большие потери на военные расходы. Пока Горбачев принимал на себя руководство, сотрудники администрации США старались использовать свои преимущества.

Поздней весной Кейси отправился в путешествие, чтобы проверить ход многих проводимых операций. Он начал с Европы, с операции «Солидарность», и поиска новых возможностей в Восточной Европе, Потом направился в Пакистан проконтролировать тайный канал помощи моджахедам в Афганистане. Новая стратегия США и более крупные поставки означали смену ритма и характера войны. Кейси сейчас хотел оценить успехи на фронте и попытки перенесения военных действий на территорию СССР. Последней остановкой в этом путешествии должна стать Саудовская Аравия, где нужно было утрясти много дел, включая и цены на нефть.

Во Франкфурте Кейси встретился со многими сотрудниками Управления, работавшими там. Он также пообедал с сотрудником кабинета премьер-министра Швеции, которому передал благодарность от имени администрации за помощь в передаче материалов для «Солидарности». Вопреки опасениям оказалось, что шведы очень удачно маскируют высылаемые в Польшу грузы. Польские власти старались проверять все каналы из Западной Европы, однако им не удалось демаскировать этого пути. В награду за сотрудничество Кейси обещал поставки большего количества данных морской разведки, особенно касающихся действий советских подводных лодок. Перед окончанием встречи он попросил шведов увеличить медицинскую помощь афганским беженцам в Пакистане.

Во время пребывания во Франкфурте Кейси получил также интересные сообщения о Чехословакии. Сотрудники западных разведок установили множество подпольных антиправительственных организаций, которым могла быть полезной и американская помощь. Президент всегда стремился, чтобы помощь Соединенных Штатов достигала подпольных организаций во многих странах советского блока. В директиве «NSDD-32» он особо подчеркивал возможность поддержки таких организаций со стороны Соединенных Штатов. Найти такие

организации не составляло труда, другое дело - как найти способ им помочь. Кейси приказал выслать рапорты в Белый дом и поручил сотрудникам дальше проработать эту проблему.

Самолет Кейси вылетел из Франкфурта утром следующего дня и направился в долгий путь к Исламабаду. За время перелета Кейси прочитал целую тонну рапортов из Афганистана. Администрацию очень беспокоила ситуация, возникшая там. Советские военные действия становились все более интенсивными. Принимались отчаянные усилия отрезать моджахедов от помощи из Пакистана. Прибывали новые советские подразделения, их общая численность составляла уже 120.000 человек, из них более 30.000 располагалось непосредственно возле границы. Эти отряды перебрасывались через границу для атаки на позиции моджахедов в провинциях. Кроме того, проводились ночные акции, во время которых войска спецназа заставляли врасплох моджахедов, неспособных воевать в ночных условиях из-за отсутствия снаряжения и приборов ночного видения. Применялись сейсмические мины и другие взрывные устройства. Потери моджахедов возросли почти вдвое по сравнению с прошедшими годами.

Но некоторые сотрудники администрации среди сплошного пессимизма улавливали и искорки надежды. Рапорты из Советского Союза сообщали, что война становится все менее популярной в стране. Исследования, проведенные среди советских граждан за границей, свидетельствовали о том, что более 25 процентов анкетированных против войны. Это был удивительно высокий процент, учитывая, что тогда лишь политическая элита могла свободно путешествовать. Ни во что не верящие граждане Советского Союза подозревали, что фактические потери значительно больше западных подсчетов. Роберт Макфарлейн придерживался взгляда, что даже небольшое увеличение расходов и потерь может дестабилизировать политическое положение Советов.

Когда Кейси прибыл в Исламабад, в городе царил большая, чем когда-либо напряженность. «Советы увеличили число операций вдоль пакистанской границы, стараясь одним ударом отрезать пути поставок для моджахедов и запугать правительство Зия-уль-Хака. Бомбардировка приграничного города Пешавара, являющегося базой моджахедов, стала обыденной.

Пакистанская разведка имела доказательства руководимого Советами саботажа на базах снабжения моджахедов. Пакистанская прогрессивная

партия, Движение возрождения демократии, студенческая организация «Балух» и Пакистанская народная партия получали от Советов деньги на организацию диссидентского движения. Террористическая организация «Аль-Зуль-фикар» с базой в Афганистане высылала боевиков в Пакистан с целью запугать мирных жителей. Афганская разведка и КГБ связались с двумя приграничными племенами афридов и щинваров, предложив им оружие. Непокорные и подкупленные племена были враждебно настроены к любой центральной власти. Все чаще случались нарушения Советами воздушного пространства.

Президент Зия-уль-Хака и Кейси начали беседу, как обычно, но теперь ситуация для Зия-уль-Хака усложнилась. Росла внутренняя политическая оппозиция, оппоненты в армии высказывались все громче. Участие Зия-уль-Хака в афганской акции имело большое значение, нужно было любой ценой сохранить его у власти. Большинство оппозиционных группировок сопротивлялось сотрудничеству с США.

ЦРУ делало все, чтобы удержать Зия-уль-Хака у власти. Он получал много разведывательных материалов, в том числе очень ценные спутниковые снимки и тексты подслушанных вражеских разговоров. ЦРУ помогало также в организации и наблюдении за личной охраной президента Пакистана. Чтобы вознаградить Зия-уль-Хака за участие в афганской операции, в Вашингтоне готовили новую программу военной и экономической помощи Пакистану. Ее стоимость превышала стоимость предыдущей программы примерно на миллиард долларов. Многие сотрудники администрации также старались выполнить просьбы Зия-уль-Хака, например о поставке ракет «Стингер». Существовала опасность, что советские угрозы и действия утомят Зия-уль-Хака и он может поддаться искушению заключить договор с СССР.

Это было особенно заметно в 1985 году, когда война должна была вступить в новую, более опасную фазу. Сотни моджахедов проходили в ISI обучение ведению специальных операций на территории Советского Союза. Москва могла разгадать этот план в любой момент. И тогда температура напряжения поднялась бы до критического уровня.

Из кабинета генерала Зия-уль-Хака Кейси пуленепробиваемой машиной ЦРУ с эскортом вооруженных агентов поехал на военный объект за городом. Его там ждали генерал Ахтар и бригадный генерал Юсеф, желая поговорить об изменении американской политики по отношению к Афганистану. Тайная помощь увеличилась почти в два раза. Это решит многие проблемы движения сопротивления, но также

будет означать поступление и более сложных видов оружия: современных приборов ночного видения, специальных взрывных устройств и управляемых ракет. Возможно, самым важным вкладом в войну будет более широкое предоставление моджахедам материалов американской разведки.

Соединенные Штаты располагали наиболее современным разведывательным оборудованием. Новая стратегия администрации, выраженная в «NSDD-166», предусматривала предоставление значительной части этого оборудования для победы в Афганистане. Это был очень ценный источник, использовавшийся до сих пор недостаточно. Спутник-шпион KH-11 был скорректирован на орбите, чтобы собрать больше информации об Афганистане. Сведения, поступающие со спутника, будут пересылаться каждую неделю пакистанской ISI с текущей информацией о маневрах и операциях Советов. Это поможет моджахедам определить цели и план действий. Впервые станут возможными сложные операции требующие точности и координации. К середине лета узкий ручеек спутниковых снимков превратился в реку.

Не только спутник сменил орбиту, но и всемирная сеть электронной разведки была сориентирована на сбор информации об афганской войне. Управление национальной безопасности (NSA) переместило свои подслушивающие электронные устройства, впервые сконцентрировав их в Афганистане и советской Средней Азии. Летом 1985 года специалисты из NSA прибыли в Исламабад, чтобы рассортировать информацию и передать самые важные данные Юсефу. Сеть разведки была такой плотной, что от внимания американцев ускользали лишь очень немногие аспекты советских военных усилий. Специалисты Управления национальной безопасности, например, прослушивали переговоры с самолетов на всех авиабазах Советского Союза. У каждого летчика был свой «почерк», позволявший его идентифицировать с помощью акцента, звучания голоса или манеры говорить. Этот «почерк» помещался в компьютер, так что если он обнаруживался впоследствии в Афганистане, Управление безопасности знало, какие подразделения и части туда перемещены и какую силу они представляют.

Совет национальной безопасности стремился задействовать в войне также американский интеллект. В середине 1985 года сотрудники Пентагона и ЦРУ анализировали снимки и передавали пакистанской армии и разведке оценку советских военных приказов и тактики. В

результате движение сопротивления хорошо знало Советскую Армию и ее руководителей и без труда могло предвидеть ее очередные решения.

Согласно новой стратегии Совета национальной безопасности, ЦРУ должно было доставить ISI и моджахедам новые средства радиосвязи - практически невозможные для радиоперехвата. Связь во время военных действий (или точнее ее отсутствие) была хронической проблемой. Порой передача информации командирам длилась недели, а то и месяцы. Отряды моджахедов, находящиеся друг от друга на расстоянии лишь нескольких миль, не могли связаться между собой. Новое оборудование в значительной мере повлияло на координацию действий движения сопротивления.

Генерал Ахтар и бригадный генерал Юсеф проинформировали Кейси о планируемой смене целей и методов ведения операций, которая должна была значительно увеличить потери Москвы в этой войне. План предусматривал массированные атаки на советские объекты добычи газа и нефти в Афганистане. Моджахеды не были сторонниками саботажа. Взрыв трубопровода отнюдь не приносил славу. Эти действия были ужасны для людей, объявивших священную войну и считавших смерть за правое дело высшей честью. Однако Юсеф постарался увеличить число таких разрушительных атак. Особенно привлекательным объектом был газопровод, идущий из Шибаргана до советской границы. Газопровод, проложенный на глубине трех футов под землей и проходящий под Аму-Дарьей, был очень важной экономической целью, потому как обеспечивал топливом промышленность советской Средней Азии. Моджахеды взорвали газопровод в нескольких местах. Они также произвели ракетные удары по многочисленным объектам с природным газом, что вызвало два больших многодневных пожара. «Все промышленные объекты, пользовавшиеся газом, простаивали около двух недель», - рапортовал Юсеф.

После обсуждения тактики Ахтар, Юсеф и Кейси занялись снаряжением. Снайперские винтовки уже доставлены, а новейшая артиллерия была на подходе. Однако оставалась еще одна нерешенная проблема. Моджахеды ничего не могли поделать с советской авиацией. Поставленные ранее ракеты «земля-воздух» оказались бесполезными. SAM-7 не годился, а английские «Blowpipe» и китайские «Красные стрелы» были немногим лучше. Все испытанные до сих пор виды оружия не годились для ведения партизанской войны. Более 90 процентов самолетов, потерянных Советами, было уничтожено на земле.

Невозможность отбить воздушные атаки ставила новую стратегию под вопрос. Здесь могло бы помочь «чудесное оружие», как называл его Ахтар. Исламабад должен был получить первые «Стингеры» в июле. А если дать несколько из них моджахедам? Кейси понимал важность этого и уже несколько месяцев добивался согласия администрации. Ударить по советской авиации было следующей логической ступенью на лестнице эскалации войны. «Когда мы станем сбивать самолеты стоимостью 20 миллионов долларов, Кремль озверевает», - сообщил Кейси своим сотрудникам. Но согласия Государственного департамента и частично также министерства обороны на это не было, из опасения, что ракеты могут попасть в руки неприятеля.

Кейси заверил Ахтара, что многие из администрации, не исключая и самого президента, готовы серьезно обсудить эту проблему. Он обещал поднять вопрос в непосредственном разговоре с президентом и советником по делам национальной безопасности Макфарлейном.

Следующий элемент стратегии Рейгана обсуждался после прилета Кейси в Саудовскую Аравию. Королевство находилось сейчас в совершенно иной ситуации, чем во время его визита в 1981 году. Ежедневная добыча нефти упала с 10 миллионов баррелей до 2 миллионов. Доходы от экспорта нефти были на 70 миллиардов ниже, чем три года назад, в руководящих структурах в Эр-Рияде работало лишь 60 процентов служащих.

В середине мая вдруг обнаружилась непосредственная угроза режиму, когда мусульманские экстремисты взорвали в Эр-Рияде несколько бомб. Эти взрывы должны были означать исламский джихад, который вела группа, поддерживающая иранскую революцию и стремящаяся к свержению саудовской королевской семьи. Тайное лицо информировало по телефону одно пресс-агентство: «Наши ячейки, действующие в Саудовской Аравии, приступили к выполнению операций с целью свержения реакционной саудовской династии». Далее сообщалось, что саудовская династия «силой и коварством захватила святейшую землю ислама, поэтому мы будем вместе с другими мусульманами, верящими в новую силу, составлять планы свержения деспотов». Покушения подтвердили худшие опасения королевской семьи.

Кейси и король долго разговаривали о новой поддержке США Афганистана и боевых действиях контра в Никарагуа, Обсудили также ирано-иракскую войну и перспективы соглашений в ней. Саддам

Хусейн, казалось, также был заинтересован мирным договором с Хомейни хотя бы потому, что на фронте дела шли не очень хорошо. Но мир мало интересовал Иран. Складывалось впечатление, что его устроит лишь полная победа и уничтожение Хусейна. Воинственность иранских радикалов, похоже, не угасала, они продолжали свою деятельность по свержению консервативных монархических режимов в Персидском заливе. Кейси сообщил королю, что президента очень беспокоит участие Советов в делах этого региона, особенно в Южном Йемене и Сирии. В связи с недавними террористическими актами в Эр-Рияде, он предложил помощь технических служб ЦРУ в обеспечении безопасности королевской семьи. Фахд с благодарностью принял это предложение.

В конце беседы Кейси еще раз напомнил, что, по мнению американской администрации, постоянные и более низкие цены на нефть были бы исключительно полезны. Он даже предложил Фахду информацию, которая могла оказаться исключительно полезной для саудовцев, а именно о том, что министерство финансов намерено в течение последующих двенадцати месяцев провести медленную девальвацию доллара. Это было частью кампании, направленной на увеличение американского экспорта путем удешевления товаров, продаваемых в других валютах. Сообщение имело большое значение для Фахда, поскольку большинство саудовских заграничных активов было помещено в другие валюты, а не в доллары. Когда доллар упадет, ценность этих активов внезапно возрастет. Эта информация очень поможет поправить трудное финансовое положение королевства. Согласно саудовским традициям, Фахд демонстративно не касался темы нефти и уровня ее добычи напрямую. Однако теперь не было сомнения, что саудовцы имеют по отношению к Соединенным Штатам определенные обязательства как из-за обеспечения их безопасности, так из-за экономической помощи.

29 июля Кейси встретился в Нью-Йорке с представителями американского бизнеса. Все собравшиеся имели разные дела с Советским Союзом. Среди присутствующих были: Дуайн Андреас из «Archer-Daniels-Midland», Эдгар Бронфман из «Seagram», Мартин Дэвис из «Gulf & Western», Дональд Кендалл из «PepsiCo», Лоуренс Рокфеллер, Ревлейг Уорнер из «Mobil Oil» и Джордж Чемпион из банка «Chase Manhattan». Место встречи - закрытый Линк-клуб под номером 36 по Восточной шестьдесят второй улице.

Это была неформальная встреча, одна из тех, которые администрация Рейгана порой проводила с бизнесменами. Тема обсуждения - степень здоровья СССР. Прогнозы Кейси относительно политической ситуации в коммунистической сверхдержаве могли иметь огромное влияние на торговлю Восток-Запад, либо поколебать, либо укрепить уверенность американского бизнеса. Андреас приветствовал Кейси в холле и они вместе направились в столовую на третьем этаже со столами, расставленными в форме буквы U. Андреас и Кейси называли друг друга по имени, председатель «ADM» был прекрасным источником информации о Советском Союзе. Некоторых бизнесменов Кейси знал уже много лет, еще до того, как стал директором ЦРУ. Все они в большей или меньшей мере делились с Национальным отделом сбора своими взглядами на Советский Союз.

Многие директора позволяли ЦРУ использовать свои фирмы в качестве ширмы, как на территории США, так и за границей. После обеда Андреас встал во главе стола и с энтузиазмом представил присутствующим почетного гостя, сидевшего возле него. Он подчеркнул значение службы Кейси в разведке во время Второй мировой войны и его работу в нью-йоркских финансовых кругах. Вспомнил о его деятельности в комиссии ценных бумаг и бирж, а также в Государственном департаменте, где он был управляющим делами. «Теперь он известен нам как директор ЦРУ. Я представляю господам Уильяма Кейси». Под горячие аплодисменты Кейси подошел к кафедре. Для директоров даже самых крупных корпораций частное выступление директора ЦРУ имело волнующий привкус интриги. Кейси начал с собственной оценки нового советского Генерального секретаря. Он обращался к людям бизнеса, поэтому большое внимание посвятил экономической и политической программе Горбачева. Новый Генеральный секретарь решил оздоровить разваливающуюся советскую экономику. Он будет принимать какие-то радикальные решения, которые наверняка не принесут успеха. Против него выступает партийный аппарат и армия, трезво заметил Кейси. Советская экономика погружена в хаос, переживает резкий кризис снабжения и структурные проблемы. Будут предприниматься попытки создания благоприятных условий для западных предприятий, но это лишь видимость. Кейси напомнил своим собеседникам, что в феврале Москва вынуждена была временно отсрочить платежи своим зарубежным поставщикам из-за нехватки валюты. Фирмы, ведущие дела с Советами,

должны быть осторожны. С экономической точки зрения это было весьма пессимистическое заявление.

В политической оценке Кейси выразил больше оптимизма. Советская экспансия будет сворачиваться, поскольку неустанное разрастание империи слишком дорого стоит, а Москве не хватает денег. Империя стала финансовым бременем и не приносила экономической пользы Горбачев вынужден будет уменьшить расходы на армию, чтобы предотвратить экономический кризис.

В заключение Кейси высказал просьбу, которой обычно заканчивал встречи с представителями бизнеса: «Жду от вас информации о том, что происходит в Советском Союзе. Измерьте пульс советской экономики и сообщите нам число «ударов ее сердца».

После выступления поступило несколько вопросов, после чего присутствовавшие аплодировали Кейси. Выходя, он похлопал кое-кого по плечу и пожал несколько рук.

Летом 1985 года в Вашингтоне говорили преимущественно о новом советском Генеральном секретаре. Михаил Горбачев был загадкой. На целое поколение моложе Черненко, он в молодости много путешествовал по западным странам. У него был более западный образ жизни, чем у его предшественников, и он не скрывал собственного мнения о «правлении» во времена застоя.

25 июня 1985 года в старом здании президентской администрации прошло собрание Совета национальной безопасности. Участники рассуждали, какие изменения в Советском Союзе принесет эра Горбачева. Да и принесет ли. Кто-то процитировал изречение Андрея Громыко, что у Горбачева приятная улыбка, «но железные зубы», замечая при этом, что не стоит ожидать никаких грандиозных перемен при протее жесткого шефа КГБ, Генерального секретаря Юрия Андропова. Кто-то подчеркнул, что Горбачев способен на чувства. Он начинал работать в сельском хозяйстве, являвшемся политическим кладбищем советской жизни, но однако ему все же удалось стать Генеральным секретарем. Президент Рейган даже выступил с утверждением, что «Горбачев является новым типом советского руководителя. Он первый, кто весит больше, чем его жена».

Когда разговор перешел на внутренние дела, Рейган, как обычно, уселся поудобнее и стал прислушиваться к дискуссиям. С тех пор как он стал президентом, его взгляды на Советский Союз изменились лишь незначительно. Он знал цену общения и дипломатии и допускал, что

стереотип «советская паранойя» содержит какую-то правду. В связи с этим приказал резко уменьшить число пробных авиаполетов над советскими границами. Вскоре президент включился в разговор: «Является господин Горбачев новым типом советского руководителя или нет - покажет время. А это произойдет не ранее чем через десять лет. Но я хотел бы и дальше давить на Советы, и не намерен отказываться ни от одной из наших операций».

Джорджу Шульгу следовало прилагать усилия, направленные на дипломатический диалог, возможно, на уровне глав сверхдержав, что Горбачеву впервые предложил вице-президент Буш на похоронах Черненко. Но все остальное должно было остаться по-старому.

«Президент понимал значение дипломатии и стратегического наступления», - вспоминал Пойндекстер.

К концу лета были включены две важные экономические стратегии, которые должны стать губительными для погрузившейся в хаос советской экономики. Первая родилась в Вашингтоне. Под наблюдением министра финансов Джеймса Бейкера доллар начал свое медленное путешествие вниз, что должно было привести к девальвации на одну четвертую в течение двенадцати месяцев. Мотивы этой операции вытекали исключительно из внутренних проблем. Девальвация должна поднять американский экспорт, поскольку американские товары на зарубежных рынках станут дешевле. Однако вместе с тем девальвация по сути уменьшала стоимость советского экспорта на четверть. Москва обычно продавала энергию за чужие валюты, которые затем меняла на свою любимую, то есть доллары. Такая политика приносила пользу, когда крепкий доллар обеспечивал Советам максимальную покупательную способность в Европе и в Азии. Более слабый доллар, однако, означал абсолютное изменение ситуации. По подсчетам Управления, девальвация будет стоить Кремлю порядка 1,5 миллиарда долларов.

Другая стратегия, имеющая решающее значение для падения советской экономики, исходила от Эр-Рияда. «К коцу лета 1985 года представители Саудовской Аравии сообщили администрации Рейгана, что стоит рассчитывать на увеличение добычи», - вспоминал Уайнбергер. По многим причинам - как экономическим, так и по соображениям безопасности, саудовцы решились на шаг, который американцы склоняли их сделать уже давно. Решение предупредить Вашингтон явилось принципиально отличным от неожиданного решения

саудовцев в семидесятые годы и свидетельствовало об американо-саудовском сотрудничестве и общности целей.

Не имея ни малейшего представления о приближающемся финансовом циклоне, Михаил Горбачев встречался в Москве со своими главными советниками и союзниками, чтобы подготовить экономические реформы, которые он хотел ввести в следующий пятилетний план. Советская экономика была отягощена многими проблемами, на которые ранее не обращалось внимания. Основным пунктом первого пакета реформ нового Генерального секретаря было ускорение промышленного производства, чтобы Советский Союз перешагнул в следующее столетие как сверхдержава. Избранный путь - модернизация, а не производство, как это было многие десятилетия до этого. Модернизацию следовало провести за счет значительных инвестиций в производство станков, инструментов, роботов, электроники, компьютеров и др. Чтобы реализовать этот план, Горбачеву нужны были несколько необходимых составляющих, которые могли принести лишь изменения в политике администрации Рейгана: западная технология, твердая валюта, решение геополитических проблем.

Горбачев направил горячее заявление творцам западной политики и бизнесменам о расширении торгового обмена. Он связал продажу технологий и политическое сотрудничество. «В этом опасном мире мы не можем, просто не имеем возможности игнорировать такой фактор стабилизации отношений, как торговые и экономические связи, - констатировал он. - Если мы и в самом деле хотим серьезных и стабильных отношений, гарантирующих прочный мир, то в их основе должны быть и развитые торговые отношения».

Одним из приоритетов Горбачева были нефть и газ. В основном оттуда текла твердая валюта, а за нее на Западе покупалось зерно и другие товары. Новый Генеральный секретарь считал, что добыча газа должна увеличиться с 22,59 миллиарда кубометров ежегодно в 1985 году до 30 миллиардов кубометров в 1990-м. Большая часть добытого сверх прежнего должна идти на экспорт. Источник такого увеличения - новые территории в Западной Сибири, недавно подключенные к газопроводу. Добыча нефти должна также увеличиться. Горбачев позволил, чтобы в течение ближайшей пятилетки (1986-1990 гг.), нефтяная промышленность получила 51,5 миллиарда долларов на модернизацию оборудования для бурения скважин и запуск рекордного числа

- шестнадцати новых месторождений только в 1986 году. Горбачев надеялся, что экспорт энергоносителей принесет дополнительные миллиарды твердой валюты.

Но кроме западного вклада в виде технологий, твердой валюты и кредитов Горбачев также надеялся и на ослабление военного противостояния. В конце 1985 года, впервые после 60-х годов, США производили оружия больше чем Москва. Удвоение американских расходов на исследования и развитие очень беспокоили советский генералитет и Горбачева. Один из бывших членов Центрального Комитета отмечал: «Мы нерушимо верили, что расстановка сил изменится не в нашу пользу. В военно-технологической, идеологической и политической сферах. Нужно было что-то делать, чтобы удержать такое развитие событий, ответить на американский вызов».

Советские военные чиновники, такие как бывший министр обороны С.Л.Соколов, обещали, что достигнут темпов развития американской армии.

Горбачев рисовал невеселый образ изменяющегося характера военного соперничества, что, возможно, и объясняет тот факт, почему СОИ стала его навязчивой идеей. По мнению генсека, главная проблема всего мира заключалась в том, что «развитие науки, техники и технологии достигло такого уровня, особенно в военной области, который может привести к совершенно новой фазе гонки вооружений». Эта тревога возникла оттого, что Москва встала лицом к лицу с технологическим вызовом, на который не могла дать ответ. По словам Александра Бессмертных, «экономический элемент» военного груза, вызванного вооружением американцев, был «первоочередной заботой Горбачева». Анатолий Черняев, личный помощник Горбачева по иностранным делам, вспоминает: «Для Горбачева было необходимо положить конец «холодной войне», чтобы сократить наш военный бюджет, потому что мы должны каким-то образом ограничить расходы на военный комплекс. Для него не было сомнения, что он должен проводить переговоры с президентом Рейганом и пойти весьма далеко, чтобы договориться о больших сокращениях. Еще большее беспокойство вызывала СОИ. Бессмертных говорил: «Когда разговор доходил до СОИ, для Горбачева ужасной была сама мысль о том, что мы должны включиться в эту гонку вооружений на уровне Стратегической

оборонной инициативы, пытаюсь сделать то, что и США: космические программы, космическое оружие и т.д.»

В июне 1985 года Горбачев созвал специальное совещание на тему научно-технического прогресса. Главный его мотив - ускорение развития через осовременивание станкостроительной промышленности и модернизацию производства компьютеров, а также электротехнической и электронной промышленности. Это были «катализаторы» ускорения и решающие отрасли укрепления советского строя. Генеральный секретарь сообщил, что развитие науки и технологии является основной задачей. Что означает переориентация экономики? «Это прежде всего научно-техническое обновление производства и достижение наивысшего мирового уровня в технологии».

Одиннадцатый пятилетний план, разработанный КПСС, был отражением этого устремления. Он делал решительный акцент на преодоление отставания от Запада в области электроники. План предполагал рост производства промышленных роботов с 13.000 до 28.000 и увеличение станкостроительных центров с 2.500 до 10.700. В течение первых двух лет нового плана инвестиции в предприятия инженерного сектора, предназначенного для исследований, испытаний и внедрения, на 50 процентов превышали суммы, выделенные на эти цели во всей предыдущей пятилетке. Все эти ассигнования выделялись на создание современных технологий.

Проблема заключалась в том, что основной потенциал и возможности в этой области относились к военно-промышленному комплексу. Половина станкостроительной промышленности работала на оборонный комплекс, где были задействованы лучшие умы. Как минимум половина расходов на исследования и развитие предназначалась армии. А оборонный план Рейгана, особенно его опора на новейшие технологии, означал, что оборонной промышленности нужно будет выделить значительно больше средств. Советский Генеральный штаб рисовал зловещую картину использования Рейганом новейших технологий для развития традиционных вооружений, а также СОИ. Советская военная элита встала лицом к лицу с новой стадией развития технологии. Генерал Евсеев писал в одной из военных газет, что угроза создания новых технологий дает капиталистам возможность неожиданной атаки, так же как было с немцами, когда они напали на Советский Союз в июне 1941 года. Заместитель министра обороны генерал Гареев в другой статье приводил в пример старого рабочего, героя повести Симонова

«Живые и мертвые» Попкова, как образец советского гражданина. Можно было надеяться, что перед новой угрозой со стороны капиталистов народ пойдет вслед за Попковым: «Он готов был отдать даже свое жилье и закончить жизнь на хлебе и воде... лишь бы у Красной Армии было все, что ей нужно». Партия обещала, что никогда не допустит, чтобы капиталисты получили военное преимущество, но за эти слова следовало дорого заплатить.

Горбачев тоже хотел придерживаться этого обещания. С его точки зрения, отставание от США в области военной технологии угрожало положению СССР как сверхдержавы. «Нет иной возможности, - сказал он одному из партийных товарищей. - Гонка, которая ускорила под влиянием развития науки и технологии, становится все более беспощадной для оставшихся позади». В глазах Горбачева СОИ имела своей целью еще больше усугубить кризис советской экономики. «США хотят истощить Советский Союз экономически в гонке самых современных и дорогостоящих космических вооружений, - сказал он в своем выступлении по Центральному телевидению. - Они хотят создать непреодолимые трудности для советских руководителей, уничтожить их планы, в том числе и в социальной сфере, повышении жизненного уровня граждан, чтобы таким образом пробудить в людях недовольство руководством».

Развитие международной обстановки означало, что Горбачев вынужден будет выделять на вооружение еще большие средства, чем до сих пор.

Новый пятилетний план предусматривал значительные расходы на более современные виды вооружений. Как позже признавался сам Горбачев, увеличение затрат на нужды обороны в 1986-1990 годах составляло почти 8 процентов ежегодно, то есть вдвое больше, чем прирост национального дохода. В целом расходы на оборону должны были возрасти в последующие пять лет на 45 процентов.

Горбачев надеялся, что Запад, особенно антикоммунистический президент Соединенных Штатов, ослабит заговор против Советского Союза.

1. Рапорт КГБ N 2181/ПР, 19 декабря 1984. См. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский «More Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Global Operations, 1975-19Й5». Лондон, «Frank Cass», 1992, с. 48-52.

2. Разговор с автором.

3. «Нью-Йорк Таймс», 3 мая, 1985, с. 1. «Нью-Йорк Таймс», 7 мая, 1985, с. 7.
4. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
5. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором. Винсент Каннистраро. Разговор с автором.
6. «Нью-Йорк Таймс», 26 апреля, 1985, с. 1.
7. Джозеф Персико. «Casey: The Lives and Secrets of William J. Casey». Нью-Йорк, «Penguin», 1991. Американский государственный служащий.
Разговор с автором.
8. Эдвин Миз. Разговор с автором.
9. Эдвин Миз. Разговор с автором.
10. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
11. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
12. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
13. «Правда», 11 декабря, 1985.
14. Разговор с автором.
15. «Красная звезда», 5 мая, 1985.
16. Александр Бессмертных. Замечания на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 26 февраля, 1993.
17. Анатолий Черняев. Замечания, высказанные в Принстонском университете, 26 февраля, 1993.
18. Александр Бессмертных. Замечания, высказанные в Принстонском университете, 26 февраля, 1993.
19. См. в статье Евсеева и Гареева в «Военно-историческом журнале», N 11, 1985.
20. Михаил Горбачев. «Политический отчет Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС». Москва, «Новости», 1986, с. 19.
21. Михаил Горбачев. Выступление по Центральному телевидению, 14 октября, 1986.
22. Михаил Горбачев. Выступление перед рабочими Нижнего Тагила, апрель, 1990.

Глава 17

В августе 1985-го в сердце советской экономики внезапно был загнан нож. Хотя она это не сразу почувствовала. Саудовская Аравия открыла шлюзы и залила мировой рынок нефтью. Это непростое и имеющее важное последствие решение Саудовская Аравия приняла после неоднократных заявлений шейха Ямани на встречах стран ОПЕК, что его страна хочет расширить свое участие в мировой торговле нефтью. И через четыре месяца после начала реализации амбициозного проекта «Щит мира» и соответственно через шесть месяцев после упоминания о нем, сделанного президентом, производство нефти в Саудовской Аравии резко возросло. Трудно сказать, какой фактор более всего повлиял на принятие саудовцами такого решения. Каспар Уайнбергер говорит: «Это было внутренним делом Саудовской Аравии - принять решение об увеличении добычи нефти, что повлекло за собой снижение цен на нефтепродукты в 1985 году. Но они знали, что решение это пришлось весьма по душе Соединенным Штатам».

В первые несколько недель после его принятия ежедневная добыча возросла с двух миллионов баррелей до почти шести миллионов. Поздней осенью 1985 года добыча нефти-сырца возросла до 9 миллионов баррелей ежедневно.

Для Соединенных Штатов грядущее снижение цен на нефть и нефтепродукты было манной небесной - американским потребителям дарили десятки миллиардов долларов. Для Кремля любое снижение цен было ударом по экономике. Но в 1985 году это стало просто катастрофой. Советские валютные резервы были исчерпаны. Чтобы поддержать поступление твердой валюты на должном уровне, Советам пришлось в 1985 году удвоить продажу золота. 80 процентов твердой валюты советская экономика получала от продажи энергии и энергоносителей, что подчеркивает исключительное значение такой торговли. Совершенно секретный доклад ЦРУ о состоянии советской экономики, датируемый июлем 1985 года, фиксирует убытки, понесенные Советами в экспортных операциях. Баланс советской торговли с Западом был нарушен. Если в первом квартале 1984 года сальдо от торговли с Западом было положительным и составляло 700 миллионов долларов, то в первом квартале 1985-го оно было отрицательным и дефицит составил 1,4 миллиарда долларов.

Михаил Горбачев рассчитывал на валюту, полученную от продажи энергоресурсов, финансировать приобретение новых технологий и товаров народного потребления, чтобы подвести реальную базу под свои реформы. Этими поступлениями предполагалось расплатиться за импортные западные товары и продукты питания. «Снижение цен на нефть было для нас сокрушительным ударом, просто сокрушительным,» вспоминает Евгений Новиков. - Это была катастрофа. Мы потеряли десятки миллиардов.»

Вскоре после того, как саудовцы увеличили добычу нефти, мировые цены на нее стремительно покатались вниз. В ноябре 1985 года цена нефти-сырца составляла 30 долларов за баррель а через пять месяцев - лишь 12 долларов. Для Москвы это означало, что 10 миллиардов долларов, то есть почти половина всех валютных поступлений от экспорта, просто-напросто испарились, как иней под жарким солнцем. И дыхание советской экономики, которая и так уже напоминала загнанную клячу, стало еще более затруднительным.

Пока Москва собирала силы, чтобы выстоять в этом финансовом урагане, внимание мировой общественности было приковано к предстоящей встрече в верхах в Женеве. Джордж Буш передал Горбачеву приглашение на саммит во время похорон Константина Черненко. Новый советский лидер с благодарностью принял приглашение. Администрация Рейгана инициировала приглашение в надежде установить более доверительные отношения между свехдержавами. Президент и госсекретарь Джордж Шульц верили, что личная встреча сможет ускорить прогресс в переговорах об ограничении вооружений. Рональда Рейгана трудно назвать голубем мира, но у него были идеалистические устремления уничтожить ядерное оружие. Резкое сокращение ядерных арсеналов обеих сторон, вкпе со сдерживанием мирового коммунизма, было его голубой мечтой.

Если Рейган, приглашая Горбачева на женевский саммит, желал несколько убогатворить советского руководителя, озабоченного его напористой политикой, то Горбачев ухватился за приглашение, как за возможность найти средство, чтобы хоть как-то облегчить бремя вошедшей в штопор экономики. Американское давление на советскую систему было огромным. Ни в Польше, ни в Афганистане Советы не смогли закрепить свое владычество. Росла оппозиция войне в Афганистане, и Горбачев прекрасно знал, какой разрушительный эффект это оказывает на общество. Подполье в Польше не только выстояло, но и

действовало. Моральный дух в правительстве Ярузельского падал с такой же скоростью, с какой агонизировала польская экономика. Помимо финансирования сил в Польше и Афганистане, пытающихся свергнуть советскую гегемонию, рейгановская администрация затягивала петлю на экспорте технологий, делая тем самым модернизацию советского общества невыполнимой, ограничивала экспорт советских энергоносителей и нагнетала гонку вооружений. В частности, программа СОИ приперла Горбачева к стене.

Высшие чины рейгановской администрации трудились над предложениями и инициативами, которые обеспечили бы президенту преимущество на переговорах. Они хотели, чтобы на саммите речь шла не только о контроле над вооружениями, как это не раз бывало на прошлых переговорах. Сотрудник Совета национальной безопасности Дональд Фортье согласно с положениями «NSDD-75» и в русле политики «сдерживания» советской мощи, проводимой администрацией Рейгана, разработал «региональную инициативу». Она фокусировала внимание на горячих точках в пяти регионах, где поддерживаемые Советами режимы сражались с антикоммунистическими повстанцами. Соединенные Штаты должны были предложить враждующим сторонам провести переговоры при поддержке и наблюдении супердержав, которые к тому совместными усилиями должны были обеспечить военное невмешательство третьих стран. Кроме того, этим регионам необходима экономическая помощь. Фортье не питал иллюзий относительно того, что Москва с восторгом примет такое предложение. Но это был хороший превентивный контрудар против намерения Горбачева сфокусировать внимание исключительно на проблеме СОИ и свести к ней весь саммит.

Относительно СОИ Уильям Кейси и директор Агентства по контролю над вооружениями Кеннет Эйдельман выдвинули сходную инициативу, которая ни к каким конкретным результатам не вела, но в то же время была весьма полезной при ведении переговоров. По их замыслу, Рейган должен выступить с предложением «открыть лаборатории», ведущие разработки по тематике «звездных войн». Аналогично предложению Дуайта Эйзенхауэра об «открытом небе», выдвинутому тридцать лет назад, план «открытых лабораторий» открывал каждой из супердержав доступ к разработкам по тематике СОИ, ведущимся в исследовательских учреждениях другой стороны. Москва, конечно же, на это никогда не

пойдет, но зато такое предложение ослабит эффект предполагаемого советского удара.

Перед встречей в Женеве президент внимательно изучал все доступные материалы о советской экономике. «Ему просто нравилось читать все это, - вспоминает Дон Риган. - Он забирал на выходные толстую пачку отчетов и читал их все - документ за документом. Он знал о советской экономической и военной ситуации гораздо больше, чем думали об этом непосвященные». Материалы говорили об общем ухудшении ситуации, о хроническом дефиците, о постоянных сбоях в производстве, о кризисе с твердой валютой. Рейган отдавал себе отчет в том, что если и не все козыри у него на руках, то, по крайней мере, самые главные.

В 1985 году сверхдержавы напоминали две сталкивающиеся тектонические плиты, причем подземные толчки порождали противостояние на самых разных уровнях.

Женева, почтенный швейцарский город, сделавший себе имя и капитал на собственной гостеприимности, была избрана местом первой встречи двух лидеров. Рейган и Горбачев должны встретиться один на один, каждый будет пытаться одержать верх и «объегорить» другого. Была запланирована серия дипломатических переговоров с участием госсекретаря Джорджа Шульца и советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе по вопросам, касающимся Афганистана, прав человека, контроля над вооружениями и СОИ.

Горбачев почти сразу же начал разыгрывать карту СОИ. Это приведет к новому витку в гонке вооружений, убеждал он президента. Это приведет к экономическому банкротству обеих стран и к полной дестабилизации. Глядя Рейгану прямо в глаза, Генеральный секретарь предупреждал президента, что сделает все возможное, чтобы противопоставить программе «звездных войн» более мощное наступательное оружие. СОИ является доказательством того, что США пытаются обрести стратегическое превосходство и возможность нанести первый удар, продолжал он. После чего Горбачев высказал слегка завуалированную угрозу: если в течение последующих восемнадцати месяцев не будут приняты соответствующие решения относительно СОИ, то последствия будут самыми непредсказуемыми.

Рейган умело защищался, говорил искренне, опираясь скорее на веру и интуицию, чем на информацию, извлеченную из докладов Госдепартамента. Горбачев реагировал весьма живо, и завязался

настоящий словесный поединок. Но как ни старался Горбачев, все его попытки оказались безрезультатными - Рейган упорно не желал отказаться от своего любимого детища СОИ.

После короткой передышки, посвященной другим вопросам, Горбачев вернулся к проблеме СОИ во второй раз. Приняв за исходный пункт то, что президент не собирается отказываться от испытания и разработки СОИ, Горбачев попытался прощупать, нельзя ли заставить его принять более приемлемый для Советов вариант внедрения этой системы.

Генеральный секретарь заверил Рейгана, что отказ от СОИ ни в коем случае не будет означать для администрации и президента «потерю лица». Президент попытался сменить тему переговоров, заявив: вопрос о СОИ обсуждению не подлежит. Горбачев отреагировал возмущением, заявив, что президент его не уважает. Контроль над вооружениями будет невозможен без ликвидации программы СОИ, резко ответил он Рейгану, но последний все обвинения проигнорировал.

Когда в повестке дня саммита дошли до вопросов региональной инициативы, пришла очередь Рейгана обвинять Горбачева в неуважении. Никогда еще президент не говорил так резко с советским Генеральным секретарем. Рейган раз за разом обрушивал на Горбачева обвинительные залпы по поводу Афганистана. Москва проводит там геноцид, заявил Рейган. Дети бедной, никому не угрожающей страны страдают от мин-сюрпризов, разбрасываемых советскими самолетами. Повсюду - в Польше, Никарагуа, Анголе Советы сражаются с людьми, которые борются за свою свободу. «Вы что, все еще пытаетесь покорить весь мир?» - прямо и недвусмысленно спрашивал он явно расстроенного Горбачева.

Саммит не привел ни к каким коренным изменениям в политике и завершился стандартными для таких событий банкетами и приемами. Рейган, не слишком интересовавшийся нюансами дипломатии, удовлетворенный возвращался домой. Горбачев уж очень давил на проблему СОИ, что свидетельствовало о его полном отчаянии. А президент, со своей стороны, очень ясно дал понять, что когда речь заходит о таких вопросах, как Афганистан, он может разговаривать твердо и давить с наименьшей силой.

Не достигнув в Женеве своей цели, Горбачев вернулся в Москву, где его взору предстали самые мрачные перспективы. Александр Бессмертных вспоминает: «Что касается Советского Союза, то мы уже в

полной мере ощущали бремя гонки вооружений. Горбачев хотел продолжения реформ, а продолжавшаяся гонка вооружений ставила на пути реформ непреодолимые препятствия».

Вся серьезность советского экономического кризиса была очевидна Горбачеву, понимавшему связь между экономическим обновлением и советской властью. Геополитическая мощь Советов определялась экономической мощью. 23 мая он сказал дипломатам в министерстве иностранных дел, что «без ускорения экономического развития страны и совершенствования социальной сферы невозможно укрепление наших позиций на международной арене». Экономический кризис настолько глубок, международная активность невозможна, по крайней мере, до тех пор, пока не произойдет оздоровление экономики, сказал он им без обиняков.

Советская военная пресса публиковала многочисленные статьи, посвященные изменениям в военном деле, происходящим под влиянием разработки на Западе новых систем вооружения, базирующихся на новых высокоточных технологиях. Экономическое и технологическое совершенство - достижимое, возможно, лишь на путях радикальной реформы - было требованием национальной безопасности. Один военный журнал сообщал: «Только мощный, современный экономический базис способен обеспечить поддержание и совершенствование Вооруженных Сил и их снабжение должным количеством современного оружия, военной технологии и всего прочего.»

Перестройка в первую очередь была направлена не на модернизацию советской экономики и устранение дефицита потребительских товаров, который делал существование рядового советского человека невыносимым. Она была направлена на устранение нарушения баланса сил, становившегося все больше и явно не в пользу Советского Союза. Генерал Дмитрий Язов (позднее министр обороны) заявил, что перестройка - это «интенсификация производства, основанная на новейших достижениях науки и технологии». Он поддерживал реформы, понимая их военную необходимость.

У тех лиц в Вашингтоне, которые всерьез принимали реформаторские попытки Горбачева, перестройка вызывала тревогу. Конечно, США были заинтересованы в превращении Советского Союза в менее монолитное, более свободное и открытое, а следовательно, и менее агрессивное государство. Но что если Горбачеву удастся создать империю с

передовой технологией и эффективной экономикой, сохранив при этом все марксистско-ленинские догмы последних семидесяти лет? И что если все призывы к реформам на самом деле всего лишь уловка с целью добиться западных кредитов?

И когда Горбачев начал борьбу за придание советской экономике технологического динамизма, попытки администрации Рейгана установить технологическую блокаду в мировом масштабе вокруг всего советского блока уже приносили плоды. С 1981 года в американской системе контроля над экспортом произошло много структурных и правовых изменений. Выполнению этих предписаний и требований уделялось гораздо больше внимания, чем при любом другом правительстве. Операция «Эксокус» («Исход»), запущенная под фанфары пропагандистской шумихи, набирала обороты. С 70-х по начало 80-х годов в судах было рассмотрено всего лишь два-три дела, касающиеся кражи технологий. А только в январе 1986 года департамент юстиции рассмотрел более сотни таких дел. Перечень запрещенных к вывозу товаров за время правления администрации Рейгана значительно расширился. Между октябрём 1983-го и сентябрём 1987 года в этот список было внесено двадцать шесть позиций.

Но самые существенные перемены произошли в 1985 году, когда усилиями обеих партий и при полной поддержке администрации были внесены поправки в Экспортный устав 1979 года. Эти поправки впервые давали сотрудникам служб контроля за экспортом полномочия вести расследования дел о нелегальном экспорте за пределами Соединенных Штатов. Агенты могли следить за экспортом технологий в таких странах, как Гонконг, Швейцария или Индия. Двусторонние соглашения, подписанные со многими нейтральными странами, обязывали их следить за собственным экспортом. Таможенные чиновники получили множество дополнительных полномочий. Они могли теперь без ордера задерживать и обыскивать подозрительные грузы. Наказание за нелегальный вывоз товаров было усилено: тюремное заключение вместо штрафов.

В 1986 году стратегия технологической блокады работала на полную мощность. Страны КОКОМ усилили контроль за своим экспортом. Каналы нелегального экспорта, идущие через Швецию, Австрию и Швейцарию, были перекрыты. Около 40 процентов экспорта американских товаров допускалось к вывозу только при наличии той или иной лицензии. Таким образом, легальное приобретение какой-нибудь

современной американской технологии было для Москвы почти невозможным. За четыре года администрация Рейгана преуспела в создании бюрократического аппарата с единственной целью - кон-троля за экспортом товаров в советский блок. Используя самые совершенные компьютеры, комитет по технологическому трансферу при ЦРУ занимался беспрецедентным по размаху мониторингом потоков торговли развитыми технологиями в мировом масштабе. Постоянное давление из Вашингтона вынудило многих западных союзников США предпринять аналогичные действия, хотя и в меньших масштабах. В 1984 году британское министерство обороны создало отдел передачи технологий, укомплектованный специалистами, задачей которых было наблюдение за экспортом развитых технологий. Сходные программы были запущены в Париже и Бонне.

Москва крайне нуждалась в западных технологиях, но никак не могла их получить. Строгие ограничения на экспорт подтолкнули Кремль пойти на крайние меры. К 1986 году число агентов КГБ и военной разведки (ГРУ), занятых попытками выкрасть те или иные западные технологии, резко возросло. «В 80-х годах, когда усилились ограничения на экспорт, резко возросла их активность в сфере промышленного шпионажа», - вспоминает Стеф Галпер. Но шпионаж был плохой альтернативой. Кража технологий - в отличие от легального приобретения - дело малоэффективное. Когда технология крадется, то к ней не прилагаются инструкции, отсутствует подготовка технического персонала и техническое обслуживание.

Предвидя, что Кремль в отчаянии может резко увеличить размах промышленного шпионажа, чтобы получать западные технологии, Кейси и другие высокопоставленные чиновники американского правительства развернули широкую программу технологической дезинформации, чтобы подсыпать песка в шестерни советской экономической машины. Аналитики из Лэнгли разобрали план горбачевской пятилетки по косточкам, определяя те отрасли экономики, которые более всего будут нуждаться в продуктах западной технологии. Сверяя результаты этого анализа с сообщениями невозвращенцев, эксперты создали список технологий, в которых агенты советского блока будут наиболее заинтересованы. После чего специалисты состряпали фальшивую информацию, касающуюся избранных отраслей, которую посредники в Европе или США должны были подбрасывать, передавать или даже продавать ничего не подозревающим советским агентам. Советы

особенно интересовались новейшими технологиями добычи газа и нефти. Перед лицом американского эмбарго советские специалисты пытались разработать свои собственные технологии бурения морского дна на шельфе. Любые разработки Запада на эту тему высоко ценились и становились объектом повышенного интереса. С помощью экспертов в области нефтедобычи западные агентства подбросили Советам фальшивую документацию, которая существенно затруднила работу советских нефтяников. Советские инженеры месяцами пристально изучали эту документацию, которая предположительно являла собой полный комплект чертежей установок для подводного бурения, которые работали в Мексиканском заливе. И безуспешно пытались воссоздать по ним нечто подобное. По некоторым оценкам, на эти безнадежные попытки скопировать американские установки потрачены впустую многие миллионы долларов. «Все шло как по маслу», - вспоминает один из специалистов. «В сфере технологий добычи газа и нефти мы их так запутали, что они до сих пор еще, кажется, не пришли в себя». \12

Одно из подразделений ЦРУ убедило несколько небольших компаний в Силиконовой долине разработать проекты компьютеров и сложных искусственных спутников Земли, которые в своей конструкции содержали бы неустранимый порок. «Для инженеров это была еще та задачка, - вспоминает один чиновник.

- Для них это была мука мученическая - разрабатывать ту или иную конструкцию и самим же ее портить». Все эти фальшивки были выданы за самые последние достижения американской науки и техники и проданы советским агентам приблизительно за 15.000 долларов. По слухам, некоторые из этих «разработок» все еще внимательно изучались вплоть до 1989 года. Их даже пытались воплотить в металл. «Уж если в исследовательский и конструкторский цикл попадает «грязь», то избавиться от нее очень трудно», - сказал один чиновник.

Рейгановская администрация использовала дезинформацию также и для усиления страха Советов перед программой СОИ. Согласно сообщению Олега Гордиевского, работника КГБ, сбежавшего на Запад в 1985 году, после того, как раскрылись его связи с британской разведкой, среди кремлевских лидеров сложилось убеждение, что система «звездных войн» может быть на самом деле создана, будет работоспособной и сможет представлять серьезную угрозу для советских стратегических arsenалов. Уильям Кейси, Каспар Уайнбергер и Джон Пойндекстер хотели использовать этот страх для получения

психологического перевеса. В печати была развернута кампания с целью создать впечатление, что в создании системы стратегической обороны достигнут уже весьма существенный прогресс, чего на самом деле не было. Тень СОИ, и без того уже ставшая головной болью Горбачева, вырастала до пугающе гигантских размеров.

Если технологическая гонка становилась для Советов невыносимым бременем, то геополитическая ситуация угрожала самому существованию советской империи именно в качестве советской. По поручению президента Кейси проводил по всему миру серию тайных операций, целью которых было ослабление советского влияния в разных регионах. Кейси был убежден, что в этой шахматной партии речь не идет лишь о взятии нескольких пешек или даже фигур, он надеялся добиться мата.

Через несколько недель после женевского саммита Кейси пригласил на ленч в свой офис в Лэнгли Алана Фирса из оперативного отдела. Фирс до этого провел немало времени на Аравийском полуострове, а теперь его перевели в Центральную Америку. Они обсуждали положение в Центральной Америке и концепцию Кейси по поддержке антикоммунистических повстанческих движений по всему миру. Директору ЦРУ необходима была хотя бы одна победа. «Если мы победим хоть раз, - говорил Кейси Фирсу, - то распадется весь карточный домик. Цепная реакция прокатится по всей империи». К началу 1986 года шансы на то, чтобы дать отпор Советам, лучше всего выглядели в Афганистане, несмотря на постоянные поражения партизан и непреклонную позицию Советского руководства. \14

С приходом зимы 1986 года на измученной войной земле Афганистана боевые действия почти прекратились. Так было каждый раз на протяжении последних шести лет. С первым снегом советские и афганские подразделения покидали горы и долины, чтобы перезимовать в городах или укрепленных районах. Блицкриг Советской Армии, начатый годом раньше под руководством генерала Зайцева, провалился. Мощное наступление на востоке страны, в котором участвовало 20.000 человек, не достигло своей главной цели - наглухо закрыть афгано-пакистанскую границу и отрезать моджахедов от своих баз. С другой стороны, значительно возросшая американская помощь силам сопротивления начала приносить свои плоды. Существенно возросли поставки оружия: в 1985 году моджахеды получили 10.000 гранатометов и 200.000 ракетных снарядов, то есть больше, чем за предыдущие пять

лет. Ежегодно прибывало по 50.000 тонн вооружения и боеприпасов, тогда как еще два года назад - по 10.000 тонн.

Во время своего визита в Пакистан в начале 1986 года Кейси анализировал обстановку на фронте с генералом Ахтаром и бригадным генералом Юсефом на военной базе близ афганской границы. Они изучали подробные карты Афганистана и фотографии, полученные со спутников, анализировали размещение частей, прикидывали размеры потерь и возможные варианты развития военных действий в следующем году. Было просто поразительно, как эволюционировали силы сопротивления за прошедшие пять лет.

Моджахеды сейчас проводили широкомасштабные, тщательно разработанные операции, становившиеся с каждым месяцем все более эффективными. Моджахеды, еще пять лет назад вооруженные дедовскими кремневыми ружьями и охотившиеся только на живые мишени, теперь использовали самые современные системы оружия и атаковали советские воздушные базы. Они использовали новые радиокommunikационные средства с эффективным радиусом действия до 600 миль. Были оборудованы местные базы связи афганского движения сопротивления в Парване, Паджмане, Мазари-Шарифе и Кандагаре. Работала сложная система сбора и передачи военной информации. Американские спутники проводили фотографирование всей территории Афганистана, и эта информация передавалась аналитикам в Вашингтоне и офицерам пакистанской разведки на базы близ афганской границы. После обработки данных на региональные базы ISI передавались соответствующие инструкции. Откуда, в свою очередь, инструкции, рекомендации и данные разведки передавались полевым командирам с использованием радиопередатчиков, работающих на непредсказуемо меняющихся частотах с радиусом действия 20-30 миль. Моджахеды, кроме того, действовали все более эффективно, приобретал опыт в обращении с современными видами оружия в многочисленных учебно-тренировочных лагерях, которые начали создаваться с 1985 года. Тысячи бойцов прошли курсы по обращению с противотанковым и зенитным оружием, по минированию и разминированию, ведению боевых действий в городских условиях, совершению диверсий. Каждый год в этих «школах», именуемых острьяками «университетами ЦРУ», обучалось до 20.000 моджахедов.

В 1985 году стали явно заметны плоды стремления США к победе, ибо это был год особенно крупных успехов афганского сопротивления.

Полевой командир Ахмад Шах Массуд, прозванный Львом Пянджской долины, захватил хорошо защищенный укрепленный пункт Пешгогор, который удерживался засевшим в бункерах батальоном. Было взято в плен более 450 человек. По всей стране моджахеды успешно обстреливали советские аэродромы, уничтожая базирующуюся на них дорогостоящую технику. Ракетный обстрел Кандагарского аэродрома, продолжавшийся все лето 1985-го, привел к тому, что Советы вынуждены были перебазировать большую часть своих самолетов и вертолетов в более удаленные места. Но, возможно, самым тревожным для Москвы была активизация партизан в северных провинциях, в непосредственной близости от советской границы. Британская разведка снабдила партизан небольшими минами, которые можно было прикреплять к борту судна чуть ниже ватерлинии. С помощью этих мин моджахеды начали пускать ко дну советские транспортные баржи, плавающие по Аму-Дарье. Завидев баржу, специально натренированный моджахед бросался в воду, подплывал к кораблю, устанавливал несколько мин и вплавь возвращался в Афганистан.

Но самая серьезная эскалация военных действий была в атаках, запланированных на территории самого Советского Союза. Первоначально идея эта зародилась в Белом доме в 1983 году и Ахтар с Юсефом поддержали ее. Но к концу 1985-го администрация пошла на попятный. То есть она хотела, чтобы такие нападения продолжались, но не желала выдавать своего участия в этом. Кейси решил, что лучше будет, если Вашингтон не станет предоставлять партизанам никаких разведанных, касающихся территории Советского Союза. С такими данными нападение может оказаться чересчур эффективным, что сразу же вызовет подозрение о вовлеченности в это дело Соединенных Штатов. «Если вы проведете слишком уж успешный и точный ракетный обстрел, то Советы сразу же поймут, что здесь использовались данные спутниковой разведки», - объяснил один чиновник. - А такую информацию могли бы предоставить моджахедам только мы. Это слишком бы уж бросалось в глаза. И Советы могли бы ответить чем-нибудь аналогичным». Юсефу при организации нападений на советскую территорию пришлось обходиться без спутниковой информации.

Но США вносили свой вклад в эти атаки иными способами. Специально натренированные группы, действующие на территории СССР, вооружались китайскими гранатометами и самой современной взрывчаткой, поставляемой ЦРУ. Они направлялись для организации

диверсий против советских гражданских и военных объектов. Группы должны были поражать промышленные объекты, пускать под откос поезда и обстреливать советские военные установки.

Техническое обучение партизан силами ЦРУ привело также к изменению тактики сил сопротивления. В конце 1985 года моджахеды организовали покушение на Мохаммада Наджибуллу, главу афганской разведки. План был разработан одним полевым командиром при содействии сочувствующего офицера разведки в Кабуле. Он использовал поставленное ЦРУ оборудование и полученную в «школе ЦРУ» подготовку. В августе 1985 года в Кабул были тайно доставлены взрывчатка и часовые механизмы. Сотрудник разведки приобрел подержанный автомобиль под вымышленным именем и нашпиговал его взрывчаткой. Используя информацию о том, что Наджибулла собирается посетить в конце ноября индийское посольство, заговорщики и разработали свой план. Они поставили автомобиль-бомбу перед фасадом посольства. Но, поскольку у них не было механизма дистанционного подрыва, то им пришлось прибегнуть к часовому механизму, поставленному на время посещения. Однако Наджибулла опоздал почти на час, и бомба взорвалась, не принеся никакого вреда.

Проанализировав карты и спутниковые фотографии, обсудив новую тактику и поздравив друг друга с успехами, Ахтар, Юсеф и Кейси перешли к обсуждению будущего развития войны. Генерал Ахтар поднял вопрос о поставке «Стингеров». Эту просьбу он уже высказывал неоднократно, но она терялась где-то в бюрократических лабиринтах, теперь же пакистанский генерал требовал объяснений. «То было единственное оружие, которое могло изменить ход всей войны», - вспоминает Юсеф в связи с просьбами о поставке. Кейси ответил, что он, так же как и другие чиновники, тоже не понимает, почему эта просьба не удовлетворена. Но вскоре ситуация изменилась радикально. Роберт Макфарлейн коснулся этой темы в разговоре с президентом в конце 1985 года и было похоже, что вопрос будет решен положительно. При хорошем раскладе моджахеды получают первые «Стингеры» к лету. Ахтар был удовлетворен. Это оружие раз и навсегда изменит весь ход войны, сказал он Кейси.

Продолжение успешных боевых действий в Афганистане зависело от поддержки Пакистана. Одному американскому дипломату высокого уровня в Москве официальные представители Кремля заявили, что они намерены «преподать Зия-уль-Хаку урок» за его поддержку афганского

сопротивления. Кейси заверил Ахтара, что США предпримут все возможное для обеспечения безопасности пакистанского президента. Его и так хорошо охраняли, но бдительность будет удвоена и утроена. Когда три года спустя самолет с президентом Зия-уль-Хаком на борту взорвался в воздухе, некоторые косвенные признаки указали, что КГБ или афганская разведка приложили руку к этому делу.

После совещания Уильям Кейси отправился посмотреть на огневую подготовку моджахедов. Ему продемонстрировали умение повстанцев обращаться со стрелковым оружием, с гранатометами и артиллерией. К началу 1986 года многие из обучающихся на базе будут сражаться против советских войск в Афганистане. По всем признакам выходило, что впереди - удачный год. Моджахеды все чаще перехватывали инициативу на полях сражений, положение Советской Армии выглядело весьма нестабильным, а вскоре начнутся боевые операции на территории самого Советского Союза.

1. Каспар Уайнбергер. Разговор с автором.
2. Евгений Новиков. Разговор с автором.
3. Дональд Риган. Разговор с автором.
4. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
5. Джон Пойндекстер. Разговор с автором. Роберт Макфарлейн. Разговор с автором.
6. Александр Бессмертных. Замечания на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 27 февраля, 1993.
7. Цитируется по книге Дона Обердорфера «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 162.
8. В.Воробьев. «Красная звезда», N 233, 9 октября, 1985, с. 2.
9. «Военно-исторический журнал», N 4, 1986, с. 6.
10. Д.Т. Язов. «На страже мира и социализма». «Воениздат», М., 1987.
11. Стеф Галпер. Рааговор с автором. Уильям Шнэйдер. Разговор с автором.
12. Разговор с автором.
13. Разговор с автором.
14. Алан Фирс. Разговор с автором.
15. Разговор с автором.
16. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
17. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
18. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
19. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
20. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.

Глава 18

Решение Саудовской Аравии увеличить добычу нефти, вызвавшее обвальное падение цен на нее, не прошло незамеченным в Кремле. Подсчитав в начале 1986 года валютные убытки, Политбюро послало весьма резкое и решительное письмо королю Фахду. Олег Алексеевич Гриневский, начальник отдела Среднего Востока в МИД СССР, и Гейдар Алиев, арабист, член Политбюро, передали письмо Фахду и старались скоординировать действия СССР с Ираком и Ливией, которые тоже много потеряли в результате разыгранного саудовцами гамбита.

Судя по всему, в письме высказывался решительный протест против дальнейшего снижения цен и предлагалась тайная встреча в Женеве по стабилизации цен. Тем временем и Иран выразил серию публичных угроз, поскольку падение доходов от продажи нефти могло сорвать планируемую им атаку на Ирак. Участились столкновения в Персидском заливе. Обе стороны - и Иран и Ирак - нарушали все вековые правила ведения войны. Участились атаки на танкеры, равно как и на нефтеочистительные и буровые установки. Иранская авиация испытывала острый дефицит запчастей, поэтому революционная гвардия изобрела новую тактику уничтожения иракской нефти: против танкеров и прибрежных установок направлялись скоростные катера, набитые смертниками, вооруженными гранатометами и ручными ракетными установками. Несколько танкеров из других стран чудом избежало гибели в заливе.

В начале 1986 года саудовцы ждали от США подтверждения, что те обеспечат безопасность танкеров в Персидском заливе. Правда, угроза иранских атак затрагивала Саудовскую Аравию в гораздо меньшей степени, нежели других нефтепроизводителей, таких как, например, Кувейт, но король Фахд хотел быть уверенным, что Штаты не допустят верховенства Ирана в Персидском заливе. В Вашингтоне шейх Бандар выразил свою озабоченность происходящим в заливе Каспару Уайнбергеру и Уильяму Кейси. Когда вице-президент Джордж Буш в апреле 1986 года посетил Аравийский полуостров, он провел прямые переговоры на эту тему.

Производство нефти в Саудовской Аравии в начале 1986 года составляло 10 миллионов баррелей в день. Цены продолжали падать. Саудовцы компенсировали падение цены ростом добычи. В целом их

доходы должны были возрасти на треть. Даже если бы цены упали до цифры 8 долларов за баррель, прибыли Саудовской Аравии были бы большими, чем в 1985 году. Еще одним мощным экономическим стимулом являлось обесценивание американского доллара, о чем король Фахд был заблаговременно предупрежден. Согласно секретной записке Госдепартамента, Саудовская Аравия «получила нежданный подарок в виде недавнего понижения курса доллара». Только за последние шесть месяцев 1985 года этот «подарок» составил ни много ни мало 10 миллиардов долларов. Саудовцы рассчитывали собрать подобный урожай и в 1986 году. \1

В феврале 1986 года программа «сдерживания» коммунизма в Восточной Европе перешла в новую стадию, когда стало получать материальную помощь чехословацкое подполье согласно директиве «NSDD-32» и желанию президента. Были установлены контакты с чешскими эмигрантами на Западе и по этим каналам подполью в ЧССР переводились скромные суммы. Делалось это регулярно, хотя не шло ни в какое сравнение с размахом и масштабом операции в Польше. Здесь же суммы не превышали несколько сот тысяч долларов в год. Чешская оппозиция находилась еще в эмбриональном состоянии и состояла преимущественно из интеллектуалов, борцов за права человека, входивших в такие организации, как «Хартия-77» или «Светские католики». Эта помощь тайком провозилась в страну эмигрантскими организациями на Западе, которые и так уже занимались ввозом в страну своих частных средств. Хотя деньги были небольшие, однако ожидалось, что суммарный эффект от двух тайных финансовых операций окажется значительным. «Солидарность» предприняла отважный шаг по поддержке оппозиционных движений во всем советском блоке. Проведены были даже консультативные встречи между лидерами оппозиции обеих стран, которые состоялись в лесах на чешско-польской границе. Если бы эти два подпольных движения объединились, то вызов советскому влиянию в регионе мог оказаться весьма значительным.

Иметь дело с подпольными движениями за «железным занавесом» всегда было рискованной затеей. Очень нелегко организовать надежные каналы для переправки денежной помощи, Уильям Кейси послал докладную новому начальнику оперативного отдела Клэйру Джорджу. Он хотел провести работу по индентификации оппозиционных движений и установлению, каким образом им можно помочь. «Вилл хотел знать,

что мы можем сделать для поддержки оппозиционных движений по всему региону и для усиления их сотрудничества»,

- вспоминает один из чиновников, знакомый с этой докладной.

Кроме того, существовала опасность разоблачения. Разведка советского блока могла раскрыть заговор и воспользоваться этим предлогом для полного уничтожения подполья. В 20-х годах ЧК большевиков создала несколько фиктивных подпольных организаций, с помощью которых охотилась на подлинных противников режима. Самой известной из этих подпольных организаций был Союз монархистов России, носивший кодовое название «Трест». «Трест» успешно проник во многие антикоммунистические организации и провалил множество операций западных спецслужб в России.

Как уже говорилось, Польша имела гораздо большую помощь, чем Чехословакия. «Солидарность» получала более 500.000 долларов в год из частных заокеанских источников в дополнение к помощи, оказываемой ЦРУ. Три сотни тысяч долларов поступало от организаций американских профсоюзов AFL-CIO. Но перевод средств не проходил гладко. В начале весны 1986 года несколько партий грузов было перехвачено при пересылке из Стокгольма и портового города Истада. Польские власти уже дожидались на побережье прибытия груза. Это не было случайностью. Кто-то выдал властям факт существования канала пересылки.

Больше всего подозрений легло на шведскую часть маршрута. Деятели «Солидарности» контролировали прохождение грузов вплоть до самой Швеции. Конечно, могло случиться, что и в бюро «Солидарности» на Западе окопались вражеские агенты, но это маловероятно. В операциях по нелегальному транзиту участвовали лишь особо доверенные лица. Новичков не допускали к ним на пушечный выстрел. Но в Швеции все зависело от доверенных докеров и работников портов. И, возможно, кто-то из них, зная о содержимом «посылок», поддался искушению за деньги информировать польские власти. В середине февраля Уильям Кейси позвонил из своего офиса в Белом доме, чтобы информировать одного шведского чиновника, который содействовал операции, что где-то на шведском участке маршрута происходила утечка информации. Кейси хотел, чтобы этот чиновник способствовал ее ликвидации.

Для расследования в Швеции были выделены несколько американских агентов. Совместная команда провела две с половиной

недели, проверяя каждый дюйм шведского участка маршрута, наблюдая, изучая записи, прощупывая работников. И ничего не обнаружила. Под конец, благодаря информации, полученной от одного докера, команда села на хвост шведскому таможеннику из Истада и обнаружила, что он посылал телексы таможенникам из Гданьска. Получив доступ к его банковскому счету, агенты обнаружили, что он получал примерно по 200 долларов за каждое сообщение.

Однако факт раскрытия доносчика ничуть не разрешал проблему. Если его уволить или арестовать, то в прессе поднимется шум и вся операция станет явной. Шведы нашли компромиссное решение: перевести виновного на другое место с повышением в чине и в зарплате. Это был, пожалуй, единственный случай в истории, когда государственный служащий из западной страны получил продвижение по службе благодаря тому, что делился информацией со страной, входящей в Варшавский Договор. Перевод таможенника на другую работу прошел гладко, и утечка была ликвидирована.

В это же время, когда администрация Рейгана расширяла свою тайную финансовую поддержку подпольным движениям за «железным занавесом», Михаил Горбачев выступал на XXVII съезде КПСС в Москве. В течение десяти дней коммунистические лидеры всего мира пытались выработать стратегию своего движения на ближайшее будущее. В президиуме Горбачев сидел рядом с Егором Лигачевым, за ними - генерал Войцех Ярузельский и Эрих Хонеккер.

Выступление Горбачева было историческим в том смысле, что оно расширяло рамки начинающейся дискуссии об ошибках прошлого. Оно ясно и недвусмысленно призывало к изменениям в структуре советского общества. Говорил он внушительно, энергично, повышая голос, чтобы подчеркнуть важные пункты. Горбачев в своем выступлении затронул множество важных тем. Для будущего Страны Советов решающее значение имеет технологический прогресс, заявил он многочисленным делегатам. Только развитые технологии могут позволить партии добиться поставленной задачи удвоить «экономический потенциал» страны. Новый пятилетний план подчеркивал решающее значение технологии. «Партия должна вкладывать средства и ресурсы в те области, где большую отдачу можно получить за более короткие сроки, и не за счет увеличения количества работников, а за счет создания принципиально нового, высокопроизводительного парка машин и технологий», - говорил Горбачев. Согласно плану инвестиционная

политика фокусировалась на том, что генсек назвал «сектором развитых технологий». Около 200 миллиардов рублей выделялось для финансирования этого сектора и модернизации промышленности. Это было больше, чем за предыдущие десять лет. Инвестиции в развитые технологии были единственным способом достичь экономического роста и развития.

Речь Горбачева содержала также предупреждение в адрес США. Он говорил о своем «искреннем желании сбросить бремя «звездных войн», в частности, и гонки вооружения вообще». Он обвинил США и американский ВПК в том, что они не намереваются снижать темпы гонки вооружений и остаются главными движущими силами милитаризма. Он говорил также об основных принципах «экономической безопасности, подразумевающих отказ от всякой дискриминации, от всевозможных эмбарго, блокад и санкций», Горбачев осудил также вмешательство во внутренние дела некоторых стран, особенно в Польше и Афганистане. Силы империализма желают «разрушить Польшу», - предупредил он. «Силы контрреволюции и империализма превратили Афганистан в кровоточащую рану», - заявил он делегатам съезда.

Весной 1986 года падение мировых цен на нефть вызвало во всем мире серьезную озабоченность, в том числе и у некоторых служащих рейгановской администрации. Вице-президент Джордж Буш готовился к напряженному десятидневному визиту в страны Персидского залива. Выходец из Техаса, нефтяного штата, Буш в резком снижении цен на нефть видел опасность, а вовсе не радостное известие. Высокие цены были выгодны юго-западным штатам, в которых у Буша была наибольшая политическая поддержка. И вице-президент публично высказывал свое мнение по нефтяному вопросу с непривычной для него откровенностью.

Первого апреля, перед отбытием в поездку, Буш на пресс-конференции в Вашингтоне сообщил: «Стабильность на мировом рынке представляет собой чрезвычайно важную вещь, поэтому я буду вести переговоры очень жестко, твердо отстаивая интересы нашей страны ... а следовательно, и интересы нашей национальной безопасности... Я думаю, что самое главное - это стабильность, и давно пора прекратить свободное падение, подобное прыжку парашютиста без парашюта.»

Эти заявления шли вразрез с тем, что раньше говорила и делала администрация. Президент, Каспар Уайнбергер, Уильям Кейси и Джон

Пойндекстер, как и многие другие члены администрации, видели в падении цен лишь положительные стороны. Поэтому высказывания Буша получили необычный публичный отпор. «Для стабильности важно, чтобы действовали законы свободного рынка», - заявил представитель Белого дома. Он также подчеркнул, что Буш должен будет объяснить королю Фахду, что уровень цен должен определяться рыночными законами.

Всего лишь через несколько дней после этой публичной порки Буш присутствовал в Эр-Рияде на открытии нового здания американского посольства. На обеде в тот же день Буш говорил с несколькими саудовскими министрами, включая шейха Ямани. Они откровенно обсуждали самые разные проблемы, включая и цены на нефть. Буш предупредил, что если цены останутся на таком низком уровне, то американские производители нефти начнут оказывать давление на конгресс, чтобы тот ввел какие-нибудь тарифы или предпринял бы иные протекционистские меры, чтобы защитить своих производителей от дешевого импорта. Ямани принял предупреждение Буша более чем серьезно, что усилило смятение в стане саудовцев. Месяцами высшие чины администрации только и обсуждали снижение цен на нефть. Ведь до этого Уайнбергер, Кейси и наконец сам президент всячески поощряли увеличение добычи нефти в Саудовской Аравии и противились всяким попыткам увеличить цены на нее. А теперь в Эр-Рияде появляется Буш и говорит нечто прямо противоположное.

Из Эр-Рияда вице-президент отправился в Дхаран, где король Фахд временно проживал в своем Восточном дворце. Король закатил грандиозный обед, на котором блюда подавали официанты, увешанные пистолетами и саблями. Буш и Фахд после обеда вели частные переговоры, затянувшиеся до поздней ночи. Как раз незадолго до этого иранские катера атаковали саудовский танкер и Фахд нервничал по поводу агрессивности Тегерана. Казалось вполне вероятным, что иранцы намерены захватить плацдарм в Южном Ираке, высадившись на Фао - полуострове, являющемся самой южной оконечностью Ирака, граничащей с Кувейтом. С Фао открывалась прямая дорога в крошечный Кувейт и к нефтяным месторождениям самой Саудовской Аравии. Фахд нервничал, а вооруженные силы страны были приведены в состояние полной боевой готовности. Буш заверил его, что Соединенные Штаты будут решительно поддерживать королевскую семью в случае иранской агрессии. При любой атаке Ирана на территории Кувейта или

Саудовской Аравии вмешательство в той или иной форме американских вооруженных сил неизбежно. Американские боевые корабли в заливе пристально следили за ходом иранских операций, и Вашингтон был в курсе военной активности Ирана.

Когда начали обсуждать проблемы нефти, Буш заявил королю, что он надеется на восстановление «стабильности на рынке». Цена на нефть к тому времени упала с 30 долларов за баррель осенью 1985 года до 10 долларов в апреле 1986-го. Кое-кто предсказывал, что цены могут опуститься до 5 долларов за баррель. Буш сообщил королю то, что уже говорил ранее шейху Ямани: о квотах и тарифах на импорт нефти, о давлении на конгресс и т.п. Будет лучше, советовал он, если Саудовская Аравия предпримет меры по повышению цен. Фахд был явно озабочен. Столь открытое отступление от генеральной линии американской администрации было нехарактерно для Буша, который проявил себя в течение пяти лет правления Рейгана, как весьма лояльный, хотя и молчаливый вице-президент. Это было первое его отступление от политики администрации, причем сделанное в разговоре с главой другого государства.

Когда до Белого дома дошла информация о том, что Буш сказал Фахду, Рейган почувствовал: надо спасать положение. И он сделал то, к чему крайне редко прибегал. «Он устроил Бушу грандиозную головомойку», - заметил посол, работающий на Ближнем Востоке. Это нехорошо выглядит, когда президент и высокопоставленные чиновники его правительства говорят одно, а вице-президент - другое. Так, по всей видимости, Рейган заявил Бушу. 18

Но в некоторых кругах в Вашингтоне начали высказывать мнение, что пора бы по-настоящему вмешаться в дела на мировом нефтяном рынке и достичь какой-то «стабильности». На закрытом совещании Международного энергетического агентства весной 1986 года представители многих стран настаивали на повышении цен. Американская делегация, в соответствии с политикой своего правительства, заявила, что это предложение неприемлемо. Более того, американцы настояли на исключении любого упоминания о «стабильности» и «фиксации» из предварительного коммюнике по результатам встречи.

Насколько падение цен на нефть подрывало советскую экономику, начало выявляться в мае 1986 года. В выводах секретного доклада ЦРУ, названного «СССР: проблема дефицита твердой валюты», говорится:

«Низкие цены на энергоносители, снижение добычи нефти, падение курса доллара существенно ограничивают возможности СССР на импорт до конца десятилетия западного оборудования, сельхозпродукции и промышленных материалов. Резкое ослабление импорта товаров за твердую валюту - на треть или более пришлось на время, когда Горбачев, вероятно, рассчитывал на увеличение валютной прибыли, за счет чего намеревался финансировать программу оздоровления экономики». Далее в докладе говорится: «Резкое падение мировых цен на нефть в этом году существенно снизило доходы Москвы... Как и в 1985 году, при общем спаде производства, главный удар примет на себя экспорт нефти в страны, способные заплатить твердой валютой. При невозможности в короткое время ограничить потребление нефтепродуктов или перейти на их заменители, снижение энергопоставок на внутренний рынок вызовет спад производства именно в тот момент, когда Горбачев возлагает большие надежды на ускорение экономического роста».

В докладе приводятся подсчеты, проведенные разведывательными органами в августе 1984 года, согласно которым снижение цены на нефть на мировом рынке всего лишь на один доллар за баррель приведет к потере Москвой годичной прибыли в размере от 500 миллионов до одного миллиарда долларов. Реальные же годичные потери составили 13 миллиардов долларов. Цена природного газа падала вместе с ценой на нефть, так что в сфере торговли газом доходы тоже снизились на миллиарды. В то же время снижение курса доллара обошлось Москве приблизительно в два миллиарда ежегодно, поскольку за экспортируемые на Запад товары расчет производился в долларах, а за импортируемые - в валюте европейских стран. Однако полное значение снижения цен на нефть еще только начало вырисовываться. Оружие - вторая по значению после энергоносителей статья советского экспорта - шло в основном в страны Ближнего Востока, разбогатевшие за счет нефтедолларов.

Продажа советского оружия на Ближний Восток возросла в пять раз во время нефтяного бума в 70-е годы и продолжала оставаться важнейшей статьей дохода в начале 80-х. Но самые богатые и стабильные покупатели советского оружия были теперь, вследствие падения цен на нефть, сами бедны на валюту. Доходы от продажи нефти в таких странах, как Иран, Ирак и Ливия, снизились в первой половине 1986 года на 46 процентов. Как следствие, в том же 1986 году и продажа

советского оружия снизилась на 20 процентов - еще минус два миллиарда из кремлевских запасников. Советские убытки катастрофически возрастали, в то время, когда была острая нужда в твердой валюте. Худшего момента нельзя было придумать. Финансовый крах советской системы, подстегиваемый оборонным бюджетом Рейгана, был настолько глубок, что в это просто трудно поверить. Высокие цены на нефть в 70-е были для Кремля манной небесной. Между 1973 и 1982 годами советские доходы от экспорта энергоносителей возросли в 15 раз, тогда как объем продажи даже не удвоился, «Торговый баланс» Советского Союза улучшился на 65 процентов в этот период, позволяя импортировать на две трети больше товаров при сохранении того же самого уровня экспорта. Но шокирующее падение мировых цен на нефть изменило ситуацию на диаметрально противоположную. Многие западные товары (продовольствие, детали машин, потребительские товары), импорт которых как-то помогал советской экономике держаться на плаву, стали теперь недоступными из-за высоких цен. В июле 1986 года требовалось продать в пять раз больше советской нефти, чтобы получить то же количество западногерманского оборудования, что годом раньше. Горбачев при проведении своих реформ больше не мог рассчитывать на поступления твердой валюты.

Катастрофа с твердой валютой эхом отозвалась по всей стране. Множество крупных индустриальных проектов были заморожены из-за нехватки финансирования. Пришлось отменить запланированную сделку с фирмой «Рено», объемом в 1,2 миллиарда долларов, на реконструкцию и модернизацию автомобильных заводов. В угледобывающий бассейн Нерюнгри в Сибири резко прекратились поставки японского и американского оборудования, поскольку платить за него было нечем. Отменено строительство двух химических заводов стоимостью в миллиард долларов, которые должны были возводиться британскими компаниями «John Brown PLC» и «Chemical Industries PLC».

Снижение цен на нефть вынудило Кремль обратиться к западным кредиторам за необходимой валютой. Несколько весьма примечательных докладных, сведенных воедино Роджером Робинсоном из Совета национальной безопасности, свидетельствовали, что СССР и его сателлиты извлекают громадные финансовые преимущества из возможности доступа к межбанковским депозитам западных банков. Эти вклады служили Кремлю как бы валютным резервом, помогающим

удовлетворить самые настоятельные нужды и оттягивать решение других финансовых проблем, манипулируя депозитами. Интербанковские депозиты - это почитаемая, старая традиция и от нее нельзя было отказаться в короткое время. Но представители администрации неоднократно поднимали этот вопрос в банковских кругах, стремясь, если не прекратить, то как-то ограничить такую практику.

Один такой случай представился, когда Уильям Кейси прибыл в Нью-Йорк для частной (и даже секретной) встречи с директорами ведущих банков. Встреча состоялась в заурядной столовой поблизости от деловых кварталов. Кейси, бывший сам международным банкиром, прибыл на этот ленч, чтобы побеседовать со старыми знакомыми, получить совет, дать рекомендации. Он ознакомил собравшихся со своим видением проблем, стоящих перед Горбачевым. Советы знают: чтобы соревноваться с нами, им нужно сделать мощный рывок в области компьютерной и коммуникационной технологии, сказал он. Но добиваясь этого, они должны будут ослабить политическую удавку на горле собственного народа. Главный вопрос для официального Вашингтона формулируется так: должна ли Америка поддерживать этот процесс и поощрять либерализацию их экономики или она должна и дальше сохранять свое технологическое и экономическое лидерство? Кейси не дал ответа на этот вопрос, а продолжил обсуждение текущей финансовой ситуации в Советском Союзе. Москва села на экономические рифы, а самые главные ее источники твердой валюты - нефть, газ, оружие - оскудели. Поэтому Москва будет настойчиво добиваться западных кредитов, втолковывал он собравшимся. «Но как банкир банкирам говорю, - доверительно понизил он голос, - давать им займы - это значит серьезно рисковать. Они уже и так с трудом выплачивают свои долги. А поскольку их валютные источники пересохли, то не имеет смысла дальнейшее кредитование Советов». Затем Кейси выразил финансовым магнатам озабоченность администрации относительно межбанковских депозитов и других уловок, с помощью которых Кремль мог запустить руку в тугую мощную западного капитала.

В то время как финансовое положение советской империи приближалось к полному краху, на географической периферии этой империи возрастало сопротивление коммунистическому владычеству, вдохновляемое стремлением к свободе и подпитываемое американской

помощью. Самое большое сопротивление оказывалось в Польше и в Афганистане, и в обеих странах события развивались в неуютном Кремле направлении.

5 июня 1986 года польские власти наконец арестовали лидера подпольной «Солидарности» Збигнева Буяка, за которым охотились уже несколько лет. Он руководил всей организацией, вел финансовые дела подполья, включая помощь с Запада, распределял средства. Его поимка означала серьезный удар по движению сопротивления. До сих пор он спасался от преследования властей, постоянно меняя место жительства и используя грим, парики, накладные усы - все это было для него похищено сочувствующими студентами из университетского театра.

В первые месяцы 1986 года арестовано 320 других активистов «Солидарности», но среди них не было ни одного ранга Буяка. На воле оставалось еще множество активистов уровнем ниже, но командная и информационная система, с помощью которой удавалось направлять и организовывать движение сопротивления, существенно нарушилась. «Движение продолжало свою обычную деятельность, но оно начало ощущать отсутствие единого управляющего центра, - вспоминает один из деятелей. - Потеря Буяка поразила движение в голову». Без Буяка подполье оказалось на время дезорганизованным. Структура тогдашнего координационного комитета «Солидарности» была такова, что только несколько лидеров знали, чем занимаются остальные - где они живут, работают и какие задания выполняют. Такая организация предотвращает проникновение в ее ряды провокаторов и утечку информации, гарантирует, что при поимке одного из лидеров он не многое сможет сообщить властям. Но она же приводит к тому, что лидер уровня Буяка становится незаменимым.

Но арест Буяка долго не продлился. Кризис польской экономики углублялся, чему способствовали американские санкции. Торговля с Западом прекратилась почти полностью. Торговый оборот, составляющий в 1980 году 7,5 миллиарда долларов, упал до одного миллиарда в 1986-м. Кредиты с Запада перестали поступать. Не имея возможности экспортировать на Запад свои товары, Польша не могла получить оттуда кредиты. До 1980 года Польша могла получать до 8 миллиардов долларов кредитов ежегодно; в 1985 году она смогла взять не больше 300 миллионов долларов. Вследствие этого Польша вынуждена была обратиться за кредитами к другим странам советского блока, которые и сами стремительно нищали. Сумма долга своим

товарищам по несчастью, то бишь по советскому блоку, стремительно возрастала и достигла 5 миллиардов переводных рублей.

Арест Буяка послужил прекрасным подтверждением правоты Соединенных Штатов в том, что санкции не следует снимать ни в коем случае. Ярузельский, опасаясь возникновения беспорядков на экономической почве, собрал в своем кабинете советников и объявил, что Буяк должен быть освобожден. Кроме того, правительство Польши должно предпринять ряд шагов, чтобы удовлетворить некоторые требования рейгановской администрации, для того чтобы та сняла санкции. Вашингтон выдвинул прежде всего три условия: действительный диалог с католической церковью, национальное согласие, что означало прекращение преследования деятельности оппозиции, и, наконец, освобождение политических заключенных.

Генералу Ярузельскому трудно было осуществить эти требования. Но к лету 1986 года без снятия американских санкций режим не выжил бы. И 22 июля, всего лишь через полтора месяца после ареста Буяка, правительство Ярузельского объявило общую амнистию. Все политзаключенные были выпущены на волю. Враги режима вернулись домой и могли снова присоединиться к подполью. Попытка сокрушить «Солидарность» провалилась.

Реакция Вашингтона была умеренной. Варшава почти выполнила все три предварительные условия, но в Белом доме царил боевое настроение. Кейси, Уайнбергер и многие другие члены Совета национальной безопасности советовали президенту не отменять санкций. Дальнейшее давление на Ярузельского могло оказаться более выгодным. Может, удастся выторговать больше уступок подполью. Противники варшавского правительства явно набирали силу, а экономика находилась на грани краха. Рейган решил проконсультроваться с Ватиканом.

Польское подполье к тому времени хотело немедленной отмены санкций. Лех Валенса и девять других видных деятелей «Солидарности» обратились к Рейгану с просьбой пересмотреть свой жесткий курс ввиду резкого ухудшения экономических условий, что «угрожало уже и правящим, и подданным, и грядущим поколениям». Кардинал Казароли тоже советовал Рейгану отменить санкции. Папа считал, что народ уже достаточно настрадался. Администрация откладывала принятие решения до января 1987 года, когда президент наконец внял советам Папы. Однако тайное финансирование «Солидарности» продолжалось.

Амнистия повысила веру в свои силы в рядах «Солидарности». Подполье выжило. Оно обладало средствами и дееспособным руководством. Финансовая, материальная и политическая поддержка Запада вливала новую жизнь в движение. В начале октября лидеры «Солидарности» собрались на два дня в Гданьске, чтобы обсудить тактику и стратегию действий в новых условиях. На двух состоявшихся одновременно в Гданьске и Варшаве пресс-конференциях руководство «Солидарности» объявило о своем драматическом решении выйти из подполья. «Мы не желаем больше действовать скрытно», - заявил Валенса.

Это был смелый и решительный ход. Спротивление намеревалось противостоять польскому правительству открыто, что называется при свете дня. Члены руководства «Солидарности» предупредили администрацию Рейгана о своем намерении, поэтому Вашингтон оказался подготовленным к событию. Джон Пойндекстер без экивоков дал понять польскому правительству, что попытка разгрома «Солидарности» будет означать продолжение американских санкций и ужесточение кредитной политики. Ярузельский на своей шкуре ощутил то, что коммунистические лидеры до сих пор оставляли на долю своих граждан выбор, когда выбирать не из чего, и уступил. Удара по «Солидарности», которого многие ожидали, не последовало.

Но попытки польских властей пресечь тайную помощь Запада «Солидарности» продолжались. На пристани паромов в Свиноустье была перехвачена дорогостоящая «посылка». Это был сорокатонный грузовик, в котором находилось на двести тысяч долларов ценного оборудования: двадцать три офсетных печатных станка, сорок девять копировальных машин, шестнадцать факсов, несколько компьютеров фирмы IBM, девять дисководов и двенадцать компьютеров с принтерами. Но, невзирая на этот провал и некоторые другие, помощь продолжалась.

ЦРУ направляло также помощь некоторым чешским и венгерским эмигрантским группам в Европе и Соединенных Штатах в надежде, что они могут добывать полезную информацию о происходящем в их странах. Директива Рейгана призывала объединенными усилиями вырвать Восточную Европу из объятий советской империи, таким образом, подрывная деятельность расширялась. В середине 1986 года Совет национальной безопасности был поставлен в известность, что за «железным занавесом» группами диссидентов было составлено и подписано некое послание. В нем содержался призыв к совместным

действиям против советского гнета. Кейси и другие члены Совета национальной безопасности решили оказать им помощь. Группам, подписавшим письмо, было передано 25.000 долларов.

В конце октября 1986 года опубликован смелый призыв к народам Восточной Европы свергнуть советское иго. Это было всего лишь открытое письмо, несколько фраз, составленных диссидентами-одиночками. Но это не было обычной диссидентской жалобой на подавление свобод. Это было политическое землетрясение, совместный призыв диссидентов Венгрии, Восточной Германии, Чехословакии и Польши, появившийся на свет в тот момент, когда Венгрия тихо отмечала тридцатилетие подавления национально-освободительного восстания силами участников Варшавского Договора.

Совместная акция в Восточной Европе стала для Советов головной болью. В свое время было довольно легко подавить восстания в Венгрии и Чехословакии, поскольку эти страны действовали разрозненно. Но кризис, охватывающий весь регион, - совсем другое дело. В 1981 году Кремль впал в ярость, когда «Солидарность» призвала другие страны Восточной Европы организовывать свои собственные свободные профсоюзы. Ничто не могло вызвать большей злобы у Москвы. А нынешнее обращение призывало к общему неповиновению и совместным действиям. Письмо подписали 122 человека, среди которых были ведущие деятели оппозиции: Вацлав Гавел из ЧССР, Джордже Конрад из Венгрии и Лех Валенса из Польши. Идея письма зародилась среди самих диссидентов. Эмигранты на Западе обеспечили распространение письма в Восточной Европе и публикацию его в Западной. Письмо зачитывалось по радиостанциям «Свободная Европа» и «Свобода».

Письмо было в русле директивы «NSDD-32». «Солидарность» пережила шторм в Польше. В начале октября в Чехословакию была направлена и благополучно дошла денежная помощь (50.060 долларов). В регионе было неспокойно, и правительство Рейгана стимулировало это беспокойство.

В то время, как польские активисты допекали правительство митингами, протестами и политическими памфлетами, пакистанские военные в начале июля на авиационной базе неподалеку от Исламабада занимались распаковкой необычного, деликатного груза. Внутри обыкновенных упаковочных контейнеров находилось «чудесное оружие», заполучить которое так стремились моджахеды. Правительство

Рейгана выполнило свое обещание -прибыла первая партия «Стингеров». С самого начала войны советские ВВС подвергали позиции моджахедов бомбардировкам, совершенно ничего не опасаясь. Несколько ракет класса «земля-воздух» из арсенала моджахедов поражали именно один только воздух. «Это было единственное, в чем отчаянно нуждались моджахеды, - вспоминает Винсент Каннистарро. - Карательные бомбардировки были эффективной советской тактикой. Введение в игру «Стингеров» означало качественный перелом, полное изменение в динамике военных действий. Теперь Советы становились обороняющейся стороной».

В афганской войне удача всегда была весьма переменчива и часто меняла стороны. 1986 год обошелся Москве дорого, но был удачен. Советские военные операции, проведенные в гораздо более агрессивном темпе, позволили разгромить одну из самых важных баз моджахедов на территории страны - лагерь в Жаваре. Уничтожены и отряды повстанцев в Хусте. Но на самом деле эти успехи Советской Армии были временными. Моджахеды воевали как никогда умело. А массированным авиационным ударам, которые и способствовали разгрому моджахедов в Жаваре и Хусте, приходил конец.

«Стингеры» очень ценились и охранялись. Только немногим своим союзникам США разрешили доступ к этому оружию. Ибо это самая лучшая в мире ракетная система класса «земля-воздух». Радиус ее действия - 5.000 метров; «Стингер» несет к цели боеголовку, начиненную мощной взрывчаткой, со скоростью более 2.000 километров в час. В ракетах используется сложная комплексная система наведения на цель, снабженная детекторами инфракрасного теплового излучения. В то же время обращаться со «Стингером» очень просто. Нужно только раз поймать в прицел мишень, все остальное сделает самонаводящаяся головка, которую почти ничто не сможет уже заставить потерять цель. На армейском жаргоне такие системы именуется «выстрелил и забыл».

Главным беспокойством при принятии решения о передаче «Стингеров» моджахедам была возможность попадания этого грозного оружия в руки террористов и экстремистов. Гражданские авиалинии в Европе и на Ближнем Востоке могли стать легкой добычей для такого рода оружия. Но президент взял ответственность на себя и рискнул принять решение о передаче «Стингеров».

Когда «Стингеры» появились в Афганистане, бригадный генерал Мохаммад Юсеф лично следил за отбором кандидатов среди

моджахедов, которые должны были обучаться владению этими ракетами. Кейси надеялся, что огневую подготовку сможет обеспечить ЦРУ, но пакистанцы воспротивились этому. Американские военные доставили в Пакистан учебный центр, который с помощью местного персонала ЦРУ был установлен в военном лагере Одджири под Равалпинди. Сюда же прибыли командиры моджахедов и сразу же начались трехнедельные курсы обучения. В течение года должны были поступить двести пятьдесят переносных установок для запуска «Стингеров» и 1.200 самих ракет.

К каждой установке приписана была небольшая команда. Как только сбивали самолет, эта команда должна была разыскать и уничтожить экипаж. Грязная работенка. После нескольких месяцев обучения моджахедов «Стингеры» дебютировали в афганском небе.

25 сентября группа моджахедов пряталась на вершине невысокого холма неподалеку от Желалабадского аэродрома. Командир Гаффар отдавал приказы подразделению зенитчиков, обслуживающему три установки по запуску и ударной команде. Командир и его отряд прятались в кустах и выискивали с небе подходящую мишень. В три часа пополудни была замечена группа из восьми советских боевых вертолетов, заходящих на посадку в Желалабад. Это было грозное оружие, наносящее мощные удары и вызывающее огромные потери в живой силе, как у партизан, так и у мирного населения. Афганцы особо ненавидели такие вертолеты.

Стрелять из «Стингеров» необычайно просто. Ракета сама наводится на цель и бибикающим звуком сигнализирует о своей готовности к запуску. Ракетчики навели установки на цели, поймали их в прицелы. Пальцы нетерпеливо покоились на спусковых крючках. Один из моджахедов сидел в кустах с видеокамерой в ожидании исторического момента.

И когда вертолеты кружили над посадочной полосой на высоте около 200 метров, командир Гаффар отдал приказ. В воздух взмыли три снаряда, сопровождаемые криками «Аллах акбар!» Одна ракета не сработала и упала на землю, не причинив никакого вреда. Зато две остальные поразили цели. Раздались взрывы и два перекореженных металлических скелета рухнули на землю. Моджахеды возбужденно запрыгали, оглашая окрестности радостными воплями. Они передавали «Стингеры» друг другу, чтобы каждый мог попробовать пальнуть. Запустили еще две ракеты и обе поразили цель. Остальные вертолеты

улетели прочь, их экипажи были смертельно напуганы увиденным. Моджахеды продемонстрировали свое новое оружие, которое вскоре приведет к коренному перелому в войне. Потенциал «чудесного оружия» был ясен каждому: из первых 200 выпущенных снарядов 75 процентов поразили мишени - вертолеты или самолеты.

Через несколько недель после того как полевой командир Гаффар опробовал «Стингеры» в деле, отснятая моджахедом видеолента дошла до Белого дома, где президент просмотрел ее в полном одиночестве. Это была просто серия смазанных картинок. Возбужденный оператор бегал по холму, снимая все подряд; хорошо получились только столбы дыма и груды обломков. Кроме видеоленты, президент получил сувенир в виде использованной трубы от первого запущенного в Афганистане «Стингера».

В течение ближайших нескольких недель обстрелы «Стингерами» повторялись. Новость скоро распространилась среди советских летчиков. Американская разведка, которая уже несколько лет прослушивала переговоры советских военных в Афганистане, начала перехватывать в эфире яростную ругань. Пилоты отказывались летать определенным строем, а начальство крыло их почем зря за то, что они сбрасывали свои бомбы только с очень большой высоты. Пилоты, возвращающиеся с задания, или транспортные самолеты заходили на посадку по очень крутой спирали. «Они начали бомбить с больших высот, - вспоминает Винсент Каннистраро, который занимался обработкой разведанных. - Это делало бомбежки совершенно неэффективными. Начиная с этого времени их авиация несла недопустимо большие потери. Афганистан из незначительной болячки превратился для Советов в кровоточащую рану».

«Использование «Стингеров» склонило чашу весов в нашу пользу, - сообщил Мохаммад Юсеф. - Успех следовал за успехом, боевой дух моджахедов возрастал, а у противника падал». Психическая травма, полученная Советами в результате использования «Стингеров», была необыкновенно сильна. Сергей Тарасенко, ассистент Эдуарда Шеварднадзе, вспоминает: «Я шесть раз бывал вместе с Шеварднадзе в Афганистане... и когда мы приближались к Кабульскому аэропорту, верите или нет, мы ни о чем другом, как о «Стингерах», думать не могли. Очень неприятное ощущение. И какое счастье пересечь границу и услышать по репродуктору: «Вы находитесь на территории Советского Союза». - «Слава тебе, Господи! Опять пронесло!» \17

Вооруженные «Стингерами» подразделения моджахедов развернулись вокруг советских военно-воздушных баз с самыми агрессивными намерениями. Первые отряды расположились вокруг Кабула и Джелалабада. Последующие - на севере, вдоль советской границы. Моджахеды на севере стремились поражать не только самолеты и вертолеты, летящие над территорией Афганистана, но и те, что летели в воздушном пространстве СССР. Для повышения эффективности стрельбы и для того, чтобы командиры не припрятавали снарядов, офицеры ISI разработали хитроумный план: за каждое подтвержденное попадание командира премировали двумя дополнительными снарядами «Стингер».

Когда ракеты «Стингер» уже были направлены в Афганистан, Соединенные Штаты стали планировать расширение войны на территории советской Средней Азии. В ту осень Фред Айкл отчитывался в Капитолии о реализации политики США в Афганистане. Своими ответами на вопросы конгрессменов он вызвал в Москве целую бурю. «Я сказал, что если Советы не подчинятся резолюции ООН, война может распространиться и в советскую Среднюю Азию, ведь уже случались разные инциденты», - вспоминал он. К таким выпадам поощрял Кейси. А Айкл старался склонить Москву капитулировать под угрозой перенесения войны на советскую территорию. Репортер ТАСС, присутствовавший на прослушивании в конгрессе, телеграфировал свой текст в Москву, а Министерство иностранных дел направило резкий протест Государственному департаменту США. Те очень быстро взялись за Айкла. «Государственный департамент сообщил, что это уж чересчур, что я зашел слишком далеко, - вспоминал Айкл. - Но мы сознательно использовали эту угрозу. Мы пробовали все методы. Посылали литературу в Среднюю Азию, проводили также другие операции. Кейси очень энергично проводил эту политику, а мы оказывали ей всяческую поддержку».

В конце 1986 года в Вашингтон стали поступать рапорты о деятельности моджахедов на территории Советского Союза. Руководители моджахедов в северных провинциях Афганистана получили китайские 107-мм пусковые ракетные установки и египетские 122-мм установки радиусом действия почти 10 миль. Ночью их развешивали на южном берегу Аму-Дарьи и давали залпы по советской территории. Специальные подразделения, подготовленные ISI и обеспеченные ЦРУ, переплывали через Аму-Дарью, чтобы атаковать

приграничные посты, закладывать мины и взрывать электролинии. Аэродром севернее Пянджа постоянно атаковали отряды моджахедов. Были организованы тайные атаки из провинций Евзиан и Бадахшан. Когда моджахеды оказывались за границей, советские жители часто помогали им в проведении операций. В начале декабря 1986 года около тридцати моджахедов переправились на лодках «Зодиак» через Аму-Дарью, чтобы напасть на две электростанции в Таджикистане. Они должны были убить двух охранников и проникнуть на электростанции. Когда моджахеды атаковали, восемнадцать солдат-мусульман убежали, чтобы присоединиться к движению сопротивления. Электростанции были серьезно повреждены, значительная часть территории республики осталась на несколько недель без электроэнергии.

В конце 1986 года было запланировано на весну множество последующих нападений на территорию Советского Союза. Это должны быть более результативные операции с участием специально обученных групп, которые проникали бы вглубь территории коммунистической сверхдержавы и пользовались еще более сложным оружием. Планы предусматривали ракетные атаки на аэродром поблизости от советского городка Гилямбор. Группа из двадцати солдат должна устроить засаду на пограничной дороге на восток от Термеза, старого азиатского города на советской территории, Диверсанты должны иметь противотанковые мины, гранатометы и автоматы. Цель группы - заминировать дорогу, подождать военную технику и после подрыва мин открыть огонь. Другая планировавшаяся операция - еще более дерзкая. Группа под руководством Вали Века должна проникнуть почти на пятнадцать миль вглубь СССР, атаковать промышленный объект вблизи от важной авиабазы под названием Ворошиловбад. \19

В представлении Кремля эти нападения были непосредственным нарушением границ Советского Союза и вызывали большие опасения. На горизонте сгущались тучи национализма и исламского фундаментализма. Вскоре нападения на советские территории стали приносить дивиденды. Росло количество жертв, серьезных потерь из-за применения ракет «Стингер» и операций на советской территории, и этого было достаточно, чтобы заставить Советов дать отбой. На заседании Политбюро в начале ноября 1986 года было решено предпринять предварительные меры по выводу советских войск из Афганистана. Это было первое поражение Советов в военной истории «холодной войны». В начале декабря министр иностранных дел

Пакистана Абдул Саттар был приглашен в Москву заместителем министра иностранных дел Юрием Воронцовым. Советский замминистра был очень искренен, говорил о войне как о «кровавой ране» и категорично заявил: «Мы уходим». Воронцов подчеркнул, что война стала попросту слишком дорогой для Кремля. Он хотел заручиться помощью Саттара, чтобы уход Советов не привел к большим кровопролитиям. Саттар обещал, что Исламабад сделает все, чтобы гарантировать спокойный уход Советской Армии. \2

Через несколько дней после возвращения Саттара Наджибулла, новый президент Афганистана и бывший шеф службы безопасности, был вызван Горбачевым в Кремль. Несколько других членов Афганского политбюро присоединились к Наджибулле в Москве. Из приглашения следовало, что это должна быть рядовая консультация, но настоящая ее цель была намного серьезнее. 12 декабря гости вошли в зал Св. Екатерины в Большом Кремлевском Дворце, в очень торжественный и нарядный, оформленный не без иронии зал, в котором было полно икон и картин, свидетельствовавших об имперском прошлом России. Когда Наджибулла вместе с товарищами сели, к ним присоединились Горбачев, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, министр обороны Сергей Соколов, председатель КГБ Виктор Чебриков и старый дипломат Анатолий Добрынин.

Горбачев, отложив в сторону формальности, сразу приступил к делу. В течение двух лет советские войска будут выведены из Афганистана, без обиняков сообщил своим гостям Генеральный секретарь. Москва больше не может нести бремя этой войны. Горбачев сообщил присутствующим, что он по-прежнему заинтересован в победе коммунизма в Афганистане и что сделает все, что в его силах, чтобы дать шанс правительству Наджибуллы. Советская Армия будет проводить энергичные военные действия до самого момента выхода, а правительство Афганистана получит значительное количество оружия и снаряжения. «Но вы будете сражаться сами», - сообщил Горбачев членам Афганского политбюро.

Война теперь стоила Кремлю 4 миллиарда долларов ежегодно и тысячи молодых жизней. Эскалация войны, предпринятая администрацией Рейгана, делала победу просто невозможной. Кремль был слишком истощен и мог вести борьбу лишь для того, чтоб не чувствовать себя побежденными. Но это абсолютное военное поражение в советской истории «холодной войны» будет иметь революционные

последствия для Советской России, так же как поражения 1905 и 1917 года для ее монархической предшественницы.

Когда полным ходом шли приготовления Кремля для вывода войск из Афганистана, в столице Казахстана Алма-Ате вспыхнули беспорядки, сотни жителей в антирусском порыве вышли на улицы. Не было сомнения, что начатая в Афганистане буря не соблюдает международных границ. По-видимому, беспорядки вызвала отправка в отставку Динмухамеда Ахметовича Кунаева, руководителя казахстанской коммунистической партии, и назначение на его место русского по происхождению Геннадия Колбина. Но нарастающая волна национализма и религиозного бунта была так сильна, что эти кадровые изменения стали лишь детонирующим предлогом.

Беспорядки имели националистическую основу и широкий радиус действия. Были хорошо организованы, а их участники, похоже, подготовлены ко взрыву недовольства. Казахстан был центром заинтересованности в антисоветской пропагандистской Кампании, проводимой американцами и пакистанцами в советской Средней Азии. Транслировались специальные радиопередачи, доставлялась литература и другие пропагандистские материалы. Такую же подрывную деятельность проводили и китайцы. Результаты этого трудно предвидеть, но во время беспорядков одно не вызывало сомнений: антисоветская настроенность толпы. «Мы хотим присоединиться к Китаю», «Америка - наш друг» - это достаточно недвусмысленные и не слишком приятные для Кремля лозунги.

Когда советское правление в Польше и Афганистане теряло силу, дух американской СОИ не переставал пугать Кремль. К концу 1986 года можно было заметить первые явные технические успехи. Бюджет после окончания года, оплаты налогов за 1985 год вырос почти вдвое и достиг в 1987 году 3,3 миллиарда долларов. Многие правительства подписали с администрацией Рейгана соглашения о сотрудничестве в области исследований, что Горбачева особенно беспокоило, потому как это дополнительно стимулировало программу исследований и участие в ней большого числа ученых.

Кремль вел серьезную всенародную кампанию против союзников Америки, предостерегая от сотрудничества по программе СОИ и подчеркивая: система не что иное, как попытка администрации Рейгана достичь стратегического преимущества в мире. Прокоммунистические и поддерживаемые Советами террористические организации подстрекали

к нападению на лаборатории, ведущие исследования по программе Стратегической оборонной инициативы, и на ученых во всей Европе. С июля 1986 года до марта 1987 года было убито три правительственных советника высшего ранга, участвовавших в секретных переговорах о сотрудничестве. 6 июля 1986 года Карл Гейнц Бекхартс и его водитель погибли от взрыва дистанционно управляемой бомбы в пригороде Монако. Бекхартс руководил исследованиями в «Siemens AG», фирме, связанной договором с СОИ. В июне 1985 года он встречался с представителями правительства США, чтобы обсудить возможности проведения исследований, связанных с СОИ. В конце 1985 года и в начале 1986-го Бекхартс выступал как советник боннского правительства во время переговоров с Вашингтоном о кооперации по программе СОИ. Письмо, оставленное на месте преступления организацией «Red Army Faction» (RAF), говорило о том, что Бекхартса убили из-за его участия в этих «таинственных переговорах».

10 октября сотрудник западногерманского министерства иностранных дел Джералд фон Браунмул был застрелен мужчиной в маске, когда выходил из такси перед своим домом в Бонне. Фон Браунмул был главным советником западногерманского министра иностранных дел Ганса Дитриха Геншера во время переговоров о сотрудничестве по программе СОИ, в которых, как писала «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», он «играл очень большую роль». RAF призналась также и в этом убийстве, делая выразительный намек на Стратегическую оборонную инициативу. «Сегодня посредством команды Ингрид Шуберт мы убили секретного дипломата фон Браунмула». Курт Ребман, германский федеральный прокурор, проводивший следствие по делу об обоих убийствах, назвал их «скоординированным наступлением» против Запада в целом и против СОИ в частности.

Третий высокий чин, который должен был заплатить жизнью за переговоры по СОИ, был генерал Лично Джорджери из итальянского министерства обороны. Генеральный директор департамента по космическим исследованиям в министерстве был застрелен двумя убийцами 20 марта 1987 года. Так же как Бекхартс и фон Браунмул, генерал являлся главным советником правительства во время переговоров о сотрудничестве в вопросах СОИ. В покушении признался Союз сражающихся коммунистов - Ответвление «Красных бригад». В бессвязном сообщении на 14 страницах группа сообщала, что

Джорджери «подвергся нападению исключительно из-за его содействия участию Италии в проекте «звездных войн». Письмо заканчивалось словами: «Нет - «звездным войнам!»»

Западноевропейские ученые и фирмы, проводящие исследования в рамках СОИ, также стали подобной мишенью. 24 июля 1986 года здания исследовательского института Фраунхофера в Аквизгроне были взорваны. Институт проводил исследования над лазером высокой энергии, известным как евролазер. Эти исследования были связаны проектом СОИ. 25 июля пятнадцатифунтовая бомба вызвала значительные повреждения на предприятии Дорнье в Инименштадте. Дорнье сотрудничал с «Sperry Corporation» в работах над системой приборов и устройств, помогающих отыскивать цели в космическом пространстве. В августе 1986 года, через два месяца после подписания исследовательского контракта по СОИ, взорвано парижское бюро Томпсона. Фирма работала над лазером свободных электронов, технологией, которая по мнению директора генерала Джеймса Абрахамсона, имела бы «принципиальное значение» для СОИ. Исследовательский центр IBM в Гейдельберге был поврежден 16 ноября 1986 года, когда внутри его взорвалась бомба. Ответственность за покушение взяла на себя RAF, потому что компания IBM подписала четыре договора по СОИ. Интересно то, что несколько независимых террористических организаций в разных странах одновременно стали атаковать все, что было связано с СОИ, хотя ранее левые террористические группы по традиции ограничивались нападением лишь на явно политические мишени или «символы капитализма» и «западного империализма». Москва, которая в то время предлагала террористам безопасное убежище в Восточном Берлине и других городах советского блока, несомненно, считала эти нападения в каком-то смысле полезными.

Тем временем Горбачев посчитал, что на дипломатическом фронте лучшим способом подорвать СОИ будет направленное Рейгану предложение, от которого он не сможет отказаться. Такой случай подвернулся во время саммита в Рейкьявике в октябре 1986 года.

Горбачев ожидал от администрации Рейгана двух вещей. Как он заметил дипломатам в начале 1986 года, советская «дипломатия должна участвовать во внутреннем развитии страны». Самой важной целью его зарубежной политики, сказал он тогда собравшимся, было «создание как можно лучших внешних условий» для проведения реформ в стране. Это

означало получение доступа к западной технологии и приостановку того вызова, которым являлась СОИ, и расширение Рейганом оборонного арсенала.

Саммит в Рейкьявике оказался во многих смыслах переломным. Сверхдержавы едва не отказались от всякого атомного оружия, но советские надежды на отказ от СОИ были раз и навсегда похоронены. В Рейкьявике руководители сверхдержав того времени встречались во второй раз. Если Женева стала для них местом знакомства, то Рейкьявик - полем сражения двух стратегов с принципиально различными целями и системами ценностей, но одинаково настроенных на победу.

За несколько недель перед саммитом просочились слухи, что Генеральный секретарь намерен во время встречи поразить президента чем-то и в самом деле необычным. Индийский сановник узнал от бывшего посла Добрынина, в то время секретаря ЦК КПСС, что Горбачев намерен сделать Рейгану предложение-ловушку. В Белом доме никто не сомневался, что Горбачев ищет спасения и помощи. «Они отчаянно хотели договора по СОИ, - вспоминал Дон Ритан. - У них были проблемы, мы это ясно видели. Но президент не сдался».

Отказ от всех видов ядерного оружия, драматическое предложение, сделанное в январе 1985 года - козырная карта Горбачева. В Кремле прекрасно знали о том отвращении, которое испытывал Рейган к ядерному оружию, и об его идеализме. Предложение Горбачева играло на этих же струнах. Советы надеялись на слишком большой соблазн для Рейгана, чтобы он мог его отвергнуть.

Рейкьявик был подготовлен к этому саммиту хуже всех. Встреча, которая началась, как и много других встреч на этом уровне, быстро перешла в политический покер, где делались высокие ставки: оба игрока вносили предложения и контрпредложения в поисках победной карты. Как Рейган, так и Горбачев прибыли на встречу, не зная результата, но оба надеялись, что каждому удастся раньше нарушить порядок обсуждения и заставить партнера плясать под его дудку. Место встречи - дворец Хофди, расположенный на окраине у моря. Поговаривали, что там бывают призраки, но все же это было красивое место.

Первый раунд встречи начался 11 октября в 10.30. Рейган и Горбачев вместе со своими переводчиками встретились за небольшим круглым столом. Генеральный секретарь почти сразу сообщил, что у него смелое предложение, касающееся всех областей взаимных отношений, особенно контроля над вооружением. Через несколько минут беседы к ним

присоединились госсекретарь Шульц и министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, чтобы изложить свои предложения. Советские предложения концентрировались в трех областях: стратегическое ядерное оружие, ядерное оружие средней дальности и космическое оружие. Они были и в самом деле радикальными: уменьшение на 50 процентов стратегического ядерного оружия и оружия средней дальности с обеих сторон. Что касается космического оружия, то Горбачев настаивал, что СОИ должна быть ограничена на стадии лабораторных работ.

После первого раунда Рейган посовещался со своими главными советниками Джорджем Шульцем, Джоном Пойндекстером, Паулем Ницзе, Кеннетом Адельманом и Ричардом Перлом. Президент, не доверяя своей интуиции, взвешивал предложения Горбачева. Ницзе был очень вдохновлен предложениями Генерального секретаря. Но Рейган сказал: «Он привез очень много предложений, но, боюсь, что думает он исключительно о СОИ». \26

Переговоры возобновились в 14.00. Рейган, Горбачев, Шульц и Шеварднадзе сели друг против друга. Рейган ответил на предложения Горбачева, выделяя предложения США по контролю над вооружениями. На втором этаже дворца члены обеих делегаций проводили неофициальные переговоры. На диване в углу Джон Пойндекстер беседовал с маршалом Сергеем Ахромеевым. Пойндекстер почти с первого мгновения понял, что маршал искренне говорит о контроле над вооружением и что он чувствует ужасный страх перед СОИ. «Это попытка склонить расстановку сил в их сторону. Я уверен, что они и в самом деле искренне хотели такого договора. Им нужен был этот договор. Но было видно и то, что его очень беспокоит СОИ и вызов, стоящий перед Москвой. Они были готовы почти на все, лишь бы положить конец Стратегической оборонной инициативе», - вспоминал Пойндекстер.

Второй день саммита проходил почти так же. Советы пошли на большие уступки в переговорах о стратегическом ядерном оружии и оружии средней дальности. Однако все зависит от СОИ, сказал Горбачев. Горбачев представлял страну, которая стала сверхдержавой, благодаря своей военной мощи, так что его готовность на резкое сокращение вооружений в связке с СОИ была очередным доказательством, как отчаянно хотелось Москве получить передышку от Запада.

Рейган упорно держался своего видения системы стратегической обороны, он покидал Исландию злой и глубоко разочарованный, но месяц спустя, как говорит Пойндекстер, «президент понял, чем является для нас СОИ, насколько это серьезный вызов Кремлю».

1. Меморандум Государственного департамента, январь, 1986.
2. Разговор с автором.
3. Американский государственный служащий. Разговор с автором.
4. «Правда», 15 августа, 1985.
5. «Коммунист», №4, март, 1986, с. 81-98.
6. «XXVII съезд КПСС и его международное значение», «International Affairs». Москва, июнь, 1986.
7. Сотрудник администрации. Разговор с автором. Комментарии Буша и ответ Белого дома. Дэниэл Ергин. «The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power». Нью-Йорк, «Simon and Schuster», 1991, с. 756.
8. Американский государственный служащий. Разговор с автором. «СССР: перед лицом проблемы нехватки твердой валюты». «Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence», май, 1986.
9. Джозеф Перико. «Cagey: The Lives and Secrets of William J. Casey»- Нью-Йорк, «Penguin», 1991. Американский государственный служащий.
Разговор с автором.
10. Разговор с автором.
11. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
12. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.
13. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
14. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.
15. Винсент Каннистаро. Разговор с автором.
16. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
17. Сергей Тарасенко. Выступление на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 27 февраля, 1993.
18. Фред Айкл. Разговор с автором.
19. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.
20. Пакистанский чиновник. Разговор с автором.
21. См. Дон Обердорфер. «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 239-243.
22. См. С.Эндерс Уимбуш. «The Muslim Ferment in Soviet Central Asia», «Global Affairs», лето 1987, с. 10-18.

23. См. статьи по СОИ: Джеймс Дентон и Петер Швейцер. «Murdering SDI», «National Review», 31 июля, 1987, с. 37-39.
24. Дон Обердорфер. «The Turn». Нью-Йорк, «Poseidon», 1991, с. 162.
25. Дональд Риган. Разговор с автором.
26. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
27. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
28. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.

Эпилог

В конце 1986 года администрация Рейгана оказалась в центре политического циклона, когда посыпались обвинения по делу, известному как «Иран-контрас». В Совете национальной безопасности сразу же воцарился хаос. Приблизительно в то же самое время директор ЦРУ Уильям Кейси серьезно заболел и в начале 1987 года умер. Вскоре после этого министр обороны Каспар Уайнбергер подал заявление об отставке. Коллектив, который так успешно проводил стратегическое наступление на Советский Союз, практически перестал существовать. Те, кто остался, или те, кто хотел бы продолжать эту работу, вскоре оказались в глухой обороне, защищаясь от шторма под названием «Иран-контрас». Но принципиальные составляющие стратегии остались нерушимыми.

Финансовая и материально-техническая поддержка Соединенными Штатами «Солидарности» в Польше продолжалась до самых всеобщих выборов в 1989 году. Эта помощь имела принципиальное значение для выживания и успеха подпольного движения «Солидарности». Военная и разведывательная помощь и в последующем достигала афганских моджахедов, даже тогда, когда в мае 1986 года советские войска стали уходить. Запрет относительно экспорта технологии советскому блоку остался практически неизменен до самого развала Советского Союза в 1991 году. Низкие цены на энергоносители и уменьшение доходов в твердой валюте пугают Москву и по сей день. А создание оборонного арсенала, получавшего самые большие дотации из бюджета в середине десятилетия, и далее ориентировано на исследования по современному оружию, в том числе и Стратегической оборонной инициативе. Параметры гонки сверхдержав в области стратегии и ресурсов, установленные в начале срока полномочий Рейгана, не изменились и до самого развала СССР.

Советский Союз развалился не в результате стечения обстоятельств, не благодаря тому, что нам благоприятствовало время. Если бы Кремлю не пришлось сопротивляться совокупному эффекту СОИ и расширению оборонного арсенала, геополитическим неудачам в Польше и Афганистане, потере десятков миллиардов долларов в твердой валюте, получаемой за экспорт энергии, и ограничению доступа к технологии, можно было бы, не боясь ошибиться, предположить, что ему удалось бы

выжить. Советский коммунизм не был организмом, способным на самопожирание ни в какой международной ситуации. Это именно американская политика могла изменить и изменила ход истории. Похож на иронию тот факт, что многие западные обозреватели, настаивавшие когда-то, что советская экономика сравнима с американской и что политика конфронтации не принесет плодов, учитывая относительно сильные позиции Советского Союза, вдруг стал и утверждать, что закат и упадок советской империи был неизбежен.

Начало эры Рейгана обозначило конец Советского Союза. Правда, основные симптомы в то время вовсе не говорили о приближающейся смерти, но этот период принес невообразимые стрессы уже и так больному организму. Он вынужден было терять живую кровь в гонке с более подготовленным противником. Неспособный прибегнуть ко внутренним лекарствам, которые могли бы оживить его или на крайней мере устранить симптомы болезни, этот организм наблюдал атаку на свои основные органы. В начале восьмидесятых годов Советский Союз впервые вступил на дорогу, которая должна была привести его к гибели.

В тот период никто из сотрудников администрации Рейгана (кроме самого Рейгана) никогда не представлял себе картину разрушения советского строя. Целью было лишь ослабление и истощение советской системы. Однако политика, ведущая к ослаблению советского блока, оказалась угрозой и самому его существованию. Первый гвоздь в гроб Советам был вбит в начале восьмидесятых, а к концу - и все остальные.

В 1989 году «Солидарность» одержала значительную победу на всеобщих выборах. По словам Сергея Тарасенко, помощника министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в 1985-1991 годах, это важное событие убедило Михаила Горбачева, что Советский Союз распадется. Но, однако, маловероятно, что «Солидарность» смогла бы продержаться это десятилетие без открытой и тайной политики администрации Рейгана. Если бы администрация разделила позицию Западной Европы по отношению к Польше и не добивалась бы западных санкций, если бы она отказалась от тайной финансовой, снабженческой и разведывательной помощи подполью, если бы, используя санкции, не вела переговоры о выживании оппозиции, - акция подавления Польши могла бы удалась.

Поражение Советов в Афганистане эхом отразилось во всем коммунистическом блоке. Это было доказательством того, что так называемая доктрина Брежнева, согласно которой ни одна

социалистическая страна никогда не будет «потеряна» в пользу Запада, по сути, ничего не стоила. Однако не вызывает сомнений, что без наступательной американской политики вряд ли развалилась бы вся советская система. Моджахеды, невзирая на свою отвагу, имели дело с противником, располагавшим большим количеством оружия и, пожалуй, большей жестокостью. Без американской помощи они почти наверняка проиграли бы. «Помощь ЦРУ была незаменимой и решающей для окончательного поражения Советов», - говорил бригадный генерал Мохаммад Юсеф.

Американская программа тайной помощи, поначалу робко спланированная администрацией Картера в 1980 году, в течение следующего десятилетия значительно увеличилась. Выросло качество и степень сложности оружия, движению сопротивления также предоставлялась детальная разведывательная информация. Была изменена цель и после 1985 года Америка хотела уже не просто досадить Советам, а стремилась к победе и перенесению войны на территорию самого Советского Союза. Совместным результатом этих усилий было резкое увеличение числа жертв с советской стороны, что в результате ускорило уход Советов из Афганистана.

Администрация также работала над использованием геополитических трещин в советском блоке и успешным углублением кризиса советских ресурсов. Доказательством этого является хотя бы разрастание американского оборонного арсенала. Задачей этого разрастания было усиление отпугивающего действия, но перед администрацией стояла также более фундаментальная цель. Как указывалось в пятилетнем плане министерства обороны, целью такого расширенного арсенала было не только усиление военной мощи США по отношению к Советскому Союзу, но и содействие распаду советской экономики. Это был вид экономической войны.

Такое расширение арсенала не ограничивалось увеличением бюджета. Также важным было и то, для чего предназначались эти средства. Поддержка современных систем вооружения, основанных на высокоразвитой технологии (в том числе СОИ), создала вдруг опасную для Москвы динамику гонки вооружений. Кремль решительно предпочел бы количественную гонку, поскольку таким образом смог бы парировать технологические преимущества Америки. Однако когда гонка приобрела в основном качественные параметры, Москва оказалась в исключительно невыгодном положении и выяснилось, что это выше се

возможностей. Именно поэтому Горбачев так опасался СОИ и других технологически сложных американских оборонных систем.

Вместе с тем администрация Рейгана старалась ударить Кремль по карману. Пуск сибирского газопровода с опозданием на два года, и к тому же в два раза короче запланированного, - серьезный финансовый удар, не говоря уже о постоянной американской кампании снижения цен на нефть. Москва потеряла десятки миллиардов долларов в твердой валюте, как раз тогда, когда больше всего в них нуждалась. Более жесткое ограничение экспорта технологий также задержало развитие советской экономики. Представим, однако, на минуту, что расширение американского оборонного арсенала, заложенное еще Джимми Картером в 1980 году, закончилось в 1983-м, или что СОИ никогда не увидела бы света, что Советы имели бы постоянный доступ к западной технологии и что газопровод приносил бы доходы в твердой валюте при относительно высоких ценах на энергию. С кризисом советских ресурсов было бы значительно легче совладать.

Ни единичные попытки, ни оторванная политическая концепция не привели бы к падению Кремля. Суть стратегии администрации Рейгана измеряется ее эффектом. Эта политика обрушила град ударов по ослабленной советской системе. Смерть советского коммунизма завершила «холодную войну». Ирония же, конечно, заключается в том, что современная историография приписала Михаилу Горбачеву львиную долю заслуг за окончание «холодной войны» и последующую эпоху. Это воистину курьезный подход, все заслуги приписывать побежденному, а не победителю.

1. Джон Пойндекстер. Разговор с автором.
2. Сергей Тарасенко. Выступление на конференции в Принстонском университете «Ретроспективный взгляд на конец «холодной войны», 3 мая, 1993.
3. Мохаммад Юсеф. Разговор с автором.